ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЕРВЫЙ (ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ)

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 57631
Гиз № 15500 Тир. 3 000.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.—П. Г. Зайчневский.—Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.) — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— **Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.—В. Чернов и июльск. дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.— **Из записной книжки архивиста**: Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).— Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".— Достоевский „Преступление и наказание".— Омские события при Колчаке.— **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной Воли".— Неизданные письма Л. Толстого Исславиным.— Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.) — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.). — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот и Ставка.— Омские события при Колчаке (окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения.— Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Неизданная сказка А. П. Чехова.— **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.— В годы реакции.— Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.— Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.—Пенсионная практика Временного Правительства.— Казнь Афанасия Магюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).— Отражение событий 1905 г. за границей.— Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.— Крестьянское движение 1905 г. Волнения во флоте в 1915 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Показание А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и Ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка — Марксистская периодическая печать 1895—1906 г.г.— **Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.— Письмо Балашова к Столыпину.— Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцева о займе 1905—1906 г.г.— С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана.— Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова.—Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. 1 созыва после Октября.— Из дневника ген. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова.— Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде.— Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.— **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы.— К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен.— М. Корф в полемике с Герценом.— Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.— Рептильный фонд 1914—1916 г.г.— Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского.— 9 января 1905 г.— Проект манифеста о событиях 9 января.— Манифест 17 октября.— Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хроника вооруженной борьбы в 1905 г.— Аграрное движение в 1905 г.— по отчетам Дубасова и Пантелеева. Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца „Потемкин-Таврический", б) „Георгий Победоносец."—Прибалтийский край в 1905 г.— Движение в войсках на Дальнем Востоке.— Штурм Пресни.— Карательная экспедиция Римана.— Заем 1906 г. в донесениях русского посла.— **Из записной книжки архивиста:** Николай II в 1905 г.— Письма Николая II к Дубасову.— К убийству Н. Э. Баумана.— Подвиги барона Меллера-Закомельского.— К истории 9 января 1905 года.— Из бумаг Д. Ф. Трепова.— Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Статья.—Восстание Черниговского полка.—Записка Н. И. Тургенева.—М. Ф. Орлов и 14 декабря.—«Практич. начало полит. экономии» Пестеля.— К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным.—Заговор в Зерентуйском руднике.—**Из записной книжки архивиста:** П. И. Пестель. «Конституция Госуд. завет»— Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г.—Солдаты Моск. полка о 14 дек. 1825 г.— Казнь моряков-декабристов.—Из писем и записок В. Ф. Раевского.— О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов.—Месяцеслов на 1827 г.—Завещание П. И. Пестеля.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.)—(Материалы по истории крестьянских движений в России под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Вып. IV). Стр. 178. Ц. 1 р. 20 к.

Аксельрод, Л. И. Этюды и воспоминания. Стр. 61. Ц. 35 к.

Анишев, Ан. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920. Стр. 288. Ц. 2 р.

Арский, Павел. 1905 год. Литературно-исторический сборник. Под редакцией Ильи Садофьева. Стр. 218. Ц. 1 р.

Барт, Эмиль. В мастерской германской революции. Пер. с нем. С. Крицман. С пред. Я. Вальхера. Стр. 204. Ц. 1 р.

Бебель, Август. Из моей жизни. Перевод с рукописи под ред. и со вступительной статьей Д. Рязанова. Стр. 547. Ц. 3 р.

Борьба за Петроград. 15 октября—6 ноября 1919 г. Стр. 279. Ц. 2 р.

Браун, Лили. Роман моей жизни. (Мемуары социалистки.) Перев. с нем. З. Журавской. Т. I. Изд. 2-е. Стр. 363. Ц. 50 к. Т. II. Изд. 2-е. Стр. 371. Ц. 50 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. Стр. XLVII, 471. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том II. Стр. 518. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Том III. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Стр. XVI, 395. Ц. 3 р.

Войтоловский, Л. По следам войны. Походные записки. 1914—1917. Том I. Предисл. Демьяна Бедного. Стр. 220. Ц. 2 р. 50 к.

Волкенштейн, Л. А. Из тюремных воспоминаний. Вступительная статья и примечания Р. М. Кантора. С портретом автора. (Серия „Библиотека мемуаров.") Стр. 135. Ц. 1 р. 25 к.

Волконская, М. Н. Записки. Вступительная статья и примечания П. Е. Щеголева. Стр. 72. Ц. 50 к.

Воронцкия, И. История одного каторжанина. Ц. 2 р.

Восстание декабристов. Материалы. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах. Том VIII. **Алфавит декабристов.** Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Материалы по истории восстания декабристов. Под общей ред. и с предисловием М. Н. Покровского.—Центрархив.) Стр. 4 н., 431. 5 н. Ц. 4 р. 50 к.

Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический".—Воспоминания, материалы и документы. Под ред. и со вступ. статьей В. И. Невского. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к.

Генкин, И. По тюрьмам и этапам. Стр. 486. Ц. 2 р.

Гинзбург, Илья. Из прошлого. (Воспоминания.) С портретом автора и 9 снимками. Стр. 183. Ц. 1 р.

Горев, Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Стр. 91. Ц. 50 к.

Дневник б. великого князя Андрея Владимировича.—1915 год. Редакция и предисл. В. П. Семенникова. Стр. 111. Ц. 85 к.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым. (Центрархив.) Стр. XI, 236. Ц. 1 р. 50 к.

За кулисами царизма. (Архив тибетского врача Бадмаева). Ред. и вступит. статья В. П. Семенникова. Стр. XXXIV. 175. Ц. 1 р. 40 к.

Залежский, В. Н. На партийном фронте между двумя революциями. I. В эпоху реакции (1905—1912 г.г.). Стр. 91. Ц. 40 к.

Известия Совета Рабочих Депутатов. С.-Петербург, 17 октября — 14 декабря 1905 года. С предислов. и примечаниями Дм. Сверчкова и с приложением фотографических снимков „Известий". (Ленингр. Истпарт.) Стр. 98. Ц. 1 р. 30 к.

Иренин, М. Первый Совет Рабочих Депутатов. (Краткий очерк.) Стр. 48. Ц. 30 к.

Историко-революционный сборник. Под ред. В. И. Невского. Том второй. Группа „Освобождение Труда", с портретами и снимками с документов на 7 отд. листах. Стр. 428. Ц. 2 р. 75 к.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том I. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 428. Ц. 2 р.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том II. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 424. Ц. 2 р.

Кантор, Р. М. В погоне за Нечаевым. К характеристике секретной агентуры III отделения на рубеже 70-х г. г. 2-е исправленное и дополн. изд. Стр. 155. Ц. 1 р. 20 к.

Карпов, Н. Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Стр. 276. Ц. 2 р. 20 к.

Колонтай, А. М. Отрывки из дневника 1914 г. Стр. 79. Ц. 50 к.

Корнилов, А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Стр. 590. Ц. 3 р. 75 к.

Куделли, П. Народовольцы на перепутьи. Дело Лахтинской типографии. С приложением документов и „летучих листков" группы народовольцев 1892 и 1895 г.г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 168. Ц. 1 р. 20 к.

Левин, Ш. М., и И. Л. Татаров. История РКП (б) в документах. Том. I. 1883—1916. Предисловие В. И. Невского. Стр. XV, 696. Ц. 2 р. 50 к.

Ледер, З. 1905 год в бывшей царской Польше. Стр. 32. Ц. 20 к.

Лемке, М. Политические процессы в России 1860 г.г. По архивным документам. 2-е изд. Стр. VIII, 684. Ц. 3 р.

Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов—1917 г. (Статьи, воспоминания и документы.) Ц. 75 к.

Лепешинский, П. На повороте. (От конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 70 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Малаховский, Вл. Из истории Красной Гвардии. Красногвардейцы Выборгского района. 1917. (Очерк с приложением документов и иллюстраций.) Предисловие и редакция Ц. Зеликсон-Бобровской. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 63. Ц. 50 к.

Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. II. Восьмидесятые годы (15 апреля 1881 г.—29 февраля 1882 г.) Под ред. и со вступ. статьей Г. Я. Красного-Адмони. Стр. XXXII, 542. V. Ц. 3 р. 50 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революцию 1871 г. Стр. 80. Ц. 30 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах (хрестоматия). С приложением карт и факсимиле документов. Стр. 581. Ц. 1 р. 50 к.

Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Предисловие В. И. Невского. Редакция и вступ. статья В. П. Семенникова. Стр. 154. Ц. 1 р.

О Ленине. Сборник воспоминаний. I. Под редакцией Л. Б. Каменева. [Институт Ленина при ЦК РКП (б)] Стр. 159. Ц. 60 к.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства (в 1917 г.). Редакция П. Е. Щеголева.

Том. I. Допросы. А. Н. Хвостова, Климовича, Протопопова, Хабалова, Васильева, Штюрмера, Бурцева, Кафафова, Наумова, Андроникова. Стр. XXX, 432. Ц. 2 р. 75 к.

Том. II. Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова. Стр. VI, 439. Ц. 2 р. 75 к.

Том. III. Допросы и показания: А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. В. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе. Стр. IV, 508. Ц. 3 р.

Том IV. Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого. Стр. 536. Ц. 3 р.

Новорусский, М. В. Записки шлиссельбуржца. 1887—1905. С портретами и рисунками. Стр. 245. Ц. 60 к.

Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. Сборник II. По фабрикам и заводам. Под редакцией Ц. Зеликсон-Бобровской. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 147. Ц. 60 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 г.г. Том III. С предисл. М. Н. Покровского. Стр. XXXIV, 524. Ц. 5 р. (Центрархив.)

Петров, Е. Социальная революция и международная политика в переписке Маркса и Энгельса. Исторические очерки. Стр. 122. Ц. 60 к.

Поливанов, П. С. Алексеевский равелин. Биографический очерк. И. И. Майкова. Редакция текста, примечания и послесловие П. Е. Щеголева. („Библиотека мемуаров".) Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

Попов, Александр. Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны. Бакинская забастовка 1914 г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 152. Ц. 80 к.

Прибылев, А. В. В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. Стр. 79. Ц. 60 к.

Прибылева-Корба, А. П., и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов. (Историко-революционная социалистическая библиотека.) Стр. 230. Ц. 1 р. 80 к.

Революционное юношество. Сборник I. Из истории движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга. 1905—1917 г.г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 277. Ц. 1 р. 25 к.

Революция 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого.) Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. (Центрархив.) Стр. 184. Ц. 1 р. 70 к.

Робеспьер, Шарлота. Воспоминания. Перевод с французского. Е. Л. Овсянниковой. С предисловием и примечаниями А. А. Ольшевского. Стр. 62. Ц. 55 к.

Розин-Азис, Фр. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике. Вступительная статья П. Стучки. Перевод, примечания и предисловие к русскому изданию А. Я. Кляве-Клявина. Стр. 233. Ц. 1 р.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. VII+189. Ц. 1 р. 80 к.

Сверчков, Д. На заре революции. Издание четвертое, иллюстрированное. Стр. 336. Ц. 2 р.

Сталин, И. На пути к Октябрю. Статьи и речи. Март—Октябрь 1917. Изд. 2-е. Стр. XLV +220. Ц. 90 к.

1905 г. в Петербурге. Выпуск I. Социал-демократические листовки. Собрали: С. Н. Валък, Ф. Г. Матасова, К. К. Соколова и В. Н. Федорова. Вступительная статья К. Шелавина. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 444. Ц. 2 р.

Уорд, Джон, Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда. С предисловием И. Майского. Стр. 172. Ц. 1 р. 20 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. XXIV, 304. Ц. 3 р. 20 к.

Цыперович, Г. За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске. Изд. 2-е. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Шелгунов, А. В. Воспоминания. Редакция, вступ. статья и прим. А. Шилова. (Библиотека мемуаров). Стр. 317. Ц. 1 р.

Шилов, А. А Девятое Января. Книга для чтения. Предисловие В. И. Невского. Стр. 238. Ц. 1 р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый Сектор Госиздата, Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4, ■ Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, во все магазины, киоски и отделения Госиздата.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, проезд Художественного театра, 6) **высылает книги немедленно по получении заказа наложенным платежом, почтовыми посылками или бандеролью.**

КАТАЛОГИ и БЮЛЛЕТЕНИ ВЫСЫЛАЮТСЯ по ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.

Государственное Издательство
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ
Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ
В 1917 ГОДУ

Подготовлено к печати Н. Е. КАКУРИНЫМ. С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА
Стр. 192+карта. Ц. 1 р. 50 к.

„При составлении настоящего сборника было использовано главным образом делопроизводство Ставки, канцелярии военного министерства и кабинета военного министра. Дела Ставки дореволюционного периода довольно полно отражают картину постепенного разложения армии; начало ее разложения также достаточно полно выявляется в документах, относящихся к совещаниям главнокомандующих в Ставке 1917 г. и в первых донесениях начальников частей по этому поводу. Внутренняя жизнь старой армии и ее настроение в момент окончательного разложения и в эпоху т. н. керенщины ярче всего выявились в делопроизводстве кабинета военного министра". (От редакции.)

Н. АВДЕЕВ

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года
ХРОНИКА СОБЫТИЙ

ТОМ I. ЯНВАРЬ—АПРЕЛЬ. Стр. 21[illegible]. Ц. 1 р. 40 к.

ТОМ II. АПРЕЛЬ—МАЙ. Стр. 307. Ц. 2 р. 50 к.

В. МАКСАКОВ и Н. НЕЛИДОВ

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ

ВЫПУСК I. 1917 ГОД. Стр. 143. Ц. 50 к.

„Предлагаемая „Хроника Революции" представляет собой сжатое изложение революционных событий 1917 года... В задачи составителей входило дать, по возможности исчерпывающий и проверенный перечень наиболее важных событий, могущий служить справочником для лекторов партшкол, учащихся высших учебных заведений и рядового партийного работника". (Предисловие Истпарта к книге.)

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата (Москва, Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

Государственное Издательство
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ
Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К.
Подготовлено к печати Б. Я. Наливайским.
С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА

Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

В книге собраны все сохранившиеся протоколы заседаний Исполнительного Комитета за время с 3 марта по 9 августа 1917 г. и протоколы заседаний Бюро И. К. за время с 20 апреля по 17 июня того же года.

„Мы публикуем эти протоколы заседаний меньшевистского Совета, так как они представляют исключительный интерес для истории всей нашей революции,—и в частности, для истории того, как меньшевики пытались превратить Советы в органы, подсобные Временному Правительству, и как вооруженные рабочие в союзе с крестьянами-солдатами превратили Советы в органы государственной власти". (Из предисловия Я. А. Яковлева.)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата, **(Москва,** Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

Боксерское восстание.

В 1900 году китайский вопрос принес великим державам не мало новых тяжелых забот и тревожных хлопот.

Прошло всего лишь шесть лет с тех пор, как войска молодой и задорной японской буржуазии, отважившись на единоборство с «вечно побеждающими», хотя и плохо реформированными, армиями богдыхана, нанесли дряхлому организму соседней империи удары, всполошившие европейскую дипломатию и заставившие ее серьезно задуматься над вопросом о спасении нового «больного человека».

Настроения, охватившие в ту пору державы, были решительные; меры, ими принимавшиеся, отличались радикализмом, работа, им проделанная — плодотворностью.

По войнам 1839—42 и 1858—64 г.г. знакомая уже с опытом воздействия на Китай, Англия первая (сентябрь 1894 г.) поднимает вопрос о вмешательстве держав в японо-китайскую распрю. Страх перед русской опасностью побудил лондонский кабинет отказаться от инициативы и даже пойти навстречу притязаниям Японии, при том условии, разумеется, если его интересы будут уравновешены приобретением Чусанских островов, расположенных около устья Янг-цзы.

Зато ни в каком случае не хотело дать Китай в обиду Японии русское правительство. Такое умонастроение станет совершенно понятным, если вспомнить, что еще в своем докладе царю от 25/III 1895 г. министр иностранных дел кн. Лобанов, сравнивая Японию с Китаем, доказывал, что лучшим союзником для России должен явиться «слабый, неподвижный» Китай, от которого к тому же можно получить и незамерзающий порт и нужную часть манчжурской территории.

Действуя в полном согласии с Францией и Германией, Россия сбрасывает Японию с Ляодунского полуострова и вытесняет ее политическое влияние в Корее.

Оказание Россией китайскому правительству услуги по заключению займа, столь необходимого для уплаты контрибуции, укрепленное индивидуальной финансовой обработкой китайских чиновников, создает почву, благоприятную для выпрямления строящейся железно-дорожной сибирской магистрали и приближает к осуществлению проект великого трансазиатского пути. Не столь гладко шло дело на корейском северо-востоке, где оказываемая Россией корейскому королю деятельная поддержка парализуется не менее действенными и настойчивыми заботами, проявляемыми со стороны Японии и Англии.

На угрожающую Китаю английскую опасность указывал император Вильгельм посетившему его в январе 1897 г. русскому министру иностр. дел. Страстно желая окунуть свой «трезубец» в воды Желтого моря, он старается перевести отсюда мысль своего

собеседника на необходимость для Германии приобретения порта в Китае [1]). Вырвав у Николая во время своего приезда в Петербург в июле 1897 г. полусогласие на занятие Киао-Чао, Вильгельм развязывает руки своему посланнику в Пекине. Нападение на германскую католическую миссию в Шандуне влечет за собою немедленное и безоговорочное занятие Киао-Чао (2/XI 1897 г.). Отсюда же с неизбежностью вытекало и то, что, «желая оказать Китаю нравственную поддержку в минуту затруднений его с Германией», Россия месяц спустя была вынуждена занять судами своей эскадры Порт-Артур (4/XII 1897 г.).

Это было тем более понятно, что думать теперь о занятии порта на Корейском побережьи уже более не приходилось, успешные же работы по сооружению Вост.-Кит. жел. дороги обеспечивали возможность прокладки южно-манчжурской ветви к незамерзающему порту на Желтом море. Правительство богдыхана принимало русские заботы с надлежащим почтением. Когда английский консул в Тянь-цзине потребовал от ген.-губернатора объяснений по поводу допущения русских судов в Порт-Артур, Тудзюнь, следуя указаниям из Парижа, без запинки ответил: «русские пришли туда для защиты интересов Китая» [2]).

Положение Китая, действительно, было тревожно, ибо английский флот крейсировал у Чусанских островов, а русский посланник в Токио предупреждал о военных приготовлениях японцев, направленных против Шандунского полуострова.

К тому же, русскому правительству приходилось спешить с избавлением китайских войск от вредного влияния иностранных инструкторов хотя бы в районе, расположенном к северу от Тянь-цзина [3]).

Русско-германские трения в китайском вопросе удается устранить в весьма скором времени. Пока бар. Гейкинг [4]) спорит с пекинским правительством об условиях компенсации за убийство миссионеров и, в частности, о размерах подлежащих уплате Германии «военных издержек по временной оккупации Киао-Чао» [5]), пока им заключается с Китаем соглашение об аренде оккупированного порта с прилегающий к нему территорией на срок 99 лет, — тем временем в верхах русской и германской дипломатии устанавливается полное взаимное понимание, и находится общий язык. Переданное Остен-Сакеном известие о занятии Порт-Артура вызывает у имп. Вильгельма бурную радость. Он обещает итти рука об руку с русским царем в делах крайнего Востока. «Ваши враги, — говорит он, идя от частного к общему, — будут ли они называться японцами или англичанами, будут также моими врагами, и всякий, кто пожелает силой перечить вашим видам, встретит германскую эскадру стоящею борт о борт с вашими судами» [6]).

Оказывалось, кроме того, что, «оберегая Шандунский полуостров от враждебных замыслов Японии, а, может быть, и Англии, Германия тем самым... избавляла нас от обязанности, предусмотренной в секретном договоре нашем с Китаем, защищать Киао-Чао от возможных насильственных мероприятий со стороны японского флота» [7]). Мало того, углубленное отношение к вопросу приводило обе стороны к мысли о возможности

---

[1]) Вопрос о приобретении порта на Дальнем Востоке ставится германскою дипломатией еще весною 1895 г., и тогда же в числе прочих возможностей намечается Киао-Чао. (См. Die grosse Politik. 14 Band. Erste Hälfte. S. 5—23.)

[2]) Секр. тел. Павлова от 10 (22)/XII 1897 г.

[3]) Секр. телегр. Покотилова от 27/XI (9/XII) 1897 г.

[4]) Германский посланник в Пекине.

[5]) Всеподд. доклад министра ин. д. от 11 (23)/XI 1897 г. (денежное вознаграждение было определено в 220.000 лан).

[6]) Письмо Остен-Сакена из Берлина от 7 (19)/XII 1897 г.

[7]) Всеподд. доклад министра ин. д. от 16 (28)/XII 1897 г.

в дальнейшем «разделения сфер влияния в Желтом море, при чем весь север оного с Печилийским, Ляодунским и Корейским заливами находился бы в нашем полном распоряжении, а южная часть с Шандунскою береговою полосою поступила бы в сферу германского политического влияния» [1]).

Заняв вслед за Порт-Артуром своими судами Дайрен, русское правительство выражает готовность «взять на себя защиту и охранение неприкосновенности означенных портов впредь до той минуты, когда сами китайцы будут в состоянии отстаивать свои собственные интересы» [2]), и по примеру Германии приступает к переговорам о заключении арендного договора. Оно торопит привлеченного к делу за приличное вознаграждение [3]) Ли-Хун-Чжана, ибо Англия собирается помочь Китаю деньгами и тем самым оберечь его от сепаратных соглашений с другими державами.

Бороться с тлетворным влиянием английских соблазнов было делом не легким. Но русская дипломатия не растерялась. Она вступает в переговоры с Англией, с одной стороны, с Китаем, — с другой: первой она обещает содействовать заключению китайского займа, выговаривая, в свою очередь, от нее согласие на аренду только что оккупированных портов и на получение концессии на южно-манчжурскую ветвь; Китаю она бьет челом тем же добром, обещая содействовать заключению займа у англичан на возможно более мягких условиях, и, доказав таким образом, что она готова «помочь китайцам выйти из затруднительного положения», «взамен этой серьезной услуги» требует от Китая подписания арендного договора [4]). Английская дипломатия не прочь развязать себе руки в отношении Чусанского архипелага; она имеет в виду, кроме того, подготовить почву для безболезненного раздела Китая на сферы влияния [5]). Она не препятствует осуществлению русских притязаний.

Чтобы доказать Китаю твердость своих дружеских чувств, русское правительство дает своему представителю в Пекине директиву, не дожидаясь результатов переговоров, приступить к подготовительным работам по приспособлению портов для нужд русского флота, а также по производству практических изысканий по линии железн. дор. [6]). Тем временем работа старого Ли-Хун-Чжана близилась к благополучному завершению. 13/III 1898 г. Николай II мог поздравить своего министра «с достигнутым блестящим результатом» и через несколько дней прочитать полученный из Пекина текст соглашения (от 15/III 1898 г.) об аренде портов и о концессии на южную ветку К.-В. ж. д. Между тем близился срок уплаты китайцами контрибуции Японии и эвакуация последнею Вей-хай-вея. Русскую дипломатию начинает заботить мысль о том, как «обеспечить неприкосновенность Вей-хай-вея за китайским правительством». Русский посланник в Пекине проектирует по этому поводу заключение Китаем особого соглашения с Японией [7]). «Подобное соглашение, — гласила одна из наиболее удачных пометок царя на телеграмме Павлова, — вряд ли предупредит возможность захвата Вей-хай-вея какою-либо другою державою. Наше занятие южной части Ляодунского полуострова — поучительный пример моим опасениям». Молчаливое согласие Англии на аренду Порт-Артура

[1]) Там же, от 2(14)/XII 1897 г.
[2]) Секр. телегр. Павлову от 8(20)/I 1898 г.
[3]) 500.000 лан.
[4]) Всеподд. записки от 5(17)/II 1898 г. и 7(19)/II 1898 г., секр. тел. Павлову от 8(20)/II 1898 г.
[5]) 1(13)/II 1898 г. русским министерством ин. дел была получена нота великобританского посольства, содержавшая в себе проект разграничения сфер влияния в Турции и в Китае.
[6]) Секр. телегр. Павлова от 16(28)/II 1898 г.
[7]) Секр. телегр. Павлова от 20/III (1/IV) 1898 г.

решило участь Вей-хай-вея со всеми островами, лежащими в его бухте. На обращавшейся в министерстве записке от 24/III 1898 г., заключавшей в себе «некоторые мысли для руководства нашей печати», игриво настроенным автором отмечалось: «комбинация оригинальная: занять на самых тяжких условиях деньги у англичан для уплаты японцам за очищение Вей-хай-вея и отдать тот же Вей-хай-вей англичанам... Выходит — и миллиона нет, и порта нет»... Некоторое время, в связи с случившимся, волнуется берлинский кабинет, желающий получить от Англии обещание не домогаться концессий на постройку железных дорог в пределах Шандунского полуострова [1]).

Но справедливость восторжествовала: сделанное Англией приобретение не только не оспаривалось, но за нею дополнительно было признано право аренды материковой территории против Гонконга (9/VI 1898 г.) (Гулунский полуостров).

Теперь оставалось вознаградить сильнее всех потерпевшую Францию, в активе которой за последние два года не было ничего, кроме текста торговой конвенции с Китаем (заключенной еще 28/VI 1895 г.) и концессии на железные дороги Лонг—Чеу(май 1896 г.) и Пекин — Ханькоу (ноябрь 1896 г.), в пассиве же значился неприятный факт продолжения англичанами бирманских железных путей до Юннана.

Вопрос о Франции разрешается не менее благополучно: она получает (в июне 1898 г.) в аренду, тоже на 99 лет, Гванчоуванский полуостров (в западной части Гуандунской провинции) с 2 островами в придачу (ноябрь 1899 г.); она получает, кроме того, от Китая дело управления почтой и обещание не отдавать никому в аренду территорий, пограничных с ее индо-китайскими владениями (11/IV 1898 г.). Наконец, и Япония получает (26/IV 1898 г.) от Китая обязательство неотчуждения лежащей против острова Формозы провинции Фуцзян.

Два основные мотива звучат, таким образом, в действиях великих держав, направленных к спасению Китайской империи: один — более простой, выливающийся в формы оккупации и долгосрочной аренды, и другой — принимающий более развитые формы разграничения сфер влияния. Из фактов, относящихся ко второй категории, особенно крупным являлось русско-английское соглашение от 28/IV 1899 г. Здесь речь шла о районе к югу от Великой стены, т.-е. о бассейне Янг-цзы, с территорией в 36.000 кв. миль, с одной стороны, и о районе к северу от нее, т.-е. о манчжурских провинциях, с территорией в 17.000 кв. миль, с другой. Указанные районы бронировались (условное исключение составляла дорога Шанхай-Гуань—Инкоу) каждой из договаривающихся сторон от посягательств иностранных железно-дорожных концессионеров. Соглашение было рождено в муках длительного торга у постели больного, оно было заключено помимо всякого согласия китайского правительства и даже от такого податливого человека, как Ли-Хун-Чжан, заслужило название «раздела Китая».

Англо-русское соглашение о сферах влияния находилось в логической связи с соглашением английской и немецкой банковских групп о размежевании их интересов в долинах Янг-цзы и Хоангхо. Оно влекло за собою новые попытки русской дипломатической профилактики, хотя и неудачные, но отзывавшиеся крайне плохо на состоянии духа больного: уступив Китаю в вопросе о займе у Гонконг-Шанхайского банка (под строящуюся Шанхай-Гуанскую дорогу), русская дипломатия немедленно по заключении соглашения с Англией, создававшего «отрезанность» России от Пекина, выступает перед китайским правительством с требованием «компенсации» — предоставления России концесссии

[1]) Секр. телегр. Остен-Сакена от 29/III (10/IV) 1898 г.

на постройку линии от одного из пунктов К.-В. ж. д. к Пекину. Русским правительством достигается лишь признание за ним права первенства на постройку, но самый факт предъявления требования производит в Пекине «тяжелое впечатление». В Цзун-ли-Ямыне снова говорят о «разделе» Китая, о «безвыходном положении» страны.

Прислушиваться к голосу столпившихся у богдыханского трона продажных китайских сановников представителям великих держав, разумеется, не приходилось.

В области международной политики 1900 год открывался при сравнительно мирных предзнаменованиях.

Англо-германские отношения продолжают переживать так называемый «второй период» дружбы. Англия всецело отвлечена неудачами трансваальских операций. Германия только приступает к разработке багдадского проекта и к хозяйственным операциям на островах Самоа. Испытавшая недавно равнодушие держав к причиненной ей несправедливости, Франция залечивала Фашодскую рану и закрепляла свои достижения в пределах Китая.

Во всяком случае, в делах, связанных с китайским вопросом, только что так глубоко и плодотворно практически проработанным, державы могли получить заслуженный отдых и во имя будущих достижений заняться подытожением уже сделанного.

И даже царское правительство, менее других щадившее свои силы, было проникнуто этими настроениями. В одобренной царем всеподданнейшей записке от 25/I 1900 г., определявшей задачи русской восточной политики на ближайший период, гр. Муравьев намечал полное воздержание вообще от каких бы то ни было «занятий и оккупаций», а задачи специально на крайнем Востоке сводил исключительно к «укреплению военного порта, расширению бухты и усилению тихоокеанской эскадры». Что намерение вести себя тихо в китайских делах было серьезно, видно уже из того, что центром тяжести этого ориентировочного плана являлся ближне-восточный вопрос, именно необходимая подготовка для «предупреждения наших соперников на берегах Босфора».

Таким образом царское правительство, подобно другим, свой производственный план в китайском вопросе на очередной год строило в расчете на мирный, «нормальный» ход событий в стране.

И его планы, как и планы других держав, оказались на время расстроенными появлением неожиданного и необычного фактора, сложившегося не в знакомой обстановке дипломатических кабинетов, но вышедшего из темных и международною дипломатией не изведанных глубин китайских народных масс.

Симптомы нараставшего стихийного движения наблюдались давно.

Не будем останавливаться на тех настроениях, какие наблюдались в китайских бюрократических верхах всякий раз, когда защитниками Китая совершался какой-либо хирургический или терапевтический акт. В качестве примера приведем те разговоры о необходимости «истребления» горсти самовольно вторгшихся в пределы Китая иностранных варваров, которые открыто ведутся сановниками Цзун-ли-Ямыня на другой день после занятия Киао-Чао [1]).

Несмотря на свою приверженность принципам китайской самобытности, сановники эти весьма быстро сходились характерами с пришельцами, легко поддавались индивидуальной и групповой обработке со стороны последних и активно участвовали в распродаже пришельцам китайской земли оптом и в розницу.

---

[1]) Докладная записка Муравьева от II(23)/XI 1897 г.

Для внимательного наблюдателя гораздо более грозными должны были представляться те факты, которые иллюстрировали действительные настроения лишенных какой бы то ни было общественности широких масс населения.

Факты эти обычно принимали характер насильственных действий и трактовались всегда, как уголовные деяния. Это были традиционные нападения на иностранцев, на христианские миссии и на китайцев, обратившихся в христианство. И поскольку факты эти становились явлением массовым, повторявшимся периодически, — явлением, в котором возникли зародыши организованности, они не могли не приобретать значения грозных политических симптомов.

Если мы обратимся к периоду, предшествующему только что рассмотренному империалистическому Sturm und Drang'у, периоду сравнительно мирного проникновения иностранцев в страну и блестящих достижений там христианских миссионеров, — мы уже тогда столкнемся с глубокой волной стихийного недовольства, прокатывающейся по территории среднего и южного Китая. Запечатлевшаяся в бумагах русского министерства иностранных дел хроника массового движения за этот период такова: первый взрыв народного недовольства обрушился в апреле 1891 г. на католические храмы и учреждения в г. Ян-чжоу, лежащем на императорском канале в провинции Цзян-су; через десять дней аналогичный погром — в порте Ву-ху, в провинции Ань-хуй, на правом берегу Янг-цзы, в 200 милях от Шанхая; 29/V — глухое брожение в Тянь-цзине; 6/VI—волнение в Кланг чине около Чинкианга (в бассейне Янг-цзы), при чем большие толпы народа идут с криком «бить миссионеров»; 27/VI — там же анти-католические вспышки; 21/VII — беспорядки в Кантоне; 20/X — беспорядки в Учане, в половине декабря — беспорядки, охватывающие весь север Чжилийской провинции.

Хроника 1892 г. отмечает (в мае) разрушение английской духовной миссии в Фокиене и антихристианскую вспышку (октябрь) в Хубее; хроника 1893 г. — разрастающуюся антихристианскую агитацию в Среднем Китае.

Объяснять причины рассматриваемого движения нам, разумеется, не приходится. В качестве курьеза приведем неплохую для русского чиновника того времени формулировку их, данную ген.-ад. бар. Корфом: «Эта ненависть объясняется следующими обстоятельствами: 1) европейцы являются в Китай для эксплоатации страны и населения и делают это добросовестно; 2) они относятся презрительно к китайцам, и 3) они нарушают дорогие, освященные веками, обычаи народа» [1]). Несколько более глубокое объяснение давал русский поверенный в делах в Пекине: «Причины этих волнений, — писал он, — коренятся в недовольстве ученых и китайских землевладельцев на католические общины за стремление к приобретению лучших земельных участков и за безразборчивое покровительство своим прозелитам в спорах и тяжбах их с китайцами-язычниками» [2]). Если внести корректив в даваемое цитатой определение субъекта недовольства и говорить не о землевладельцах, а о китайских крестьянах, то мы близко подойдем к социальной сущности движения. Дополнительный ущерб, наносимый поселениями миссионеров китайскому крестьянству, и без того страдающему от малоземелья и тяжких феодальных повинностей и налогов, бил по главному и больному нерву социально-экономических отношений Китая. Та правовая защита, какую давали христианские миссии прозелитам, вербовавшимся отчасти из паразитических, отчасти из просто преступных элементов населения, дополняла слагавшуюся ситуацию. Социально-экономическая сущность дви-

[1]) Записка ген.-ад. барона Корфа от 18(30)/IX 1891 г.
[2]) Депеша поверенного в делах в Пекине от 17(29)/V 1891 г., № 6.

жения вырисовалась с особою ясностью в северной и средней Манчжурии в период 1898—1899 г.г., т.-е. в период разгара работ по сооружению К.-В. ж. д.: беспорядки в Би-цзы (в начале февраля 1899 г.), уничтожение конторы отчуждений и захват партии инженеров в районе г. Дальнего (10/VII—1899 г.), столкновение в округе г. Ляояна во время переписи (октябрь 1899 г.), нападения китайцев на служащих дороги (март 1900 г.) — все эти факты ясно свидетельствовали: К.-В. ж. д. своею полосой отчуждения несла разорение массе крестьянских хозяйств, дополнительно своею конкуренцией с гужевым промыслом разоряя численно значительные и социально близкие крестьянству группы населения [1]).

Несомненным представляется также и то, что движение это охватывало и смежные социальные группы — и лумпен-пролетариат городов (полудеревенский по существу) и китайскую буржуазию в лице купечества и служилой интеллигенции и китайское духовенство в лице, главный образом, буддийских монахов. Обращает на себя внимание один факт: к «большим дьяволам» причислялись не только туземцы-христиане, но и студенты, изучающие европейские науки, и продавцы изделий иностранной мануфактуры [2]). Нельзя также пройти мимо такого любопытного явления, как чрезвычайно развитая прокламационная литература движения, — явления, свидетельствующего о ближайшей прикосновенности к делу социальных групп, владевших китайскою письменностью. Брожение принимало характер широкого народного движения, по размерам и глубине приближавшегося к тому, которые принято называть общенациональным.

Идеологические и организационные формы оно нашло уже готовыми, унаследовав их от старых религиозно-политических сект: организация «Трияды», общество «Байлянь-цзяо» (1796—1821), организация «Большого Ножа», «Гэ-лао-хэ» [3]), и, наконец, «И-хэ-Туань» («Кулак во имя справедливости и гармонии») [4]), — между всеми ими можно установить определенную генетическую или идейную взаимную зависимость.

Нельзя пройти мимо одного исторического факта: возникновение тайных организаций в Китае относят обычно к 1650 г., к моменту, когда в стране утверждается власть манчжуров [5]). Антидинастический, бунтарский момент был преобладающим в характере тайных организаций раннего периода. Постепенно усиливающийся гнет иностранного капитала поворачивал руль стихийного недовольства.

Тайпинское восстание, это ярко выраженная крестьянская революция, острием своим направленная против династии, в процессе своего развития, обращалась другим концом против иностранного капитала.

Империалистическая аггрессия девяностых годов предопределяла для стихийного движения твердый фарватер.

Та дискредитация, какую она несла с собою для манчжурской династии, изменить положения не могла. Наивно-реформистские попытки китайской мелкой буржуазии, возглавляемой Кан-Ю-Веем, терпят скорое поражение и, сигнализируя о накопившемся в стране недовольстве, ведут лишь к мобилизации сил реакции и предупредительным с ее стороны мероприятиям: немедленно открыть шлюзы народного недовольства, уточнив его направление, и взять движение в свои руки — такова программа, которую после заточе-

---

[1]) Б. Романов. «Русское Прошлое», № 1, 1923 г., стр. 94.
[2]) А. Рудаков. «Общество И-хэ-Туань», Владивосток, 1901 г.
[3]) Гэ-лао-хэ возглавляет движение 1891—93 г.г.
[4]) В просторечии общество «Большого кулака», или просто «боксеры».
[5]) Ходоров. «Народные восстания в Китае». «Новый Восток», № 7, стр. 167.

ния императора Гуан-Сюя и изгнания Кан-Ю-Вея проводила вдовствующая императрица, опираясь при этом на симпатии царского правительства [1]).

Деятельность возглавляющего движение общества «И-хэ-Туань» не только допускается правительством, но, чем дальше, тем больше поощряется, руководство ею вверяется родовитым сановникам и принцам крови. Сплетая свою работу с работою правительственных полувоенных организаций (типа добровольных дружин) «Туань-лянь», организация «И-хэ-Туань» покрывала сетью своих филиалов всю страну: к лету 1900 г. не было ни одного города или деревни, где не существовало бы и-хэ-туаней; весь северный Китай был превращен в сплошной, нафанатизированный систематический агитацией лагерь.

Спасая свое положение, манчжурские феодалы толкали безоружные фанатичные массы на безнадежную авантюру.

Провокацию, в общем и целом, можно было считать удавшейся. Династия обеспечивала себе продление политической жизни. Бунтарски настроенные массы примерно наказывались. Дипломатия же империалистских держав, пережив ряд неприятных минут и волнений, в конечном счете обогащалась грандиозным, редко повторяемым, коллективным опытом в деле «спасения и защиты» Китая и новыми блестящими возможностями для дальнейшей работы в том же духе.

Печатаемые ниже документы хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики.

А. Попов.

№ 1. Депеша посланника в Пекине.

Пекин. 5 (18) апреля 1900 г. № 17.

Доверительно.

Милостивый государь

граф Михаил Николаевич.

Телеграммою от 26 числа прошлого марта месяца я имел честь доносить вашему сиятельству, что предполагавшаяся морская демонстрация пяти держав против Китая с целью побуждения последнего принять энергичные меры к защите миссионеров будет, вероятно, отсрочена.

Действительно, удовлетворившись заявлением Цзун-ли-Ямыня, что он приступит к дальнейшему рассмотрению вопроса об обеспечении безопасности христианского населения, посланники в ответных тождественных нотах сообщили китайским министрам, что в виду такого заявления они более не настаивают на обнародовании в пекинской официальной газете императорского указа, осуждающего боксеров, и возлагают на китайское правительство всю ответственность за дальнейшую судьбу миссионеров.

Этими тождественными нотами и закончилось пока общее воздействие пяти иностранных представителей на Цзун-ли-Ямынь.

Я имею основание предполагать, что оно приняло столь скромную форму благодаря тому обстоятельству, что правительства Франции и Со-

[1]) Еще в своей телеграмме от 9(21)IX 1898 г. Павлов, сообщая о поражении Кан-Ю-Вея и торжестве партии вдовствующей императрицы, заключал отсюда о решительном возвращении китайского правительства к политике дальнейшего сближения с Россией.

единенных Штатов Северной Америки во-время дали указания своим посланникам быть осторожными в вопросе о морской демонстрации.

К сожалению, однако, движение боксеров приняло за последнее время довольно серьезный характер. Из Шандуньской провинции они перешли в Чжилийскую, направляясь к Пекину.

Их отрядам предшествуют эмиссары, расходящиеся по окрестным деревням и довольно успешно вербующие сторонников в местном населении. Среди этих эмиссаров встречаются истеричные, производящие сильное впечатление на деревенских жителей, выдавая себя за неуязвимых. Утверждают, что они доводят себя, проповедуя, до такого состояния исступления, что становятся совершенно бесчувственными к уколам копий и сабельным ударам.

При суеверии китайцев и господствующем к тому же недороде хлебов в северном Китае боксеры находят несомненно весьма благоприятный им элемент в толпе голодающих поселян.

Трудно определить их численность, так как они не двигаются массою. Скопища их в несколько сот человек были уже усмотрены в окрестностях столицы. Весьма вероятно, что они имеют приверженцев и в самом Пекине; по крайней мере их воззвания передавались уже из рук в руки в китайском городе.

Движение их направлено несомненно против иностранцев, ибо на их знаменах красуется надпись, гласящая: «уничтожим чужеземных, спасем династию!»

Однако со времени перехода боксеров в Чжилийскую провинцию воинственные их намерения по отношению к европейцам проявились лишь при нападении на духовную миссию иезуитов, расположенную близ города Хокиен. Не имея, по их понятиям, права пользоваться чужеземным оружием, боксеры бросились на приступ хорошо укрепленной миссии, будучи вооружены лишь стрелами и ножами. Отраженные иезуитами, которые были предупреждены о грозящей опасности и успели собрать христиан и снабдить их ружьями, и потеряв около пятидесяти человек убитыми, боксеры не возобновляли до сих пор своих нападений на иностранцев.

При всем том они наводят панику на поселения китайцев-христиан, бегущих пред ними. Беглецы из окрестных сел появились уже в пекинской католической духовной миссии.

Сообщая мне вышеизложенные сведения, подтверждаемые и из китайских моих источников, мой французский товарищ, крайне ими встревоженный, обратился ко мне с просьбою оказать ему содействие в побуждении китайского правительства энергично воздействовать против боксеров, грозящих уже всем иностранцам, проживающим в Пекине.

Я возразил г. Пишону, что готов дружеским путем поддержать его настояния пред Цзун-ли-Ямынем лишь при условии, что, действуя совместно со мною, он откажется от солидарности с иностранными представителями, стремящимися воспользоваться движением

боксеров для достижения целей, имеющих мало общего с обеспечением жизни христиан и иностранцев.

Сойдясь на этой почве, мы сговорились с французским посланником относительно образа нашего действия.

Вызвав в императорскую миссию одного из секретарей Цзун-ли-Ямыня, пользующегося доверием князя Цина, я поручил ему передать от моего имени князю, что как представитель державы, нисколько не заинтересованной в миссионерских делах и вполне дружественно относящейся к Китаю, я считаю долгом частным образом предупредить его, что положение становится вполне серьезным благодаря появлению боксеров в соседстве со столицею империи и возможности их столкновения с иностранцами, проживающими в ней. Такое столкновение будет несомненно иметь самые тяжелые последствия для Китая благодаря вмешательству держав, чувства нерасположения коих к нынешним правителям Поднебесной империи ему хорошо известны, и приведет во всяком случае к морским демонстрациям и появлению вооруженных конвоев. Искренно желая предостеречь Китай от подобных последствий, я советую Цзун-ли-Ямыню, не теряя времени, энергично подавить боксеров, пока они еще не окрепли и не успели приобрести сторонников в многочисленных войсках, собранных вокруг Пекина.

Я полагаю, что наше обращение к китайскому правительству произвело на последнее некоторое впечатление. В скором времени в правительственной газете появился доклад чжилийского вице-короля, в котором дословно приводился императорский указ, осуждающий боксеров, обнародования коего тщетно добивались посланники. Несколько дней спустя был издан и второй указ в защиту христианского населения империи [1]).

Считаю долгом представить при сем оба эти документа в переводе.

Было бы, однако, крайне печально, если бы китайское правительство ограничило свое действие изданием подобных императорских указов, не принимая более решительных мер против боксеров.

Оно имеет ныне полную возможность сломить их, так как вокруг летней резиденции богдыханской семьи, куда на-днях переехали вдовствующая императрица и больной богдыхан, собрано около пятидесяти тысяч войска.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь,

вашего сиятельства покорнейшею слугою *М. Гирс.*

№ 2. Указ богдыхана, опубликованный в «Пекинской Газете» 4 (17) апреля 1900 г. [2]).

Что сельское население составляет круги (общества) с целью самозащиты, то это, собственно, исходит из обязанности взаимопо-

[1]) Упоминаемый второй указ в делах не обнаружен.

[2]) Перевод с китайского, сделанный в российском посольстве в Пекине, приложен к депеше Гирса за № 17.

мощи, существовавшей у древних, и в этом ему можно предоставить полную свободу, если только оно ведет себя мирно и по закону. Но дело в том, что, благодаря различию населения в качественном отношении, возможно, что негодные члены его, придираясь к случаю, будут преследовать последователей христова учения, не зная того, что правительство относится с одинаковой любовью ко всем без различия. Население должно проникнуться этою мыслью правительства и не производить беспорядков из-за личной злобы и тем навлекать на себя наказание. В виду этого подлежащим генерал-губернаторам и губернаторам повелевается строжайше предписать местным властям своевременно и настоятельно внушать населению, чтобы оно мирно занималось своим делом и всегда жило во взаимном согласии. — *Быть по сему.*

№ 3. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 6 (19) мая 1900 г.

Сожжение христианских деревень продолжается. Прибежавших сегодня в католическую миссию христиан сопровождала толпа, грозящая, что не избегнут участи. К сожалению, правительство бездействует. Я потребовал нового свидания с князем Цином и усилю свои настояния. Сомневаюсь, однако, в успехе. Положение стало серьезным, завтра состоится собрание посланников. Полагаю, что все заявят о необходимости десанта. Вполне разделяю это мнение. Думаю, однако, что правительство всеми мерами будет затруднять их доставку в Пекин. Прошу ваше сиятельство о высылке судна в Цин-ван-дао, могущего выслать десант. Решусь вызвать его в крайнем случае.

М. Гирс.

№ 4. Боксерская прокламация, расклеенная на улицах Пекина [1]).

Ныне небо, прогневавшись на учение Иисуса за то, что оно оскорбляет духов, уничтожает святое (конфуцианское) учение и не почитает буддизма, убрало дождь и послало 8.000.000 небесных воинов для уничтожения иностранцев. Спустя немного времени после небольшого дождя поднимется война и причинит народу бедствие. Буддизм и клуб долга и согласия (кулачников) съумеют охранить государство и доставить спокойствие народу.

Увидевший эти письмена (объявление) и быстро распространивший 6 экземпляров избавит от беды одну семью, распространивший 10 экземпляров избавит от беды один квартал. Увидевший эти письмена и не распространивший их поплатится головою. Если не уничтожить иностранцев, небо не пошлет большого дождя.

---

[1]) Перевод с китайского, сделанный в российском посольстве в Пекине, препровожден при депеше Гирса от 17(30)/V 1900 г. за № 21. Появление прокламации относится к первым числам мая 1900 г.

При сем рецепт против отравы воды: 7 кислых слив, кора дерева (по некоторым — evonymus japonicus) и маоцао (букв. мохнатая трава — неизвестная). Опущенное в чан с водой, это лекарство разрешает яд иностранцев. Питье же не обезвреженной воды влечет за собой дифтерит, от которого умирает 90%.

№ 5. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 14 (27) мая 1900 г.

Ответ китайского правительства на требования [1]) посланников касательно боксеров, составленный в общих выражениях, признан был неудовлетворительным на вчерашнем собрании; в виду же получения мною за полчаса до собрания уведомления министров чрез их секретаря, что согласие на принятие требуемых нами мер сейчас только последовало и будет сообщено нам официально, посланники отложили окончательное решение до сегодняшнего вечера. На вчерашнем собрании посланники были под сильным впечатлением известий, сообщенных французским посланником, об увеличении числа боксеров в столице и официально подтвержденного факта поражения боксерами одного из отрядов, высланных против мятежников, при чем боксеры оказались вооруженными огнестрельным оружием. На вчерашнем собрании германский посланник уже более открыто заявил, что высадка десантов является мерою недостаточною и что настало время более активного вмешательства держав. Полагаю, однако, что ему не удастся увлечь коллег на этот опасный путь, грозящий дележом Китая, и дело ограничится вызовом десантов.

М. Гирс.

№ 6. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 25 мая (7 июня) 1900 г.

Народное волнение значительно усиливается в Пекине и носит характер слепой ненависти и желания отомстить иностранцам за ожидаемые впоследствии бедствия. Посланники телеграфировали в Тянь-цзин об увеличении пекинских десантов при первой возможности на 75 человек для каждой миссии. Полагаю, что этого увеличения не будет достаточно, так как нет больше сомнения, что китайское войско на стороне боксеров. Правительство не решается действовать против них и запрещает стрелять по ним. Положение критическое, и только сильное и решительное воздействие держав может остановить движение. Железнодорожное сообщение с Тянь-цзином не восстановлено. Прошу указаний.

М. Гирс.

---

[1]) О требованиях посланников по поводу принятия энергичных мер против боксеров и об ответе министров Цзун-ли-Ямыня говорится в депеше Гирса от 13(26)/V 1900 г. № 23.

№ 7. Боксерская прокламация, отобранная у китайских рабочих в Порт-Артуре [1]).

Князь Цин, ночью 4 числа 4-ой луны, троекратно видел следующий сон: пришел к нему бог и сказал, что всевышнему создателю угодно, чтобы китайцы не переходили ни в католичество, ни в другие христианские веры. Все китайцы, пользующиеся благодатью своей родины, должны исполнить это божеское, по основным понятиям Китая, справедливое, требование, ибо в противном случае, в особенности помогающие европейцам, будут строго наказаны. Отныне распространение католичества и других вероучений Иисуса, как весьма вредное и неосновательное, должно быть прекращено и повсюду в Китае уничтожено.

Из-за этого мы подверглись божескому гневу: бесснежью и бездождию. Бог повелел небесным войскам в количестве 8 миллионов опуститься с неба на землю, чтобы охранить и помочь китайскому народу и изгнать всех иностранцев.

На тех, кто не поступит по требованиям настоящего объявления, и на их родителей, посылаются всякие несчастия.

Бог повелел 18 числа 4-ой луны не ездить по железным дорогам, так как они непременно должны быть сожжены.

№ 8. Всеподданнейшая записка министра ин. дел [2]).

В виду крайне тревожных известий, сообщаемых как посланником нашим в Пекине в повергаемой у сего телеграмме от 23 мая [3]), так и вице-адмиралом Алексеевым [4]) в донесении военному министру, осмеливаюсь полагать, что вызов 4-х тысячного десанта из Порт-Артура представляется вполне своевременным, с одной стороны, для охраны жизни и имущества членов императорской миссии и проживающих в Пекине христиан, а с другой, во избежание опасности вызова в охранительных целях японских или иных иностранных войск. Предполагаемая мера, о которой доверительно ходатайствовал английский посланник, казалось бы, послужит к подъему нашего обаяния на Дальнем Востоке и явит новое доказательство пользы занятия Россиею Квантунской области.

---

[1]) Появление прокламации относится к июню 1900 г. Перевод с китайского, сделанный в российском консульстве в Тянь-цзине, препровожден при донесении чиновника по дипломат. части при гл. нач-ке Квантунской области Коростовца от 12(25)/VI 1900 г. за № 168.

[2]) На полях собственноручная помета Николая II: «Согласен. Во избежание недоразумений, переговорите с ген. Сахаровым, дабы быстро и точно были исполнены данные приказания». Царское село. 25 мая 1900 г.

[3]) В телеграмме от 23/V(5/VI)/ 1900 г. Гирс сообщал о разрастающемся в Пекине антиевропейском движении и высказывал предположение о том, что при дворе одержала верх покровительствующая боксерам партия.

[4]) Гл. начальником Квантунской области.

На случай, если бы вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше одобрить изложенные соображения, приемлю смелость испрашивать высочайшее соизволение на отправление повергаемой у сего в проекте секретной телеграммы на имя д. с. с. Гирса.

Граф Муравьев.

С. Петербург. Мая 25 дня [1]) 1900 года.

№ 9. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 27 мая (9 июня) 1900 г.

Мое личное убеждение, что роль посланников кончена в Пекине и дело должно перейти в руки адмиралов. Только быстрый приход сильного отряда может спасти иностранцев в Пекине.

М. Гирс.

№ 10. Всеподданнейшая записка министра ин. дел [2]).

Из повергаемых у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение секретных телеграмм [2]), особливо же из отправленной вице-адмиралом Алексеевым 3 июня [3]), явствует, что события в Китае принимают крайне опасный характер, в виду как обнаруживаемого сочувствия к мятежникам среди китайских правительственных войск, так равно и проявляемой бездеятельности пекинского правительства, не решающегося принять меры к подавлению восстания. Само собой разумеется, что с этим угрожающим явлением должен сообразоваться и характер действий международных десантов. Надвигающаяся и усиливающаяся по своим размерам опасность невольно побудит европейские отряды к большему единству действий и, в видах достижения успеха, к сосредоточению в одних руках общего командования и распоряжения всеми означенными отрядами.

Отсюда возникает вопрос: кому из находящихся уже на китайской территории иностранных военачальников должно предоставить командование общими силами европейцев и следует ли нам стремиться к тому, чтобы во главе всех десантов поставлен был русский начальник?

Принимая во внимание, что при вышеуказанных условиях иностранным отрядам предназначена будет сравнительно с первоначальными предположениями более широкая задача, а именно, — пода-

[1]) 7 июня по нов. ст.

[2]) На полях собственноручная помета Николая II: «Вполне разделяю ваши мысли. В этих строках вы высказали мое глубокое убеждение в том, что задача России на Востоке совершенно расходится с политикой европ. государств». Царское Село. 4 июня 1900 г.

[3]) В телеграмме от 3/16 VI 1900 г. в.-адмирал Алексеев сообщал о том, что отношение китайского правительства к европейским державам приобретает ярко выраженный враждебный характер.

вление распространяющегося восстания, известного рода насилия и борьба с правительственными войсками, что почти равносильно открытию военных действий против Китая, то я осмеливаюсь полагать, что нам отнюдь не следовало бы добиваться сосредоточения в своих руках командования общими силами держав, предоставив таковое руководительство французскому, английскому, германскому либо иному военачальнику.

В самом деле, положение наше относительно Китая далеко не тождественно с положением других держав. Имея общую с Китаем границу на протяжении более 8 тысяч верст, сооружая в Манчжурии железную дорогу, на которой занято работою свыше 60.000 китайцев, поддерживая, наконец, в течение двух столетий дружественные мирные сношения с своим соседом, Россия, казалось бы, не должна принимать на себя открытое руководство враждебными действиями против Китая, дабы, по прекращении смут, обеспечить себе скорейшее восстановление добрых соседственных отношений с Поднебесною империею. Присутствие же на месте нашего 4-х тысячного отряда не позволит державам приступить к каким-либо политическим предприятиям без нашего согласия.

Смею думать, что при таковой постановке вопроса наш отряд, отнюдь не нарушая согласных действий с прочими европейскими отрядами, не выйдет из пределов высочайше предначертанной ему задачи — охранения безопасности миссии, ограждения жизни и имущества русско-подданных, проживающих в северном Китае, а равно поддержания законной власти в борьбе ее с революцией.

Если бы вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше одобрить изложенные соображения, я не премину поставить о сем в известность как генерал-лейтенанта Сахарова, так и вице-адмирала Алексеева.

Граф Муравьев.

С.-Петербург, июня 4 (17) дня 1900 года.

№ 11. Указ богдыхана от 12 (25) июня 1900 г. [1]).

Мы начали войну с иностранными державами и выиграли несколько больших сражений. Члены общества И-хэ-цианъ [2]), народ и правительственные войска соединились вместе и одержали несколько побед над нашими иностранными врагами. Ныне посланы императорские комиссары, чтобы передать всем патриотам и правительственным войскам императорскую волю продолжать свои победоносные действия.

Мы уверены, что патриоты имеются и в других провинциях империи. Мы повелеваем ген.-губернаторам и губернаторам внести их

[1]) Перевод с китайского, сделанный в российском посольстве в Пекине, препровожден при донесении военного агента в Китае ген.-м. Вогака от 28/VI 1900 г.

[2]) Должно быть: «И-хэ-Туань».

в особые списки и сформировать из них особые части, которые будут очень большою подмогою в нашей войне с иностранцами.

Эдикт этот должен быть послан со скоростью 600 ли (300 верст) в сутки.

№ 12. Секретная телеграмма управляющего мин. ин. дел на имя вице-адмирала Алексеева в Порт-Артур.

С.-Петербург. 15 (28) июня 1900 г.

Телеграмма ваша от 12 получена [1]).

Вполне справедливо, что исключительное военное вмешательство Японии в китайские дела противно нашим задачам на Дальнем Востоке; впрочем, едва ли и другие державы допустят столь широкие притязания со стороны токийского кабинета. Меры, подобные срытию Пекина и Тянь-цзина, как и вообще всякие попытки к насильственному водворению в Китае при настоящих обстоятельствах новых порядков, не только трудно выполнимы, но неминуемо поведут к еще большим осложнениям, а посему нам подлежит воздерживаться от участия в указанных мероприятиях.

Наша цель ныне должна ограничиться освобождением императорской миссии, обеспечением безопасности русских подданных, проживающих в северном Китае и восстановлением в Пекине законного правительства, с которым возможно было бы поддерживать дружественные сношения, необходимые в интересах обеих соседних империй.

Не отделяясь от других держав, дабы зорко следить за их действиями и иметь возможность во всякое время предъявить свои требования, мы должны, однако, избегать всего того, что могло бы хоть сколько-нибудь связать нашу полную свободу действий или явиться в глазах китайцев доказательством враждебных намерений России.

В виду того, что окончательное подавление возникших в Китае затруднений, вероятно, потребует еще новых жертв и содержания в стране на продолжительное время значительных военных сил, мы не можем противиться активному вмешательству тех держав, которые считают возможным посвятить свои силы этой цели.

При этом нельзя терять из виду, что стремление к осуществлению столь сложной задачи совместными действиями нескольких государств обыкновенно влечет к взаимным препирательствам и соревнованию между ними, вызывая одновременно всеобщее озлобление в стране, которую государства эти рассчитывают облагодетельствовать. Между тем нам необходимо, сохраняя мирные отношения со всеми державами,

---

[1]) Телеграмма Алексеева от 12(25)/VI в делах отсутствует. В телеграмме Извольского из Токио от 10(23)/VI сообщается о состоявшемся отправлении в Таку 3400 японских солдат и эскадры адмирала Того в составе 18 судов, а также о продолжающейся в Японии крупной подготовительной работе, связанной с будущими переброскими войск.

занять по отношению к Китаю такое положение, при котором возможно было бы, тотчас по миновании настоящих затруднений, возобновить добрые отношения с соседнею империею.

Ламздорф [1]).

№ 13. Секретная телеграмма посла в Берлине [2]).

Берлин. 17 (30) июня 1900 г.

Граф Бюлов возвратился вчера вечером из Киля. Сольсбери [3]), сообщая здесь о сделанном им вам предложении затребовать от Японии немедленной присылки в Китай корпуса в 20—30.000 человек для восстановления порядка, настаивал на том, чтобы берлинский кабинет энергично поддержал его предложение в С.-Петербурге. Когда Бюлов сделал свой доклад императору, его величество решительно отказался, сказав: «нет, это противоречило бы тем обещаниям, которые я дал 4 года тому назад императору Николаю». «Кроме того, — добавил император, заметив, что за Японией стоят англичане, — можно знать, когда они войдут, но неизвестно, когда они выйдут». Бюлов уполномочен дать ответ, в общем содержащий в себе отклонение предложения, и мотивировать этот отказ ссылкой на то обстоятельство, что ни С.-Джемский кабинет, ни японское правительство не принимали участия в обсуждении возможности подобной экспедиции. Приказания, отданные императором адмиралу Бендеману, сводятся к следующему: 1) Сохранить союз держав с Китаем и избегать всего, что могло бы повести к разрыву между ними. 2) Восстановить общими силами порядок в Китае. 3) Сохранить беспрепятственное сообщение между Таку, Тянь-цзинем и Пекином. 4) Позаботиться о безопасности иностранцев.

Главною целью, преследуемой берлинским кабинетом, является избежать всего, что могло бы поколебать основы Китайской империи, целость коей Германии желательно сохранить. Он решительно восстает против идеи о разделе империи и стремится восстановить [сношения] с центральным правительством в Пекине, ответственным за порядок и спокойствие в стране. Чиршский доложил о своей последней беседе с вами. Граф Бюлов одобряет все пункты намеченной вами программы и находит ее крайне благоразумной. Министр выезжает в Вильгельмсгафен, чтобы проститься с императором перед его отъездом в Норвегию.

Остен-Сакен.

№ 14. Всеподданнейшая записка управляющего мин. ин. дел.

Во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления, я поспешил сообщить предварительный проект циркуляр-

[1]) После смерти гр. Муравьева, последовавшей 8 (21)/VI 1900 г., управление министерством ин. дел было поручено гр. Ламздорфу, назначение же последнего министром состоялось 25/XII 1900 г. (7/I 1901 г.).

[2]) Перевод с французского.

[3]) Премьер-министр и министр ин. дел Великобритании.

ной телеграммы по вопросу об общих действиях держав в Китае на заключение военного министра.

Не касаясь совсем общего содержания циркуляра и не входя в подробное обсуждение специального пункта оного о способе командования международными силами, генерал-лейтенант Куропаткин, как явствует из повергаемого у сего на высочайшее благовоззрение письма его за № 209 [1]), приходит прямо к заключению о важности для России движения вперед с целью «покончить с Пекином» и полагает необходимым ныне же вверить общее руководство отрядами всех держав — адмиралу Алексееву, имеющему власть командующего армиею [2]).

Не сомневаясь нисколько в том, что с специально военной точки зрения представляется вполне целесообразным для подавления восстания принятие самых решительных мер, осмеливаюсь полагать, что начертанная в письме военного министра программа действий России совершенно расходится с высочайше одобренными соображениями, изложенными во всеподданнейшей записке покойного графа Муравьева от 4 июня, коими я считал своим долгом руководствоваться.

При указываемой генерал-лейтенантом Куропаткиным совершенно новой постановке вопроса [3]) о дальнейших действиях России в Китае — прежде всего представлялось бы необходимым решить, в силу каких соображений императорское правительство могло бы вменить всем прочим державам обязательство подчинить их войска руководительству русского адмирала, особливо в такую минуту, когда, например, Япония уже успела высадить на китайскую территорию самые значительные силы, предназначаемые, повидимому, к движению на Пекин.

Помимо сего, допустив, что Франция, Германия и даже Англия, далеко не проявляющие особой поспешности к усилению своих отрядов в Китае, выразят готовность вверить находящиеся в Таку и Тяньцзине силы свои главному командованию адмирала Алексеева, — спрашивается: не поставит ли это обстоятельство Россию в необходимость передвинуть в Китай, быть может, целую армию и, так сказать, принять на себя известного рода обязательства и ответственность пред державами, доверившими свои силы руководительству русского главнокомандующего.

Вообще, судя по имеющимся данным, надо полагать, что европейские державы не задумаются принять предложение России разгромить Пекин; но, при этом, нельзя, однако, не задаться вопросом: приобретем ли мы какие-либо преимущественные права за исполнение столь дорого стоющей задачи и — что самое главное — не поставим ли мы себя этим в явно враждебное положение к Китаю, с которым, в силу

---

[1]) Письмо Куропаткина от 29/VI 1900 г.

[2]) Предоставление адмиралу Алексееву прав командира отдельного корпуса в военное время состоялось 6/VI 1900 г.

[3]) Ген. Куропаткин настаивал на необходимости вверить общее руководство отрядами всех держав адмиралу Алексееву.

столь многообразных государственных интересов, мы должны всячески поддерживать дружеские соседственные отношения?

Возвращаясь к затронутому в циркуляре специальному вопросу об общем командовании, по которому было желательно принудить державы волею-неволею высказаться до принятия Россиею окончательного решения, — осмеливаюсь полагать, что в целях согласования чисто-военных требований с соображениями политического характера возможно было бы допустить в этом пункте всякие частные изменения. Так, например, установить, чтобы выбор старшего председателя был сделан на все время военных действий, с присвоением ему звания главнокомандующего армиею; при таковом добровольно утвержденном всеми державами общем начальнике остальные высшие военные чины составляли бы именно тот совет представителей всех держав с совещательным голосом, о котором упоминает в своем письме г. военный министр.

Не дерзая, вообще, обсуждать способ организации чисто военного учреждения, я осмелился, в виду затронутых в настоящем деле вопросов о взаимных соотношениях держав в Китае, всеподданнейше высказать лишь соображения политического характера, — тем более, что изложенные в письме генерал-лейтенанта Куропаткина доводы существенно расходятся с первоначальными предположениями, заявленными как в обнародованном правительственном сообщении, так и во всех циркулярных сообщениях, сделанных иностранным державам.

Граф Ламздорф.

С. Петербург. 30 июня (13 июля) 1900 г.

№ 15. Мин. ин. дел Франции Делькассэ французскому послу в Петербурге маркизу Монтебелло.

Париж. 1 августа. 1900 г. [1]).

Благоволите возможно скорее передать нижеследующее графу Ламздорфу с просьбой довести это до сведения императора и тотчас по получении вами ответа благоволите мне его телеграфно сообщить: весьма возможно, что посланники в Пекине еще живы, но не приходится сомневаться в том, что китайское правительство видит в них своих заложников и пользуется ими, как орудием при своих переговорах.

Какую линию взять в этих обстоятельствах, в связи с коими могут возникнуть разногласия между державами, которые так охотно говорят о своем объединении, но которым не так-то легко подвести под него точные и определенные основания. Ограничусь пока одним лишь указанием на эту столь опасную и сложную сторону китайской проблемы. Но, чтобы можно было приступить к ее разрешению с наи-

[1]) 19 июля по ст. ст. Дешифрант. Перевод с французского.

меньшим риском, мне бы казалось необходимым для Франции и для России предварительно обсудить ее между собой со всех точек зрения; при телеграфной же переписке этого нельзя сделать со всей необходимой обстоятельностью, откровенностью и в то же время быстротой. Если императорское правительство разделяет мои чувства и если оно полагает, как я в этом убежден, что заключение между Парижем и С.-Петербургом очень прочного союза могло бы оказать огромное влияние на решение большинства держав, — я готов приехать в Россию.

Шах покидает Францию седьмого; я бы смог выехать числа восьмого.

№ 16. Проект отзета маркизу Монтебелло

на сообщение его от 19 июля (1 августа) 1900 г. [1]).

Мой августейший монарх с чувством глубокого удовлетворения отнесся к совершенно секретному сообщению, которое вы изволили сделать мне от имени г-на Делькассэ. Его императорское величество разделяет его мнение о том, что в виду сложных и трудных обстоятельств, созданных настоящим положением вещей, тесный и прочный союз с Францией является более, чем когда-либо, необходимым. Государь император с радостью отмечает, что до сих пор оба правительства руководились в своей деятельности началами дружественного согласия, и выражает пожелание, чтобы согласие это продолжалось и крепло. Личный обмен мнений даст несомненно возможность ближе подойти к делу и даст бóльшие результаты, чем обсуждение вопросов в письменной форме или по телеграфу, поэтому его величеству казалось бы чрезвычайно желательным, чтобы подобный обмен взглядами мог состояться между императорским и парижским кабинетами при первом же благоприятном случае, который, по всей вероятности, не замедлит представиться в ближайшем будущем. Но не следует ли подождать того времени, когда многочисленные неясности текущего момента уступят место несколько более определенному положению? Представлялось более осмотрительным, твердо придерживаясь руководящих принципов, положенных в основу совместных действий, приступить к обсуждению окончательных решений лишь после того, как в самом ходе событий ясно выявятся различные стороны той проблемы, которую надлежит разрешать в соответствии с общим политическим курсом, принятым сообща Россией и Францией. Однако само собой разумеется, что г-н Делькассэ в случае приезда его в Россию был бы в любое время желанным гостем.

---

[1]) Перевод с французского. На полях собственноручная помета Николая II: «Хорошо». Петергоф. 21/VII (3 авг.) 1900 г.

№ 17. Всеподданнейшая записка министра ин. дел. [1]).

Маркиз Монтебелло совершенно доверительно вручил мне л и ч н о ему адресованную и по приказу г. Делькассэ им самим расшифрованную секретную телеграмму французского министра иностранных дел. Означенную телеграмму приемлю смелость представить при сем на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Крайне озабоченный нынешним ходом событий в Китае, г. Делькассэ желал бы подробно обменяться мыслями по сему предмету и с этою целью выражает даже готовность прибыть в С.-Петербург. Я сказал французскому послу, что не премину при первой же возможности всеподданнейше доложить об этом вашему императорскому величеству.

Осмеливаюсь полагать, что, как бы ни были, вообще, полезны личные объяснения с г. Делькассэ, — для которых, впрочем, если это необходимо, всегда может легко представиться удобный случай, — именно, настоящую минуту нельзя признать особенно для сего благоприятною, в виду невозможности ныне притти к каким-либо вполне точно определенным положениям.

Довольствуясь до поры до времени основными началами, уже установленными для общих действий держав в Китае, едва ли представляется ныне желательным связывать полную свободу действий России каким-либо обязательством даже по отношению к дружественной ей Франции. Задачи наши в Китае и на Дальнем Востоке по своему характеру и направлению совершенно расходятся с целями, преследуемыми другими державами; а посему, особливо при нынешнем смутном положении, представлялось бы опасным бесповоротно останавливаться на каких-либо окончательных решениях.

Одинаково гадательно как утверждать, так и опровергать, будто китайцы рассчитывают, в виду предстоящих с ними переговоров, воспользоваться иностранными представителями в качестве заложников. Вице-адмирал Алексеев признает, что при настоящих условиях быстрое движение на Пекин с о в е р ш е н н о н е в о з м о ж н о. Когда же эта чисто военная задача окажется выполнимою, — быть может, выяснится, в какой мере, с точки зрения русских государственных интересов, осуществление ее целесообразно.

Какие предложения будут сделаны нам Ли-Хун-Чжаном чрез посредство командируемого к нему, по его настоятельной просьбе, кн. Ухтомского? Не представится ли случай для императорского представителя, русских подданных и десанта благополучно выйти из Пекина ранее всех прочих иностранцев?

Так как на все эти вопросы трудно дать даже приблизительный ответ, то тем более представлялось бы неудобным заранее связывать

[1]) На полях собственноручная помета Николая II: «Разделяя ваш взгляд, хорошо было бы временно отклонить приезд Делькассэ. Сделайте это осторожно». Петергоф, 20 июля (2 августа) 1900 г.

Россию обещанием п о л н о й общности действий с какою бы то ни было державою; при отсутствии же почвы для соглашения, переговоры с г. Делькассэ могут, пожалуй, привести к отрицательным результатам. Смею думать, что именно с этой точки зрения выбор г-ном Делькассэ настоящей минуты для приезда в С.-Петербург нельзя признать вполне удачным.

Во всяком случае я предупредил маркиза Монтебелло, что, по всей вероятности, я не буду иметь счастья всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству об изложенном предположении ранее будущего вторника.

Граф Ламздорф.

№ 18. Телеграмма германского императора на имя Николая II [1].

Замок Вильгельмсхöе. 24 июля (6 августа) 1900 г.

По мнению и твоих, и моих военных специалистов, продвижение на Пекин невозможно ранее конца дождливого времени года, т.-е. до сентября. Главным вопросом, подлежащим разрешению для достижения полного успеха, является вопрос о назначении главнокомандующего соединенными силами. Самыми сильными, представляющими действительную ценность, будут русские, германские и японские корпуса. Хочешь ли ты, чтобы главнокомандующий был обязательно русский генерал? Или т ы п р е д п о ч и т а е ш ь к а к о г о - н и б у д ь и з м о и х г е н е р а л о в? В последнем случае я бы предоставил в твое распоряжение фельдмаршала графа Вальдерзэ. Моим войскам приказано действовать под Тянь-цзинем вместе с твоими и другими войсками. Недели через две туда же должен прибыть в качестве авангарда морской пехотный полк под командованием генерала фон Гефнера. Да сохранит бог наши армии и да покроет их славой, как то бывало неоднократно в прежнее время. Сердечный привет Аликс.

Вилли.

№ 19. Письмо управляющего мин. ин. дел послу в Париже.

27 июля (9 августа) 1900 г.

Д о в е р и т е л ь н о.

Милостивый государь

князь Лев Павлович.

Письмо вашего сиятельства от 20 июля было представлено мною на высочайшее благовоззрение государя императора.

Соображения, высказанные германским поверенным по поводу сосредоточения Англиею значительных военно-морских сил в устье

[1] Перевод с английского.

Ян-цзы, уже были известны нам из сообщений, полученных непосредственно из Берлина. С основательностью соображений этих, конечно, нельзя не согласиться; двусмысленный образ действий Англии с самого начала возникновения событий в Китае, все более выясняющиеся притязания ее на исключительное господство в бассейне Ян-цзы, наконец, уклончивый ответ Сент-Джемского кабинета на предложение об ограждении общими усилиями иностранных транспортов от возможных нападений китайского флота, — все это, действительно, может служить указанием на какие-то тайные замыслы великобританского правительства в этой части Китая. А посему всякое соглашение держав, особливо имеющих непосредственные интересы на юге империи, с целью воспрепятствовать осуществлению своекорыстных планов Англии, несомненно, встретит наше полное сочувствие.

Какие меры надлежало бы принять в этом направлении,—является, на наш взгляд, вопросом, ближайшее разрешение коего целесообразно предоставить адмиралам. В таковом смысле мы уже не преминули снабдить указаниями вице-адмирала Алексеева.

Что касается, в частности, соглашения между Россией, Францией и Германией, то по сему поводу считаю долгом высказать для вашего личного сведения и руководства нижеследующие соображения.

Приводимый г. Делькассэ пример тройственного между теми же державами соглашения в 1895 году ничего не имеет общего с настоящим положением. Вслед за окончанием японско-китайского столкновения дело касалось одинаково для всех 3 держав важного вопроса об ограждении целости и независимости Китая от покушений победоносной Японии, чрезмерные притязания коей, в случае осуществления их, угрожали первостепенным интересам европейских государств вообще.

В настоящем же случае речь идет о взаимном соперничестве нескольких держав из-за политического преобладания на юге Китая, где у России не имеется прямых интересов. Чем более подобное соперничество породит между ними недоразумений и неудовольствий и будет отвлекать их силы и внимание от северного Китая, тем это окажется выгоднее для нашего общего положения на берегах Тихого Океана; а посему нам решительно нет никакого расчета входить в какие бы то ни было соглашения с соперничествующими в этой области державами. Мало того, при настоящем положении дел, когда сравнительно ограниченные военно-морские силы наши имеют весьма сложную задачу по доставлению контингентов на театр военных действий, по ограждению наших собственных владений на побережье Тихого Океана; и когда мы одновременно должны быть готовыми ко всяким случайностям, — было бы совершенно нежелательно ослаблять состав нашей эскадры в Печилийском заливе посылкою судов в отдаленные части Китая для каких бы то ни было целей, не имеющих прямой связи с непосредственными интересами России.

С этой точки зрения соглашение наше с Францией и Германией в видах откомандирования судов в Шанхай для наблюдений за англий-

ским флотом в устье Ян-цзы представляется по меньшей мере несвоевременным.

Тем не менее, однако, вам следует в беседах с французским министром иностранных дел поддерживать мысль о желательности согласных действий Франции и Германии с целью воспрепятствовать успеху происков Англии, в каковом деле они могут всецело рассчитывать на возможную нравственную опору со стороны России.

Передавая вам о вышеизложенном, пользуюсь случаем, чтобы препроводить вашему сиятельству литографии с последней дипломатической переписки [1]).

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

В. Ламздорф.

№ 20. Всеподданнейшая записка управляющего мин. ин. дел [2]).

Пребывающий в С.-Петербурге французский посол передал мне повергаемую у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение копию доставленной ему г. Делькассэ телеграммы германского императора к президенту французской республики, в коей император Вильгельм сообщает г. Лубэ, что будто бы ваше императорское величество соизволили предложить графа Вальдерзэ в главнокомандующие союзных войск в Китае [3]).

Предварительно окончательного решения по сему вопросу французское правительство, во избежание недоразумений, поручило маркизу Монтебелло доверительно осведомиться: действительно ли почин в предложении графа Вальдерзэ на пост главнокомандующего принадлежит вашему императорскому величеству, как гласит о том телеграмма, полученная г. Лубэ, либо предложение это исходит непосредственно от императора Вильгельма.

Граф Ламздорф.

С.-Петербург. 28 июля (10 августа) 1900 года.

№ 21. Секретная телеграмма посла в Париже [4]).

Париж. 29 июля (11 августа) 1900 г.

Назначение Вальдерзэ главнокомандующим в Китае вызвало большую тревогу и беспокойство среди французского правительства.

---

[1]) Литографии в деле отсутствуют.

[2]) На полях собственноручная помета Николая II: «Предложение исходит от самого императора, как вы увидите из прилагаемой телеграммы его. Объясните это откровенно Монтебелло. Во взятии Пекина всего более нравственно заинтересованы немцы, не русские; они потеряли своего посланника в Пекине». Петергоф. 29 июля 1900 г. — Германский посланник б. фон-Кеттелер был убит на улицах Пекина 7 (20) июня 1900 г.

[3]) Телеграмма Вильгельма на имя Лубэ в делах отсутствует.

[4]) Перевод с французского.

Министр иностранных дел при свидании со мной, о котором он сам меня просил, ознакомил меня с его перепиской с Монтебелло и сказал мне, что ответ французского правительства на запрос императора Вильгельма будет обсуждаться в ближайшем заседании кабинета, которое состоится лишь во вторник или в среду, в виду того, что президент Лубэ должен уехать в Марсель и в настоящее время в отсутствии находятся шесть министров. Делькассэ полагает, что для Франции не представляется возможным согласиться на назначение главнокомандующим немецкого генерала. Страна не потерпела бы этого, и это могло бы повести к опасному внутреннему кризису. Сам Делькассэ персонально тоже чрезвычайно враждебен этому, и в этом смысле он будет говорить в совете. В случае, если бы его коллег и президента республики устрашала возможность того, что, отказываясь признать Вальдерзэ, Франция могла бы очутиться в одиночестве, — Делькассэ намерен подать в отставку.

В виду того, что Делькассэ сказал мне, что здесь могли бы возникнуть сомнения в прочности союза с Россией и страх перед тем, как бы по миновании китайского кризиса не ослабело франко-русское соглашение, — я заявил ему самым категорическим образом, что подобное предположение совершенно неприемлемо, и я уполномочил его воспользоваться, если бы он это нашел нужным, этим моим заявлением в ближайшем заседании кабинета. Мои слова доставили министру явное удовольствие, и он поблагодарил меня. Тем не менее, видя, что я не получил от императорского правительства никаких специальных указаний в связи с теперешними обстоятельствами, министр иностранных дел просил меня осведомиться у вашего превосходительства, как отнеслись бы в С.-Петербурге к отказу Франции, если его величество император считает для себя окончательно решенным вопрос о назначении Вальдерзэ, и не повело ли бы в этом случае отстранение Франции к сближению России с Германией?

Урусов.

№ 22. Депеша поверенного в делах в Лондоне.

Лондон. 2 (15) августа 1900 г. № 58.

Трудно отдать себе отчет, какими общими началами англичане руководятся в своих действиях на Дальнем Востоке. До настоящего времени можно только усмотреть, что они придают лишь второстепенное значение действиям на севере Китая и относятся к ним более всего с точки зрения возможности поссорить союзников между собою и отвлечь их внимание от юга; но все, затеянные ими для этого, интриги велись так неумело, с таким расчетом на полную наивность остальных заинтересованных сторон, что привели к результатам, прямо противоположным задуманным.

С одной стороны, было потрачено много хитрости и усилий с тем, чтобы по возможности широко вовлечь Японию в дела на севере Китая

и поставить ее против России, а, с другой, г. Бродрик заявляет, что война 1894—95 годов, которою японцы так гордятся, не имела серьезного значения, и Foreign Office [1]), несмотря на просьбу японской миссии не печатать переговоров по поводу предложения Англиею субсидии, помещает их полностью в недавно вышедшей «Синей Книге». Понятно, как здешняя миссия да, вероятно, и токийский кабинет раздражены, и не будет ничего удивительного, если все происки англичан приведут к нашему сближению с Японией.

То же произошло и с Германиею. Надежда расстроить наше согласие с нею обращением в Берлин по поводу воображаемого нашего сопротивления посылке войск Японию в Китай не оправдалась. Все, чинимые здесь препятствия для решения вопроса о столь необходимом общем командовании союзными отрядами привели лишь, по инициативе России и без предварительного участия Англии, к соглашению о назначении графа Вальдерзэ. Значение этого замечательного шага императорского правительства не могло не быть оценено здесь: он позволяет России не быть во главе врагов Китая, оставляет ей большую свободу действий в будущем, подчеркивает общность в настоящем вопросе наших действий с Германией и крайне затруднит попытки англичан расстроить согласие континентальных держав, при решении дальнейшей судьбы Китая. Известие о совершившемся факте произвело здесь громадное впечатление; все были поражены; затем стали сожалеть, что не предупредили России и не предложили того же Германии, но было поздно, и лорду Сольсбери не оставалось ничего иного, как присоединиться к решению прочих правительств, что, как вчера мне сообщил сэр Томас Сандерсон, он уже сделал.

На юге англичане имеют более определенные цели. Они интересуются до некоторой степени участью своей миссии в Пекине, но главные задачи, ими преследуемые, сосредоточены в долине Ян-цзы. На нее здесь, повидимому, смотрят, как на местность, где Англия будет искать компенсаций, в ответ на меры, которые Россия сочтет необходимым принять для обеспечения своей железной дороги в Манчжурии. Желая создать себе особые права в этой долине, англичане предъявляют в ней притязания на роль не только руководящую, но и исключающую участие всех других держав. Но и здесь они не близки к намеченной цели: Германия с чрезвычайной подозрительностью следит за их действиями, и легко может случиться, что их замыслы поведут лишь к полному соглашению по делам Дальнего Востока между Россиею, Германиею и Франциею, подобно тому, как было в 1895 году.

В Англии, как кажется, начинают сознавать опасность открыто недружелюбного действия по отношению к России в китайских событиях. Кроме чрезвычайной любезности в личных сношениях, некоторым указанием на это служит и исключительная предупредительность, с которою лорд Сольсбери поспешил сделать китайскому посланнику

[1]) Министерство ин. дел.

в Лондоне представления, одинаковые с сделанными вашим сиятельством в Петербурге.

Сэру Чарльсу Скотту [1]) поручено сообщить текст этих представлений императорскому правительству. В них так же, как и ваше сиятельство, лорд Сольсбери признает нынешнее положение невыносимым и прибавляет, что если оно не изменится к лучшему, то и отношения Англии к Китаю могут принять иной характер, чем ныне. При сообщении мне содержания телеграммы сэру Ч. Скотту, я невольно обратил внимание на эту фразу, так как непосредственно перед этим — хотя, конечно, это могло быть случайным совпадением — сэр Томас выразил, что Англия признает необходимым, несмотря на ведение военных действий с регулярными китайскими войсками, поддерживать фикцию мира с пекинским правительством главным образом в виду того, что ее подданные разбросаны по всей стране и до объявления войны им надо дать время собраться в безопасные пункты. Ныне это уже большою частью сделано.

П. Лессар [2]).

№ 23. Телеграмма русского финансового агента в Пекине на имя министра финансов.

Пекин. 4 (17) августа 1900 г.

Весь отряд численностью около 20.000. Из них 4.000 русских, 9.000 японцев, 4.000 англичан, еще есть американцы и французы. На другой день по прибытии отряд приступил к бомбардированию и занятию императорского города, что теперь почти кончено [3]). Китайцы оказали всюду сильное сопротивление, что сильно озлобило войска, которые производят теперь большие насилия, убивая массу нейтральных мирных китайцев, и страшно грабят. Особенно отличаются в этом японцы. Последние ведут себя в Пекине полными хозяевами, расставляют караулы, захватили казначейство, в котором денег оказалось, впрочем, немного. Японцы немедленно перевозят их к себе. Императрица и богдыхан и все правительство бежали из Пекина, неизвестно куда. Вести переговоры теперь не с кем. По соглашению между посланниками и командирами отрядов Пекин разделен на 5 участков, с назначением в каждый по военному губернатору. Нам предоставлен юго-восток манчжурского города. Пока, впрочем, и здесь хозяйски распоряжаются японцы. Служащие в банке с женами и детьми должны были переселиться на развалины банка; в виду ужасных условий жизни не могут приступить еще к правильной банковой или другой работе. Телеграфное сообщение с Пекином возможно пока через Чжи-Фу.

Покотилов.

---

[1]) Великобританский посол в Петербурге.

[2]) П. Лессар состоял в должности советника русского посольства в Лондоне, послом же был бар. Стааль.

[3]) Взятие Пекина последовало в результате 14-ти часового обстрела в ночь на 2 (15) августа.

№ 24. Секретная телеграмма управляющего мин. ин. дел дипломатическим представителям в Париже, Берлине, Лондоне, Вене, Риме, Вашингтоне и Токио.

С.-Петербург. 12 (25) августа 1900 г. [1]).

С самого возникновения беспорядков в Китае императорское правительство, как о том неоднократно было заявлено, озабочено было достижением следующих целей:

1) ограждения российского представительства в Пекине и обеспечения русско-подданных от преступных замыслов китайских мятежников;

и 2) оказания помощи пекинскому правительству в борьбе его со смутою для скорейшего восстановления в империи законного порядка вещей.

Когда вслед за тем всеми заинтересованными державами решено было направить войска в Китай с подобными же целями, то императорским правительством предложено было принять за руководство по отношению к китайским событиям нижеследующие основные начала: 1) поддержание общего согласия держав; 2) сохранение исконного государственного строя Китая; 3) устранение всего того, что могло бы повести к разделу Поднебесной империи и, наконец, 4) восстановление общими усилиями законного центрального правительства в Пекине, которое могло бы само обеспечить стране порядок и спокойствие.

По этим пунктам почти между всеми державами состоялось соглашение.

Не преследуя никаких иных задач, императорское правительство осталось и намерено впредь оставаться неуклонно верным вышеуказанной программе действий.

Если ход событий, — как нападение мятежников на наши войска в Ньючжуане, а также ряд враждебных действий китайцев на нашей государственной границе, например, ничем не вызванное бомбардирование Благовещенска, — побудили Россию к занятию Ньючжуана и введению русских войск в пределы Манчжурии, — то эти временные меры, вызванные и с к л ю ч и т е л ь н о необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников, отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства.

Как скоро в Манчжурии будет восстановлен прочный порядок и будут приняты все необходимые меры к ограждению рельсового

---

[1]) С некоторыми изменениями текст напечатан в кн. «Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г.». СПБ. 1906 г., стр. 47—49; с такими же изменениями напечатан в «Правительственном Вестнике» («Правит. Сообщение» 19 авг. 1900 г.). С меньшими изменениями напечатан во французском переводе в итальянской «Зеленой Книге» — «Atti Parlamentari. Documenti Diplomatici, presentatial Parlomanto Italiano dal ministro degli afferi esteri, Avvenimenti di Cina, prima parte, Roma 1901, p. 86—87.

пути, постройка коего обеспечивается особым формальным соглашением с Китаем, относительно концессии, выданной Обществу Восточно-Китайской железной дороги, — Россия не преминет вывести свои войска из пределов соседней империи, если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других держав.

Очевидно, что имеющиеся у иностранных государств и международных обществ интересы как в занятом Россиею открытом торговом порте Ньючжуане, так и на линиях железных дорог, восстановленных русскими войсками, остаются ненарушимыми и вполне обеспеченными.

Последовавшим ныне, в виду изменившихся обстоятельств, более скорым, чем следовало ожидать, занятием Пекина достигнута первая и главная задача, поставленная императорским правительством, а именно, — представители держав со всеми находившимися в осаде иностранцами освобождены. Вторая задача, т.-е. оказание содействия законному центральному правительству к восстановлению порядка и правильных отношений к державам — представляется до поры до времени затруднительным вследствие отъезда из столицы самого богдыхана, императрицы-регентши и Цзун-ли-Ямыня. При этих условиях императорское правительство не видит оснований для дальнейшего пребывания в Пекине иностранных миссий, аккредитованных при правительстве, которое отсутствует, а посему оно, с своей стороны, намерено отозвать в Тянь-цзинь своего посланника д. с. с. Гирса со всем составом миссии; к указанному пункту их будут сопровождать русские войска, присутствие коих в Пекине отныне представляется без цели, в виду принятого и неоднократно заявленного Россиею твердого решения не выходить из пределов заранее поставленной ею задачи.

Но как только законное китайское правительство вновь примет бразды правления и назначит представителей, снабженных должными полномочиями для ведения переговоров с державами, то Россия, по соглашению со всеми иностранными правительствами, не замедлит, с своей стороны, назначить для сей цели уполномоченных и направить их к месту, избранному для предстоящих переговоров.

Обо всем изложенном благоволите довести до сведения правительства, при коем вы аккредитованы, которое, как мы надеемся, вполне разделит наш взгляд.

Ламздорф.

№ 25. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 15 (28) августа 1900 года.

Парижский кабинет продолжает разделять вполне наш взгляд. Цели и программа его не расходятся с нашими. Но оставление ныне же Пекина войсками представляется ему в высшей степени опасным и нежелательным. Столица была бы немедленно затем занята боксерами,

так как некому будет передать власть в городе и они представят народу свое возвращение в Пекин, как победу над иностранцами. Переговоры о мире не с кем будет завязать, что приведет державы к необходимости вторично завоевывать Пекин. Делькассэ того мнения, что мир должен быть заключен в Пекине, при внушительном присутствии союзных войск. Это последнее послужит, кроме того, побудительною причиною для китайцев, заинтересованных в наискорейшем очищении своей столицы от иностранной оккупации.

Урусов.

№ 26. Секретная телеграмма посланника в Токио [1]).

Токио. 18 (31) августа 1900 г.

Вследствие беспорядков в провинции Фу-Цзян, во время которых разрушен японский храм, в Амой послано два судна с небольшим десантом; кроме того, делаются военные приготовления на близлежащих Пескадорских островах и на Формозе. Все это может иметь значение в связи с известными правами, заявленными Японией на провинцию Фу-Цзян.

Извольский.

№ 27. Телеграмма русского финансового агента в Пекине на имя министра финансов.

Пекин. 18 (31) августа.

Председатель Цзун-ли-Ямыня князь Цин ожидается в Пекине через 4 дня. Сегодня посланников объезжает несколько оставшихся в городе китайских министров для обсуждения вопроса об учреждении временного правительства. Дело это будет оформлено после прибытия в Пекин князя Цина и Ли-Хун-Чжана. Английский, американский и японский посланники сильно интригуют против Ли-Хун-Чжана, не желая признать его полномочий и говоря, что он является представителем уехавшего правительства, с которым они не желают иметь никакого дела, имея намерение добиться установления какого-то нового либерального правительства и с ним вести переговоры. Удаление от дел Ли-Хун-Чжана для нас крайне нежелательно [2]). Я испытываю большие затруднения для телеграфических сношений и вынужден посылать мои телеграммы по почте в Тянь-цзинь, так как Тянь-цзинь соединен с Пекином английским, американским и японским полевыми телеграфами, передача по коим частных телеграмм затруднительна. Скоро ожидается окончание русского полевого телеграфа. Покор-

[1]) На полях собственноручная помета Николая II: «Пускай, сколько угодно!» Беловеж, 24 августа 1900 г.

[2]) В пользу приглашения Ли-Хун-Чжана в Пекин для ведения переговоров русское министерство ин. дел не переставало высказываться с первых дней возникновения конфликта (см. секр. тел. Ламздорфа Гирсу от 28/V 1900 г.).

нейше прошу ваше высокопревосходительство не отказать снестись с военным министром, просить разрешения, чтобы мои телеграммы и телеграммы обратно передавались полевым телеграфом из Пекина в Тянь-цзинь и обратно. О распоряжениях ваших покорнейше прошу меня уведомить.

Покотилов.

№. 28. Проект секретного письма управляющего министерством ин. дел в Париже [1]).

Сообщается российским представителям в Берлине, Лондоне, Вене, Риме, Вашингтоне и Токио.

Ознакомившись с содержанием письма вашего сиятельства от 17 августа, я почитаю долгом остановиться на одном наиболее существенном из затронутых вами вопросов, а именно, — относительно дальнейших практических способов разрешения китайских затруднений.

Французский министр иностранных дел, по словам вашим, полагает, что делом этим успешнее всего могла бы заняться особая конференция из представителей держав, имеющих интересы в Китае и что почин в созыве таковой конференции должен был бы принадлежать России, которая, по предварительном соглашении с Францией, могла бы предложить и соответствующую программу на обсуждение держав.

Вследствие сего поспешаю сообщить вам нижеследующие соображения.

Уже не говоря о том, что всякие конференции вообще в редких случаях приходят к желаемым результатам, мы опасаемся, что подобный способ решения китайского вопроса, в котором тотчас оказались бы замешанными самые противоположные интересы государств, представил бы на практике большие неудобства и, несомненно, затянул бы желательную развязку.

Г. Делькассэ полагает, что главными основаниями программы конференции могли бы послужить известные 4 пункта, о которых упоминается в нашем циркуляре 12 августа, а именно: 1) поддержание общего согласия держав; 2) сохранение исконного государственного строя в Китае; 3) устранение всего того, что могло бы повести к разделу Поднебесной империи и, наконец, 4) восстановление общими усилиями законного центрального правительства в Пекине, которое могло бы само обеспечить в стране порядок и спокойствие.

[1]) На полях собственноручная помета Николая II: «Вполне одобряю. Есть еще один весьма щекотливый, именно для Франции, вопрос — о миссионерах. По моему, эти господа — корень всего зла; они, вместе с коммерческими притеснениями, всего более способствовали возбуждению ненависти китайцев к европейцам. Каким-нибудь способом следовало бы упомянуть об этом, с целью ограничить бесстыдное эксплоатирование массы народа в Китае святым именем Христа». Беловеж. 24 августа 1900 г.

Нам кажется, что задачи, заключающиеся в этих 4 пунктах, настолько сами по себе ясны и определенны, что для осуществления их на деле едва ли потребуется какое-либо предварительное совещание держав на конференции. Между тем, помимо этих основных задач, ни Россия и, как мы думаем, ни Франция не имеют в виду других одинаковой важности политических целей.

Но само собою разумеется, что императорское правительство всегда готово войти в совместное обсуждение с парижским кабинетом всех вопросов, которые в общем, на наш взгляд, сводятся к следующему:

1) Восстановление с Китаем правильных отношений, существовавших до возникновения нынешней смуты, и подтверждение законным китайским правительством всех принятых им по отношению к различным державам обязательств. Быть может, в этих видах необходимо будет добиться от правительства богдыхана какого-либо формального торжественного акта в ответ на коллективные письменные требования всех иностранных представителей в Китае.

2) Поручение этим представителям выработать проект таковых требований, с указанием всех тех мероприятий, которые, по их мнению, являлись бы в настоящее время наиболее соответственными и служили бы верною гарантиею того, что китайское правительство не нарушит впредь данных обязательств. В числе указанных мероприятий, по мнению нашему, одним из самых существенных являлось бы окончательное соглашение держав относительно запрещения вывоза всякого рода оружия в Китай, каковое соглашение временно уже было достигнуто и продления коего, несмотря на все затруднения, желательно достигнуть. Другим залогом прочного внутреннего порядка было бы примерное наказание главных зачинщиков восстания и совершенное удаление принца Туана, сановников Тонг-фу-Цзяна, Кан-И, Ли-Пинг-Иена и губернатора Шанси — У-Шиена.

3) Вознаграждение за понесенные иностранными правительствами, обществами и подданными материальные убытки за время беспорядков.

Вполне точное и правильное определение таковых убытков, конечно, будет зависеть от усмотрения каждого иностранного правительства в отдельности. Но не следует терять из виду, что если все государства одновременно предъявят китайскому правительству требования о соответствующих вознаграждениях, то общая сложность таковых достигнет столь необычайных размеров, что правительство богдыхана совершенно не в состоянии будет удовлетворить подобным требованиям. А посему в этом отношении желательно, дабы достигнуть результатов, соблюдать необходимую умеренность. Быть может, державы, по обмене взглядов и в случае безуспешности найти иной выход из затруднений, придут к заключению, что подходящий способ решения этого, крайне запутанного, вопроса представлялся бы в перенесении оного на обсуждение постоянной третейской палаты в Гааге, которая озаботилась бы определением размера, следующего каждой державе, материального вознаграждения.

В заключение не могу не заметить, насколько казалось бы вообще непоследовательным говорить о мирных переговорах с Китаем, которому, как известно, ни одна из держав не объявляла войны. На наш взгляд, в данном случае речь идет не о мирных переговорах, а просто о восстановлении правильных отношений Китая к державам, нарушенных возникшими в стране беспорядками. А посему, если державам удалось притти к общему соглашению относительно основных начал политической программы, то тем легче, казалось бы, уговориться по вопросу о снабжении представителей более или менее тождественными указаниями, которыми они должны будут руководствоваться при объяснениях с уполномоченными законного китайского правительства по вопросам общего характера, затрогивающим интересы всех держав в совокупности.

Весьма желали бы знать мнение г. Делькассэ о таковом упрощенном способе решения нынешних китайских затруднений.

№ 29. Письмо французского посла в Петербурге на имя управляющего мин. ин. дел гр. Ламздорфа.

С.-Петербург. 1 сентября 1900 года [1]).

Князь Урусов сообщил вчера г. Делькассэ полученную им от вас телеграмму относительно основных положений тех переговоров, к которым должны будут приступить различные кабинеты и на основании которых уже и теперь могла бы быть выработана определенная программа, в согласии с коей нашим представителям в Китае должны быть посланы тождественные инструкции. Г. Делькассэ вполне одобряет вашу мысль и принимает указанные вами пункты: наказание виновных и, в частности, принца Туана; продление запрещения ввоза оружия в Китай; возмещение убытков и гарантии на будущее время. Для осуществления последнего г. Делькассэ полагал бы необходимым учреждение постоянного караула для охраны наших миссий, — срытие укреплений в Таку и оккупацию двух или трех пунктов на линии от Пекина к морю. Если вы полагаете своевременным, чтобы выиграть время, теперь же притти по этим основным вопросам к соглашению с другими державами, я очень просил бы вас известить меня, и, со своей стороны, я немедленно уведомил бы о том г. Делькассэ.

P. S. По поводу намерений Англии происходит нечто странное. Г. Рихтгофен [2]) сказал во вторник нашему поверенному в делах в Берлине, что Англия заявила о своем нежелании отозвать как свою миссию, так и войска. В тот же день государственный секретарь Англии говорил нашему поверенному в делах, что лорд Сольсбери нисколько

[1]) Перевод с французского. 14 сентября по нов. ст. Письмо французского посла сохранилось в делах министерства в виде копии, заготовленной для всеподданнейшего доклада.

[2]) Статс-секретарь по иностранным делам Германии.

не торопится выявлять линию своего поведения, и, наконец, в среду г. Делькассэ выслушал от английского посла заявление о том, что лорд Сольсбери выскажется не ранее, чем получит ответ на поставленные им сэру Макдональду вопросы.

№ 30. Секретная телеграмма гл. нач. Квантунской области.

Таку. 1 (14) сентября 1900 года.

Сегодня прибыл нарочный китайский посланец от мукденских цзянь-цзюня и высших сановников с депешею следующего содержания: ссылаясь на вековую дружбу, побудившую Россию выручить Китай после войны с японцами, они просят приостановить дальнейшее наступление наших войск до заключения мира, переговоры о коем, по слухам, уже начались в Пекине. Сообщают, что несколько десятков боксеров казнены и страна очищена от бунтовщиков. Указывают, что продолжение военных действий разрушает благосостояние населения и вредно отзовется на интересах манчжурской железной дороги и преследуемых ею торговых целях. — Сообщая содержание депеши посланнику в Пекине, отвечаю цзянь-цзюню, что просьбу его передаю в Петербург, откуда буду ждать указаний для дальнейших действий.

Алексеев.

№ 31. Проект секретной телеграммы вице-адмиралу Алексееву в Таку [1]).

Сообщается д. с. с. Гирсу в Пекин.

Телеграмма ваша по поводу ходатайства мукденского цзянь-цзюня о приостановке наступления наших войск повергнута мною на высочайшее государя императора благовоззрение и сообщена военному министру, по словам коего как вам, так и генералу Гродекову, уже ранее были отправлены соответствующие высочайше одобренные указания.

Во всяком случае, в высшей степени желательно, чтобы при сношениях ваших с местными китайскими властями вы разъясняли им, что принимаемые нами временные меры по линии Мукден-Гиринской и на побережье Ляодунского залива (по обезоружению манчжурских войск и крепостей) [2]),— служа единственно средствами к прочному обеспечению постройки дороги и продовольствия войск, — отнюдь не могут быть сочтены неприязненными и вызываются исключительно тем положением, которое, к сожалению, создано самими китайцами.

---

[1]) На полях собственноручная помета Николая II: «С-ъ. Мы не можем остановиться на полпути. Манчжурия должна быть пройдена нашими войсками с севера на юг, ибо нельзя полагаться на заверения китайцев после всего случившегося». Спала, 10 сентября 1900 г.

[2]) Слова, взятые в скобки, вставлены рукою Николая II.

№ 32. Письмо германского посла в Петербурге на имя управляющего мин. ин. дел гр. Ламздорфа [1]).

Господин граф.

По распоряжению моего правительства имею честь довести до сведения вашего сиятельства нижеследующее:

Правительство его императорского величества считает выдачу лиц, относительно коих будет доказано, что они являлись главными и действительными инициаторами совершенного в Пекине преступления прот ив международного права,— необходимым условием для восстановления дипломатических сношений с Китаем.

Число замешанных в совершении этого преступления лиц чрезвычайно велико, — массовая казнь была бы несовместима с требованиями цивилизации. Кроме того, в настоящих обстоятельствах было бы, вероятно, даже невозможно открыть всю группу вожаков в целом.

Небольшая часть их,— тех, чья виновность несомненна,— должна быть выдана и наказана. Представители держав в Пекине должны будут при расследовании этого дела доставить все, имеющиеся у них, изобличающие доказательства. Главное не в том, чтобы подвергнуть наказанию большое количество лиц, а именно в том, чтобы поразить главных подстрекателей и вожаков.

Правительство его императорского величества рассчитывает на единодушие в этом вопросе всех кабинетов, так как равнодушное отношение к идее справедливого возмездия было бы равносильно равнодушию перед возможностью повторного преступления. В виду этого правительство его императорского величества предлагает всем заинтересованным кабинетам озаботиться тем, чтобы их представители в Пекине указали тех китайских руководителей, виновность коих либо в подстрекательстве, либо в самом выполнении преступления не подлежат никакому сомнению.

Аналогичное сообщение сделано и другим заинтересованным кабинетам.

Благоволите, господин граф, принять уверение в моем глубоком уважении.

Радолин.

С.-Петербург. 5 (18) сентября 1900 г.

№ 33. Проект секретной телеграммы посланнику в Пекине [2]).

Не теряйте из виду, что в деле предстоящих переговоров с китайским правительством мы различаем два совершенно отдельные друг от друга вопроса: один — общий, касающийся всех держав в совокупности; другой — частный — вопрос будущего урегулирования отношений

[1]) Перевод с французского.

[2]) На полях собственноручная помета Николая II: «С-ъ». Спала, 13 (26) сентября 1900 г.

России к Китаю, в который мы отнюдь не можем допустить какого-либо вмешательства остальных государств.

По первому из них в настоящее время идет обмен взглядов между державами; как только они придут к соглашению относительно требований, которые должны служить исходною точкою общих переговоров, вам будут сообщены надлежащие указания.

Что касается второго вопроса, то по оному возможно будет приступить впоследствии к совершенно самостоятельным переговорам, при чем, конечно, будут приняты во внимание и высказанные вами в телеграммах 7 и 8 сентября соображения.

№ 34. Телеграмма воен. министра на имя Линевича в Тянь-цзин.

С.-Петербург. 21 сентября (4 октября) 1900 г. [1]).

Телеграммы из английских источников сообщают, что наши войска в Пекине вывезли все имущество одного из дворцов. Государь император высказал мне свое негодование по поводу этих слухов. Телеграфируйте для доклада его величеству: какие вами приняты меры, дабы не только сохранить имущество дворцов, но и избегнуть обвинений русских войск в участии в грабеже. Донесите, что́ вами исполнено по осмотру имущества войск.

Куропаткин.

№ 35. Секретная телеграмма гл. нач. Квантунской области.

Порт-Артур. 23 сентября (6 октября) 1900 г.

Лично посетив Шанхай-Гуань и Цин-Ван-Дао, я мог убедиться, насколько ревниво англичане относятся к факту занятия нами северной Китайской дороги, чему всеми силами стараются противодействовать. Происки их, видимо, находят поддержку у Германии, желающей, с своей стороны, заручиться содействием англичан для осуществления своих видов на преобладание в порте Цин-Ван-Дао и овладеть Кайпинскими копями. Считаю долгом высказать мое твердое убеждение, что железная дорога, как собственность китайского правительства, фактически занятая и защищенная нашими войсками от разрушения — с неизбежными потерями в людях,— безусловно должна оставаться в наших руках, по крайней мере до окончательного разрешения настоящего кризиса. Мною уже приняты меры к дальнейшему занятию и предупреждению порчи пути Шанхай — Гуань — Инкоу — Синминтин.

Алексеев.

№ 36. Секретная телеграмма гл. нач. Квантунской области.

Порт-Артур. 23 сентября (6 октября) 1900 г.

Равным образом считаю крайне важным удержать за нами Кайпинские угольные копи, обладание коими представляет большое значение в военном отношении. Хотя железная дорога Тонку — Инкоу — Син-

[1]) В делах мин. ин. дел хранится заверенная копия.

минтин построена при содействии английских капиталов, а в компании Кайпинских копей участвует известный германский предприниматель Детринг, — тем не менее, в силу настоящего положения вещей в Китае, это обязательство китайского правительства по отношению к иностранцам нельзя считать препятствием для нашего временного их занятия и пользования, что в совокупности представляет надежное обеспечение для возмещения наших военных расходов, вызванных событиями последнего времени. Так как, в виду подчинения наших войск графу Вальдерзэ, представляется вероятным обсуждение этих вопросов начальниками союзных отрядов, то я счел необходимым своевременно снабдить генерала Линевича указаниями в вышеозначенном смысле.

Алексеев.

№ 37. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Тянь-цзин. 28 сентября (11 октября) 1900 г.

Военными нашими властями поднимается вопрос об учреждении русской концессии в той части Тянь-цзина, которая наиболее была обагрена кровью наших солдат при мужественной их защите города. Прошу указать, насколько учреждение такой концессии входит в виды министерства. По мнению моему, учреждение ее было бы весьма желательно, при условии, чтобы при отведении ее были бы обойдены участки, принадлежащие иностранным подданным и было включено в нее возможно больше китайской казенной земли, продажа коей дала бы средства для оборудования концессии, могущей стать наравне с хорошо обставленными английской и французской концессиями Тянь-цзина.

Гирс.

№ 38. Телеграмма г.-л. Линевича на имя военного министра [1]).

Тянь-цзин. 30 сентября (13 октября) 1900 г.

Занятые русскими войсками императорские дворцы все время охраняются, при чем генерал Стессель все дворцы опечатал, к каждому дворцу приставил караул и часовых, во дворцы безусловно никто не допускается, дозволяли вход для осмотра дворцов только посланникам и иностранным генералам; также докладываю, что никаких вещей из дворцов не вывозилось. Возмутительная клевета англичан на русские войска в ограблении дворцов не есть первая клевета, это только новый прием англичан оклеветать русских. Из уважения к союзникам я никогда не дозволял себе непристойно отзываться об англичанах. Ныне считаю обязанностью доложить, что собственными глазами видел даже у начальствующих лиц, англичан, безусловно горы до потолка награбленных различного сорта в свертках новой шелковой

[1]) В делах мин. ин. дел хранится заверенная копия.

материи, тоже горы шелковых костюмов, мехов, ковров и других дворцовых вещей; кроме сего, у каждого английского солдата был свой чемодан разных вещей и мехов. Все это своевременно было отправлено в Индию, а те материи и вещи, которые они запоздали отправить в Индию, продавались в Пекине в английском посольстве с аукционного торга, день в день в продолжение трех недель; об аукционах даже рассылались всем союзникам объявления; вещи на этом аукционе покупали все нации и наши русские офицеры и солдаты. Ничего подобного у русских не было и быть не могло; наши русские войска даже найденное разновременно серебро в слитках представляли по команде; серебра было представлено более ? [1]) пудов. Высокое положение, которое русские войска заняли в печилийской армии, всегда служило предметом зависти англичан. Они всячески желали и ныне желают умалить значение русских войск, не останавливаются даже перед клеветой на русские войска. Смею уверить, что русские войска в печилийской армии находятся, как нашей армии надлежит находиться.

Линевич.

№ 39. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 30 сентября (13 октября) 1900 г. [2]).

Лондонский кабинет в принципе принял первые пять пунктов циркуляра г. Делькассэ по поводу китайских дел. Лорд Сольсбери воздержался лишь по пункту 6, трактующему о мерах, имеющих быть принятыми для обеспечения союзникам беспрепятственного сообщения между Пекином и морем. Министр полагает, что, во избежание недоразумений, каждый из укрепленных пунктов должен быть занят войсками одной национальности, но не смешанными отрядами. Кроме того, он считает, что пункты эти должны быть скорее расположены между Тянь-цзинем и Таку, чем между Тянь-цзинем и Пекином.

Стааль.

№ 40. Секретная телеграмма поверенного в делах в Вашингтоне [3]).

Вашингтон. 7(20) октября 1900 г.

Вашингтонский кабинет, получив сообщение от французского поверенного в делах о том, что все державы согласны лишь с главными основаниями французского предложения и что теперь следовало бы приступить к переговорам с китайцами, высказал свое полное сочувствие этой мысли. Федеральное правительство, послав своему посланнику в Пекине инструкции начать вместе с другими представителями

[1]) Вопросительный знак проставлен в оригинале.

[2]) Перевод с французского.

[3]) Де-Воллан состоял в должности 1-го секретаря русского посольства в Вашингтоне; послом был Кассини.

переговоры с китайскими уполномоченными на основании принятых вашингтонским кабинетом пунктов французской программы, высказывает при этом пожелание, чтобы державы коллективно изъявили свое намерение сохранить нераздельность Китая и обеспечить свободу торговли Китая с остальным миром.

Де-Воллан.

№ 41. Секретная телеграмма посланника в Пекине [1].

Пекин [2]. 9 (22) октября 1900 г.

Ли [3] сообщает мне, что при свидании его и Цина с английским посланником последний заявил, что денежные средства найти легко, если Китай согласится передать Англии финансовое управление. На ответ Ли, что это равносильно потере независимости, посланник, будто бы заметил, что да, но лишь временно. О финансовом контроле говорил мне и американскому посланнику, по мнению коего Китаю надлежит заключить заем с целью предупреждения территориальных возмещений. Считая всякий контроль крайне опасным, буду, насколько возможно, отклонять обсуждение его, заявляя, что нам надлежит прежде всего вести переговоры на основании французского предложения, а вопрос о способе уплаты наступит, когда державы будут приблизительно знать .....

(не разобрано и потребовано повторение).

Гирс.

№ 42. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 13 (26) октября 1900 г.

Сегодня по моей инициативе состоялось первое собрание дипломатического корпуса для обсуждения окончательной редакции предложений, имеющих быть представленными Китаю. После продолжительного обсуждения пришли к следующему единогласному заключению по первому пункту, которое представляем на утверждение наших правительств. Должны быть преданы смерти князья Туан, Чжуан и Лан-Ии, сановники Кан-И, Чжао-Шу-Цяо, Дун-Фу-Сян и Ин-Нянь и преданы соответственному наказанию по общему требованию посланников те, вина коих выяснится в течение переговоров. Это предложение имеет быть представлено в качестве бесповоротного требования. Род казни не будет определен. Полагаю, что казнь князей может встретить некоторое затруднение, но я присоединился к общему мне-

---

[1]) На полях собственноручная помета Николая II: «Нам нужно будет всячески противиться стремлению Англии захватить финансовое управление Китая в свои руки». Ливадия, 14 октября 1900 г.

[2]) Возвращение Гирса в Пекин относится к 5/X 1900 г.

[3]) Сокращено вм. Ли-Хун-Чжан.

нию, так как оно было принято всеми и в виду того, что исполнение этого требования не ставится более условием начатия переговоров. Отчасти виноваты в том сами китайцы, заявившие некоторым посланникам о желательности казни Туана. В воскресенье состоится новое заседание для обсуждения пунктов.

Гирс.

№ 43. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 17 (30) октября 1900 г.

Германский посланник заходил ко мне просить отложить обсуждение моего предложения о приостановлении военных действий и оформить это предложение, дабы он мог сообщить его Берлину и получить указания, иначе ему пришлось бы не принимать его, так как Германия не считает возможным заявлять о прекращении военных действий до наказания виновных. При этом он добавил, что не будет задерживать хода переговоров и примет участие в них. Я согласился обождать, тем более что своим предложением я добивался главным образом утверждения сознания, что время переговоров настало. Оформил его я так: посланники представляют своим правительствам мнение, что в виду скорого приступления к переговорам с Китаем было бы желательно приостановить военные действия на столько, на сколько военные власти считают это согласным с необходимостью обеспечить безопасность. Мумм сообщил мне, что фельдмаршал намерен фактически придерживаться такого образа действий, но боится связать себя, и что в Берлине вновь будто бы усилилось чувство мести Китаю. Крайне желательно, чтобы Пишон получил приказание приступить к переговорам; он уверяет, что его не имеет и лично решительно против них до казни виновных.

Гирс.

№ 44. Секретная телеграмма посланника в Пекине.

Пекин. 18 (31) октября 1900 г.

Сегодня по обсуждении всех предполагаемых пунктов ультиматума английский посланник заявил, что на следующем заседании в понедельник он предложит новый пункт, обязывающий Китай приступить к пересмотру трактатов в известном направлении. Я ему возразил, что этот вопрос ничего не имеет общего с последними событиями и нисколько не входит в рамку 6 французских пунктов. Как он, так и немец, американец и итальянец ответили, что они не стеснены этой рамкой. Сатоу добавил, что ему известно, что один из посланников намерен предложить объявить Пекин открытым городом для иностранной торговли. Полагаю, что он намекал на австрийца. Крайне необходимо положить предел изобретательности посланников, идущей прямо вразрез с нашими интересами. Французские и добавочные пункты

рассмотрены, ими правительства должны бы ограничить посланников. Прошу ответа кабелем, так как другие получают ответы на четвертый день, а я чрез Сибирь лишь на десятый.

Гирс.

№ 45. Письмо военного министра упр. мин. ин. дел.

3 (16) декабря 1900 г. № 1123.

В. с е к р е т н о.

Милостивый государь

граф Владимир Николаевич.

Вчерашнего числа вами препровождена ко мне секретная телеграмма действительного статского советника Гирса, из Пекина, от 28 ноября [1]), с просьбой дать заключение по ней.

Из означенной телеграммы видно, что наш посланник в Пекине полагает возможным ныне же заключить соглашение между миссией в Пекине и китайскими уполномоченными, дабы определенно выговорить ныне же исключительное право наше получить концессию на обработку рудных богатств и постройку железных дорог как в Манчжурии, так, быть может, и во всем районе, входящем в сферу нашего влияния. Действительный статский советник Гирс высказывает, кроме того, мнение, что теперь же надлежит установить те права, кои мы желаем сохранить за собою в Манчжурии, так как легко может быть, что впоследствии будет труднее добиться согласия Китая. Кроме того, наш посланник полагает, что предполагаемая кн. Ухтомским поездка в Манчжурию успокоит китайцев.

Относительно прав, кои мы можем сохранить за собою в Манчжурии, совершенно определенно указано в «Основаниях русского правительственного надзора в Манчжурии», выработанных по соглашению трех министров. Казалось бы, эти основания и должны составить базу наших переговоров с Китаем относительно Манчжурии. Одновременно с переговорами о принятии китайским правительством сих «Оснований» казалось бы возможным и вести переговоры относительно прав на обработку рудных богатств и постройку железных дорог в Манчжурии.

С военной точки зрения я придаю особое значение для России не торопиться выводом войск наших из Манчжурии.

Главными задачами России в Манчжурии я ныне признаю: 1) окончание постройки строющихся нами в Манчжурии железных дорог и 2) установление такой охраны сих дорог, по окончании их постройки, которая вполне обеспечивала бы связь России через Манчжурию: в одну сторону до Владивостока и в другую — до Порт-Артура.

---

[1]) В телеграмме от 28/XI 1900 г. Гирс сообщал о стремлении Цина и Ли возможно скорее добиться от России возвращения Китаю Манчжурии.

Считаю себя обязанным высказать убеждение, что охранная стража даже после ее усиления не может справиться с этими двумя задачами без поддержки еенашими войсками, расположенными в Манчжурии.

Еще в октябре месяце мы имели в пределах Китая свыше 60 батальонов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия.

В настоящее время в Манчжурии расположено 28 батальонов и в Печилийской провинции 6 батальонов; итого в пределах Китая мы ныне располагаем силою в 34 батальона [1]). Если принять в расчет произведенную демобилизацию войск, то можно принять, что наши силы в пределах Китая в октябре и ноябре месяцах уменьшены более, чем вдвое. К лету будущего года, если обстоятельства то позволят, желательно произвести новое значительное уменьшение этих сил, но до окончания постройки железной дороги вряд ли нам удастся обойтись в Манчжурии меньшим числом войск, чем 20 батальонов с соответствующими частями других родов оружия. По окончании постройки, если спокойствие во всех трех провинциях будет обеспечено, то я полагал бы возможным ограничиться расположением в двух северных провинциях в Харбине, Гирине и Цицикаре 8-ми батальонов и в Мукденской провинции, в Мукдене, —4-х батальонов [1]), предоставив занятие и непосредственную охрану линии железной дороги войскам охранной стражи. Наконец, даже при наиболее благоприятных для нас условиях, наши военные интересы не будут обеспеченными, если мы не сохраним за собою права удержать в Манчжурии на неопределенное время в поддержку к охранной страже силу в 8 батальонов с соответствующим числом частей других родов оружия. Это составит лишь $^1/_6$ часть тех сил, кои были нами введены в пределы Китая.

Если по тем или другим причинам Россия будет вынуждена вывести все свои войска из Манчжурии, то я как представитель военного ведомства не могу не высказать мнения, что жертвы, принесенные ныне Россией в Манчжурии, являются непроизводительными, ибо, в случае новых осложнений на Дальнем Востоке, связь России с Владивостоком и Порт-Артуром останется не обеспеченною.

Позволяю себе приводить все эти соображения, ибо в предстоящих переговорах с Китаем я, будучи убежденным сторонником неприсоединения к России Манчжурии, придаю в то же время вопросу о сохранении за нами права иметь войска в Манчжурии первенствующее значение перед всеми прочими интересами политического и экономического значения.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

А. Куропаткин.

---

[1]) Кроме соответствующих частей войск других родов оружия. (*Прим. в подлиннике.*)

№ 46. Письмо посла в Берлине.

Берлин. 8 (21) декабря 1900 г. [1]).

Строго лично.

Дорогой граф.

Если внезапная отставка князя Гогенлоэ и замена его графом Бюловым не могла бы удивить даже поверхностного наблюдателя хода событий в Германии, — то известие о заключенном с Англией соглашении относительно политического влияния на Дальнем Востоке является сюрпризом, и к тому же не из приятных [2]).

Боюсь, что теперь оправдываются мои давние опасения, которые возникли у меня со времени появления Германии в Китае. Именно под влиянием этих опасений, я и старался после прискорбного инцидента с Киао-Чао приобщить Германию к нашим интересам на Дальнем Востоке и убедил графа Бюлова написать мне письмо его от 17 декабря 1897 года, подкрепленное личными обещаниями, данными мне самим императором Вильгельмом.

По моей мысли, это письменное заявление и эти обещания должны были послужить как бы прелюдией к договору, который дал бы нам уверенность в том, что Германия не будет искать себе какого-либо иного союзника на Востоке. Я сожалею, что ваш предшественник не захотел понять этой мысли и что даже в личной беседе со мной он оспаривал необходимость официального соглашения между обоими правительствами. Соглашение это сделало бы невозможным теперешнее нежелательное соглашение с Англией. Не преувеличивая слишком значение последнего и даже стремясь дать ему наиболее благоприятное для нас истолкование, к нему все же нельзя не отнестись, как к известному предупреждению, предшествующему, может быть, перемене курса немецкой политики. Меня еще более укрепляет в этом предположении доверительное сообщение одного из моих немецких коллег, которому в канцеляриях на Вильгельмштрассе объясняли заключение этого соглашения, как результаты неудачи в переговорах с нами.

Граф Бюлов вчера, во время нашей совершенно конфиденциальной беседы, признался мне, что он нашел императора под сильнейшим впечатлением от отступления наших войск от Пекина, а также он не скрыл от меня и того, что Англия всячески старается склонить его величество к точке зрения Сент-Джемского кабинета.

«Я не думаю, — сказал мне канцлер, — чтобы в Петербурге не отдавали себе отчета в значении той работы, которую сейчас проводит Англия».

---

[1]) Перевод с французского.

На полях письма имеется приписка черным карандашом: «Этот документ должен храниться в совершенно секретном архиве».

[2]) Соглашение Германии с Англией о сферах влияния на Дальнем Востоке было подписано в Лондоне 16 октября 1900 г.

Так как граф Бюлов настойчиво старался убедить меня в том, что это соглашение является для Германии лишь гарантией против стремлений Англии вести в Китае обособленную политику, я позволил себе ему заметить, что если принять это доверительное разъяснение, то невольно напрашивается вопрос, какую компенсацию получит Сент-Джемский кабинет за то, что он поступается свободой действий на Востоке.

«Одним словом, — сказал я моему собеседнику, — является ли это случайным актом, обусловленным требованиями момента, или же он имеет за собой какие-либо дополнительные, секретные соглашения?»

«Уверяю вас, — ответил мне Бюлов, — что ни в связи с ним, ни за ним решительно ничего нет, — мы просто хотели предохранить себя от нежелательных случайностей, и мы надеемся, что в границах возможного мы достигли этого».

Я не скрою от вас, что, несмотря на эти уверения и сопровождавшие их добрые слова, я вынес от этого разговора тяжелое впечатление.

Я боюсь, что в оценке императором его отношений с нами происходит в настоящее время поворот и, может быть, не многое нужно для того, чтобы эта работа мысли привела к новой ориентации его величества, которому так свойственно переходить от одного преувеличения к другому и игра воображения которого не поддается никакому учету и не может быть обуздана никакими спокойными, уравновешенными доводами разума.

Само собой разумеется, я сообщаю эти соображения вам одному. Я не пессимист по натуре, и до сих пор, несмотря на все тягостные и трудные обстоятельства, с которыми приходилось сталкиваться, меня всегда ободряла та настойчивость, с которой император независимо от всего и даже вопреки всему стремился исходить в своей политике из личного его соглашения с нашим августейшим монархом, соглашения, сохранившегося несмотря ни на внешние, ни на внутренние интриги, но прочность коего зависела от веры императора в возможность достижения своей цели. Я боюсь, что вера эта поколебалась и что первым доказательством этого и является соглашение с Англией.

Со времени получения императором телеграфного ответа нашего монарха по вопросу о назначении Вальдерзэ и обнаруженного в связи с этим восторга, в императоре произошла огромная перемена, — и все это в такой короткий, короткий срок.

Я обещал вам, дорогой граф, быть совершенно откровенным в моей личной переписке с вами. Доказательством тому служит это письмо.

Полагаюсь на вашу скромность.

Благоволите, дорогой граф, верить моему уважению и моей искренней преданности вам.

Остен-Сакен.

№ 47. Проект секретной телеграммы посланнику в Пекине [1]).

№ 1.

Сообщается российским послам и посланнику в Токио.

Не теряйте из виду, что, вслед за подписанием всеми посланниками коллективной ноты и предъявлением ее китайским уполномоченным, наша задача в Печили может считаться законченною. А посему мы не видим возражений против принятия предложения, внесенного английским посланником, о том, что международные войска не покинут печилийского театра до тех пор, пока Китай не подчинится поставленным ему требованиям.

Для русских интересов было бы, наоборот, невыгодно, если бы, напр., Германия, со свойственной ей резкой изменчивостью в решениях, внезапно отозвав свои войска, задумала искать расположения и дружбы Китая, что поставило бы нас в весьма затруднительное положение при переговорах о сепаратном соглашении с китайским правительством.

Заявив ясно и определенно с самого начала китайского кризиса, что по высочайшей воле Россия не будет участвовать ни в каких карательных экспедициях и не станет преследовать враждебных целей по отношению к соседней империи, — мы подтвердили это заявление при отозвании русских войск с печилийского театра тотчас по освобождении осажденных в Пекине императорской миссии и русских подданных.

Согласие наше на включение поправки Сатоу ни в чем не изменяет такового решения.

Высказав заранее взгляд свой на целесообразность некоторых из поставленных Китаю требований, императорское правительство не желало, однако, затягиванием переговоров создавать препятствия скорейшему мирному разрешению вопроса: но, само собою разумеется, оно ни в каком случае не примет участия в насильственных мерах с целью поддержать такие требования, как постановка памятника Кеттелеру, посылка чрезвычайного посольства в Берлин и Токио и т. п.

Затем, исключительно для личного вашего сведения, считаю долгом заметить, что некоторое продление оккупации в Печили, возбуждая ненависть китайцев против остающихся там иностранных экспедиционных отрядов, едва ли может нанести какой-либо ущерб чисто русским интересам в этой провинций; а между тем таковое положение дел представит для нас вполне законное основание продолжить, в согласии с заявлениями циркуляра 12 августа, занятие Манчжурии, внутренняя организация коей еще требует с нашей стороны не мало забот и усилий.

---

[1]) На полях собственноручная помета Николая II: «С-ъ». Ливадия, 9 (22) декабря 1900 г.

Ниже, против второго абзаца собственноручная его же приписка: «Очень хорошо».

Вызвать окончательно из Манчжурии наши войска мы обещали лишь по водворении в Китае полного порядка и — если образ действий других держав не будет служить тому препятствием; на наш взгляд — восстановление нормального порядка вещей нельзя считать обеспеченным, пока двор не вернется в Пекин, что, в свою очередь, станет возможным лишь в том случае, когда иностранные войска покинут столицу империи.

№ 48. Проект секретной телеграммы посланнику в Пекине [1].

№ 2.

Ссылаюсь на мою телеграмму от 2 декабря.

Ныне, казалось бы, настала благоприятная минута приступить к переговорам для заключения отдельного соглашения между Россией и Китаем, упоминаемого в телеграмме моей от 2 декабря. Принципиальные соображения министров военного и финансов о тех преимуществах, которые, с точки зрения вверенных им ведомств, необходимо выговорить в Манчжурии, мною получены.

Переговоры по сему предмету желательно вести не в Пекине, а в Петербурге, где в целях выработки предварительного проекта соглашения, имеющего быть повергнутым на высочайшее благовоззрение, — представляется возможность, одновременно с объяснениями лично с китайским посланником, поддерживать непрерывный обмен мыслей с вышеуказанными ведомствами.

Вследствие сего не считаете ли возможным ныне же доверительно объясниться с Ли-Хун-Чжаном и убедить его в необходимости исходатайствовать для помянутой цели самые широкие полномочия Ян-Ю, во избежание проволочек, вызываемых телеграфными сношениями с Пекином.

№ 49. Коллективная нота, переданная иностранными представителями в Пекине китайским уполномоченным.

В течение мая, июня, июля и августа текущего года в северных китайских областях имели место серьезные беспорядки, и при крайне прискорбных обстоятельствах были совершены не имеющие прецедента в истории человечества преступления против международного права, против всех человеческих законов и против цивилизации.

Главными из этих предступлений являются следующие:

1) 20 июня его превосходительство барон фон-Кеттелер, германский посланник, был убит по дороге в Цзун-ли-Ямынь, при исполнении своих обязанностей, солдатами регулярной армии, действующей по приказанию своих начальников.

2) В тот же день иностранные миссии подверглись нападению и были осаждены. Эти нападения производились без перерыва до 14 ав-

[1]) На полях собственноручная помета Николая II: «С-ъ». Ливадия, 9(22) декабря 1900 г.

густа, когда прибытие иностранных войск положило им конец. Они производились солдатами регулярной армии, которые присоединились к боксерам, повинуясь при этом приказам, исходившим из императорского дворца. В то же время китайское правительство официально заявляло державам через своих представителей, что оно гарантирует миссиям безопасность.

3) 11 июня г. Сугияма, советник японской миссии, был убит у городских ворот солдатами регулярной армии при выполнении служебных обязанностей.

В Пекине и в некоторых провинциях боксеры и правительственные войска нападали на иностранцев, мучили их и убивали; последним удавалось спасаться, лишь оказывая отчаянное сопротивление. Учреждения их были разграблены и разрушены.

4) Иностранные кладбища, особенно в Пекине, подверглись осквернению: могилы разрывались, кости покойных разбрасывались.

События эти вынудили иностранные державы послать в Китай свои войска для охраны жизни их представителей и для восстановления порядка.

На пути к Пекину союзные войска встретили сопротивление со стороны китайских войск, и для преодоления его им пришлось прибегнуть к силе оружия. В виду того, что Китай признал падающую на него ответственность, выразил сожаление о происшедшем и высказал желание, чтобы вызванному указанными беспорядками положению был положен предел, державы решили согласиться на его просьбу при обязательном выполнении им нижеперечисленных условий, которые державы считают необходимыми для искупления содеянных преступлений и для предотвращения их повторения.

I.

а) Отправка в Берлин чрезвычайной миссии в сопровождении принца императорского дома для выражения сожалений от имени его величества, китайского императора, и китайского правительства по случаю убийства его превосходительства покойного барона фон Кеттелера, германского посланника.

в) Сооружение на месте убийства памятника, подобающего рангу покойного с надписью на латинском, немецком и китайском языках, с выражением сожалений от имени китайского императора по поводу совершенного убийства.

II.

а) Самое суровое наказание соответственно содеянным преступлениям для лиц, упомянутых в указе от 25 сентября 1900 г., и для тех, которые будут указаны позднее представителями держав.

в) Прекращение всех государственных экзаменов на пятилетний срок по всем городам, где происходили убийства иностранцев и где последние подверглись жестокому обращению.

III.

Со стороны китайского правительства последует достодолжное удовлетворение японского правительства за убийство г-на Сугияма, советника японской миссии.

IV.

Китайским правительством будут воздвигнуты искупительные памятники на всех иностранных и международных кладбищах, которые подверглись оскорблению и где были разрушены могилы.

V.

Продление по имеющим быть выработанным между державами условиям запрещения ввоза оружия, равно как и материалов, служащих исключительно для изготовления оружия и предметов военного снаряжения.

VI.

Справедливое возмещение убытков государствам, обществам, частным лицам, также и китайцам, пострадавшим при последних событиях как лично, так и имущественно из-за того, что они находились на иностранной службе.

VII.

Предоставление каждой державе права образовать постоянный караул для ее миссии и озаботиться охраной дипломатического квартала.

Китайцы будут лишены права жительства в этом квартале.

VIII.

Форты Таку и другие, препятствующие свободному сообщению между Пекином и морем, будут срыты.

IX.

Право занятия войсками некоторых пунктов, имеющих быть определенными по соглашению держав, в целях сохранения свободного сообщения между столицей и морем.

X.

а) Китайским правительством будет на двухлетний срок обнародован во всех городах провинций императорский указ о воспрещении под страхом смертной казни участия в каких-либо антиевропейских обществах; перечисление всех видов наказаний, которым будут подвергаться виновные, включая сюда и прекращение всех государствен-

ных экзаменов в городах, где убивали иностранцев и где они подвергались жестокому обращению.

в) Будет издан и распубликован по всей империи указ, устанавливающий, что все генерал-губернаторы, губернаторы и местные и провинциальные чиновники будут ответственны за поддержание порядка в подлежащих их ведению округах и что в случае новых беспорядков, направленных против иностранцев или иных каких-либо нарушений договоров, если бы против них не были бы немедленно приняты меры и виновные не были бы наказаны, чиновники эти будут немедленно отозваны без права последующего занятия каких-либо новых должностей и получения каких-либо знаков отличия.

XI.

Китайское правительство обязуется обсудить все поправки, которые иностранные правительства найдут нужным сделать в договорах о торговле, мореплавании и других, затрагивающих вопросы торговых взаимоотношений, в целях облегчения последних.

XII.

Китайское правительство обязуется произвести реорганизацию управления иностранными делами и изменить принятый при дворе церемониал приема иностранных представителей сообразно указаниям держав.

До тех пор, пока китайское правительство не изъявит согласие на удовлетворение поставленных ему державами выше указанных условий, нижеподписавшиеся не сочтут возможным высказаться определенно по вопросу о прекращении оккупации Пекина и чжилийской провинции союзными войсками.

Пекин. 22 декабря 1900 г. [1])

Подписали уполномоченные:

Германии — *А. фон Мумм.*
Австро-Венгрии — *М. Цикан.*
Бельгии — *Иоостен.*
Испании — *В. Ж. Кологан.*
Американских Соединенных Штатов *Е. Конджер.*
Франции — *С. Пишон.*
Великобритании — *Эрнест Сатоу.*
Италии — *Сальваго Раджи.*
Японии — *Т. Нисси.*
Нидерландов — *Ф. М. Кнобель.*
России — *Михаил Гирс.*

[1]) 9 декабря по ст. ст.

М. А. Бакунин в сороковые годы.

I.

Сороковые годы занимают одну из важнейших страниц в жизни М. А. Бакунина. За эти годы не только сложились в общем взгляды знаменитого агитатора, но на них приходятся также первые его политические выступления, в том числе такие громкие, как участие в революции 1848—49 годов. Особенный интерес представляет процесс выработки его мировоззрения, который за этот период, под влиянием уроков европейской жизни, шел чрезвычайно быстро. Этот процесс до сих пор не может, однако, почитаться вполне выясненным. Каким путем правоверный гегельянец в течение каких-либо двух лет (1840—1842) превратился в крайнего демократа и крупного революционного деятеля, мы и сейчас еще в точности не знаем, несмотря на то, что за последнее время опубликованы весьма важные материалы, приоткрывающие несколько завесу над этой темной проблемой.

Мы имеем в виду те богатые материалы Премухинского архива, которые использованы А. Корниловым в его новой книге «Годы странствий Михаила Бакунина». выпущенной в 1925 года Ленгизом и представляющей продолжение первого тома семейной хроники Бакуниных, напечатанного тем же Корниловым под заглавием «Молодые годы Михаила Бакунина» в 1915 году. Но хотя новые, сообщенные А. Корниловым, материалы и позволяют, во-первых, уточнить некоторые существенные даты биографии М. Бакунина (напр., момент принятия им решения о превращении в политического эмигранта), а, во-вторых, заглянуть в ту лабораторию, в которой постепенно совершался процесс психологического перерождения М. А. Бакунина и систематического левения его политических воззрений, тем не менее эти материалы не дают возможности ответить на все вопросы, встающие перед нами при исследовании жизни этого замечательного исторического деятеля. И главным недостатком работ А. Корнилова по Бакунину (недостатком, который сам автор, вероятно, сознавал, но к устранению которого он, повидимому, и не стремился) заключается в том, что Корнилов использовал исключительно материалы российского происхождения, и в первую голову материалы семейного архива Бакуниных.

Иностранные источники и пособия, относящиеся к тому же периоду, о котором трактует работа Корнилова, оказались совершенно вне его поля зрения. Они настолько мало его интересовали, что если в его руки случайно и попадал какой-нибудь документ этой категории, например, первая статья Бакунина во французской

прессе [1]), ему даже не приходило в голову проверить, напечатан ли этот документ в таком виде, какой имеет копия с первоначальной рукописи, присланной Бакуниным домой и сохранившаяся в семейном архиве. Но вообще-то таких документов в распоряжении А. Корнилова не было, да он их, повидимому, и не искал, ограничив свою задачу опубликованием и комментированием (подчас весьма беглым) документов семейного архива Бакуниных. Благодаря этому работа А. Корнилова отнюдь не может считаться биографией М. Бакунина. Это лишь сборник части первичных материалов, требующий проверки, дополнения и критического анализа [2]).

А между тем таких иностранных источников имеется очень много. Достаточно просмотреть известную монументальную биографию Бакунина, составленную М. Неттлау (имеется 3 литографированных тома во всех главнейших библиотеках мира и, сверх того, рукописное «Дополнение», к сожалению, никому, кроме автора, пока недоступное). Об этой работе М. Неттлау каждый пишущий о Бакунине считает долгом упомянуть, иногда даже с почтительным расшаркиванием, но мало кто дает себе труд прочесть и изучить этот неисчерпаемый источник материалов, перед богатством которого бледнеет Премухинский архив.

Но и М. Неттлау не использовал или, точнее сказать, не привел в своей книге всего имеющегося за границей материала о Бакунине, а кое-что, несомненно, и ему осталось неизвестно [3]). Это и неудивительно, если принять во внимание условия жизни М. Бакунина и тех людей, с которыми ему приходилось иметь дело. В обстановке революционной работы приходилось, естественно, конспирировать, писать (и для печати, и в личной переписке) анонимно или под псевдонимом, рискуя, что рукописи попадут в руки полиции (как и случилось со многими письмами М. Бакунина, только теперь начинающими выходить из архивов, в частности наших). Архивы корреспондентов Бакунина, даже если они не принадлежали к числу профессиональных революционеров, сохранились не все и не целиком. Относительно многих из них определенно известно, что у них должны были бы иметься письма Бакунина (напр., Прудон, Элизе Реклю, Линдеггер и т. д.), но до сих пор найти их не удалось. Многие статьи Бакунина в иностранной прессе (французской, особенно итальянской, возможно, и в русской) до сих пор не разысканы как вследствие редкости многих из этих изданий, так и вследствие анонимности этих статей. И тем

---

[1]) Мы говорим о письме его в редакцию газеты «La Réforme» от 27 января 1845 г., перепечатанном у Корнилова на стр. 295—302 «Годов странствий» и оттуда заимствованном В. Полонским для 2-го издания I тома его монографии о Бакунине. Мы не даем здесь этой статьи, ибо хотя текст ее, напечатанный во французской газете, в ряде мест отличается от того предварительного текста, который приведен А. Корниловым, но разночтения эти не настолько существенны, чтобы мы стали загромождать действительным текстом настоящую статью. Мы дадим ее в полном собрании сочинений и писем М. А. Бакунина, которое мы подготовляем к печати и которое, надеемся, когда-нибудь да появится в свет.

[2]) В значительной мере этот недостаток присущ и другим русским работам о Бакунине, которые очень мало пользуются иностранной литературой о нем, особенно же первоисточниками. Разумеется, это не относится к прекрасным работам т. Д. Рязанова, который в отношении использования всех источников предмета, о котором он трактует, является образцом для других исследователей (подчас недосягаемым).

[3]) Так, напр., важное письмо Бакунина к А. Руге от 19 марта 1843 года, которое случайно попало в наши руки и которое мы приводим в настоящей статье.

не менее уже в настоящее время имеется много иностранных материалов, в большинстве случаев неизвестных в русской литературе.

Часть этих материалов, относящихся к 40-м годам прошлого века, мы приводим в настоящей статье. Работая, по поручению комиссии по изданию классиков русской революции, над подготовкою к печати полного собрания сочинений и писем М. А. Бакунина, мы отыскали и сгруппировали много материалов, которые до сих пор оставались вне поля зрения русских исследователей. Публикуя сейчас часть этих материалов, мы даем возможность русским читателям впервые ознакомиться с документами, относящимися к биографии одного из самых выдающихся людей нашего отечества.

Печатаемые нами документы, естественно, производят впечатление отрывочности и неполноты. Это неизбежно, ибо мы даем здесь не биографию М. Бакунина, а часть относящихся к ней документов, дополняющую те материалы, которые уже опубликованы в России и которые мы здесь повторно публиковать не можем. Тем не менее, даже при этой неизбежной отрывочности, печатаемые нами материалы дают если не цельную картину, то некоторые штрихи ее, не лишенные интереса.

II.

Первый из печатаемых нами документов, насколько мы знаем, появляется в печати впервые не только в русской, но и во всемирной литературе. Это — письмо Бакунина к Арнольду Руге, написанное в марте 1843 года из Цюриха. Попало это письмо в наши руки случайно в 1923 г. в Берлине, где проездом мы собирали материалы для полного собрания сочинений и писем М. Бакунина. Оригинал письма находится у одного японского студента, который приобрел его у букиниста. Владелец письма любезно разрешил нам сделать с него фотографический снимок, который и находится сейчас в нашем распоряжении.

Письмо это интересно со многих точек зрения. Относится оно к тому тяжелому периоду его заграничной жизни, когда он очутился в неоплатном долгу и когда ему грозило даже тюремное заключение. Как видно из писем Бакунина к родным, он, уезжая из Германии, оставил там долгов на 10.000 рублей. Он должен был портным, сапожникам, мебельщикам, хозяевам отелей, знакомым и друзьям. Особенно пострадал от этой истории приятель Бакунина, д-р Арнольд Руге, который не только отдал ему свои сбережения, но и поручился за него своею подписью. Того, что Бакунину посылалось из дому, ему нехватало. При своей безалаберности в хозяйственных делах Бакунин не знал счета деньгам. И. С. Тургенев, надававший Бакунину обещаний в Берлине, вернувшись в Россию, не мог или не хотел их выполнить. И вот весною разразился кризис. Дело дошло до того, что Бакунин, которому, по его словам, грозило «бесчестье», начал подумывать о самоубийстве.

Когда кредиторы Бакунина насели на Руге, он написал Бакунину письмо, в котором просил его так или иначе уладить дело. В ответ на это обращение (нам в подлиннике неизвестное) Бакунин и написал печатаемое ниже письмо. При нем он приложил вексель на $2^1/_2$ тысячи талеров на Петербург, рассчитывая, что Тургенев уплатит по этому векселю. После того как Тургенев отказался от уплаты, Руге, прижатый к стене, написал Бакунину то резкое письмо, которое напечатано у А. Корнилова и которое вызвало отчаянное письмо Бакунина к родным от 10 мая

1843 года (см. у Корнилова «Годы странствий», стр. 256—261). Последние два письма становятся более понятными, когда мы имеем перед глазами найденное нами и печатаемое здесь письмо от 19 марта 1843 года.

Кстати, верил ли сам Бакунин тому, что неаккуратность его родных и неприсылка ими нужных ему денег объясняется происками русского правительства, — в этом позволительно усумниться. Эту версию он, видимо, придумал для своего оправдания перед А. Руге и для его успокоения.

Главный интерес печатаемого письма заключается в тех его частях, которые говорят о настроении и ожиданиях самого Бакунина. Особенное внимание обращает на себя то место, где Бакунин сообщает, что он со дня на день ждет приказа русского] правительства о возвращении его в Россию. Как мы знаем, такой приказ в действительности последовал только 1 декабря 1843 года. Это показывает, что Бакунин считал себя скомпрометированным в глазах полиции раньше, чем она действительно им всерьез заинтересовалась. Бакунин уже в этом письме заранее сообщает тот ответ, который он даст правительству, а именно ответ отрицательный, как и случилось через год.

Далее обращает на себя внимание то место письма, где Бакунин заговаривает о своих дальнейших планах. Он выражается в данном случае неясно и ссылается на то, что он уже раньше писал А. Руге в каком-то нам неизвестном письме. Отгадку мы находим в других письмах Бакунина, в частности в упомянутом выше письме к родным от 10 мая 1843 года.

В этом письме, где Бакунин просит родных выручить его, заложив хотя бы часть имения, мы находим следующие строки: «Я готов на все, я буду бороться с обстоятельствами до последней возможности; я дам себя обесчестить, я погружусь в полное одиночество, я стану рабочим и постараюсь сохранить в себе ту веру, которая так хорошо поддерживала меня до сих пор».

Теперь становятся понятны слова Бакунина в заключительной части его письма к Руге от 19 марта 1843 года: «с того момента, как я нашел для себя в пролетариате радикальное средство против всех превратностей судьбы, я вполне успокоился» и т. д.

Под пролетариатом здесь приходится разуметь не класс, с судьбами которого Бакунин решил отныне слить свою судьбу, а состояние, общественное положение, нищету, на которую он в тот момент чувствовал себя обреченным и с которою заранее примирился за отсутствием другого выхода. Вот почему он связывает свои дальнейшие планы с неполучением денег от родителей. При таком понимании фразы о «пролетариате как радикальном средстве против всех превратностей судьбы» исчезает, конечно, героический характер бакунинского решения, но в данном случае это понимание единственно правильное. Историческая истина — на первом плане.

Существует сообщение, что в Цюрихе Бакунин собирался стать ремесленником и войти в одну из вейтлингианских общин. Этому решению до сих пор приписывали чисто идейные мотивы.

Письмо к родным от 10 мая 1843 г. определенно показывает, какой смысл имели тогда слова Бакунина о намерении его сделаться рабочим. Это был не результат какого-либо глубокого интереса к положению пролетариата (какового интереса Бакунин в те времена еще не проявлял), не желание сблизиться с рабочими, не

предвосхищение грядущей идеи хождения в народ, — нет, это был порыв отчаяния, результат полного безденежья, отсутствие надежд на возможность добыть средства к существованию иным путем. В таком контексте превращение в рабочего представляется чем-то вроде социальной деградации, унижения, вызванного безнадежностью положения. Судя по тому, что Бакунин писал об этих планах Руге еще до марта 1843 г., надо думать, что к этой мысли он пришел в начале 1843 г., а может быть, и в конце 1842 г., когда для него окончательно выяснилась безнадежность его финансового положения.

Замечательно, что в этом письме, относящемся к середине марта, Бакунин уже предвидит возможность репрессивных против него мер со стороны цюрихских властей. В действительности цюрихская полиция обратила на него внимание только летом 1843 г. в виду его связи с Вейтлингом.

Письмо Бакунина устанавливает, что уже тогда, т.-е. в марте 1843 г., задолго до своей поездки в Париж, он был знаком с Пьером Леру. Надо полагать, что знакомство это завязалось заочно, путем переписки. Других сведений по этому вопросу не имеется.

Наконец, интересно в письме упоминание о семье Пескантини. С этою семьею Бакунин познакомился в Дрездене осенью 1842 года. В лице Пескантини, который был мацциниетом, Бакунин впервые встретился с итальянским республиканцем. Возможно, это именно Пескантини пробудил в Бакунине первый интерес к итальянским делам, в которых Бакунину впоследствии, начиная с 60-х годов, суждено было принять столь деятельное участие. Благодаря этому знакомству Бакунин, вероятно, и начал изучать итальянский язык, о чем он сообщает в письме к родным от февраля 1843 года.

Жена Пескантини была в известном смысле компатриоткой Бакунина, так как она была русская немка из Риги. Это обстоятельство, разумеется, могло только способствовать сближению Бакунина с этою семьей, которая, повидимому, была весьма симпатичной. Бакунин быстро сошелся и подружился с этими людьми, которые отвечали ему такою же симпатией. Что Пескантини тоже ссужал Бакунина деньгами, об этом нетрудно догадаться: таких знакомых Бакунин не оставлял без использования. Но Пескантини не был требовательным кредитором, так что в письме к родным от 10 мая Бакунин не включает Пескантини в список кредиторов, уплатить коим следовало безотлагательно.

Более того, судя по печатаемому нами письму к Руге, супруги Пескантини, для которых затруднительное финансовое положение Бакунина не было, разумеется, секретом, предлагали даже Бакунину поселиться у них в доме и жить на их счет впредь до поправки его обстоятельств. Бакунин то соглашался принять это дружеское предложение, то по соображениям щепетильности отказывался.

Пескантини ожидался Бакуниным в Швейцарию к маю. В действительности он приехал туда несколько раньше. В конце апреля и в начале мая Бакунин вместе с Гервегом побывали у Пескантини в гостях на острове Руссо (Петеринзель) на Биеньском озере, откуда Бакунин написал свое знаменитое письмо к Руге, напечатанное затем (вместе с письмом Маркса и др.) в 1-ом выпуске «Немецко-французского Ежегодника» (1844 г., Париж). А в мае 1843 года Бакунин вместе с Рейхелем поселился в деревне Проманту близ Ниона, городка на Женевском озере, где Пескантини купили себе виллу. О дальнейших отношениях Бакунина к Пескантини нам ничего неизвестно.

Цюрих. 19 марта [18]43 года.

Дорогой (имя зачеркнуто [1])! Я вполне согласен с вашей идеей и посылаю вам при сем вексель на $2^1/_2$ тысячи талеров на Петербург. Из моего письма вы усмотрите, что я уже сам имел это намерение. Это очень хорошее средство, так как никакое правительство не будет в состоянии воспрепятствовать оплате этого векселя. В данном случае это вряд ли мыслимо, хотя необходимо сказать, что для нашего правительства нет ничего невозможного. Моя догадка, что российское правительство является единственною причиною неаккуратности моих родных и друзей, которая иначе была бы совершенно непонятна (здесь два слова зачеркнуты), теперь превратилась в уверенность. Представьте себе, что я до сих пор не получил ответа на мои письма из Лейпцига и Швейцарии, а я очень много писал моим родителям, Павлу и другим моим братьям и сестрам, Тургеневу и г-же Татищевой (?). Вы вообще знаете, как часто мне писали из России. В последнем письме от 14/26 января моя сестра пишет мне, что она получила письмецо от меня к Павлу и немедля перешлет его в Москву. Я его написал (одно слово зачеркнуто) за два часа до своего отъезда из Лейпцига. Письма отсюда прекрасно доходят в два дня в Москву. Но допустим даже, что Павел получил его 2 или 3 февраля. Содержание его было столь важно, что он несомненно ответил [бы] мне немедленно. Письма из Москвы в Дрезден доходят в 14 дней. Следовательно, его ответ должен уже давно был быть здесь, точно так же ответы на письма, которые я писал всем 9 января из Базеля. Лень моих русских корреспондентов никак не может быть причиною их молчания, так как они в общем никогда не были ленивы и так как бывают обстоятельства, когда самый ленивый становится прилежным. Невозможно также, чтобы все они умерли или с ними случилось несчастье. Несомненно, тут действует рука русского правительства, так что я теперь сам боюсь писать в Россию. Это могло бы скомпрометировать моих родных и друзей.

Что касается меня лично, то я уже ничего больше не боюсь, так как я давно и абсолютно скомпрометирован. Теперь я со дня на день жду приказа моего правительства, и мне не приходится говорить вам, что́ я на это отвечу. Я предпочитаю свободу и нищету позолоченному, блестящему рабству. А так как я имею здоровые руки и ноги и к тому же твердую и сильную волю, то, надеюсь, буду в состоянии избежать нищеты.

Итак, я посылаю вам вексель на $2^1/_2$ тысячи талеров через Тургенева для оплаты банкиром Штиглицем в Петербурге. Лучше всего было бы оплатить его через лейпцигского банкира, так как Ташель и Басанге в Дрездене — банкиры нашего посольства. Я прилагаю небольшое письмо к Тургеневу, которое вы будете любезны переслать ему через того же банкира. Адрес я сам надписал. Быть может, таким образом письмо дойдет к нему, не возбудив внимания русского правительства. Я написал на векселе $2^1/_2$ вместо 2 тысячи талеров, чтобы и мне кое-что из этого осталось. Денег, которые останутся мне тогда по уплате моих долгов, хватит мне до лета, а весною мои родители уже найдут средства, чтобы послать мне деньги, так как к этому времени всегда имеется много отъезжающих.

Признаюсь от всего сердца, дорогой (имя зачеркнуто), что я до сих пор был беспорядочным человеком. Но, с другой стороны, я знаю также, что я уже преодолел эту беспорядочность. Бережливость впервые практически предстала предо мною как основное условие моего личного достоинства. Смею уверить вас, что этот урок не пропал напрасно.

О моих дальнейших планах на будущее я немного могу вам теперь сказать. Я уже писал вам, что́ я решил сделать на тот случай, если не получу из России денег; при этом я остаюсь. Верьте мне, друг мой, что это не эксцентрическая причуда, а плод зрелого размышления и необходимый результат моего нового опыта и всего моего теперешнего настроения.

Что касается предложения Пескантини, то я не знаю, вправе ли я теперь принять его. Я в свое время принял его и просил Пескантини заняться моими денежными

[1]) Имя Руге вычеркнуто кем-то, но что это письмо именно к нему, не может быть сомнения.

делами, потому что я считал себя еще состоятельным человеком и думал, что тогдашнее расстройство моих денежных дел было лишь преходящим. Как независимый человек, т.-е. обладая материальной возможностью в любой момент оставить его, я мог бы, без малейших угрызений совести, оставаться у него целый год, ибо взаимное удовольствие совместной жизни было бы тогда единственною причиною моего продолжительного пребывания у него. Я убежден, что это было бы для меня больше, чем удовольствием, так как я от всего сердца уважаю и люблю Пескантини, равно как и его жену. Его благородный, открытый характер внушает мне величайшую симпатию. Но теперь обстоятельства изменились. Я больше не независим, я уже не имею средств, чтобы жить нестесненным. Я буду вынужден оставаться там, где я бы не хотел или не должен был оставаться. Если бы я принял предложение Пескантини, то я каждый момент боялся бы оказаться ему в тягость своим присутствием и тем не менее не мог бы его оставить. Быть может, эти мои опасения оказались бы совершенно необоснованными. Но вы знаете, дорогой друг, что действительно свободное усмотрение возможно только при действительно практической свободе и что практическое неустройство является неизбежным источником сомнений и рефлексий. Я вполне убежден, что самому Пескантини было бы совершенно безразлично держать меня у себя в качестве состоятельного и независимого или бедного и зависимого человека. Я знаю, что он слишком благороден, чтобы хоть сколько-нибудь считаться с этим. Но для меня это не безразлично. Чистое, незапятнанное чувство моей независимости является для меня, как я уже вам писал в предыдущем письме, условием sine qua non моей нравственной силы, моего достоинства, и если я потеряю их, то что мне тогда останется? Ведь это теперь единственное добро, которое я действительно могу назвать своим. Прошу вас, дорогой друг, и это письмо показать его супруге и просить ее перевести его ее мужу. Мне теперь очень важно быть безусловно откровенным с людьми, которых я уважаю и люблю, потому что только откровенность может теперь в моем новом положении сохранить для меня в чистоте отношения, которые мне дороги.

Впрочем, я еще ничего не решаю определенно. Пескантини прибудет в Швейцарию в мае, — говорите вы, а до того многое может еще измениться.

Что же сказать вам еще, мой дорогой друг? Я начал переводить на французский язык вашу жалобу в саксонскую палату [1]). Перевод будет готов в 3—4 дня. Тогда я напишу небольшую статью о немецких делах и пошлю все Пьеру Леру для его «Revue Indépendante». Не думайте только, что обстоятельства подействовали на меня деморализующим образом. Напротив, я чувствую в себе юношескую силу, которая, надеюсь, поможет мне еще многое перенести и, быть может, также создать нечто хорошее. У меня в голове много немецких и французских планов. Я теперь прилежно работаю над тем, что мне необходимо для исполнения их.

Гервега я уже давно не видел по той весьма простой причине, что у меня сейчас нет достаточно денег даже для небольшой поездки в Баден. Впрочем, я знаю, что он и его жена здоровы и счастливы. Он много работает и снова начинает проявлять производительность.

В цюрихской мировой политике нет ничего нового. Ново только то, что, повидимому, носятся с намерением выслать меня отсюда. Я не знаю причины этого, потому что невозможно вести себя спокойнее и безобиднее, чем я это делаю. Я почти никого не вижу и по целым дням сижу дома. Но, повидимому, мне оказывают честь считать меня опасным и значительным человеком. Я спокойно буду ждать результатов, тем более что ничего другого мне и не остается. Что я предприму в случае, если меня действительно вышлют отсюда, я не знаю и в настоящее время очень мало об этом забочусь. Если до этого дойдет, тогда видно будет. Мое теперешнее положение настолько смехотворно, что я действительно с некоторым безразличным любопытством выжидаю результата. С того момента, как я нашел для себя в пролетариате радикальное сред-

---

[1]) Речь идет о петиции, поданной А. Руге в саксонский сейм («земские чины») по поводу закрытия его журнала «Deutsche Jahrbücher».

ство против всех превратностей судьбы, я вполне успокоился насчет своей будущности и всецело погрузился в настоящее моих трудов.

Мой милый друг, будьте здоровы, кланяйтесь всем вашим и не забывайте меня.

Ваш М. Бакунин.

Вексель и письмо к Тургеневу я вам пошлю завтра. Я еще спрошу у Фребеля, правильно ли я его написал.

III.

Бакунин приехал в Цюрих революционным демократом. Определенных социальных воззрений в тот момент у него еще не было. Правда, в своей первой статье «Реакция в Германии», напечатанной в ноябре 1842 г., он упоминает о начавшемся движении народных низов, но и его он связывает с борьбою за политическую свободу, которая главным образом тогда его интересовала. Это было, впрочем, в то время почти общим явлением среди тех групп радикальной интеллигенции, среди которых вращался и для которых писал Бакунин.

В Швейцарии в мировоззрение Бакунина начал вторгаться новый элемент. В нем начал пробуждаться интерес к рабочему движению, как таковому, которое в тот период, поскольку оно вообще проявлялось на континенте, носило явно выраженный коммунистический характер. Через посредство Гервега Бакунин познакомился с Вильгельмом Вейтлингом и с группировавшимися вокруг него немецкими коммунистами, по преимуществу ремесленниками. Не забудем, что это происходило в момент наиболее острого финансового кризиса у Бакунина, в результате которого у него даже явилась мысль сделаться простым рабочим.

Здесь не место подробно говорить о В. Вейтлинге, о его роли в истории социализма, о его мировоззрении и пр. Но несколько слов о тех сторонах его учения, которые должны были сближать его с Бакуниным и особенно сильно действовать на него, приходится все же сказать. Вейтлинг, уже порвавший с наивными мечтаниями утопического социализма о мирном пришествии социалистического строя, стоял на почве революционной борьбы пролетариата с капиталом, но вместе с тем он не дошел еще до правильного понимания пролетарской стратегии и тактики. Пропаганда Вейтлинга, отвечавшая тогдашнему уровню рабочего, скорее ремесленного движения, во многих отношениях носила сектантский, абстрактный и даже религиозный характер. Одною из особенностей вейтлинговских воззрений была идеализация деклассированных элементов, босяков, уголовных преступников и пр. В конце концов озлобленный и разочарованный неудачами Вейтлинг стал проповедывать идею «второго Мессии», который придет устраивать царство божие на земле («Евангелие бедного грешника» 1843 г.).

Но как раз эти недостатки Вейтлинга, которые восстановили против него Карла Маркса, могли возбудить чувства симпатии в душе Бакунина. Примитивные коммунистические концепции Вейтлинга, их абстрактный и визионистский характер как нельзя более подходили к смутным социальным воззрениям Бакунина, выходца из политически и экономически отсталой страны. Сектантские мечтания Вейтлинга, идеализация им первобытного христианства, растворение экономических вопросов в религиозных — все это в значительной мере совпало с взглядами и настроениями Бакунина. Надо полагать, что и мысль об использовании уголовных элементов для торжества социальной революции также должна была понравиться Бакунину своим

совпадением с русскими традициями (Пугачевщина, Разиновщина), которым сам Бакунин впоследствии заплатил обильную дань.

Бакунин не сделался коммунистом, но, несомненно, заинтересовался новым движением, идущим из глубины народных масс и выступавшим в качестве новой религии, призванной как бы заменить отжившее христианство. Литературным выражением этого увлечения Бакунина вейтлингианством, пробудившихся в нем новых социальных интересов и явилась печатаемая ниже статья о коммунизме.

Статья эта, подписанная тремя звездочками, появилась в №№ 44, 45 и 47 (от 2, 6 и 13 июня 1843 г.) «Швейцарского Республиканца», издававшегося Ю. Фребелем в Цюрихе. Разыскал эту статью неутомимый исследователь по бакуноведению, М. Неттлау, который приводит довольно убедительные доводы в пользу той мысли, что статья эта принадлежит действительно Бакунину.

Юлий Фребель в своих мемуарах, написанных уже в пожилом возрасте, когда он успел из бывшего радикала превратиться в консерватора, рассказывает, что Бакунин был приглашен сотрудничать в «Швейцарском Республиканце» и, «верный своему нигилистическому призванию», по мере сил способствовал гибели этого журнала. Последнее утверждение Фребеля неверно, ибо статья о коммунизме никаких гонений на журнал не навлекла [1]). Возникает вопрос, нет ли и других указаний на сотрудничество Бакунина в этом журнале? На этот вопрос отвечает сотрудник журнала Яков Трейхлер, который сообщил Неттлау, что однажды в Цюрихе на квартире Бакунина последний продиктовал ему длинную статью, которую Трейхлер записал правильным немецким языком. Трейхлер прибыл в Цюрих в конце мая 1843 г., и несколько раньше того с острова Руссо вернулся туда Бакунин. По словам Трейхлера, статья, продиктованная ему Бакуниным, трактовала о Вейтлинге, а единственная статья такого содержания, появившаяся около этого времени в «Швейцарском Республиканце», и есть статья о коммунизме, помещенная в №№ 44—47 журнала. По всем этим соображениям Неттлау и приходит к выводу, что статья эта принадлежит Бакунину. Это предположение подтверждается еще письмом А. Фолена к Гервегам от 4 июля 1843 года, в котором он сообщает, что Бакунин написал ряд блестящих статей против реакционеров, что это стало известно и что Бакунину вследствие того пришлось спешно уехать из Цюриха.

Мы полагаем, что М. Неттлау в данном случае совершенно прав. Бакунин в «Исповеди», правда, не упоминает об этой статье, хотя о других своих статьях говорит. Но возможно, что он не упомянул о ней, думая, что теоретическая статья о коммунизме, не имевшая никакого отношения к русским делам, не могла интересовать коронованного жандарма. А между тем в «Исповеди» имеется ряд указаний, оставшихся неизвестными Неттлау, когда он высказывал свою гипотезу, но косвенно подтверждающих его предположение.

Знакомство свое с Ю. Фребелем Бакунин признает. С другой стороны, он в своей «Исповеди» довольно подробно останавливается на борьбе между консервативной и демократической партиями в Цюрихе (хотя тут же спешит прибавить, что сам он стоял в стороне от этой мелочной грызни) и на полемике между главными органами этих двух партий: «Der Schweizerische Beobachter» («Швейцарский

[1]) Не были ли в таком случае в журнале помещены какие-либо другие статьи Бакунина?

Наблюдатель»), выражавшим взгляды консервативной партии, и «Der Schweizerische Republikaner» («Швейцарский Республиканец»), бывшим газетою демократической партии. В последнем и появилась статья о коммунизме, вызванная нападками упомянутой консервативной газеты. Весьма сильным доводом в пользу авторства Бакунина служат также его рассуждения по поводу коммунизма в «Исповеди», часто совпадающие до мелочей с содержанием статьи о коммунизме (подробнее об этом см. во втором издании 1-го тома нашей книги «М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность»).

Наконец, стиль, который, как говорится, это человек, выдает авторство Бакунина. Просто поразительно, насколько Бакунин, которого мы знаем по его переписке юношеских лет, отразился в этой статье. Всякий, кто читал письма Бакунина 30-х годов к родным и друзьям, хотя бы даже не польостью и не в оригиналах, как это пришлось сделать мне, а по выдержкам, приводимым в книге А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина», сразу узнает манеру их автора при чтении статьи о коммунизме. Да, ее писал Бакунин, и только Бакунин: иначе такое совпадение слог?, мыслей, приемов и даже слов было бы чем-то граничащим с чудом. Стоит натолкнуться на фразу: «познают истину, и она освободит их», чтобы сразу вспомнить письма Мишеля к отцу, к сестрам, к Беерам с цитатами из евангелия и особенно с этой цитатой, которую он повторяет в письмах десятки раз. И так во всем. При желании можно было бы значительную часть статьи о коммунизме составить из выдержек, заимствованных из переписки Бакунина 30-х годов. Ex ungue leonem!

Дух и слог этой статьи сильно напоминают первую статью Бакунина о «Реакции в Германии». Если в некоторых отношениях (более заметная доза философского идеализма) статья о коммунизме уступает статье о реакции в Германии, то она, с другой стороны, превосходит ее подчеркиванием социального момента и определенным сочувствием к выступлениям рабочего класса. Впрочем, вся статья в целом окрашена духом идеализма и пытается выразить в чисто философских отвлеченных терминах то, что является по существу экономическим вопросом. Это статья человека, плохо знакомого с политической экономией и далеко еще не освободившегося от влияния идеалистической философии. Но именно таким Бакунин в рассматриваемое время и был, как впоследствии сам признавал (напр., в известной параллели между собою и Марксом).

Первая часть статьи в № 44 не имела заглавия; следующие две части в №№ 45 и 47 озаглавлены: «Коммунизм».

СТАТЬЯ О КОММУНИЗМЕ.

Последний номер «Наблюдателя» содержит статью или, вернее, начало статьи о коммунизме, которая очень приятно нас поразила. Она написана с таким достоинством и спокойствием, которые в «Наблюдателе» действительно изумляют.

1.

Есть люди, которые утверждают, что такой тон в «Наблюдателе» всегда означает нечто скверное, и мы признаемся, что очень часто разделяли это мнение. Но на сей раз, как нам кажется, дело обстоит несколько иначе: повидимому, «Наблюдатель» уразумел всю опасную серьезность коммунизма и решился теперь отказаться от своей обычной

манеры, недостойной серьезного человека и серьезной души, и исследовать этот в высшей степени важный предмет с достоинством и добросовестностью.

Дальнейшее покажет нам, ошиблись ли мы. Однако известно, что ничто не действует столь деморализующим образом на человека, как сознание, что от него не ожидают ничего хорошего и благородного. И если «Наблюдатель» действительно хочет исправиться, то мы не хотим преждевременным заподозриванием его цели сделать для него эту задачу невыполнимой. Напротив, мы всеми находящимися в нашем распоряжении средствами будем стараться удержать его на этом более похвальном пути.

Во всяком случае коммунизм представляет весьма важное и опасное явление, и этим очень многое сказано. Ибо опасным, действительно опасным может быть для общества явление лишь постольку, поскольку оно содержит в себе, по крайней мере, относительную истину и находит свое оправдание в самом состоянии общества. То, что является только случайным, не может быть опасным для благоустроенного государства, ибо все могущество и живая сила государства заключается именно в том, что она сохраняет себя и может сохранить себя от тысячи случайностей повседневности Государство должно и может быть выше всяких бед, которые возникают из злонамеренности отдельных лиц. Для этого существует полиция, для этого существуют законы и суды, для этого существует вся организация государства. Вор и даже большая банда разбойников могут быть опасны для тех или иных отдельных лиц в государстве, но не для самого государства, покуда оно остается здоровым и хорошо устроенным организмом.

Совершенно иначе обстоит дело с явлением, которое имеет своим источником не произвол и злую волю отдельных личностей, а недостатки государственного организма, государственных учреждений, всего политического тела. По отношению к такому явлению государство имеет только два выхода: или воспринять в свой организм заключающееся в нем право и постольку реформировать себя самого мирным путем, или же прибегнуть к силе. Но на этом втором пути каждое государство наверное пойдет к гибели, так как право, вошедшее в сознание, непреодолимо.

Вот те причины, по которым мы вместе с «Наблюдателем» считаем коммунизм весьма важным и в высшей степени опасным явлением. Во избежание недоразумений мы раз навсегда заявляем, что мы лично не коммунисты и что у нас столь же мало охоты, как и у господ из «Наблюдателя», жить в обществе, устроенном по плану Вейтлинга; это не свободное общество, не действительно живое объединение свободных людей, а невыносимое принуждение, насилием сплоченное стадо животных, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни и о доставляемых ею высоких наслаждениях. Мы даже не думаем, чтобы такое общение когда-либо могло быть создано, ибо мы настолько верим в святую, более или менее сознательно присущую всем людям силу истины, что можем быть в этом отношении вполне спокойны.

Но, с другой стороны, мы вполне убеждены, что коммунизм в самом себе содержит элементы, которые мы считаем в высшей степени важными, даже более чем важными: в основе его лежат священнейшие права и гуманнейшие требования, и в них-то и заключается та великая, чудесная сила, которая поразительно действует на умы. Коммунисты сами не понимают этой незримо действующей силы. Но только в ней и только благодаря ей они представляют нечто, без нее же они ничто. Только эта сила в короткое время сделала коммунистов из ничего чем-то сильным и грозным, ибо не следует скрывать от себя: коммунизм стал теперь мировым вопросом, которого ни один государственный деятель не может игнорировать, а тем более разрешать просто силой.

2

Повидимому, «Наблюдатель» думает, что коммунизм является непосредственным результатом немецкой философии и радикализма и отличается от них обоих только тем, что имеет смелость и добросовестность высказывать открыто и ясно такие взгляды,

которые этими последними или облекаются в непонятный философский жаргон, или совершенно замалчиваются.

Что касается мнимого замалчивания у философов и радикалов, то мы не думаем, чтобы «Наблюдатель» всерьез высказал это обвинение. Это было только шуткой с его стороны, ибо в действительности он сам, напротив, убежден и отлично знает, что вся сила радикалов заключается в публичности и что замалчивание есть необходимая участь так называемой консервативной партии, которая нуждается в народе только как в средстве и не видит в нем цели. Он отлично знает, что самоуправление народа составляет принцип, лежащий в основе всех взглядов радикалов, и что эти последние специально работали над улучшением школы и развитием народного образования, ибо были убеждены, что народ сможет сам собою управлять лишь постольку, поскольку он является совершеннолетним и самостоятельным, и что только путем образования он может быть поднят до совершеннолетия и самостоятельности. Одним словом, «Наблюдатель» отлично знает, что главная цель радикалов есть освобождение народа от опеки знатных и богатых, как таковых, и потому мы не будем больше тратить времени на опровержение обвинения, которое, впрочем, как уже было сказано, было простой шуткой.

Философия и радикализм имеют, правда, много общего с коммунизмом. Чтобы действительно понимать явление, конечно, недостаточно подчеркивать только ту сторону, которая является ему общей с другими явлениями. Необходимо также ознакомиться с его существенными отличиями, иначе мы неминуемо должны будем притти к утверждению, что все оказывается Одним, ибо нет ни единой вещи в физическом и духовном мире, которая не имела бы ничего общего со всеми другими вещами.

Во всяком случае философия в очень многих пунктах соприкасается с коммунизмом. Да иначе и быть не могло. Жизнь и ход развития человечества не является безразличным сборищем случайных событий, а необходимым и внутренне разумно-организованным шествием единого духа, который целиком отражается в каждом отдельном проявлении своей внутренней сущности, точно так же, как общая жизнеспособность и общая чувствительность человеческого организма коренятся в мельчайших частях его.

Поэтому современная философия необходимо должна иметь с коммунизмом очень много общего, так как оба они родились из духа нашего времени и представляют самые значительные его откровения. Какова цель философии? Познание истины. Но истина не есть нечто вполне абстрактное и воздушное, а потому она может и даже должна оказывать значительное влияние на общественные отношения, на организацию общества. Уже в евангелии сказано: «познают истину, и истина освободит их». В этих немногих словах высказано все стремление философии, а что это стремление не осталось бесплодным, об этом можно судить по новейшей истории и по истории французской революции. Еще незадолго до революции трудящаяся, лучшая часть французского народа находилась в самом печальном положении. Она не владела даже одной третьей частью земли, самый труд ее, единственное средство ее существования, был отягчен всевозможными препятствиями, и однако на эту именно часть населения ложилось все бремя государственных налогов, а сверх того она принуждена была платить особые подати в пользу духовенства и аристократии. Мы уже не говорим о других унизительных повинностях, возложенных на бедный народ. Суды были так устроены, что знатные всегда оказывались правыми против народа. Народ, одним словом, во всех отношениях угнетался знатью. А почему? Не потому, что он был слаб, боже упаси, народ никогда не бывает слаб, а потому, что он был невежествен и давал себя обманывать католическим попам, которые толковали ему, что король, дворянство и духовенство даны ему божьей милостью и что народ должен служить им, склоняться перед ними и терпеть от них унижения, дабы получить за то царствие небесное. «Ты глуп, ты не способен правильно понимать нас, положись поэтому на нас, мы будем тобою руководить». Так говорили попы народу, и бедный народ, в котором всегда скрыто так много веры и так много здравого смысла, действительно поверил, что он глуп, и подавлял в себе всякие сомнения, всякие освободительные мысли, как порождение дьявола.

Что освободило народ от этого духовного рабства? Философия. Во многом философы прошедшего столетия ошибались, не мало святого и красивого они просмотрели, но свое провиденциальное назначение, заключающееся в том, чтобы заставить народ почувствовать себя самого, привести его к сознанию своего достоинства и своих неизменных святых прав, это назначение они верно выполнили. История судит всегда лучше и великодушнее, чем мелкие, слепые и потому злопыхательские партии, и по этой причине она несомненно сохранит их имена среди имен освободителей и лучших слуг человечества.

Вплоть до настоящего времени философия продолжает еще свою упорную борьбу, борьбу на жизнь и смерть, со всеми предрассудками, со всем тем, что мешало людям достигнуть их высокой святой цели, осуществления свободного и братского общества, осуществления царства божия на земле. Ей остается еще многое сделать, еще против многого бороться, чтобы сорвать покров лжи, который консервативные друзья народа в эгоистических интересах набрасывают на народ. Но она имеет мужество истины, и она победит и должна победить, так как истина, познание истины есть ее единственное оружие. Она сражается при свете, а ее враги в темноте ночи. Ее враги пробуждают в народе грубые, темные страсти, демоническое, она же, наоборот, опирается только на богоподобную, светлую сторону человеческой природы, она апеллирует к высокой страсти свободы, любви и познания. И бог, истина в конце концов одержат же победу над тьмою.

Вот в чем пункт соприкосновения между философией и коммунизмом: оба стремятся к освобождению людей. Но здесь же начинается и их существенное расхождение. Философия по существу своему только т е о р е т и ч н а, она движется и развивается только в рамках познания; коммунизм же в своей нынешней форме, наоборот, является только практичным. Этим указаны как преимущества, так и недостатки каждого из этих явлений по отношению к другому. Правда, мысль и дело, истина и нравственность, теория и практика составляют в последнем счете одно и то же, единую нераздельную сущность. Правда, величайшая заслуга новейшей философии и заключается в том, что она признала и познала это единство, но с этим познанием она дошла до своего предела, предела, которого она, как философия, не может перешагнуть, ибо по ту сторону этого предела начинается более высокая сущность, чем она,— действительное, одушевленное любовью и вытекающее из божественной сущности первобытного равенства о б щ е н и е свободных людей, посюстороннее осуществление того, что составляет божественную сущность христианства, и с т и н н ы й к о м м у н и з м.

3.

«И для него (Вейтлинга),—говорит «Наблюдатель»,—как и для «Швейцарского Республиканца», всякое национальное чувство является глупостью, бессмыслицей. Существуют только люди, а не собственно народы, только граждане мира, а не г р а ж д а н е г о с у д а р с т в».

Опять мистификация! О, «Наблюдатель» —плут, правда, христианский, но все-таки плут. Иногда он шутит так тонко, что его шутки можно принять за правду, но он слишком умен, чтобы действительно быть такого мнения о «Республиканце», и слишком нравственен, чтобы говорить всерьез то, чему он сам не может верить. Как, «Республиканец» объявляет всякое национальное чувство глупостью и бессмыслицей? Разве «Наблюдатель» не знает, что «Республиканец» всегда считал возмутительной, позорной государственной изменой, если кто-либо, ради победы своих собственных политических взглядов, будут верны ли эти взгляды или неверны, станет способствовать вмешательству иностранцев в дела своего отечества? Самостоятельность и гордая независимость Швейцарии по отношению ко всем влияниям иностранных правительств, — разве это не было постоянной целью «Республиканца», и разве он это недостаточно доказал своим поведением, например, в деле Совета, в осложнениях с Луи Бонапартом и в деле Гервега?

В том, что Вейтлинг игнорирует значение национальности, мы его упрекать не станем: это ошибка, но необходимая ошибка, неизбежная ступень в развитии коммунизма. Всякое великое историческое явление, даже христианство, остается вначале односторонним, только отрицанием существующего. Так, христианство вначале безусловно отрицало искусство, потому что искусство было тогда нераздельно связано с язычеством. Но впоследствии оно снова признало искусство, как возрожденное из христианского начала. И таким образом возникло христианское искусство. Точно так же обстоит дело и с коммунизмом. Сейчас он отрицает всякую национальность, не потому, чтобы принцип национальности по самому существу был плох. Об этом коммунизм пока еще ничего не знает, потому что он вообще теоретически, научно еще очень мало развит, потому что он еще далек от того, чтобы уразуметь свой собственный принцип во всей его истинности и во всей полноте вытекающих из него выводов. Но коммунизм отрицает все национальности потому, что в своем нынешнем виде они не проводят своего принципа и вместо того, чтобы быть живыми и свободными носителями и органами единого человечества, черство и эгоистически восстают против того божественного единства, в котором они только и могут достигнуть своего истинного назначения.

Надо остерегаться от смешения космополитизма коммунистов с космополитизмом прошлого столетия. Теоретический космополитизм прошлого века был холодным, индиферентным, рефлективным, без почвы и страсти. Он был мертвой и бесплодной абстракцией, теоретическим построением, лишенным хотя бы малейшей искры продуктивного, творческого огня. Против этой безжизненной и бездушной тени демоническая отрицательная стихия национальности была, безусловно, права и действительно одержала над ним полную победу.

Напротив, коммунизм нельзя упрекнуть в недостатке страсти и огня. Коммунизм не фантом, не тень. В нем скрыты тепло и жар, которые с громадной силой рвутся к свету, пламень которого уже нельзя затушить, и взрыв которого может стать опасным и даже ужасным, если привилегированный образованный класс не облегчит ему любовью и жертвами и полным признанием его всемирно-исторической миссии этот переход к свету. Коммунизм не безжизненная тень. Он произошел из народа, а из народа никогда не может родиться тень. Народ, — а под народом я понимаю большинство, широчайшую массу, бедных и угнетенных, — народ, говорю я, всегда был единственною творческою почвою, из которой только и произошли все великие деяния истории, все освободительные революции. Кто чужд народу, того все дела заранее поражены проклятием. Творить, действительно творить можно только при действительном электрическом соприкосновении с народом. Христос и Лютер вышли из п р о с т о г о народа, и если герои французской революции могучей рукой заложили первый фундамент будущего храма свободы и равенства, то это удалось им только потому, что они возродились в бурном океане народной жизни.

Таким образом протест коммунизма против принципа национальности гораздо важнее и значительнее протеста просвещенных космополитов прошлого века. Коммунизм исходит не из теории, а из практического инстинкта, из народного инстинкта, а последний никогда не ошибается. Его протест есть могучий вердикт человечества, святое и единоспасающее единство которого до сих пор еще нарушается узким эгоизмом наций.

Или, быть может, «Наблюдатель» не желает ничего знать о человечестве? Разве для него идея человечества действительно бессмыслица, пустое слово? Это было бы странно! Ведь он не только «Наблюдатель», но и христианский «Наблюдатель», а, как таковой, он должен был бы хорошо знать, что подчеркивание идеи человечества перед лицом обособленных и строго замкнутых в себе наций языческой эпохи было одним из величайших дел христианства.

Все люди, все без исключения, братья, — учит евангелие, — и только тогда, когда они любят друг друга, в них присутствует незримый бог, искупительная и освобождающая истина, — присовокупляет к этому Иоанн. Следовательно, отдельный человек, как бы высоки и нравственны ни были его побуждения, не может прича-

ститься истине, если он не живет в обществе. Не в отдельном лице, а только в общении присутствует бог, и таким образом добродетель отдельной личности, живая плодотворная добродетель возможна только путем святого и чудодейственного союза любви, только в общении. Вне общения человек — ничто, в общении — все. И когда библия говорит об общении, то она меньше всего понимает под этим отдельные, узко замыкающиеся в себе общины или нации. О национальных различиях первобытное христианство ничего не знает, а проповедуемое им общение есть общение всех людей, человечества.

Таким образом Вейтлинг вполне верен первобытному христианству, когда во имя единого и неделимого человечества отвергает разъединяющий принцип национальности. Христианство также выступало вначале односторонне, как отрицание, как разрушение всех национальных различий. Впоследствии внутри христианского мира снова образовалось разумное различие. Но до тех пор, пока христианство сохраняло еще свою мощь, оно в отдельные великие исторические моменты было также в состоянии снова устранять обособление наций и объединять их все в одной великой общей цели. Лучшим доказательством этом могут служить крестовые походы.

Теперь власть христианства над государством исчезла. Современные государства, правда, еще называют себя христианскими, но они уже таковыми не являются. Христианство служит для них только средством, а не источником и целью их существования. Они живут и действуют на началах, которые совершенно противоположны христианству. А то, что они еще называют себя христианскими, есть лицемерие, более или менее сознательное лицемерие. В дальнейшем изложении мы надеемся доказать это ясно и неопровержимо. Мы исследуем важнейшие стороны современной государственной жизни и покажем, что христианство оказывается здесь только слабой тенью и что только нехристианское здесь действительно.

Но с тех пор, как христианство перестало быть связующим и одухотворяющим европейские государства цементом, что же еще связывает их, что сохраняет в них святыню согласия и любви, которые были возвещены им христианством? Святой дух свободы и равенства, дух чистой человечности, в громе и молнии открывшиеся людям во время французской революции и, подобно семенам новой жизни, разнесенные повсюду посредством революционных войн. Французская революция есть начало новой жизни. Многие так слепы, что думают, будто побороли и укротили ее мощный дух. Жалкие люди, как ужасно будет их пробуждение! Нет, революционная драма еще не закончена. Мы родились под революционной звездой, мы живем и все без исключения умрем под ее влиянием. Мы находимся накануне великого всемирно-исторического переворота, мы — накануне новой борьбы, тем более опасной, что она будет носить не просто политический, но и принципиальный религиозный характер. Не следует предаваться иллюзиям: речь будет итти не меньше, чем о новой религии, о религии демократии, которая под старым знаменем с надписью «свобода, равенство и братство» начнет свою новую борьбу, борьбу на жизнь и смерть.

Вот дух, породивший коммунизм. Этот дух ныне невидимо сплачивает воедино все народы без различия национальности. Этому духу, блестящему преемнику христианства, противятся ныне так наз. христианские правительства и все монархические правители и владыки, ибо они прекрасно знают, что их мнимое христианство, их корыстные дела не в состоянии будут вынести его пламенного взора. И что они делают, какие средства они употребляют, чтобы помешать его победе? Они стараются развить в народе национальное чувство за счет человечности и любви, они, христианские правительства, пропагандируют ненависть и убийство во имя национальности!

Против них Вейтлинг и коммунисты, несомненно, правы, ибо по принципам самого христианства должно быть уничтожено все, что противится духу любви.

(Продолжения не было, и статья осталась незаконченной).

IV.

Далее мы печатаем два письма Бакунина к госпоже Фохт, жене старого профессора Фохта, проживавшей в Берне. Эта чрезвычайно культурная и свободомыслящая семья разделяла демократические взгляды и примыкала к немецкому радикальному движению. Сам глава семьи был к тому времени уже пожилым человеком: он родился в 1786 году (умер в 1860 г.). Его жена, Луиза Фоллен, сразу отнеслась к Бакунину чрезвычайно тепло и дружески, а он отвечал ей таким же чувством, к которому примешивалось нечто вроде сыновнего почтения. У них было четыре сына, все избравшие профессорскую карьеру. Известно, как враждебно относился Бакунин (особенно впоследствии) к германской профессуре, но на семью Фохт его антипатия не распространялась (впрочем, в 40-е годы, о которых мы здесь говорим, у него еще этого чувства вообще не было). Эти четыре сына были: 1) Карл Фохт (1817—1895), известный натуралист, заклятый враг германских коммунистов и особенно Карла Маркса. Именно он пустил в ход известное словечко «серная банда», подхваченное, между прочим, А. Герценом, применительно к марксистам; 2) Эмиль Фохт, бывший позже профессором юриспруденции в Берне; 3) Адольф Фохт (род. 1823 г., с 1877 г. профессор гигиены в Берне): 4) Густав Фохт (род. 1829 г., был позже профессором в Цюрихе). Особенно хорош был Бакунин с Карлом, но и с Эмилем и Адольфом отношения у него были наилучшие.

Первое письмо написано было Бакуниным из швейцарского городка Нион, расположенного на Женевском озере, где он гостил у Пескантини, а второе из швейцарского же городка Баден в кантоне Ааргау (ныне известный курорт с серными всдами), куда Бакунин заехал по пути в Бельгию в надежде на прощание повидаться с цюрихскими знакомыми, в частности с Фолленом, родственником г-жи Фохт. К этому моменту Бакунин уже получил требование русского правительства о немедленном возвращении в Россию. Это требование было ему предъявлено в Берне русским поверенным в делах А. Струве 6 февраля 1844 г., т.-е. за три дня до написания второго письма. Бакунин решил уехать из Швейцарии. На следующий же день он выехал из Берна, а 8 февраля написал Струве письмо, в коем сообщал, что важные дела призывают его в Лондон. Повидимому, именно это письмо он и послал Эмилю Фохту с просьбою передать или переслать его Струве.

Вообще установить точно дату отъезда Бакунина из Швейцарии трудно. Судя по донесениям Струве в Петербург, Бакунин не сразу уехал из Швейцарии после объявления ему требования русского правительства, а некоторое время там оставался. Так, 21 февраля 1844 г. Струве доносит о том, что Бакунин в Швейцарии всюду поддерживает сношения с радикальными элементами. Но возможно, что он опирается на лживые донесения шпионов, русских или швейцарских (швейцарская «республиканская» полиция оказывала уже и тогда всевозможные деликатные услуги монархам). Рейхель в своих воспоминаниях рассказывает, что он с Бакуниным уехал в Бельгию в середине марта 1844 г., а согласно рапорту бернской полиции это произошло в середине февраля. Вот почему мы думаем, что второе письмо Бакунина написано именно с дороги в Брюссель (куда он, повидимому, поехал через Базель). Наконец, фраза «из Брюсселя я буду писать вам снова» определенно подтверждает наше предположение. Странно только, что он в письме не упоминает о своем спутнике Рейхеле. Но это только показывает, что

в Баден (около Цюриха) Бакунин свернул с специальной целью повидаться с знакомыми и что Рейхеля с ним там не было. Он мог захватить его в Базеле, откуда они могли уже дальше двинуться вместе [1]).

1.

1843. Нион, 18 октября.

Милостивая Государыня! Не буду повторять заверений и объяснений, которыми полны мои письма в Цюрих. Теперь у меня гораздо более благодарная задача — поблагодарить вас за вашу доброту и любезнее участие, которые вы так часто проявляли по отношению ко мне, и за ваше милое письмо. Те немногие слова, которые вы мне сказали, были для меня истинным утешением и бальзамом. Я теперь не могу сказать вам много: после всех тех писем, которые мне пришлось написать как бы по принуждению, я на время утратил способность свободно высказывать свои чувства. Вы не поставите мне это в вину. Вы поймете причину моего молчания и не заключите из него о холодности и неблагодарности, от которых, конечно, я весьма далек. Вы сохраните ко мне свое благородное доверие и не будете сомневаться, что я всегда приму его с теплотой и благодарностью. Верьте мне, ваше доверие не пропадет бесплодно в моем сердце, ибо ничто, никакая мораль в мире, никакие кумиры не могу действовать так возвышенно, ничего не может так облагораживать и улучшать человека, как доверие такой благородной женщины, как вы. Сохраните это доверие ко мне, и я надеюсь, что вы рано или поздно убедитесь в том, что я действительно умею ценить его. А теперь я кончаю мое письмо просьбою кланяться от меня вашей семье и передать прилагаемое письмо Эмилю.

Ваш преданный друг (ибо вы дали мне прекрасное право называть себя так)

М. Бакунин.

Н а п о л я х: Наш мистик просит вам очень, очень кланяться; если б он был у меня, он, конечно, написал бы сам. Он очень мил и эмансипируется.

2.

9 февраля 1844. Баден (Ааргау).

Милый друг! Я совершенно напрасно приехал в Баден, никто ко мне не являлся, лишь послали мне мои вещи. Я посылаю вам письмо Фоллена для того, чтобы вы могли сами составить себе суждение. Быть может, он прав. Ведь он сам должен лучше знать, что делается у него на сердце. У других не было времени. Мне нечего говорить вам, что мне это было очень больно. Впрочем, я не имею ни права, ни оснований жаловаться. Я хотел видеть их, так как я их люблю, а они не явились, так как моя любовь для них безразлична. Следовательно, каждый поступил согласно велению своего сердца, т.-е. искренне и хорошо, и я нисколько не раскаиваюсь в своей поездке в Баден; я исполнил свой долг, последовав голосу совести и сердца. Теперь я еду дальше. Дилижанс отправляется отсюда в Базель в 9 часов вечера, и я уже записался. Через два часа я уже буду сидеть в дилижансе и буду всю ночь (вставлено: по-детски) мечтать о прошлом и будущем. Настоящее слишком печально, чтобы много заниматься им.

Милый друг, сохраните только вы и ваша семья несколько веры и доверия ко мне, по крайней мере, до моего в о з в р а щ е н и я, ибо я надеюсь вернуться с неопровержимыми доказательствами моей добродетели и для назидания всего мира напечатать их в Винтертуре. Конечно, мне было бы очень больно быть непонятым и вами, но я крепко верю в ваше постоянство и в участие всей вашей семьи.

Прилагаю для Эмиля мое письмо к г-ну фон Струве, с просьбою прочесть его, запечатать и или лично передать его, или отослать по почте.

---

[1]) Эти два письма мы заимствуем из «Приложений» у М. Неттлау.

Прощайте, милый друг. Из Брюсселя я буду писать вам снова и много. Кланяйтесь всем вашим, Зольгеру, Беккеру [1]), если он явится. Поблагодарите от меня еще раз профессора за доброту, с которою он всегда ко мне относится, и верьте искренней и глубокой любви вашего друга

М. Бакунина.

V.

С Августом Беккером Бакунин познакомился в Швейцарии. Август Беккер, по прозвищу Rothbart или рыжебородый (также «Беккер рыжий»), родился в 1814 году в Гохвейзе в великом герцогстве Гессенском. С молодых лет приняв деятельное участие в революционном движении, происходившем в Германии в 30-х годах XIX века, Беккер принужден был эмигрировать в Швейцарию, где был одним из первых немецких эмигрантов. Когда Вейтлинг начал свою коммунистическую пропаганду среди немецких ремесленников в Швейцарии, А. Беккер примкнул к нему. Бакунин, заводя знакомства с вейтлингианцами, сошелся и с А. Беккером. Последний, соединяя в своем характере как положительные, так и отрицательные черты революционера-интеллигента, очень нравился Бакунину, который сам был представителем этого типа революционного забулдыги.

Другим приятелем Бакунина из швейцарско-немецких вейтлингианцев был скорняк Симон Шмидт. Это был, по рассказам, один из самых развитых членов немецкого рабочего ферейна в Лозанне (который Бакунин посещал вместе с А. Беккером).

После разгрома вейтлингианского движения многими его участниками овладело желание отрясти с своих ног европейский прах и перебраться за океан в свободную северо-американскую республику, которая в обстановке европейской реакции рисовалась политическим эмигрантам в виде какой-то обетованной страны. Беккер начал высказывать эту мысль уже в 1844 г., Шмидт, повидимому, позже. Бакунин, веривший в близость европейской революции, всячески старался отговорить своих друзей от такого рокового решения, которое он рассматривал как своего рода дезертирство с революционного поста. Следы этого мы находим в письме к А. Беккеру от июня 1844 г. и позже (по отношению к Шмидту) в письме к г-же Фохт от 5 августа 1847 года из Парижа (это письмо мы помещаем ниже).

В конце концов, впрочем, оба приятеля Бакунина уехали-таки в Соед. Штаты. Там Беккер и умер в 1871 году. Шмидт, покинувший Европу уже в 1847 году, был в 1848 г. активным членом «Союза освобождения» (немецкой рабочей организации) в Нью-Йорке.

Печатаемое нами письмо Бакунина к А. Беккеру (взято нами из приложений к работе М. Неттлау) характерно со многих точек зрения. Письмо это (без даты) написано в июне 1844 года в Брюсселе после кратковременной (первой) поездки Бакунина в Париж, состоявшейся, вероятно, в мае или начале июня того же года. Во время этой поездки он снова встретился с своим старым приятелем по Дрездену, А. Руге, и познакомился с Этьеном Кабе, знаменитым автором «Путешествия в Икарию».

Прежде всего из этого письма выясняется, с какой симпатией Бакунин относился лично к Вейтлингу, а отчасти и к его делу. Очень возможно, что он и сам принимал участие в газетной кампании, вызванной позорным поведением швейцарских властей, выдавших Вейтлинга в руки прусской полиции. Характеристика швейцарской буржу-

[1]) Речь идет об Августе Беккере (см. ниже).

азной республики, данная Бакуниным, во многом напоминает то, что позже писал о том же предмете Энгельс (см. его статью, помещенную в «Правде» в августе 1925 года).

Далее, письмо это дает некоторый материал для выяснения вопроса об отношении Бакунина к коммунизму. Что в его жизни была полоса некоторого увлечения коммунизмом, это несомненно. Идея коммунизма, освобождение трудящегося человечества и создание братского общества с уничтожением границ между национальностями, сильно подействовала на его воображение, особенно когда он слышал ее из уст такого пламенного проповедника, как Вейтлинг, вдобавок формулировавшего ее в родственных Бакунину религиозных терминах. Но коммунистом в полном смысле слова Бакунин никогда не был. Он об этом определенно говорит не только в «Исповеди», которую можно было в данном случае заподозрить в притворстве, но и в напечатанной выше статье своей о коммунизме, где он в общем выступает в защиту нового учения, однако с ним не солидаризуясь в основном пункте. Коммунистическое общество представляется ему (как и Прудону, взглядов которого на этот предмет он к тому времени еще не знал) «стадом животных», согнанным силою и живущим из-под палки.

Письмо к А. Беккеру, написанное под впечатлением первого знакомства с Парижем, содержит ряд указаний, свидетельствующих скорее об отрицательном отношении Бакунина к коммунизму, а в значительной мере и к коммунистам. Бакунин весьма иронически отзывается о своих «успехах в коммунизме» и о начале подражания «коммунистическим глупостям». Правда, как мы увидим ниже, через несколько месяцев он готов был признать себя коммунистом, но это было мимолетное настроение, причины которого мы объясним дальше.

Еще меньше симпатии, чем само коммунистическое учение (или «коммунистические глупости»), возбуждали в нем живые носители этих принципов. Правда, Бакунин дает хороший отзыв о французских коммунистах (кого, кроме Кабэ, он успел за свое короткое пребывание в Париже узнать, трудно сказать), но делает он это лишь для того, чтобы резче оттенить отрицательные на его взгляд черты немецких коммунистов (которых он знал больше, чем французских). Да и виднейший из тогдашних французских коммунистов, Э. Кабэ, повидимому, Бакунину не понравился. Только так и можно, по нашему мнению, истолковать фразу Бакунина о том, что Кабэ произвел на него именно такое впечатление, какого он ожидал.

Относительно немецких коммунистов Бакунин сообщает просто глупую сплетню. Упоминание в связи с этим имени А. Руге показывает, из какой среды шли эти злостные сплетни, столь доверчиво подхваченные и переданные Бакуниным. Это был круг немецких мелкобуржуазных демократов вроде А. Руге, который к тому времени окончательно поссорился с группой Маркса и был с коммунистами на ножах. Между прочим, несколько позже он разошелся и с самим Бакуниным — именно за близость последнего к коммунистам и в частности к Марксу. И на основании глупой сплетни А. Руге относительно мнимой слежки какого-то коммуниста (не Моисея ли Гесса?) за частной жизнью своих соотечественников-радикалов Бакунин поспешно выводит общее заключение о невысоком моральном уровне немецких коммунистов!

Наконец, есть еще один интересный пункт в письме к Беккеру, на котором мы считаем нужным остановиться. Это слова Бакунина о своей работе над каким-то «бессмертным произведением». О чем тут может говориться?

Еще в 1842 году, как это видно из письма от 13 ноября 1842 г., опубликованного А. Корниловым, Бакунин задумал какую-то крупную работу, книгу, которую предпо-

лагал закончить к январю 1843 года. Это, как можно догадываться, была работа по философии. Как ясно из письма к Беккеру, работа эта писалась или должна была писаться на немецком языке. Но, как мы увидим из письма к Зольгеру, скоро Бакунин изменил свой план. Мы думаем, что здесь речь идет все о той же книге, посвященной философии Фейербаха. В следующей главе мы вернемся к этому вопросу.

ПИСЬМО К АВГУСТУ БЕККЕРУ.

[Брюссель. Июнь 1844 года.]

Дорогой Август! Наконец-то я всемилостивейше решаюсь написать тебе. Что этому много содействовало твое письмо, не подлежит сомнению; оно вызвало в глубине моей души такие угрызения совести, что я не могу вернуть себе божественного спокойствия, пока не исполню целиком свой долг.

Так как я все, касающееся нас, сообщил Фохтам, то я не буду теперь тратить время и бумагу на бесполезное повторение.

Поведение цюрихского правительства по отношению к Вейтлингу позорно, оно повергло меня в крайнее уныние и в бешенство: это совершенно своеобразные плоды швейцарского своеобразия. Две бельгийские газеты, а также «Насиональ» уже энергично высказались по этому поводу, но какая польза от всего этого нашему бедному Вейтлингу! И как этого не предвидели цюрихские радикалы и либералы? Как это они не проявили достаточно заботы, если не о Вейтлинге — так далеко их тряпичный либерализм не идет, — то, по крайней мере, о себе, о своей национальной чести, чтобы воспрепятствовать такому позорному акту? Неужели было так трудно освободить его?

А что делается теперь в Валлисе? Не знаешь ли ты, быть может, как обстоит дело с нашим бедным (имя неразборчиво)? Я твердо рассчитывал на то, что кантон Во вмешается! Но Швейцария все-таки поганая страна, она безжалостно обращается со слабыми и безоружными и уважает законы там, где святой долг заключается в том, чтобы нарушить закон.

Где находится теперь Вейтлинг? Действительно ли он выдан Пруссии? Тогда он пропал, и только всеобщее потрясение в Германии может его освободить. Жаль его, жаль из-за него и из-за дела! Напиши мне все, что ты о нем знаешь.

Зейлер [1]) здесь и был у меня. Сначала я старался отнестись к нему очень хорошо, хотя у меня тоже было сильное предубеждение против него; к сожалению, скоро для меня стало совершенно невозможно продолжать в этом духе, он все же столь низкий характер, что его нельзя выносить. Он хвастал и лгал так возмутительно, что я вынужден был самым беспощадным образом продиалектизировать его в присутствии других, которым он хотел пустить пыль в глаза. С тех пор я его не видел больше и очень доволен, что освободился от него, ибо это весьма низменный и бесстыдный субъект.

Что касается тебя, то меня не обманет никакая газетная статья, кем бы она ни была написана, и вообще что-либо другое. Кого я знаю, того я знаю, и кого я люблю, того я люблю, не спрашиваясь у других. Моя любовь к человеку служит для меня лучшим доказательством его благородной, человеческой натуры; других доказательств мне не нужно. Тем не менее я рад, что ты решился заткнуть глотку старым кумушкам и сплетницам, стоящим во главе немецких газет. Бог в помощь тебе, и да научит он тебя быть энергичным без ругни. Кланяйся от меня Шмидту, скажи ему, что я все продолжаю работать над моим бессмертным произведением, но в последнее время я работал над ним меньше, так как занят теперь выработкою своего французского стиля; поэтому я должен на некоторое время воздержаться от писания по-немецки, ибо ничто так не мешает хорошему французскому языку, как немецкий. Скажи ему также, что

---

[1]) Демократ из Силезии, Себастиан Зейлер в Швейцарии примкнул к коммунистам. Впоследствии, в 1846 г. был членом немецкого коммунистического ферейна в Брюсселе, где работал К. Маркс.

я делаю успехи в коммунизме и настолько уже преуспел в этом отношении, что сам начинаю перенимать коммунистические глупости.

В Париже я был у Кабе, правда, один только единственный раз, так что я не могу много сказать о нем; он произвел на меня именно то впечатление, которого я ожидал. Немецких коммунистов я не имел случая повидать; вообще мне пришлось много проглядеть, так как я оставался в Париже только очень короткое время; 10 июля мы снова едем туда и на очень долгое время, и вы можете быть уверены, что я дам себе труд все видеть и слышать. Я знаю лишь, что один из немецких коммунистов—я думаю, парижский корреспондент — считает своей странной миссией следить за всеми и в особенности за немецкими радикалами до мельчайших деталей их жизни и деятельности. Это бы еще ничего; но смешнее всего то, что он об этом торжественно объявил Руге и другим; Руге чуть не выставил его вон и имел на это, по-моему, полное право. Этим господам так еще чужды основные требования человеческого достоинства и человеческой свободы! Разве же это не печально? Что касается меня, то я всегда буду считать лицемерием, недостойным моей чести, и унизительным пресмыкательством потворство такому отсутствию человеческих чувств и примирение с ним. Французские коммунисты в этом отношении гораздо более прогрессивны, более гуманны, горды и свободны — они полны достоинства и самосознания, а потому ценят также достоинство и свободу других.

А теперь две просьбы, дорогой Август:

1) В марте этого года мне было послано очень важное письмо из Франкфурта на Майне в Нион,— будь любезен, отошли прилагаемое письмо в почтовое отделение в Нионе, а письмо мне в Брюссель, улица Эскалье, № 41, или же, если это будет сделано позже 1 июля, то в Париж, Отель Жиронды, улица Кенз-Вен, у Пале-Рояля, М. Бакунину.

2) Уже очень давно я не имею никаких известий от Пескантини. Где он и что поделывает, где его жена и дети? Постарайся все это в точности разузнать и дать мне исчерпывающий ответ. Что поделывает сантиментальный префект Вэрэ? Вообще (сообщи) все, что ты узнаешь об интересном нионовском мире.

Я рад, что ты не едешь в Америку и остаешься с нами; на поездку в Америку приходится теперь смотреть не иначе, как на абстрактный, трусливый выход, как на своего рода самоубийство. Надо иметь силу, несмотря ни на что, оставаться жить в Европе, чтобы впоследствии сохранить право действовать в Европе.

Прощай.

Твой М. Б.

VI.

Германский демократ Зольгер, о котором в русской литературе имеется монография тов. Л. Каменева (вошедшая в его книгу «О Герцене и Чернышевском»), тоже был одним из швейцарских знакомых Бакунина. Это тот самый Зольгер, которого Герцен назвал умнейшим из своих идейных противников. Печатаемое нами письмо Бакунина к Зольгеру написано через несколько месяцев после того, как Бакунин окончательно водворился в Париже. Оно интересно в следующих отношениях.

Во-первых, здесь мы, наконец, узнаем, каково было содержание предполагавшейся большой работы Бакунина. Книга эта, на этот раз уже как будто на французском языке, должна была трактовать о философии Фейербаха. Энгельс, встретившийся около того времени с Бакуниным в Париже, говорит о нем, как о знатоке фейербаховской философии. Было бы, конечно, весьма интересно (в частности для освещения некоторых неясных пунктов духовной эволюции самого Бакунина) иметь книгу о Фейербахе, им написанную. Но эта работа никогда не увидала света, вероятно, по той простой причине, что она никогда не была закончена (да вряд ли и на много вообще написана). Такова

была обычная участь широких бакунинских литературных планов, над которыми зло издевался знавший его безалаберность А. Руге.

Во-вторых, внимание наше невольно останавливается на неожиданном заявлении Бакунина: «много занимаюсь политической экономией и являюсь коммунистом от всего сердца». В многочисленных писаниях Бакунина это заявление является совершенно одиноким. Обыкновенно он отгораживается от коммунизма, подчас резко его критикуя, и только в данном случае определенно признает себя его сторонником. Нам кажется, что это объясняется влиянием К. Маркса, с которым Бакунин познакомился в Париже и который, по позднейшим признаниям Бакунина, поразил его своими знаниями, выработанным материалистическим миросозерцанием и революционностью взглядов.

Разумеется, здесь имело место и влияние других немецких коммунистов, с которыми Бакунин познакомился в Париже. Встречались они в редакционном помещении газеты «Форвертс», где Бакунин снимал одну комнату (в этой комнате и собиралась редакция). Листок, издаваемый некоторыми Бернштейном с начала 1844 г., не имел никакой физиономии, но затем, после закрытия «Немецко-Французских Ежегодников», Бернштейн по соображениям расчета пригласил в сотрудники Гейне, Гервега, Маркса, Гесса, Руге и Бакунина. Основываясь на этом, Бакунин и сообщает Зольгеру, что «Форвертс» должен улучшиться.

В это время Бакунин посещал в Париже коммунистические клубы, вероятно, немецкие (с французскими коммунистами у него не было обширных связей; он был знаком преимущественно с французскими демократами). Любопытно, что, как видно из письма Ф. Энгельса, во время проезда его через Париж, повидимому, в сентябре 1844 г., в один из таких клубов ввел его именно Бакунин. В том же письме Энгельс относит Бакунина, не называя его, определенно к коммунистам (см. у Рязанова «Очерки по истории марксизма,» М. 1923, стр. 50).

Но коммунистические настроения недолго продержались у Бакунина.

ПИСЬМО К ЗОЛЬГЕРУ.

14 октября 1884 г. Париж, Рю де Мулен, 32.

Дорогой Зольгер!

Я тебе не писал, но из этого ты не должен заключать, что я тебя хоть сколько-нибудь забыл или что мои чувства по отношению к тебе изменились. Некий г. Бернштейн, брат которого состоит редактором «Форвертса» и который сдал мне здесь комнату, посылает свою жену-певицу в Берн, где она намерена остаться всю зиму и напеть себе побольше денег. Услыхав, что я знаком и дружен с тобою, он не успокоился до тех пор, пока я не обещал ему дать к тебе рекомендательное письмо. Он сам не особенно интересная личность. Его жена, повидимому, еще не вполне усвоила благородство женской натуры, но, быть может, она обладает прекрасной душой. Я не знаю ее и предоставляю тебе дальнейшее изучение этой женщины. Присмотрись к ней, и если она тебе понравится или покажется интересной, займись ею. В противном случае пусть делает, что знает. Это единственная рекомендация, которую я по совести могу дать. Поет она, как кот на крыше, но для бернского театра она достаточно хороша.

Мы оба, т.-е. Рейхель и я, в Париже; я — навсегда, Рейхель — до будущего лета. Относительно моих материальных дел Фохты, вероятно, тебе уже сообщали. Ты знаешь, что я присужден к лишению дворянства и к ссылке в Сибирь, но у меня дурной вкус, и я предпочитаю Париж Сибири. Кроме того, правительство приняло всяческие меры к тому, чтобы совершенно отрезать меня от России. Мне, с моей стороны, удалось восстановить сношения с моей семьей, конечно, тайным образом.

Малютка [1]) сделал большие успехи. Я тоже много успел. Стал французом и работаю очень прилежно над «Exposé et développement des idées de Feuerbach» (изложение и развитие идей Фейербаха). Много занимаюсь политической экономией и являюсь коммунистом от всего сердца. Малютка уже имеет уроки по 10 и по 12 франков. Мне тоже обещаны уроки русского языка в русских семьях по 10 и $7^1/_2$ франков. Кроме того, мне прислали немного денег из России с торжественным обещанием положить конец моему тяжелому положению. Господи боже, тогда я сумею уплатить свои долги и стать свободным человеком! Но не говори об этом никому ни слова, кроме Фохтов, пока ожидание не станет действительностью. Нам живется хорошо, мы много работаем, надеемся, ожидаем многого, веселы и бодры. Париж не такой город, как Брюссель, — жить здесь это действительно наслаждение.

А ты, дорогой друг? Что ты делаешь? Как обстоит дело с твоим «Аристофаном»? Как твоя поэзия? Каковы твои планы? Быть может, ты приедешь в Париж посетить нас? Мы постараемся, чтобы тебе это стоило очень мало. Не пошлешь ли ты нам свои стихи для «Форвертса»? «Форвертс» пока еще негодный листок, но скоро станет хорошим. Видел ли ты Гервега, и доставила ли вам совместная жизнь удовольствие? От Фохтов мы не имеем ответа, и это нас бесконечно огорчает. Кланяйся им. Прощай.

Твой *Бакунин*.

Мой адрес: M. Bakounine.—Paris, Rue des Moulins, № 32.

VII.

Как известно, первая статья Бакунина, открыто заговорившая о русских делах, появилась в газете «La Réforme» 27 января 1845 года. Эта статья сразу обратила на ее автора внимание польской эмиграции. Но более тесного сближения Бакунина с поляками тогда не произошло.

Прошел год. Польская эмиграция готовилась к бою. Началось брожение в Познани, в Царстве Польском, в Галиции, где оно привело к известному краковскому восстанию 1846 года. Нация-мученица снова выступила на историческую сцену, привлекая всеобщее внимание и симпатии. Бакунин, снедаемый революционной страстью, решил выйти из временного бездействия, в которое его погрузила царившая кругом реакция.

«Для этого, — рассказывает он в «Исповеди»,—я должен был вновь обратить на себя внимание поляков, уже успевших позабыть обо мне, и с такою целью написал статью о Польше и о белорусских униатах, о которых была тогда речь во всех европейских журналах (т.-е. газетах)». Бакунин говорит здесь о статье, напечатанной им за своею подписью в № 78 газеты «Le Constitutionnel» от 19 марта 1846 года. В то время как первая заграничная статья Бакунина «Реакция в Германии», напечатанная в журнале Руге, а также первая его статья во французской прессе, помещенная в «La Réforme» 27 января 1845 г., уже доступны русскому читателю (обе они, между прочим, недавно перепечатаны в книге Корнилова «Годы странствий М. Бакунина»), статья о преследовании католицизма на Литве и в Белоруссии, насколько мы знаем, нигде и никогда не перепечатывалась. Мы поэтому даем ее ниже полностью.

Как и первая статья Бакунина в «Реформе», эта статья его также имеет вид письма в редакцию. Написана она так же открыто и смело, как и первая статья. В ней Бакунин снова бросает перчатку царизму и еще определеннее, чем прежде, провозглашает свою

[1]) Рейхель.

солидарность с борьбою поляков за свое национальное освобождение. В подчеркивании солидарности польских и русских революционеров в деле борьбы с самодержавием и в установлении тесной связи между освобождением Польши и освобождением русского народа от их общего врага и угнетателя заключается основная тенденция статьи.

В жизни Бакунина эта статья, несомненно, сыграла видную роль.

Правда, в «Исповеди» Бакунин сообщает, что попытки его связаться с поляками на общей практической работе не удались и даже привели к неожиданному и для него весьма неприятному результату, возбудив в некоторых кругах польской демократической эмиграции недоверие к нему [1]). Однако не подлежит сомнению, что главной своей цели Бакунин, безусловно, добился. Эта статья не могла не обратить внимания поляков на русского революционера, не только выступающего с неслыханной до тех пор резкостью против всемогущего деспота Николая I и всей его системы, но и демонстративно подчеркивающего свое сочувствие борьбе польской нации против удушающего ее гнета. По крайней мере, часть польской демократической эмиграции должна была с этого момента увидеть в Бакунине своего союзника. Уже первая статья Бакунина в «Реформе», где он лишь мимоходом коснулся польского вопроса, вызвала обращение к нему со стороны некоторых поляков с предложением публичного выступления на польских собраниях. Статья в «Le Constitutionnel», исключительно посвященная вопросу о национальной борьбе Польши и открыто протягивавшая руку польским революционерам, должна была еще больше приблизить возможность такого выступления. Как мы знаем, это выступление действительно состоялось в ноябре следующего, 1847, года. Теперь мы видим, что почва для него была политически и психологически подготовлена статьею Бакунина о преследовании униатов.

СТАТЬЯ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ КАТОЛИЦИЗМА НА ЛИТВЕ И В БЕЛОРУССИИ.

Милостивый государь!

Я русский и люблю мою страну, вот почему я, подобно очень многим другим русским, горячо желаю торжества польскому восстанию.

Угнетение Польши — позор для моей страны, а свобода Польши послужит, быть может, началом нашего освобождения.

Впрочем, как честный человек я хочу дать свидетельское показание по делу, занимающему в настоящий момент французские газеты. Я говорю о преследовании католических монахинь в Литве.

Лично я вполне убежден в точности сообщаемых монахинями фактов. Я думаю, что эти факты—верны, так как я считаю их вероятными и знаю, что возможное зло в России всегда становится, к несчастию, действительностью. Политическое и административное устройство этой страны таково, что, сделав добро почти неосуществимым, оно делает зло почти необходимостью.

Первый возникающий здесь вопрос заключается в следующем.

Возможно ли, чтобы русское правительство, как бы оно ни было абсолютно, позволило себе употреблять насилие в качестве средства религиозной пропаганды?

К сожалению, в этом сомневаться не приходится. Всем известно, к каким незаконным, насильственным и часто жестоким мерам прибегали русские власти для того, чтобы заставить жителей Литвы и Белоруссии изменить свою религию. Предписанные

---

[1]) В нашей книге «М. А. Бакунин», т. I, которая недавно вышла в свет вторым изданием, мы показали, что отсюда и пошла клевета на Бакунина, впоследствии принесшая ему столько горя.

и санкционированные самим императором, эти систематически организованные насилия не могли не быть ему известны.

Литва, а также Белоруссия, входившие тогда в состав польского королевства, в XVI веке переменили греческую религию на римско-католическую. Они приняли все догмы, признали верховную власть папы, но за это Флорентинский собор, назвавший литовцев греко-униатами, разрешил им сохранить обряды греческой церкви.

Мало по малу старые формы и обычаи забылись до такой степени, что уже в XVIII веке почти невозможно стало отыскать малейшую разницу между греко-униатами и римскими католиками.

Эта перемена, равно как и самое введение унии в некоторых частях этих областей и особенно на Украине, не могли пройти без некоторых осложнений. Средства, употреблявшиеся тогда иезуитами, всемогущество которых в Польше и послужило одной из главных причин падения этой страны, очень похожи на те средства, какими в настоящее время пользуется императорское правительство. Но в конце концов дело было сделано, и, когда эти области были присоединены к России, население не помнило уже страданий отцов и искренно было предано своему новому культу, который, как я уже вам сказал, почти ничем не отличался от католического.

Руссифицировать Польшу — такова упорная мысль императора Николая с 1831 года, мысль вполне логичная, потому что, не желая видеть Польшу независимой и свободною, он по необходимости должен стремиться разрушить ее национальность. Но, чтобы достигнуть этого, необходимы были три вещи: 1) уничтожение польского языка; 2) подчинение Польши русскому законодательству; 3) установление государственной религии на развалинах католической и греко-униатской церкви.

Я не могу, м. г., развернуть перед вами полную картину действий русского правительства; это значительно удлинило бы мое письмо. Я остановлюсь только на третьем пункте.

Естественно приходилось начинать с Белоруссии и Литвы. Вам, наверно, известно, м. г., что русская политика слагается из двух основных элементов: она обыкновенно начинает с хитрости и всегда кончает насилием. Вот как в данном случае взялись за дело, чтобы открыть несчастным диссидентам пути к вечному спасению. Высказав себя вначале ревностным охранителем строгого исполнения диссидентами постановлений Флорентинского собора, правительство потребовало обязательного выполнения пункта, разрешавшего им сохранить обряды греческой церкви. Оно начало с перемен во внутреннем устройстве церквей, а также в священническом облачении. Эти изменения произведены были очень грубо, так как ни на какие жалобы не обращали внимания, и католические священники лишены были свободы без дальних околичностей. В 1838 году правительство, круто изменив свою политику, задумало нанести решительный удар. Епископ Семашко, бывший душою этого предприятия, созвал в Полоцке нечто вроде собора, составленного из небольшого числа епископов и священников, часть которых была подкуплена посулами, а другая запугана угрозами. Воссоединение греко-униатской и православной церкви было единодушно принято, и в Петербург послана депутация во главе с Семашко, чтобы просить императора соблаговолить разрешить своим покорным подданным-раскольникам отречься от ереси.

«Благодарю бога и соглашаюсь». Таков был ответ Николая. Депутатов осыпали милостями, великолепными подарками и чинами. Ежедневно служились молебны, и в то время, как эта комедия разыгрывалась в Петербурге, на Литве и в Белоруссии реками уже лилась кровь. Император послал туда архиепископа Семашко, облеченного всею полнотою власти, приказав гражданским и военным властям оказывать ему всемерную помощь и содействие.

Диссидентское население единодушно протестовало против собора в Полоцке; вспыхнули частичные бунты, подавлявшиеся вооруженной силой; множество крестьян было расстреляно, другие забиты кнутом; а еще большее количество их сослано в Сибирь — частью на поселение, частью в каторжные работы.

Многих непокорных священников постигла та же участь. Некоторые из них были брошены в тюрьмы и там подверглись пытке, да, м. г., пытке, ибо, хотя указом

Екатерины II пытка отменена, ее тем не менее даже в России, при производстве следствия, продолжают применять — не к дворянам, если только они не обвиняются по политическому делу, а к народу и к некоторым категориям третьего сословия.

Несмотря на эти варварские меры, диссиденты продолжают оказывать сопротивление тираническим требованиям русского правительства. Дело базилианских монахинь лишний раз подтверждает его. И после всего того, что я вам сказал, вы согласитесь, что жалобы г-жи Мечиславской не могут считаться преувеличенными.

Человек, подобный Семашке, способен на все. Что касается дурного обхождения и оскорблений, какие несчастным базилианским монахиням пришлось вытерпеть от русских монахинь, я не нахожу в этом ничего невероятного, так как большинство мужских и женских монастырей в России наполнены невежественными тунеядцами, привыкшими с самого раннего детства ко всякого рода жестокостям и проводящими время в механически повторяемых молитвах, сплетнях, а подчас и в пьянстве. Легко можно представить себе, как такие монахини должны были встретить беззащитных женщин, обвиненных в ереси и в неповиновении императору.

Но знал ли император Николай обо всем этом? Возможно ли, чтобы он сам предписал эти жестокости? М. г., я не хотел бы быть несправедливым ни к кому, даже к императору, который так много раз был несправедлив ко всем. Но все же я должен сказать правду: приговоры и экзекуции, о которых я выше говорил, все были предписаны императором. Он, конечно, не приказывал Семашке дробить челюсти бедным монахиням. Но он облек его своим полным доверием, приказал ему поступать с ними самым суровым образом, по всей строгости русских законов. Я глубоко убежден, что если бы император выразил твердое желание не допускать несправедливых преследований и кровавых насилий в своем государстве, то все эти жестокости не имели бы места. Сообщенные мною факты известны мне лично, так как я провел некоторое время на Литве в качестве офицера. Если бы я не боялся злоупотребить вашим вниманием, я мог бы вам рассказать много других случаев, чтобы доказать вам, что если О'Коннель мог заявить в парламенте о своем отечестве: «что ни с одним народом на земном шаре так жестоко не обращались, как с Ирландией», то лишь потому, что он, вероятно, не знал всех варварских деяний русского правительства в Польше.

Администрация в Польше почти вся состоит из людей, которые, не имея другой цели, кроме карьеры и обогащения любыми путями, стараются отличиться своим усердием, а последнее сводится обыкновенно к раскрытию новых заговоров и к ожесточенному преследованию действительных или мнимых заговорщиков.

Припомните, м. г., что русское правительство замышляет не более и не менее как полное уничтожение польской национальности; что оно враждебно настроено против ее обычаев, религии, даже языка, что оно видит преступление и оскорбление величества во всем, что противоречит воле императора; что гонение и приговоры по форме представляют сплошной произвол; что те, кто уполномочен на это, вплоть до самых маленьких чиновников русской администрации, пользуются почти абсолютной властью над всяким поляком.

Сопоставьте все это вместе, и вы получите полное и верное представление о страданиях этой несчастной и благородной нации.

Примите, м. г., и пр. *М. Бакунин.*

Париж, 6 февраля 1846 года.

VIII.

В этой главе мы даем одно непоявлявшееся в нашей литературе письмо Бакунина и относящееся к последнему году его пребывания в Париже. Оно написано госпоже Фохт (взято нами из «Приложений» к книге М. Неттлау). Письмо дает некоторые не лишенные интереса штрихи для характеристики настроения Бакунина накануне его

знаменитого выступления на польском банкете 27 ноября 1847 года, имевшего такое серьезное значение в жизни Бакунина.

В письме к госпоже Фохт, к которой Бакунин питал нечто вроде сыновнего чувства, он выражается на свой счет довольно пессимистически. Конечно, в частных письмах, да еще написанных при оказии (в данном случае в связи с рекомендациею матери Герцена), нельзя все принимать буквально. Но кое-что все же проскальзывает и в таких письмах, а если эти заявления вдобавок подтверждаются другими указаниями, сделанными в иной обстановке и по иным побуждениям, то они приобретают отчасти доказательный характер. Мы имеем в виду то, что Бакунин говорит о своем настроении.

Он явно недоволен и собою и окружающими условиями. Ему уже 33 года, а он все еще находится в процессе развития, все еще ищет жизни и истины, то-есть все еще не выработал себе определенного мировоззрения и определенной программы. Мы считаем его заявление хотя в некоторых отношениях и преувеличенным, но в общем отвечающим правде. Бакунин к 1847 году все еще находился в поисках системы, цельного миросозерцания, он еще не вполне отделался от старого идеализма, он колебался между коммунизмом, демократизмом и смутным зародышевым анархизмом, он не нашел еще почвы для приложения своих сил, не нашел подходящей среды для воплощения своих порывов в практику. Правда, он заявляет, что всецело отдался польско-русскому движению, но и это заявление следует принимать с осторожностью. Мы знаем, что его попытки практически сойтись с поляками на общей работе не приводили к конкретным результатам. Слова его показывают только устремление его тогдашних интересов, и с этой стороны они заслуживают нашего внимания. При таком понимании этой фразы она не будет расходиться с тем, что сказано в его «Исповеди» насчет отсутствия у него действительных связей с поляками. Это значит, что практического дела в тот момент у Бакунина вообще было мало, но среди этого малого его польские интересы занимали преобладающее место.

Кстати, эта фраза лишний раз подтверждает, что выступление Бакунина на польском банкете, состоявшееся через 3 месяца после письма к г-же Фохт, не было чем-либо случайным и неожиданным ни для него, ни для поляков.

Общий тон письма к г-же Фохт свидетельствует о том, что в рассматриваемый момент Бакунин чувствовал себя в Париже неважно. По его словам, Париж в то время не был местом, где можно было чувствовать себя живым человеком. Герцен тоже подтверждает, что в 1847 году Бакунин был в печальном настроении. В «Исповеди» Бакунин даже выражается на этот счет гораздо решительнее. Там он прямо говорит, что в Париже ему неоднократно приходила в голову мысль о самоубийстве. Возможно, что это утверждение грешит некоторым преувеличением, но все же ясно, что в Париже Бакунин чувствовал себя оторванным от почвы, что во французскую жизнь он не вошел, а в виду отсутствия группы русских единомышленников особенно живо чувствовал свое одиночество и особенно болезненно реагировал на разгул реакции. Только поддаваясь такому настроению, Бакунин мог писать Эмме Гервег в октябре 1847 года, что чувствует себя замороженным и часто лишенным всякого ощущения жизни.

И однако нельзя сказать, чтобы это настроение безнадежного уныния было у Бакунина постоянным. Совершенно наоборот: временами и, вероятно, чаще Бакунин предавался радостным надеждам на близость революционного потрясения, которое призвано освежить застоявшуюся атмосферу. Герцен тоже сообщает, что, несмотря на свое

печальное настроение, Бакунин все же был далек от отчаяния и верил в близость революции. Печатаемые ниже письма подтверждают эти слова Герцена.

Сообщая г-же Фохт о том, что он отговаривает Симона Шмидта от переезда в Америку, Бакунин мотивирует свой совет уверенностью, что недалек момент, когда придется действовать в Европе. А насколько моментами сильна была в нем вера в близость революции, видно из его восторженного письма к Гервегам от 6 сентября 1847 года [1]). Бакунин приветствует приближение революционной бури, называет революцию своею суженою и заявляет, что он будет чувствовать себя счастливым лишь тогда, когда весь земной шар будет охвачен огнем.

Все это свидетельствует о колеблющемся настроении Бакунина перед февральской революцией 1848 года — впрочем, с несомненным перевесом в сторону революционных чаяний.

Два пункта в письме к г-же Фохт мы считаем нужным еще отметить.

Первый касается отношения Бакунина к деньгам. Известно, сколько ханжеских слов наговорено на эту тему. Да, Бакунин не был в этом отношении образцом мещанской расчетливости и акуратности. Но, как верно заметили о нем Белинский и Герцен, хорошо его знавшие и умевшие ставить в правильную перспективу как достоинства, так и недостатки своего друга, Бакунин, готовый брать у других деньги, как щепки, так же и отдавал их, как щепки, и, отделив себе полтину на табак, готов был отдать все свои деньги нуждающемуся товарищу. Он жалуется г-же Фохт, что материальные дела его попрежнему неустроены (и мы знаем, что он в Париже сильно нуждался), но стоит ему узнать, что приятель его А. Беккер сидит без денег, и Бакунин спешит поделиться с ним, быть может, последним и при этом лишь сожалеет, что не мог послать ему больше. Это, конечно, мелочь, но без таких мелочей портрет Бакунина оставался бы незаконченным.

Второй пункт касается сообщения Бакунина о том, что он надеется вскоре закончить какую-то работу. Есть ли это все та же работа о философии Фейербаха, о которой мы говорили выше и которая, впрочем, так и не была доведена до конца? Вряд ли. В 1847 году Бакуниным владели уже другие интересы. Теперь он увлекался не философией, а политикой. Косвенное указание на эту работу мы находим в воспоминаниях А. Рейхеля о Бакунине. Рейхель с добродушной иронией говорит о какой-то работе своего друга, которую он называет его «вечной книгой». Судя по словам Рейхеля, эта книга, основанная на изучении истории революционных переворотов во Франции, должна была трактовать о движущих силах революции, об основах революционной стратегии и тактики и т. п. Повидимому, на эту работу или, вернее, на этот замысел и намекает Бакунин. Но и эта работа, как видно, не вышла из сферы обычных проектов Бакунина, так и оставшихся в большинстве случаев неосуществленными. В дальнейшем мы об этой работе больше ничего не слышим, и весьма сомнительно, чтобы она когда-либо была «близка к окончанию», как сообщает Бакунин г-же Фохт.

ПИСЬМО К ЖЕНЕ ПРОФ. ФОХТА В БЕРНЕ.

5 августа 1847 года.

Дорогой и милый друг!

Не сердитесь на меня за то, что я вам так много лет не писал, и не объясняйте моего долгого молчания забывчивостью или неблагодарностью. Мы с Рейхелем так

[1]) Мы говорим «моментами», ибо в следующем письме, написанном через полтора месяца, звучит уже гораздо более минорный тон.

же преданы вам, как и прежде, и всегда вспоминаем о вас с тою же любовью и благоговением. Кроме лени, которая является моим национальным первородным грехом, было еще много других причин, способствовавших тому, что я не давал о себе весточки. Я еще не пришел к чему-либо положительному, я все еще состою в поисках жизни и истины, а кто в мои годы находится еще в процессе развития, тот не склонен много о себе писать. Впрочем, вы вовсе не должны думать, что я отчаиваюсь и потерял бодрость к жизни или что я в каком-либо пункте изменил своему прежнему мировоззрению. Напротив, я думаю, что я во всем укрепился. Но только Париж, по крайней мере в настоящий момент, не является местом, где можно действительно чувствовать себя живым. В этом городе, несмотря на его размеры и протяжение, человеку тесно. Здесь слишком скверно, и долго так продолжаться не может. Если бы мои средства позволяли мне это, я бы этим летом непременно прикатил к вам в Швейцарию. Но и в этом пункте я еще не пришел к действительному разрешению своего положения, нахожусь только в первоначальной стадии такого разрешения и должен поэтому еще терпеть. Но в будущем году я определенно надеюсь посетить вас, и тогда вы, милый и дорогой друг, лично сможете убедиться в том, что я не изменился ни в моей любви к вам, ни в серьезности моих стремлений и желаний.

Это письмо вы получите через одну русскую даму, урожденную немку, мать моего друга Герцена. Она намерена провести несколько месяцев в Швейцарии, а так как она знала, что я имею там знакомства, то просила меня снабдить ее рекомендательными письмами. Я могу рекомендовать ее только вам, других же друзей в Швейцарии у меня нет. Фоллен с того времени, как познакомился со мною, стал руссофобом. Я убежден, что мать моего друга понравится вам и что вы ее полюбите.

Мне было очень жаль, что я не мог бывать чаще у вашей дочери в Париже и что я не писал вам через нее. Но это было для меня тогда невозможно, ибо у меня было бесконечно много дел. Что делает фрейлен Луиза и фрейлен «Сапог» [1])? Где находится Эмиль, Густав и ученый Петр [2])? Как поживает профессор?

Жена Рейхеля [3]) наконец приехала в Париж, так что я уже живу не с ним, но на той же улице и обедаю с ними. Это чудная женщина и именно такая, какая нужна была Рейхелю, так что теперь можно не опасаться насчет его счастья. В эту зиму с его уроками дело шло лучше, и он надеется в будущем году заработать много денег. Он остался все тем же, и если кое в чем изменился, то к своей выгоде. Теперь он много работает и компонирует. Я тоже надеюсь скоро закончить кое-что, но не хочу больше ничего сказать, пока не пошлю вам этого.

На этих днях я получил письмо от Августа Беккера. Бедняга находится в Страсбурге в очень тяжелом положении. Я не мог послать ему больше 50 франков. Гервег не здесь, и я поистине не знаю, как быть. Но я все сделаю, чтобы помочь ему и фрейлен Чех, дочери цареубийцы [4]), которая тоже находится теперь с ним в Страсбурге. Беккер—чудный человек, золотое сердце. Его ни в коем случае нельзя оставить на произвол судьбы.

Симон Шмидт здесь в Париже и хочет ехать в Америку, от чего я всеми силами стараюсь его отговорить. Мне кажется, что теперь такое время, когда лучшие, самые живые и сильные люди нам необходимы, так как уже недалек момент, когда придется действовать. Нехорошо оставлять теперь Европу. А в остальном я живу почти только с поляками и всецело бросился в польско-русское движение. Но об этом в другой раз. Теперь я должен проститься с вами.

Прощайте, будьте здоровы и верьте моей преданной и искренне глубокой дружбе к вам.

Ваш *М. Бакунин.*

Бельвю, близ Парижа. 5 августа [18] 47 г.

Наш адрес: M. Reichel. Rue de Bourgogne, 4.

---

[1]) Кличка девицы Августы Фохт.

[2]) Прозвище Адольфа Фохта.

[3]) Речь идет о первой жене Рейхеля, умершей в 1849 году.

[4]) Бургомистр Чех из Сторкова совершил в 1844 г. покушение на прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и был казнен.

IX.

Следующий документ относится ко времени вторичного пребывания Бакунина в Брюсселе. Как известно, после произнесения Бакуниным речи на польском банкете 27 ноября 1847 г., он был, по требованию русского правительства, выслан из Франции (участь, которая еще два с лишним года тому назад постигла К. Маркса). Бакунин, впрочем, не думал долго оставаться в Брюсселе, а мечтал о переезде в Лондон. Однако вспыхнувшая в феврале 1848 года революция снова открыла перед ним, как и перед другими изгнанниками, двери Франции.

Брюссельский документ это — открытое письмо Бакунина графу Дюшателю, министру внутренних дел в кабинете Гизо (напечатано было в газете «La Réforme» 10 февраля 1848 г.). Дюшатель в палате депутатов при обсуждении относившегося к Польше параграфа адреса, в ответ на запрос о причинах высылки Бакунина, позволил себе употребить несколько двусмысленных слов, способных набросить тень на политическую честь Бакунина. Дело в том, что, не довольствуясь высылкой Бакунина и желая вдобавок скомпрометировать его, тогдашний русский посол в Париже Киселев распустил слух, будто Бакунин был агентом посольства, которое, в виду его невоздержанности в языке, сочло нужным отказаться от его услуг. Под рукой этот слух был пущен в среду польской демократической эмиграции, где и до того против Бакунина бродили смутные подозрения. Неудивительно, что Бакунин так живо реагировал на эти инсинуации. Это было первое гласное проявление той ужасной клеветы, с которою Бакунину приходилось с тех пор встречаться не раз.

Письмо Бакунина написано гордым тоном и проникнуто сознанием своего достоинства. Титулованный клеветник получил от бессильного эмигранта звонкую пощечину перед всем миром, а через две недели после опубликования этого письма на голову министерства опустился меч народного гнева, и мещанская монархия перестала существовать во Франции. Бакунин мог вернуться в Париж с поднятой головой.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГРАФУ ДЮШАТЕЛЮ.

Г. графу Дюшателю, министру внутренних дел.

Г. министр.

Изгнанный из Парижа и из Франции по вашему приказанию, я не протестовал против этого грубого и немотивированного акта. В письме, мною вам тогда адресованном, я просил указать мотивы. Вы не сочли нужным это сделать. Впрочем, получив удовлетворение в выраженных мне политическими деятелями и независимыми газетами лестных симпатиях, я счел долгом предоставить чувству справедливости, просвещенному мнению, патриотизму самих французских граждан заботу высказаться о значении французского закона, который ставит в бесправное положение и отдает в жертву министерскому произволу всех без различия иностранцев, проживающих в стране. Я признаю, что вы воспользовались вашим правом. Вынудив меня покинуть Францию, вы поступили так же законно, как и император Николай около четырех лет тому назад, когда он, по доносу г. Блюнчли, тогдашнего главы цюрихского кантонального правительства, поставил мне в вину два обстоятельства: мои связи с швейцарскими и немецкими демократами и мои симпатии к Польше. За мой отказ явиться в Петербург он осудил меня на ссылку в Сибирь. Но есть вещи, стоящие выше законодательных норм, которые, как известно вам, министру, пережившему несколько режимов во Франции, изменяются соответственно времени и месту. Это — вопросы чести и совести, одинаковые для всех тех, кто считает себя достойным носить имя человека.

Г. министр иностранных дел объяснил совершенно определенно, что причиною моей высылки были те, признаюсь, несколько резкие, но вполне заслуженные выражения, которые я употребил, когда говорил об императоре Николае. Я прекрасно понимаю отвращение г. Гизо к правдивым словам, характеризующим политику и человека, союзником которых он хотел сделаться, не осмеливаясь еще выступить их апологетом, каким он уже выступает по отношению к австрийской политике в Милане. Но что менее понятно, чего я совершенно даже не понимаю, г. министр, так это те умолчания, к каким сочли нужным прибегнуть вы в вашем ответе уважаемым депутатам, потребовавшим от вас во имя французского гостеприимства объяснений по поводу моей высылки.

Вы утверждаете, м. г., что я не искал убежища во Франции. Вы правы в том смысле, что я никогда не просил у французского правительства помощи. Но моя позиция по отношению к моим соотечественникам и моим друзьям совершенно ясно определилась уже несколько лет тому назад; настолько, м. г., ясно и настолько честно, что я от души желал бы вам, министру благородной и великой нации, такой же ясности и честности в определении занимаемой вами позиции.

В 1845 году газета «La Réforme» согласилась поместить письмо, подписанное моим именем, где я откровенно выяснил мое отношение к русскому правительству, причины моего изгнания, а также мои либеральные и демократические идеи и мои симпатии к Польше. В 1846 году, когда по всей Европе еще раздавались жалобы г-жи Мечиславской, начальницы тех несчастных католических монахинь, которых так жестоко преследовали, оскорбляли, мучили по приказанию Николая его агенты, я напечатал другое письмо на имя редактора «Constitutionnel» и описал в нем все ужасы, очевидцем которых я был на Литве, где я провел два года в качестве русского офицера.

В этом ли заключаются те серьезные мотивы, которые не позволяли вам долее терпеть мое пребывание в Париже? В таком случае это делает мне честь. Утверждаете ли вы, что тому имеются другие причины? М. г., бьюсь об заклад, что вам не удастся привести ни одной. Позвольте мне забыть на минуту то высокое положение, какое вы занимаете, и говорить с вами просто, как человек с человеком, как г-н Бакунин с г-м Дюшателем, и ответьте мне, как человек: утверждаете ли вы, что я когда-либо состоял в каких бы то ни было сношениях с тою полицею, которой вы являетесь одновременно и начальником, и представителем? Прежде чем обвинять меня с трибуны палаты депутатов, вы обязаны были, г. министр, собрать обо мне справки. Теперь вы так же хорошо, как и я, должны знать, что никогда, ни при каких обстоятельствах, в течение моего трехлетнего пребывания в Париже я не имел несчастья встречаться с вашими агентами; что я чист от соприкосновения с ними, что я никогда не имел дела ни с теми, кого «National» называет комиссарами добродетели, ни с охранителями вашей мудрой и умеренной свободы, разве только они были так хорошо замаскированы, что мне невозможно было их узнать. Вы это знали, вы не могли этого не знать, и тем не менее это не помешало вам дать объяснения, набросившие на мое поведение, на мою частную жизнь позорящее меня подозрение. Как квалифицировать такой образ действий, г. министр?

В конце концов, м. г., я прекрасно знаю, что это письмо так же останется без ответа, как и то, которое я послал вам, когда получил приказ оставить Францию. Что значат для вас опровержения? Но я счел себя обязанным перед самим собою, равно как и перед моими друзьями, перед уважаемым г. Вавеном и другими депутатами, искренно желавшими добиться от вас публичного объяснения по поводу моей высылки, сделать это.

Повторяю, я уверен в вашем молчании. Но это молчание для честных людей будет достаточным ответом. Возможно, что есть, и даже немало, людей, которые при встрече с русским приходят в изумление, когда открывают в нем либерала, демократа, друга поляков, и, быть может, именно трудность моего положения облегчила вам нападение на меня. Так вот, м. г., с негодованием отвергая звание русского «подданного», какое вы мне даете, я оставляю себе честь принадлежать к русской нации. Я не так одинок в моей стране, как думают. Я знаю, что все чувства, которые я имел счастье

выразить, находясь в стране свободы, в сущности разделяются очень многими моими соотечественниками. Если сильные чувства вылились в сильных выражениях, то я не раскаиваюсь в них. Деспот, управляющий Россией, быть защитником которого вы и г. Гизо считаете для себя честью, не стесняется по-своему расправляться со всеми, кто противится ему, кто возбуждает в нем подозрение, не исключая и вашего правительства, хотя последнее употребляет немало усилий, чтобы загладить грех своего революционного происхождения. Почему же я, говоря от имени всех моих страдающих и угнетенных братьев, не смею употребить единственные выражения, которыми можно охарактеризовать это подлое правительство? Вы можете искать союза с ним, но инстинкт Франции его отвергает и отрицает.

Ни инсинуации, ни клевета, ни более или менее откровенные преследования со стороны русского правительства, его союзников и друзей не остановят меня в выполнении того, что я считаю своим долгом. Здесь все честное и независимое на моей стороне. Там за меня симпатии всех, кто страдает и надеется. Время будет судьею между нами, г. министр, не между вами и мною лично, а между вашим и моим делом. Как вы думаете, кому принадлежит будущее?

Русский эмигрант *Михаил Бакунин*.

Брюссель, 7 февраля 1848 года.

X.

Документы, печатаемые в этой главе, относятся к периоду пребывания Бакунина в Германии во время революционных событий 1848—49 г.г.

Первые два касаются известной клеветы на Бакунина. По этому поводу писалось уже немало, и напечатано много документов. Но, насколько мы знаем, ни письмо к Жорж Занд, ни письмо в редакцию «Всеобщей Одерской Газеты», до сих пор, по крайней мере в русской литературе, опубликованы не были. А между тем они представляют хотя бы уже тот интерес, что показывают, какова была первая реакция Бакунина на неожиданно нанесенный ему удар. Удар этот был тем более тяжел, что он обрушился на Бакунина, говоря его словами к Жорж Занд, «как раз в тот момент, когда он больше, чем когда либо, нуждался в доверии в интересах того дела, которому он служил», т.-е. в разгар его славянских конспираций.

В виду неоднократных попыток анархистских писателей взвалить всю ответственность за оклеветание Бакунина на марксистов, коммунистов, мы считаем нужным отметить два пункта в письме Бакунина в редакцию «Всеобщей Одерской Газеты»: 1) главную ответственность за клевету Бакунин возлагает на русское правительство, как на ее инициатора, и признает, что клеветнические слухи, исходившие, по его мнению, из русских правительственных кругов, нашли кое-где благоприятную почву среди демократических элементов; 2) он указывает, что клеветнические слухи распространялись тайком на его счет и *до* опубликования известного парижского сообщения в «Новой Рейнской Газете», при чем в частности эти слухи связаны были с пребыванием Бакунина в Бреславле, т.-е. с его славянскою деятельностью и с его попытками сблизиться с поляками для общей революционной работы.

Эти указания важны потому, что они подводят нас к первоисточнику клеветы. Как мы подробно доказали это в своей книге «М. А. Бакунин», т. I, вышедшей первым изданием в 1920 году, а вторым — недавно, этим первоисточником были некоторые круги польской демократической эмиграции.

ПИСЬМО К ЖОРЖ ЗАНД.

[Начало июля 1848 года. Бреславль.]

Милостивая государыня!

Вашим именем воспользовались для распространения клеветнических слухов на мой счет. Только что я прочитал в номере 36 «Новой Рейнской Газеты» следующее сообщение из Парижа.

«Париж, 3 июля. — Здесь, несмотря на нашу внутреннюю смуту, весьма внимательно следят за борьбою славянской расы в Чехии, Венгрии и Польше. По поводу славянской пропаганды нас вчера уверяли, что Жорж Занд имеет в своем распоряжении документы, сильно компрометирующие изгнанного отсюда русского М. Бакунина, которые изображают его как орудие или как недавно завербованного агента России и приписывают ему главную роль в недавних арестах несчастных поляков. Жорж Занд показывала эти документы некоторым из своих друзей. Мы здесь ничего не имеем против славянского государства, но никогда оно не создастся посредством п р е д а т е л ь с т в а польских патриотов».

Мне не приходится объяснять вам всю серьезность этого обвинения. Либо корреспондент солгал, либо его сообщение имеет какое-нибудь основание. В первом случае я настоятельно прошу вас, во имя той симпатии, которую вы всегда ко мне проявляли, опровергнуть эту публичную ложь. Примите во внимание, сударыня, что дело идет о моей чести, которая, под прикрытием вашего имени, недостойным образом задета, и что такие слухи бросают на меня тень как раз в тот момент, когда я больше, чем когда-либо, нуждаюсь в доверии в интересах того дела, которому я служу.

Если же вы, сударыня, вопреки моему ожиданию, действительно являетесь источником этих слухов, то я апеллирую уже не к вашей симпатии, а к вашему чувству справедливости и к вашей порядочности. Я слишком вас уважаю и считаю вас слишком благородною и добросовестною для того, чтобы допустить, что вы могли легкомысленно, и не будучи самой в этом убежденной, высказать против меня такое обвинение. Доказательств вы не могли иметь, так как для несуществующей вещи не может быть доказательства, но я должен предположить, что у вас имеются столь веские внешние улики, что они могли даже вас ввести в заблуждение.

Я предлагаю вам немедленно опубликовать все те бумаги, которые меня якобы компрометируют, дабы я мог их опровергнуть и узнать имена авторов этой бесстыдной клеветы. Я имею право требовать этого, так как, обвинив меня, вы этим самым взяли на себя священную обязанность передо мною и перед общественным мнением доказать свои обвинения.

С почтением *М. Бакунин.*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ВСЕОБЩЕЙ ОДЕРСКОЙ ГАЗЕТЫ» (Бреславль) (№ 151).

Господин редактор!

С некоторого времени мне стало известно, что обо мне и о цели моего пребывания в Бреславле распространяются клеветнические слухи. Мне было больно оказаться столь непонятым, но я полагал, что должен молчать, так как я, во-первых, считал ниже своего достоинства отвечать на тайные заподозривания, избегающие дневного света; во-вторых, мое положение и интересы представляемого мною дела требуют привлечения к себе возможно меньшего внимания; а, в-третьих, — и это было главным мотивом,—я глубоко убежден в том, что в наше время следует доказывать свои взгляды не столько словами, сколько делами, ибо скоро каждый будет иметь случай действительно показать, кому он служит и какими идеями одушевлен.

Теперь, однако, я вынужден нарушить свое молчание. Выдвинутое против меня в «Новой Рейнской Газете» открытое, формальное обвинение требует от меня формального же ответа. Дать такой ответ я обязан перед самим собою и перед моими немец-

кими друзьями, и я надеюсь, господин редактор, что вы предоставите столбцы вашей газеты иностранцу, не располагающему никаким другим оружием, кроме гласности. Я имею дело с сильным и непримиримым врагом, который с тех пор, как я напал на него в одной из моих публичных речей в Париже, систематически и неутомимо преследует меня и который настолько ловок, что умеет даже моих естественных союзников — демократию и ее органы — использовать и эксплуатировать как средство для своих целей. Перед правительствами он выставляет меня в виде способного на все преступления демагога и одновременно путем распространения обо мне слухов, будто я (правительственный) агент, пытается дискредитировать меня в глазах общественного мнения. Он, очевидно, воображает, что таким способом сможет утомить и обезвредить меня, но он должен убедиться и убедится в том, что он напрасно старался.

В виду выдвинутого против меня в «Новой Рейнской Газете» обвинения я прежде всего счел себя вынужденным написать госпоже Жорж Занд и прошу вас напечатать это письмо вместе с (моим) объяснением в вашей газете. Я оставляю за собою право в свое время сделать вам дополнительное сообщение.

М. Бакунин.

Бреславль, 9 июля 1848 года.

(Дальше следовало напечатанное выше письмо к Жорж Занд.)

На этом кончаются те документы, которые мы в настоящее время предлагаем вниманию читателей «Красного Архива». Разумеется, они не дают полной картины деятельности и развития М. Бакунина в сороковые годы. Но такой задачи мы при опубликовании их себе и не ставили. Мы хотели лишь, в дополнение к тем материалам, которые имеются уже в распоряжении биографов Бакунина, дать несколько новых или малоизвестных документов, способствующих выяснению связанных с его жизнеописанием вопросов и привносящих новые штрихи, иногда довольно неожиданные, в существующую уже картину. Мы позволяем себе думать, что сообщенные нами в этой статье материалы не лишены известного, подчас значительного, интереса.

Ю. Стеклов.

Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения (1861—1862 г.г.).

Среди документов так называемого «второго секретного архива» бывш. III отделения собств. е. имп. вел. канцелярии, состоящего преимущественно из агентурных донесений и перлюстрированных писем за 1860—1870 г.г., имеется отдельная пачка донесений в особом конверте, посвященных специально Н. Г. Чернышевскому. Всего в конверте 113 донесений за период с 24 октября 1861 г. (первое упоминание о Чернышевском) до 7 июля 1862 г. (день его ареста). Все они представлялись на рассмотрение начальника III отделения кн. В. А. Долгорукова, пометки которого сохранились на ряде донесений. Но не все они посвящены специально Чернышевскому: только 62 печатаемых ниже донесения говорят или непосредственно о нем самом, или о событиях и лицах, тесно с ним связанных [1]). Остальные касаются преимущественно университетских сходок, студенческих собраний, поляков - студентов, литературных и политических толков и сплетен. Видимо, III отделение, собирая сведения о Чернышевском, старалось соединить его имя с возможно большим количеством фактов.

Сведения о Чернышевском собирались более полугода; у III отделения он был на учете, и, как только получилась небольшая зацепка — в виде упоминания имени Чернышевского в перехваченном письме Герцена, Чернышевский был арестован 7 июля 1862 г. 12 же июля из секретного отдела в 1 экспедицию, ведавшую политическими делами, была послана записка для памяти с приложением всех 113 агентурных донесений и указанием, что «его превосходительство изволил приказать передать эти сведения для включения в записку, составляемую о г. Чернышевском». Такая записка, на основании сведений, имевшихся в III отделении, и главным образом на основании агентурных донесений, была составлена и является той «запиской из частных сведений о титул. советн. Чернышевском», которая напечатана в книге М. Лемке, «Политические процессы в России 1860-х г.г.», стр. 198—199. ГИЗ, 1923.

Насколько тенденциозно составлена была эта записка и как мало были на самом деле связаны соединяемые в записке воедино факты — показывают два примера. В донесении 17 ноября 1861 г. сообщается о неурочном уходе Чернышевского из дома, очевидно, к Добролюбову, лежавшему при смерти, и о потере Чернышевским ключа от письменного стола. Эти не стоящие ни в какой связи два факта в «записке» соединены вместе. Другой пример. Получение Чернышевским чисто литературного письма из Парижа от белле-

---

[1]) Печатаемым ниже донесениям дана двойная нумерация: первый № — порядковый, наш; второй, помещенный в скобках, — старый, данный донесению в III отделении.

тристки М. А. Маркович связано в записке с «чрезвычайной осторожностью» Чернышевского, запиравшего «вскоре после этого» свой кабинет даже во время выхода из него к обеду или чаю. Но о получении письма сообщается 9 декабря 1861 г., а о чрезвычайной осторожности Чернышевского — ровно через месяц — 9 января 1862 г. Между тем, известно, что при отсутствии каких-либо юридически обоснованных обвинений против Чернышевского главным материалом для следственной комиссии, разбиравшей его дело, служила именно эта записка, тенденциозно составленная на основании донесений агентов.

В другом месте, но по аналогичному поводу, мне пришлось характеризовать агентуру III отделения нач. 1860-х г.г. («Материалы для биографии П. Л. Лаврова», в. I. П. 1921). Мною было указано на низкий уровень агентов и на то, что их донесения не выходили из пределов данных «наружного наблюдения» или сообщений о «толках и слухах». Никакой «внутренней агентуры», дававшей впоследствии столько ценных для охранки сведений, не существовало. Не существовало и настоящих «секретных сотрудников». Данные «наружного наблюдения», «толки и слухи», перлюстрация писем, материалы, получаемые при обысках, и «откровенные показания» раскаивавшегося или доведенного какими-либо способами до «раскаяния» допрашиваемого — вот чем располагало III отделение в начале 1860-х г.г.

Не имея никаких сведений о Чернышевском, на что даже жалуется агент в одном из печатаемых донесений, видя все возрастающую его популярность среди молодежи и чувствуя, что Чернышевский связан какими-то нитями с обнаруженными уже «политическими преступниками» (М. Ил. Михайлов, Вл. А. Обручев, П. И. Боков и др.), III отделение, тотчас после сентябрьских студенческих беспорядков, обратило свое внимание и на Чернышевского. Естественно было начать с «наружного наблюдения», поставив его, однако, более тщательно. Не ограничиваясь наблюдениями за выездами Чернышевского и за приходящими к нему людьми, агент подпечатывает приносимые Чернышевскому письма, вступает в «тесный контакт» со швейцаром, тратится на кофе для поощрения жены того же швейцара, которую удается поместить в самой квартире Чернышевского вместо повара. Он же пытается использовать для своей цели отпущенного кучера, расспрашивая его о тех домах, куда он возил Чернышевского. Рассыльные из типографии тоже не оставлены без внимания «любознательным» агентом, и простой фразе одного из рассыльных, что у Ип. Ал. Панаева, заведывавшего конторою «Современника», «все дела обделываются», придается политический смысл. Наконец, агент III отделения простирает свою «любезность» до того, что подыскивает комнату для родственника Чернышевского, Студенского, намереваясь, конечно, воспользоваться соседней свободной комнатой для «сближения» с ним. Не вина агента, что несмотря на старания преданного швейцара, входящего «под благовидным предлогом» в квартиру Чернышевского, или заагентуренной кухарки, с торжеством доставляющей никому не нужные черновики рецензий Чернышевского, он не может добиться чего-либо определенного, полезного для III отделения. Всему виною подозрительность и необычайная осторожность как самого Чернышевского, так и его близких, которые и сами отворяют двери, и сами относят письма на почту, и сами сжигают ненужные бумаги. Нехватало настоящего «секретного сотрудника» вроде «секретаря» Чернышевского или какого-нибудь крупного «литератора», посвященного не только в литературные, но и в политические его замыслы. А между тем осторожность Чернышевского, естественно, нервировала III отделение, чувствовавшее, что оно стоит на верном пути. Располагай оно даже теми неполными сведениями о революцион-

ном движении 60-х г.г., которые имеются в нашем распоряжении, «записка о титул. сов. Чернышевском» была бы куда содержательнее. Осторожность и скрытность Чернышевского были вполне обоснованы, и Н. Н. Обручев, Н. А. Серно-Соловьевич и Н. Ис. Утин, принимавшие ближайшее участие в организации «Земли и Воли», конечно, приходили к нему не для одних литературных разговоров. Припомним, что при приходе 7 июля жандармского полковника Ракеева Чернышевский прежде всего «стремительно, как стрела», бросился в кабинет, оставив растерянного и оторопевшего полковника в гостиной, а при уводе его жандармами успел шепнуть Рычкову, чтобы он передал Утину, что ему беспокоиться нечего (М. Антонович, «Былое», 1906, № 3).

Печатаемые агентурные донесения вместе с некоторыми опубликованными материалами расшифровывают неясные намеки Л. Ф. Пантелеева на участие Чернышевского в «Земле и Воле». Переписка Огарева с несомненною точностью устанавливает факт близкого сотрудничества с ним и с Герценом Н. Н. Обручева и Н. А. Серно-Соловьевича (ср. хотя бы их участие в составлении прокламаций: «Что нужно народу?», «Что надо делать войску?»), а ведь оба они, по донесениям, и были наиболее частыми посетителями Чернышевского, при чем Серно-Соловьевич бывал иногда по нескольку раз в день. Оба Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, В. Курочкин, по указанию самого Слепцова, стояли весною 1862 г. в центре еще не оформленной «Земли и Воли». Тот же Слепцов в марте 1862 г. наметил Н. Ис. Утина в члены четвертой пятерки «Земли и Воли»; Утин же с несколькими студентами определенно подозревался в составлении и распространении некоторых прокламаций, при чем одно из агентурных донесений устанавливает факт посещения Утиным Чернышевского за несколько дней до появления прокламации. Членом «Земли и Воли» был и П. Ив. Боков, тоже как и Утин, наиболее часто посещавший Чернышевского. Наконец, приводимые М. Лемке выдержки из записок А. А. Слепцова (Полн. собр. соч. и пис. Герцена, т. XVI, с. 74—75) свидетельствуют о стремлении будущих «землевольцев» для возможного взаимодействия связаться с русской журналистикой, во главе которой стоял Чернышевский, и о близком участии самого Чернышевского в работах нарождающегося общества «Земля и Воля».

III отделение, конечно, не подозревало о близости Чернышевского к подпольной организации, но оно видело его как бы возглавляющим тогдашнее общественное движение. С именем Чернышевского связана студенческая прокламация; в день демонстрации 25 сентября он, вызванный студентами, отправился к демонстрировавшим. Вместе со студентами к Чернышевскому ходит слишком много молодых офицеров. Чернышевский часто посещает Шах-клуб, своеобразный политический центр петербургских литераторов и ученых. К Чернышевскому приходит телеграфист, и это ставится в связь с готовящимся протестом почтово-телеграфных чиновников. Проносятся слухи о подаче государю адреса о смягчении участи Михайлова, о необходимости конституционного правления, и опять всплывает имя Чернышевского. В подозрении не только сам Чернышевский, но и его родственники (жена, свояченица, Пыпин, Рычков, Студенский), тем более что агенту удалось узнать, что Студенский давал прислуге читать воззвание «Что нужно народу?» Все это показывало, что Чернышевский стоит в центре какой-то сети, проникнуть в которую не удается агенту. Немудрено, что ему кажется все подозрительным. Агент смешивает в одно и рассыльных из типографии, и будущих «землевольцев», и лиц, посетивших Чернышевского в приемные дни, и студентов вроде Утина, и студентов, при приходе которых в квартиру Чернышевского слышатся звуки рояля, виолончели

и скрипки; очевидно, последние были посетителями Ольги Сокр. Чернышевской, но не Н. Г. Чернышевского.

В результате получился какой-то клубок, который не могли распутать ни агенты, ни начальник III отделения, требовавший все новых дополнительных сведений в надежде, что они дадут какие-либо уясняющие подробности. Агенты сами чувствуют недостаточность наружного наблюдения, и в их донесениях все чаще попадаются указания на необходимость произвести обыски у Пыпиных, у Студенского и т. п. Новых дополнительных сведений получить не удается, и агенты с грустью сообщают, что наблюдение сделалось затруднительнее с тех пор, как Чернышевский отказал кухарке-шпиону, что денщик Рычкова «чрезвычайно глуп» и что от малолетнего мальчика-слуги, оставленного, очевидно, «для молчания», ничего нельзя добиться. Поступавшие в начале каждый день записки начинают поступать реже, через три-четыре дня, потом заменяются еженедельными; наконец, последние два месяца отмечены лишь двумя донесениями. Видя бесплодность наружного наблюдения и надеясь на получение уличающих данных при обыске, III отделение, воспользовавшись первым предлогом, отдает приказ об аресте Чернышевского. «Сегодня, во втором часу, — с эпическим спокойствием повествует последнее донесение, — пришли к нему полковник Ракеев с надз. Мадьяновым, и только что они вошли, от Чернышевского вышли д-р Боков и Антонович». Наблюдение за Н. Г. Чернышевским на этом и закончилось.

А. Шилов.

Агентурные наблюдения за Н. Г. Чернышевским.

№ 1 (6).

Литератор Николай Гаврилович Чернышевский [1]) живет в Московской части по большой Московской улице, в доме Есаулова, занимая в первом этаже по парадной лестнице большую квартиру. Семейство его состоит из жены, двух небольших детей, гувернантки, горничной, прачки и повара, который вместе с тем и лакей. В квартире этой Чернышевский живет с мая месяца. Жена его жила с детьми и прислугою все лето в Павловске, но он туда почти вовсе не ездил.

Летом ходило к нему много мужиков, которые получали от него работу для печатания; теперь же этих мужиков более не видать.

Прежде бывали у него многие лица — в том числе разные офицеры,— но ныне он велел допускать к нему ежедневно не всех, а принимать во всякое время только нижепоименованных лиц: Некрасов [2]), Панаев, Антонович, Елисеев, Городков, Пекарский, Серно-Соловьевич, Огрызко [3]) (бывший содержатель типографии), Добролюбов [4]) (служит в Госуд. Банке, нанимает одну комнату у маклера в Моховой), Кожанчиков, Боков [5]), Воронов [6]). Для остальных, которые его пожелают видеть, Чернышевский назначил каждую среду от 11 до 3 часов, и в этот день у него бывает чрезвычайно много посетителей, не исключая офицеров. Летом он имел для своих занятий помощника, некоего Алексея Осиповича Студенского [7]), который у него и жил, но теперь он у него более не занимается.

Чернышевский бывает почти постоянно дома и спит не более 2—3 часов в сутки. Иногда он уходит со двора рано утром, чуть свет, но в 10 часов уже бывает дома; по вечерам же постоянно уходит в 10 час. и возвращается в 12. Где он вечером бывает, еще неизвестно, но замечено, что часто приносит с собою бумаги. Писем получает он много, а также много рассылает, большею частью по почте, но иногда и с поваром или швейцаром. Еще вчера он отправил два довольно толстых письма в Москву, которые посылал на станцию железной дороги.

Добролюбов бывает у него три раза в неделю, но Шелгунова там не замечали.

За Чернышевским учрежден самый бдительный надзор, для облегчения которого признано необходимым подкупить тамошнего швейцара, отставного унтер-офицера Волынского полка, который уже шесть лет занимает эту должность в доме и по той лестнице, где квартирует Чернышевский. По вечерам за ним приказано следить.

15 ноября 1861 г.

На поле пометка кн. В. А. Долгорукова:

«Сообразить по получении новых сведений, не нужно ли за которыми-либо из поименованных в настоящей записке лиц установить надзор преимущественно перед прочими. 18 ноября».

№ 2 (7).

Вчерашнего числа у Чернышевского были следующие лица: инженер подполковник Волосатов, Иван Федорович Новицкий, Серно-Соловьевич (сын) [8]).

Поздно вечером Чернышевский ездил к больному и никуда не выезжающему учителю Добролюбову, живущему на Литейной в доме Юргенса. У этого Добролюбова жил родственник его, также Добролюбов, который недавно переехал на Моховую в дом Мелихова, к маклеру. Сей последний Добролюбов, человек умный, литератор, служит в Госуд. Банке и посещает довольно часто Чернышевского.

Сегодня утром Чернышевский получил два письма: одно из Москвы, с печатью А. П. под короною [9]); другое принес ему какой-то студент, который непременно домогался вручить оное лично или вручить его, по крайней мере, его жене; но подкупленный швейцар не допустил до того, сказав, что он письмо это немедленно сам передаст. Между тем он показал его предварительно агенту. Письмо было так запечатано, что его можно было вскрыть и списать. Вот содержание письма:

«Николай Гаврилович!

Без Кэтле, бумаги и чернил прескучно становится мне здесь. Пришлите, если можно. Без этого ничего больше не желаю... Увы, в лучшие минуты одна из первых надежд моих была — увидеться когда-нибудь с Гаврилом Ивановичем [10]). Знал, правда, его здоровье, но все-таки надеялся.

Арестант С.»

Должно полагать, что написавший это письмо «арестант С. — есть содержащийся в С.-Петербургской крепости, арестованный 26 прошлого сентября, студент здешнего университета Алексей Студенский, который, как было донесено во вчерашней записке о Чернышевском, был его помощником и жил у него летом на квартире.

Вечером, на подъезде у Чернышевского какой-то неизвестный мужчина, встретясь с другим, отправлявшимся к Чернышевскому, сказал: «Что это вы наделали с «Мертвым домом» в «Иллюстрации?». — «Да это все Николай Курочкин виноват», — ответил другой. Первый из них отправился сперва к актеру Пронскому, а потом к актеру Алексееву.

16 ноября 1861 г.

№ 3 (8).

Третьего дня, в записке о Чернышевском, к имени Огрызко по ошибке приписано «бывший» содержатель типографии. Огрызко по сие время имеет типографию на углу Канонерской улицы и переулка, и, по дошедшим сведениям, в ней хотя и работы мало, но когда она бывает, то всегда очень спешная. В наборщики или типографщики, как говорят, туда попасть весьма трудно: надо иметь особую и надежную рекомендацию. С нового года, уверяют, Иероглифов [11]) (который, действительно, раздавал многим 3 № «Великорусса») будет печатать в этой типографии издаваемый им журнал «Русский Мир». Огрызко теперь постоянно при деньгах, вероятно, потому, что он состоит при конторе Павла Демидова по столу для раздачи бедным вспомоществования.

Вчерашнего числа, против всякого обыкновения, Чернышевский ушел со двора в 12 часов утра и воротился домой только в 7 часов вечера [12]). В 8 часов приехали к нему сперва двое неизвестных студентов, а потом Некрасов, который пробыл у него до 11 часов вечера. Проводив Некрасова домой, Чернышевский сам отправился к больному Добролюбову.

Вечером около 6 часов получил он по городской почте письмо следующего содержания:

«Милостивый государь Николай Гаврилович!

Настала крайняя нужда в дуэли Пушкина, рукописи. Для напечатания нужно представить военному министру. Искал во всех книжных магазинах, ничего путного не нашел. Кузмина, о котором вы говорили, найти не могу. Прикажите отыскать эту рукопись к субботе или воскресенью; тогда я сам к вам зайду.

Известный вам *Ф. Ливанов* [13]).

15 ноября 1861 г.».

В течение вчерашнего дня к Чернышевскому приходил какой-то человек, назвавший себя чиновником Петровым; не застав его дома, он отправился в его квартиру и вынес оттуда офицерский тесак. Имена офицеров, бывающих у Чернышевского, почти никому неизвестны.

Недавно Чернышевский потерял ключ от своего письменного стола. Не выходя из комнаты, он велел позвать слесаря, подобрать к столу ключ и, вместе с тем, приделать замок к дверям кабинета, который с тех пор постоянно запирает, когда уходит со двора. Жена ему уже сделала замечание, что это лишняя предосторожность, но он все-таки же продолжает запирать комнату.

17 ноября 1861 г.

№ 4 (9).

Вчерашнего числа к Чернышевскому приезжали следующие два лица, не заставшие его дома: Петр Петров. Сокальский, из Москвы, и Нил Иванович Рыжков [14]), артиллерийский офицер с Кавказа. Сам Чернышевский был вчера три раза в казармах стрелкового батальона у одного полковника, высокого роста, с светло-русыми усами, носящего аксельбанты. Утром жена Чернышевского туда за ним заезжала, а вечером этот полковник был у Чернышевского вместе с Некрасовым. Между ними был довольно жаркий разговор, но его не удалось подслушать. Об узнании имени полковника сделано распоряжение [15]).

Чернышевский уезжал из Петербурга в августе месяце в Саратовскую губ. и возвратился сюда в сентябре, пробыв в отсутствии около шести недель. В доме удивляются, что с тех пор нрав Чернышевского, видимо, переменился: он стал задумчив, угрюм и мало разговорчив. Прежде он был очень ласков с прислугою, но теперь избегает ее и как-то старается не иметь в оной надобности.

Когда 26 сентября к квартире попечителя Филипсона собрались студенты, то к Чернышевскому прибегал впопыхах один из них и, переговорив с ним короткое время, удалился [16]). Вслед за ним вышел и Чернышевский, направив свои шаги к студентскому сборищу. Жена его несколько раз выходила после его ухода на улицу и смотрела на происходившее в Колокольной улице.

Учитель Добролюбов, живший на Литейной в доме Юргенса, где его часто посещал в последнее время Чернышевский, скончался в ночь с 16 на 17 число. Похороны его будут в понедельник.

18 ноября 1861 г.

№ 5 (10).

Сегодня, в $9^1/_2$ час. утра, был вынос тела умершего 17 числа литератора Добролюбова. В квартиру его, на Литейной, собралось более 200 человек литераторов, офицеров, студентов, гимназистов и других лиц *). Всем, бывшим там, раздавали его визитные карточки. Гроб

*) В записке, приложенной к агентурному донесению, указаны следующие «более замечательные» лица, бывшие на похоронах: полк. военной академии Буш, Серно-Соловьевич, Благосветлов, Старчевский, цензор Бекетов, Некрасов, Панаев, Краевский, Островский, Степанов, Курочкин (Николай), Чернышевский, Шелгунов, Скворцов, Кожанчиков.

несли на руках до самого кладбища, но похороны его были довольно бедные. В кладбищенской церкви, во время отпевания тела, намеревались было говорить речи, но священники этого не позволили *). Когда гроб вынесли на паперть, то выступил Некрасов и стал говорить весьма невнятно, сквозь слезы, почти шопотом о причине смерти Добролюбова, приписываемой им сильному душевному горю, вследствие многих неприятностей и неудач, присовокупив, что он умер, к несчастию, слишком рано, мог еще многое совершить, ибо он занимался делом, а не голословил, и советовал последовать его примеру. Речь Некрасова трудно было расслышать **). Потом говорил Чернышевский [17]). Начав с того, что необходимо объявить собравшейся публике о причине смерти Добролюбова, Чернышевский вынул из кармана тетрадку и сказал: «вот, господа, дневник покойного, найденный мною в числе его бумаг; он разделяется на две части: на внесенное им в оный до отъезда за границу и на записанное после его возвращения. Из этого дневника я прочту вам некоторые заметки, из которых вы ясно увидите причину его смерти; лиц я называть не буду, а скажу только: NN». Тут Чернышевский начал читать статей восемь, приблизительно следующего содержания: «Такого-то числа пришел ко мне (Добролюбову) NN и объявил мне, что в моей статье сделано много помарок. — Такого-то числа явился ко мне NN и передал, что за мою статью, которая была напечатана там-то, он получил выговор. — (Подобного содержания было несколько параграфов.) — Такого-то числа получено известие, что в Харьковском университете были беспорядки. — Получено уведомление, что беспорядки были в Киеве. — Дошли сведения, что некоторые не из «наших» сосланы в Вятку; другие же — бог знает, что с ними стало. — Получено сведение из Москвы, что в одной из тамошних гимназий удавился воспитанник за то, что его хотели заставить подчиниться начальству». — «Но главная причина его ранней кончины, — присовокупил Чернышевский, — состоит в том, что его лучший друг, — вы знаете, господа, кто! — находится в заточении [18])».

Читая один параграф, Чернышевский забылся и назвал пришедшего к Добролюбову Елисеева (он один из тех, который во всякое время имеет доступ к Чернышевскому). При наименовании его он смутился немного, но тотчас же, обратясь к публике, сказал: «вы его знаете, это «наш»!»

---

*) В донесении о похоронах Добролюбова второго агента указывается, что «священник ответил, что в церкви можно говорить речи, только просмотренные духовною цензурою».

**) Во втором агентурном донесении говорится, что Некрасов в продолжение речи плакал и должен был остановиться, так как от слез не мог больше говорить. После Некрасова сказал очень короткую речь, «в которой также оценивалась литературная деятельность покойного», неизвестный молодой человек. Наконец, когда гроб был спущен в могилу, говорил Чернышевский.

В заключение Чернышевский прочитал два довольно длинные стихотворения Добролюбова [19]), в весьма либеральном духе написанные, из которых первое оканчивалось словами: «Прости, мой друг, я умираю от того, что честен был», а второе словами: «и делал доброе я дело среди царующего зла» *).

Вообще вся речь Чернышевского, а также и Некрасова, клонилась, видимо, к тому, чтобы все считали Добролюбова жертвою правительственных распоряжений и чтобы его выставляли, как мученика, убитого нравственно, одним словом, что правительство уморило его. Из бывших на похоронах двое военных в разговоре между собою заметили: «Какие сильные слова; чего доброго, его завтра или послезавтра арестуют».

20 ноября 1861 г.

№ 6 (11).

18 ноября у Чернышевского были: приезжий из Нижнего, Илья Петрович Гросс, который также был на похоронах у Добролюбова; живущая у Пяти углов, в доме Иванова, г-жа Пыпина и приказчик от Кожанчикова с запискою.

19 числа к нему приходил какой-то офицер, которого, встретив у подъезда, просил зайти 20 числа в 9 часов утра; потом у него был в продолжение 3 часов неизвестный мужчина, лет 30, с черными длинными волосами. И каких-то два артельщика. — Того же числа он получил письмо из Москвы от некоей Ф. Ростовцевой литературного содержания, а вечером у него были шесть человек студентов.

20 ноября, в день похорон Добролюбова, к Чернышевскому приезжали утром рано Некрасов и вышеупомянутый офицер. С похорон он воротился домой вместе с женою, около 3 часов; спустя некоторое время за ним заезжал Некрасов и взял его с собою. Он возвратился домой один в 9 часов и застал у себя ждавших его: одного артиллерийского офицера, двух студентов и двух статских; последние четверо уехали через $^1/_2$ часа, а офицер остался до 11 часов; после ухода его Чернышевский занимался очень долго в своем кабинете.

Сегодня утром к нему приехал с Николаевской железной дороги какой-то мужчина, лет 30, с черною бородою [20]). При нем были чемодан, сак-вояж и тюк. Сак-вояж был битком набит бумагами. Мужчина этот уехал от него в 10-м часу, но без вещей. После того к нему пришел с пачкою бумаг какой-то, также неизвестный мужчина, который, ве-

*) В упоминаемом выше втором агентурном донесении приводится еще следующий эпизод: «Добролюбов похоронен рядом с Белинскими, и тут же есть еще, место для третьей могилы, то г. Чернышевский, оканчивая свою речь, говорил что «вот лежат рядом две литературные знаменитости, умершие в молодости, в самом развитии таланта», и потом, указывая на пустое место, сказал: «какую же знаменитость тут положат?» На это послышался чей-то ответ из числа присутствовавших: «вероятно, г. Чернышевского»; многие на это улыбнулись, а г. Чернышевский сконфузился, вероятно, заметив сам неловкость своей последней фразы».

роятно, остался у него работать, ибо сам Чернышевский, вместе с женою, уехал в 10 часов со двора, оставив незнакомца в своей квартире. Он ездил на Дворцовую набережную, в дом Яковлева, № 44 и на Вас. Остров, во 2-ю линию, в дом Эрфурта, № 7. Жена его не выходила из саней, а ждала его в обоих местах. — Писем в эти дни он не получал. — «С. Петербургские Ведомости», которые получал до сего времени Добролюбов, приносят теперь к Чернышевскому.

О происхождении сего последнего и о прежней его жизни до сих пор еще ничего положительного неизвестно, так как нигде нет его биографии; но достоверно то, что он сын саратовского священника, который и не там находится. Первоначальное образование он, говорят, получил в здешней духовной семинарии, а в исходе 40-х годов он слушал курс в С. Петербургском университете [21]).

21 ноября 1861 г.

№ 7 (12).

21 ноября у Чернышевского были неизвестный артиллерийский офицер и тот самый полковник стрелкового батальона, который у него часто бывает, но имени которого до сих пор невозможно было узнать.

Замечательно то обстоятельство, что прежде в квартире Чернышевского отворяла дверь посетителям постоянно гувернантка; с некоторого же времени делает это его жена. Большая часть из посетителей, не сказывая швейцару своего имени, приходят и уходят с заметною торопливостью, как будто не желают быть узнанными.

Прибывший к Чернышевскому из Москвы неизвестный мужчина, у которого замечен сак-вояж, набитый бумагами, находится здесь уже четвертые сутки, но до сего времени не объявил о своем приезде управляющему домом. Фамилия его неизвестна прислуге, и он в первый день приезда, пробыв у Чернышевского до 12 часов ночи и оставив у него свои вещи, отправился еще с другим лицом ночевать в Галерную улицу. Сопровождавший его туда, прийдя осведомиться, не приезжал ли кто из Москвы, не называя его по имени, и, получив утвердительный ответ, вошел немедленно в квартиру Чернышевского — это было в 4 часа пополудни — и оставался там до 12 ночи.

Вчера, 22 числа Чернышевский во весь день не выходил. Приезжий из Москвы заходил к нему в 10 часов и в наемной карете за № 3925 уехал сперва в дом Фредерикса, у Владимирской, потом в дом Рогова, против Думы, и, наконец, в дом Зейдлица, против Технологического Института. Вернувшись оттуда в 3 часа, он тотчас же опять туда поехал, отпустил карету, и в $7^1/_2$ часов возвратился к Чернышевскому, с которым занимался в кабинете до 3-х часов ночи и спал у него на полу.

Вчера у Чернышевского был приемный день, от 11 до 3. В это время у него были трое статских, из коих двое в конфедератках и какой-то Николай Виссарионович Гогеберидзе, как гласила его карточка. Вечером заходили к нему на короткое время: вышеозначенный стрелко-

вый полковник (с золотыми аксельбантами), приходящий обыкновенно артиллерийский офицер и студент.

Прилагаются все старания, чтобы узнать имена лиц, бывающих у Чернышевского и скрывающих, повидимому, их посещения.

В сегодняшнем № «Северной Пчелы» и во вчерашнем № «Русского Мира» описаны похороны Добролюбова.

23 ноября 1861 г.

№ 8 (13).

23 ноября Чернышевский уезжал со двора в 10 часов утра, вместе с женою и вернулся домой в 4-м часу.

Приезжий из Москвы, ночевавший у Чернышевского, ходил также со двора, но в 3 часа попопудни был уже дома; с тех пор ни Чернышевский, ни его гость не выходили из квартиры. Сей последний не объявлял еще своего имени, но, по расспросам швейцара, который употребил хитрость, сказав, что почталион с письмом отыскивал какого-то неизвестного господина, живущего будто бы в доме, — ему сообщила служанка Чернышевского, что фамилия приезжего, как она имеет повод думать, должна быть Захарин. (Не отыскиваемый ли псевдоним Южаков?) — Кроме одного студента, который пробыл у Чернышевского недолго, вчера его никто не посетил.

24 ноября 1861 г.

№ 9 (14).

25 ноября Чернышевский уезжал со двора в 4 часа пополудни и вернулся домой в 11 вечера.

Имя приезжего, не из Москвы, а из Нижнего Новгорода, — Александр Васильевич Захарин. Он занимался в субботу у Чернышевского целый день до 2 часов ночи. В течение утра Чернышевского посетили: студент Стралер и доктор Боков, оба они были на похоронах Добролюбова.

26 ноября Чернышевский только с 5 часов пополудни до 9 вечера был вне дома; Захарин же отправился со двора в 4 часа, а в 12 ночи еще не возвращался домой.

С 11 часов утра до 3 пополудни к Чернышевскому приходили десять человек посетителей, в том числе Некрасов, студент Стралер и один инженерный офицер, посетивший его, впрочем, в первый раз. Неоднократно упомянутые полковник и артиллерийский офицер в последние пять дней к нему не показывались.

27 ноября 1861 г.

№ 10 (15).

Вчерашнего числа Чернышевский выехал со двора в 4 часа пополудни и вернулся в 12 часов ночи. Приезжий из Нижнего, Захарин, с 25 числа не ночевал у Чернышевского, несмотря на то, что вещи его

остались в его квартире, но вчера, около 3 часов, он заехал к нему на несколько минут, на лихаче и в совершенно новой одежде.

В 3 часа дня к Чернышевскому приезжали: какой-то статский, стрелковый полковник и артиллерийский офицер, те самые два военные, которые у него часто бывают. Чтобы узнать фамилии сих последних, употреблена вчера хитрость, и г-жа Чернышевская сама назвала их: полковника — Иваном Ивановичем Обручевым, а артиллерийского офицера — Нилом Ивановичем Рыжковым. После ухода неизвестного статского г-жа Чернышевская сделала швейцару выговор, что он в неприемные дни допускает к ним всякого приходящего, тогда как ему дан список лицам, которые составляют изъятие из полученного приказания. На это швейцар заметил, что означенный полковник и артиллерийский офицер не состоят также в имеющемся у него списке, а их принимают во всякое время. «Так и следует, — сказала г-жа Чернышевская, — для них муж всегда дома».

28 ноября 1861 г.

№ 11 (16).

28 и 29 ноября Чернышевский не ходил со двора. 28 вечером у него были какие-то двое статских, которые, пробыв у него до 12 часов ночи, уехали: один по Загородному проспекту, другой в дом Адариди, у Пяти углов.

Приезжий из Нижнего Захарин, заехав к Чернышевскому вчерашнего числа в 2 часа, пробыл у него до 4 и вернулся вторично в $5^1/_2$ часов вместе с женою Чернышевского, двумя студентами, из коих один был Стралер, и гимназистом, братом г-жи Чернышевской. Захарин оставался ночевать у Чернышевского; студенты же ушли в 11 часов. От 1 до $2^1/_2$ у Чернышевского был Некрасов, от $2^1/_2$ до $5^1/_2$ —артиллерийский офицер Рычков. Сей последний был и вечером до 11 часов. Около часу дня был у него еще один молодой человек, белокурый, не сказавший своей фамилии. По справке оказалось, что в казармах стрелкового батальона, у Семеновского моста, живет полковник генерального штаба Николай Николаевич Обручев, который там и служит при штабе 2 гвардейской пехотной дивизии.

Жительство Обручева в стрелковых казармах и было поводом, что его долгое время принимали за стрелкового полковника. Как уже донесено было, он имеет частые свидания с Чернышевским и даже на прошедшей неделе сей последний заезжал к Обручеву три раза в одно утро. Его сопровождала в то утро его жена, которая не выходила из саней. То же самое случилось и в поездки Чернышевского на Английскую набережную и на Васильевский остров. В этом последнем месте ей пришлось долго дожидаться; она выходила два раза из саней, подымалась несколько раз на крыльцо и все всматривалась в прохожих, так что невольно наводила агента на мысль, не предполагает ли она секретного наблюдения за действиями мужа.

30 ноября 1861 г.

На поле две отметки кн. В. А. Долгорукова: «Кто этот Захарин?» и «По всем предшествующим сведениям, у кого чаще бывает Чернышевский и кто составляет постоянное почти его общество?» — Ответом на оба вопроса является агентурная записка от 1 декабря.

№ 12 (17).

Приехавший к Чернышевскому из Нижнего Захарин до сих пор не прописан в доме, а потому и неизвестно еще, кто он такой: имя же его узнано под рукою. — Чрез местного надзирателя Мадьянова будет сделано самым осторожным образом распоряжение, чтобы дворник дома, где живет Чернышевский, потребовал для прописки вид Захарина.

Чернышевский отпускает своего повара, которого он иногда употреблял для разноски посылок и писем. На место его он желает нанять кухарку. Этим обстоятельством поручено агенту воспользоваться, чтобы определить к Чернышевскому женщину, которая бы могла передавать все, что ей будет доступно в семействе Чернышевского. Подобная женщина уже имеется в виду, и теперь только будет зависеть от г-жи Чернышевской взять ее к себе в услужение. Когда отойдет повар, с ним приказано сблизиться.

Кроме Некрасова и студента Стралера, играющего, повидимому, в доме Чернышевского роль фактотума, он, по имеющимся сведениям, чаще всего видится с доктором Боковым, артиллеристом Рычковым и полковником Обручевым. За сим последним учреждено уже наблюдение, и, быть может, удастся сойтись с писарем, который у него постоянно бывает, а также с денщиком, служащим у него два года. — При надзоре за Чернышевским необходимо поступать с крайнею осторожностью, ибо г-жа Чернышевская, помещающаяся постоянно у второго окна от подъезда, ведущего в их квартиру, следит глазами за каждым, который входит в этот подъезд, а потому она, вероятно, сама отворяет всем посетителям двери.

Студент Стралер приезжал вчера к Чернышевским около того времени, когда в университете кончились прения *).

1 декабря 1861 г.

№ 13 (18).

30 ноября Чернышевский и прибывший к нему из Нижнего Захарин не выезжали из дому. От Чернышевского потребован был вчера управляющим домом, вследствие просьбы надзирателя Мадьянова, вид Захарина, с которого снята прилагаемая у сего копия. Из вида этого усматривается, что Захарин коллежский секретарь, служащий в Обществе пароходства «Кавказ и Меркурий».

*) На поле пометка: «Благодарю за отчетливость. О Стралере полезно бы иметь более обстоятельные сведения, а также, не господствуют ли в университете или он сам, или другие студенты, посещающие Чернышевского».

30 числа, вечером, у Чернышевского были студенты: Станевич, Стралер и еще один и артиллерист Рычков. В 10 часов приезжал к нему, по всей вероятности, Шелгунов (среднего роста, худощавый, белокурый) и пробыл у него до $11^1/_2$ часов вечера; сам Чернышевский выпустил его в сени.

1 декабря Чернышевский не выезжал до 10 часов из дому, а после этого времени он с каким-то неизвестным статским отправился к Красному мосту, в дом Кочубея, где пробыл до часу ночи. — Утром у него были трое статских и несколько артельщиков, а вечером двое студентов и уезжавший с ним в дом Кочубея статский. Захарин утром ездил куда-то к Полицейскому мосту и, вернувшись оттуда, привез какие-то бумаги. К нему приходил два раза какой-то инженерный офицер, который разговаривал с ним в дверях.

К Чернышевскому приносили вчера письма от г. Ковалевского, служащего в одесской конторе «Кавказ и Меркурий»; на письмо это он тотчас написал ответ.

Про полковника Обручева слышно, что он был наставник-наблюдатель в солдатских школах и до того вежливо обращался и обращается с солдатами, что говорит им «вы». Солдаты от него в восторге. — Однажды он говорил учителям в присутствии нижних чинов, чтобы они обращались с ними кротко, вежливо, дабы они убедились в равенстве, между ими и нами существующем.

2 декабря 1861 г.

№ 14 (19) *).

2 декабря Чернышевский выехал со двора в 11 часов утра, в коляске, но через полчаса вернулся домой. После него в этой же коляске ездила его жена, вместе с Панаевым [22]), на Выборгскую сторону к Литовским казармам, откуда она возвратилась с студентом Стралером.

В $6^1/_2$ часов вечера пришли к ним шесть человек студентов, которые пробыли до 12 часов. Они, между прочим, занимались долго музыкою на виолончели, скрипке и фортепиано.

От 7 до 10 вечера был у Чернышевского доктор Боков с каким-то инженерным офицером, с которым он и уехал, а в 10 часов приезжал к Чернышевскому Серно-Соловьевич и занимался с ним до часу ночи в кабинете.

Сегодня утром, в 12 часов, Чернышевский уехал со двора на извозчике, а до того к нему приходили четверо в статских платьях, в том числе Василий Васильевич Бутузов.

3 декабря 1861 г.

---

*) На поле отметка В. А. Долгорукова: «Все здесь заключающееся обращает на себя внимание».

№ 15 (20) *).

Вчерашнего числа, после утренней поездки, Чернышевский вернулся домой в 4 часа и уже не выезжал после того. Он застал у себя артиллериста Рычкова, который пробыл у него до 5 часов; в $4^1/_2$ пришли к нему четверо студентов, оставшиеся у него до 11 часов вечера. Они занимались у него в кабинете; по выходе их на улицу за ними проследили до их квартиры, оказавшейся на Невском проспекте, в доме Безобразова, у какого-то поляка Жолковского.

Фамилии этих студентов: Василий Попов, Михаил Попов, Степан Советов и Виктор Лунин. [23]) Все четверо переехали в дом Безобразова 21 октября из Загибейниного переулка, на Вас. Остр., дом № 1. —

Сегодня утром Чернышевский никуда не ходил. От 1 до 2 был у него Некрасов. В течение дня к нему пришел слуга от Ососова (бывшего судебного следователя, живущего в Большой Подъяческой) и принес большой, толстый конверт, на который Чернышевский дал ему письменный ответ, который сам вынес на лестницу слуге.

4 декабря 1861 г.

№ 16 (21).

Из числа четырех студентов: двух Поповых, Советова и Лунина, бывших у Чернышевского в воскресенье вечером, один приходил к нему вновь в понедельник в 6 часов пополудни и, поработав с ним в кабинете, ушел от него в $8^1/_2$ часов вечера.

В понедельник Чернышевский выезжал только на полчаса к Кожанчикову, от которого привез некоторые книги. Вчера он ездил, в 10 часов утра, к Некрасову и возвратился домой в полдень. Вскоре после того приехал к нему Серно-Соловьевич, который пробыл у него очень долго. Когда Чернышевский был у Некрасова, к нему два раза заезжал прибывший из Москвы поручик Костомядзе (в фуражке с желтым околышем) [24]) и, наконец, заехав третий раз, около часа, застал его дома и был им принят.

Нижегородский гость Захарин мало отлучается со двора; он много занимается у Чернышевского в кабинете.

Повара своего Чернышевский отпускает окончательно; попытка определить на его место другого повара, по рекомендации нашего агента, чрез домового швейцара — не удалась. Г-жа Чернышевская решительно отозвалась, что им мужской прислуги не нужно, а потому к ним на-днях будет определена в кухарки жена подкупленного швейцара, и чрез нее, быть может, удастся узнать более, чем наружным наблюдением.

6 декабря 1861 г.

---

*) На поле отметка: «Постараться узнать, те ли самые здесь показаны студенты, которые обыкновенно посещают Чернышевского, и какое они имеют влияние в университете».

№ 17 (22).

Вчерашнего числа Чернышевский был именинник, и вместе с тем у него был приемный день, но особенно много посетителей к нему не приходило. С 11 до 3 часов утра было у него 10 человек, в числе коих артиллерист Рычков, приехавший из Москвы офицер Костомядзе, выпущенный из крепости студент Студенский и Рудольф Михайлович Пеньковский, офицер с аксельбантами. По справке оказалось, что в Павловском кадетском корпусе состоит преподавателем математики Любомир Михайлович Пеньковский, но брат ли это Рудольфа Михайловича или, быть может, это одно и то же лицо, о том собирается сведение.

В 5 часов Чернышевский послал свою лошадь за Некрасовым, который приехал к нему обедать. За столом было 9 человек: семейство Чернышевских, Рычков, Некрасов, Захарин (из Нижнего Новгорода) и студент Студенский (брат г-жи Чернышевской), который ночевал у них.

Г-жа Чернышевская с 5 декабря нездорова, а потому всем посетителям отворяет двери сам Чернышевский, с тех пор не выезжавший со двора.

Сегодня, с 10 часов утра, у него в кабинете занимается вместе с ним Серно-Соловьевич.

Жена швейцара поступила в услужение к Чернышевским со вчерашнего дня; ей дано сегодня наставление главнейше не болтать, передавать все заслуживающее внимание своему мужу и стараться удерживать кое-что из разговоров. Для поощрения ей выдано несколько рублей на кофе.

У г-жи Чернышевской есть брат, воспитанник 5 гимназии. Замечено, что его употребляют для разноски по городу писем и посылок.

7 декабря 1861 г.

№ 18 (23) [1]).

Вчерашний день Чернышевский не выходил до 5 часов пополудни. Утром, как уже было донесено, с 10 до 4 часов занимался у него Серно-Соловьевич. Кроме четырех статских, студента Стралера, офицера Костомядзе, у него были вечером студенты: двое Поповых, Советов и Лунин, которые, не дождавшись его возвращения, последовавшего в час ночи, ушли в 12 часов. Вскоре после их прихода слышна была игра на фортепиано. Студент Студенский весь вечер занимался у Чернышевского в кабинете.

Приходивший третьего дня к Чернышевскому офицер Пеньковский действительно тот самый, который дает уроки математики в Пав-

[1]) На поле пометка: «Те студенты, которые вновь посещают Чернышевского, из числа ли освобожденных, или из тех, которые не были арестованы?» — Ответ в донесении от 9 декабря.

ловском кадетском корпусе. Он живет на Петербургской, по Гребецкой улице, в доме № 25. От Чернышевского он ходил к чиновнику Федору Дорошевичу, у Владимирской.

8 декабря 1861 г.

№ 19 (26).

Студенты, бывавшие в последнее время у Чернышевского, не из числа содержавшихся в крепости, кроме студента Студенского, брата его жены, живущего теперь у него в доме, и еще одного студента, выпущенного из Кронштадтской крепости и приходившего к нему вчера, в 3 часа пополудни. Имя сего последнего еще неизвестно; быв выпущен самим Чернышевским на крыльцо, он встретился с Студенским, которого обнял, поцеловал и пригласил к себе.

Вчера вечером с $5^1/_2$ часов до поздней ночи Чернышевский был у Панаева. — С 1 до 2 дня у него был Серно-Соловьевич, а в 7 часов вечера к нему приходил студент Медико-Хирургической академии Скопин [25]); не застав Чернышевского дома, он заходил к нему вновь сегодня утром в 10 часов и виделся с ним недолго.

Вчера же Чернышевский получил из Парижа письмо следующего содержания. «Прошу вас, Николай Гаврилович, постарайтесь мне выслать деньги. Мне очень деньги теперь надобны. Пишу вам опять, на всякий случай, может быть, вы уже в Петербурге. Прошу вас, не медлите. Уважающая вас

М. Маркович» [26*]).

Приезжий из Нижнего Захарин нездоров и никуда не выходит.

9 декабря 1861 г.

№ 20 (27).

9 декабря Чернышевский уехал со двора в 11 часов утра и вернулся во 2-м. От 2 до 3 у него был гимназист Флям; вечером, от 10 до 12 — полковник Обручев.

10 декабря Чернышевский выехал в 10 ч. утра и вернулся в час. В $10^1/_2$ заходили к нему трое статских, которые, не застав его дома, ушли не назвавшись. В 11 ч. утра приходил студент Песцов с экстерном Константиновского корпуса, который не назвался; они также не застали его дома и ушли. В час зашел к Чернышевскому артиллерист Рычков с одним студентом; они побыли у него полчаса.

Вечером от 7 до 11 были у него известные студенты, живущие в доме Безобразова, на Невском; полтора часа они провели с ним и приезжим Захариным в кабинете, а когда Чернышевский в 9 часов уехал к Панаеву, у которого пробыл до 11, то они стали заниматься музыкою.

11 декабря 1861 г.

*) На поле пометка: «Эта М. Маркович известна под псевдонимом, которого теперь в точности не припомню, кажется, Марко Вовкович».

№ 21 (28).

11 декабря Чернышевский, кроме Панаева, у которого он был с $6^3/_4$ до 8 часов, никого не посетил. Утром, с 12 до 2 был у него Серно-Соловьевич; с 3 до $4^1/_2$ один из выпущенных из крепости студентов; в 7 часов пришел к нему бывший также 10 числа, с одним студентом, экстерн Константиновского корпуса, который пробыл у него до 11 часов вечера. Когда этому экстерну объявил швейцар, что Чернышевского нет дома (он, как выше сказано, в 7 часов был у Панаева), то он сказал: «я знаю» — и все-таки же позвонил в колокольчик и вошел в его квартиру. По приходе Чернышевского швейцар под благовидным предлогом вошел в его квартиру и застал его сидящим вместе с экстерном на диване в гостиной, где они, поговорив полтора часа без свидетелей, ничем другим не занимались, но потом отправились в кабинет, в котором писал Захарин.

Брат г-жи Чернышевской, выпущенный из крепости студент Студенский ищет для себя комнаты, так как ему у Чернышевского после приезда Захарина негде поместиться. В доме, где живет Чернышевский, нет свободных комнат, а потому поручено агенту постараться поблизости отыскать две комнаты, для предложения одной из них Студенскому, чрез швейцара, а в другой, если это предложение будет принято, предполагается поместить на некоторое время одного из агентов, чтобы он мог сблизиться с Студенским.

12 декабря 1861 г.

№ 22 (29).

12 декабря Чернышевский был дома до 8 часов вечера, а потом на 3 часа ездил к Панаеву.

У него были вчера: с 12 до $1^3/_4$ — Некрасов; с 1 до $^1/_2$ 2-го — Серно-Соловьевич *); с 1 до 2 — Рычков; с 2 до 5 — студент Стралер.

Помещенная в доме его кухарка принесла прилагаемые у сего бумаги [27]), данные ей вчера Чернышевским для сожжения. По рассмотрении сих бумаг в них не оказалось ничего подозрительного. Только почерк положенных сверху листов обратил на себя внимание тем, что он как будто имеет некоторое сходство с почерком рассылавшихся в апреле месяце по городской почте, у сего представляемых отдельно, воззваний по крестьянскому делу.

13 декабря 1861 г.

№ 23 (30).

Вчера вечером, с 7 часов до часу у Чернышевского было семь человек студентов, из коих четверо живут в доме Безобразова на Невском, а один был студент Стралер; они занимались у него некоторое

*) Серно-Соловьевич приобрел библиотеку для чтения Жебелева, которая до перенесения ее в дом Петро-Павловской церкви будет временно закрыта. — (*Примечание агента.*)

время в кабинете, а потом провели время за фортепиано. Сам Чернышевский целый день не выходил из дома и в течение утра принимал посетителей, в том числе Серно-Соловьевича. Вчера у него был приемный день.

14 декабря 1861 г.

№ 24 (31).

Вчерашнего числа Чернышевский ездил с женою в крепость проститься с Михайловым. От 1 до 2 был у него артиллерист Рычков, а в 3 приезжал Серно-Соловьевич, который пробыл до 5 часов. Кроме этих лиц, у него провели целый день 12 человек статских.

Подполковник Шелгунов переводится в Архангельск на службу и распродает свои вещи. О нем, говорят, все очень жалеют, в особенности в Лесном Институте. Рассказывают, что он был у министра Муравьева и просил, чтобы его вместо Архангельска перевели, по крайней мере, в Сибирь, но министр отказал наотрез, сказав, что перевод его состоялся не вследствие его, Муравьева, распоряжения, а по требованию постороннему; когда же Шелгунов просил, чтобы его уволили в отставку, то министр ответил, что этого нельзя сделать, что он должен пять лет прослужить в Архангельске, но что он чрез это ничего не потеряет, ибо по выслужении этого срока ему будет дано все то, что бы он мог получить, оставаясь в Петербурге.

15 декабря 1861 г.

№ 25 (33).

15 декабря Чернышевский выезжал утром на четыре часа. В течение дня у него было восемь человек посетителей, в том числе с 2 часов до 3 Серно-Соловьевич, а вечером с 9 до 10 Рычков. В 11 часу вечера приходил к нему подрядчик Силин и какой-то артельщик, который пробыл у него с 11 до 12 часов ночи.

В городе ходят по рукам стихи Михайлова, написанные им в крепости [28]). В них он, как говорят, прощаясь с молодым поколением, желает, чтобы никого не постигла его участь, и надеется, что сказанное им не останется втуне. Стихов этих всего, говорят, восемь строк, еще нельзя было добыть.

17 декабря 1861 г.

№ 26 (37).

16 декабря у Чернышевского были: приезжий из Новгорода Масальский, студент Стралер (с 3 часов пополудни до 11 вечера) и какие-то двое неизвестных статских. 17 декабря Чернышевский никуда не выходил. В этот день его посетили: приезжий из Москвы Осип Петрович Соловьев, Серно-Соловьевич, студенты: Стралер и Студенский и вторично Серно-Соловьевич. 18 декабря Чернышевский ходил три раза со двора: с 11 до 12; с 2 до 3 и с 8 до $11^1/_2$ вечера. Были у него в тот день: Серно-Соловьевич, два брата Некрасовы и один студент из живущих

в доме Безобразова. Приходил также один человек с рекомендательною карточкою от некоего Нечепуренко[29]), живущего в Моховой.

19 декабря Чернышевский выезжал два раза: с 12 до $1^1/_2$ и с 5 до $8^1/_2$. Вернувшись домой с каким-то неизвестным лицом, он тотчас же с ним же ушел и приехал домой уже после полуночи. 19 числа у него были следующие лица: студент Гарбебонев, студент Стралер, студент Скопин, некто Стебалов, [30]) из типографии, и еще один неизвестный статский.

20 декабря Чернышевский уезжал со двора вместе с женою с $4^1/_2$ до $9^1/_4$. В течение дня у него были: из типографии — Стебалов, какой-то чиновник с $12^1/_4$ часов до $2^1/_2$, какой-то студент в $12^1/_2$, не бывавший до сих пор артиллерийский офицер с 1 до 2, некто Петровский с $1^1/_4$ до $2^1/_4$, Серно-Соловьевич с 1 до $2^1/_2$, какой-то купец с $2^1/_4$ до $3^1/_4$, студент Аленгерд в $3^1/_2$ (не входил, но отдавал только письмо); означенный Стебалов в 6 часов принес какие-то книги, два студента из дома Безобразова с 7 до 11 вечера, профессор Спасович [31]) в 7 часов (он его не застал дома и велел сказать, что очень об этом сожалеет) и артиллерист Рычков с $9^1/_2$ до $10^3/_4$ вечера.

Вчера, в среду, был приемный день у Чернышевского.

19 декабря вечером в кухню пришла сестра г-жи Чернышевской и принесла с собою три пачки разных бумаг и писем, которые сожгла под плитою, оставаясь при этом до тех пор, пока они все не сгорели; несколько раз она помешивала пылающие бумаги палочкою.

По полученным сведениям студенты, которые бывают у Чернышевского, не посвящены в его тайны; но у него бывает одна личность, носящая звание «метранпажа» в типографии «Современника» (от mettre en page), которая знает все его секреты. Об этой личности собираются в настоящее время точнейшие справки.

21 декабря 1861 г.

№ 27 (38).

В кругу литераторов редакций журналов: «Искра», «Иллюстрация» и «Время», в котором находились г. г. Курочкины, Минаев, Соколовский, Достоевский, доктор Якушкин, прапорщик Конно-гренадерского полка Чиркин, купец Пыляев и еще некоторые другие, незамечательные, шел разговор о Михайлове, и общее мнение было, что приговор, ему объявленный, есть прямое применение законов и что правительство поступило благоразумно, дав делу сему судебный ход; при этом, однако, высказывалось убеждение, что если бы правительство простило Михайлова, то брожение умов остановилось бы, по крайней мере, лет на десять. В этом же кругу говорили, что Шелгунов взял годовой отпуск, чтобы проводить Михайлова до места его назначения.

Чернышевский держит себя чрезвычайно осторожно, так что через большинство литераторов нельзя ничего узнать. Он, вероятно, им не доверяет, и если вообще есть у него доверенное лицо, то это некто Иван Михайлов, метранпаж «Современника», в типографии Вульфа, на Нев-

ском, в доме Заветнова. Этот человек ворочает всей редакцией и хотя предан издателю, однако, не упускает из виду своего интереса. С ним сойдутся, но надо действовать осторожно, и тогда его можно склонить к интересам правительства.

Студенты довольно спокойны. На них много подействовал князь Суворов, и они много надеятся на ожидаемое назначение министром камергера Головнина, видя в том начало торжества либеральной партии. Этим и объясняется их временное спокойствие. В этих двух особах они видят своих защитников.

В городе, в особенности же между литераторами, распространился слух о смерти Герцена, но это, вероятно, только одна молва.

22 декабря 1861 г.

№ 28 (39).

21 декабря у Чернышевского были: студент Стралер в 10 ч. утра, Серно-Соловьевич с $1^1/_2$ до $1^3/_4$, артиллерист Рычков в $2^3/_4$ дня, доктор Боков с 3 до $3^1/_4$, Серно-Соловьевич вторично в 4 ч., студент Флям в $9^1/_2$ часов вечера.

Живший у Чернышевского, приезжий из Нижнего, Захарин поссорился с его женою и переехал на другую квартиру.

22 числа, в 10 часов утра, к Чернышевскому приходили двое статских: один из них вошел к нему и тотчас же уехал с какими-то бумагами, другого он не принял. В первом часу к нему заезжал один молодой человек, оставивший карточку с надписью Ковалевский. В 2 часа приезжал студент, чтобы узнать его имя; швейцар сказал, что Чернышевского нет дома. Студент подал свою карточку, которую показали Чернышевскому. Он был очень недоволен, что его не допустили, и велел позвать его обратно, так как он ему очень нужен; но его не могли догнать. Студент этот был содержавшийся в крепости Александр Петрович Троицкий. В 2 часа был Некрасов, и вслед за ним пришел Дмитрий Николаевич Позняков. В $4^1/_2$ до $5^1/_4$ был доктор Боков, с $5^1/_2$ до 6 — какой-то не бывавший еще артиллерист, потом студент Стралер с каким-то неизвестным лицом, а в $7^1/_2$ приехал подполковник Шелгунов и оставался там с час. Поздно вечером пришли к Чернышевскому четверо мужчин, из коих один в волчьей шубе, не покрытой сукном [32]), которые занимались с ним в кабинете до утра. В 1 ч. ночи он приказал принести себе самовар, но людям велел лечь спать и посетителей своих сам выпустил по черной лестнице. Сегодня в 11 часов заезжал к нему Шелгунов, но он еще спал, так что сей последний не домогался его видеть.

23 декабря 1861 г.

№ 29 (40).

Бывший у Чернышевского в ночь с 22 на 23 декабря, вместе с тремя другими лицами, человек в волчьей шубе был одет мужиком: в крас-

ной рубахе, в высоких сапогах и плисовых шароварах. Судя по его наружности, он принадлежит к простому званию.

24 декабря у него были: с 10 часов до 12 студент Троицкий; в $12^1/_2$ ч. неизвестный офицер; в $12^3/_4$ ч. доктор Боков; в 8 часов вечера артиллерист Рычков. — Кроме того, в течение дня было шесть человек неизвестных статских и один экстерн Константиновского корпуса; в 7 же часу вечера пришли вместе три студента из дома Безобразова и четыре экстерна Константиновского училища, которые пробыли у Чернышевского весь вечер.

25 декабря у него были: некто Пекарский, студент Васильев, Серно-Соловьевич (два раза), Пыпин, студент Стралер, еще шесть человек, не сказавших своего имени, один студент и кадет.

26 декабря приходили в разное время три студента и двое статских, которые пробыли недолго. Вечером приходили один после другого еще три студента, но их не приняли.

Несмотря на то, что кухарка поступила к Чернышевским уже дней десять тому назад, они отпустили повара только вчера; уволили также кучера, а лошадей отдали Некрасову.

Поручено агенту сойтись осторожным образом с отпущенными людьми, с целью узнать от них какие-нибудь еще неизвестные подробности о Чернышевском.

27 декабря 1861 г.

№ 30 (43).

30 декабря Чернышевского посетили: студент Стралер с 6 часов вечера до 9, студент Заветов [33]), с $5^1/_2$ до часу ночи, Пыпин с 8 до 9 вечера, четыре студента: Утин, Соханов, Спасский [34]) и еще один, имя коего неизвестно, — с 9 час. вечера до $12^1/_2$ ночи. Сам Чернышевский в тот день не ходил со двора, но жена его выезжала на два часа и, вернувшись домой, привезла с собою большой узел с книгами. В $4^1/_2$ пополудни к нему приезжал какой-то неизвестный офицер, только что прибывший из Самары; он подал письмо, по прочтении которого его пригласили войти и продержали пять часов.

31 декабря Чернышевский выходил из дому два раза: с $11^1/_2$ до 2 и с 10 вечера до $12^1/_2$. В течение дня у него были: студент Заветов, офицер Горячков и четыре неизвестных статских; вечером же артиллерист Рычков и двенадцать человек студентов, из которых двое в костюмах. Все они оставались у Чернышевского встречать новый год до $2^1/_2$ ночи.

1 января Чернышевский отправил письмо в Курск начальнику штаба 4 кавалерийской дивизии Ивану Федоровичу Савицкому.

С визитами были у него только доктор Боков, некто Игнатий Антонович Пиотровский, коего карточка у сего прилагается, шесть человек статских, неизвестных лиц, и шесть человек студентов. Сам он выезжал на два часа.

Замечательно, что с некоторого времени все письма, получаемые Чернышевским, адресуются на имя его жены. Сия последняя имела, как говорят, связь с приезжим из Нижнего Захариным, но когда он стал приволакиваться к ее сестре, то г-жа Чернышевская сделала ему сцену, и он должен был переехать на другую квартиру и с тех пор к Чернышевским более не показывается. После сожжения сестрою г-жи Чернышевской 19 декабря трех пачек бумаг и писем она сожгла подобных же бумаг несколько пачек еще на прошлой неделе.

Подполковник Шелгунов переехал к Серно-Соловьевичу; жена же его осталась еще с одною служанкою на прежней своей квартире, у Харламова моста. Они продали много вещей, но об отъезде их еще ничего не слыхать. Доску свою на дверях, равно и доску Михайлова сняли только на-днях.

2 января 1862 г.

№ 31 (45).

2 января у Чернышевского вновь были студенты: Утин, Спасский и Коханов, которые приехали вместе в карете. Из них Коханов уезжал куда-то с Чернышевским.

3 января у сего последнего были следующие лица: Соловьевич, оба Некрасовы, Рычков, человек от Ососова с письмом, на которое получил ответ; некто Блом, студенты Стралер и Советов, вторично Соловьевич, который, подав какую-то бумагу, сам не входил к Чернышевскому; еще восемь неизвестных лиц и четверо студентов, которые оставались до 12 часов ночи. Чернышевский в тот день не выезжал.

4 января его посетили следующие лица: два раза студент Советов, оба Некрасовы, Ососов, какой-то Иван Павлович Гусев, Стралер, Рычков и шесть человек неизвестных лиц.

На имя г-жи Чернышевской все еще получаются письма, преимущественно по городской почте. Брат ее, Студенский, каждое утро носит письма на Николаевскую железную дорогу. Бывший повар Чернышевских, поступивший по их рекомендации к Пыпину *), живущему у Пяти углов, в доме Иванова, говорит, что у Пыпина бывают большие сборища. Вследствие сего сделано распоряжение о строгом наблюдении за квартирою, занимаемою Пыпиным, куда, как теперь оказывается, Чернышевский и некоторые из бывающих у него часто ходят по вечерам.

У Чернышевского несколько раз на дню бывает человек с бумагами от Серно-Соловьевича.

За Щаповым [36]) учрежден также надзор, но это сопряжено с большими затруднениями, так как он занимает в доме Фредерикса на Ли-

*) На поле пометка: «За Пыпиным необходимо такое же наблюдение, как за Чернышевским. Кажется, Пыпин женат на сестре Чернышевского» [35]).

говке, у полковника Засимского, небольшую комнату и не имеет особой прислуги, с которою можно было бы сблизиться.

6 января 1862 г.

№ 32 (46).

Чернышевского в четыре последние дня продолжали посещать поименованные уже неоднократно лица; к ним прибавился только один не бывавший еще господин — приезжий из Саратова чиновник Белов, который 6 числа провел у него вечер. Брат г-жи Чернышевской, Студенский все еще каждое утро носит письма на Николаевскую железную дорогу. Чернышевский продолжает запирать свой кабинет, когда уходит со двора; он его даже начал запирать, когда выходит в столовую обедать или пить чай.

Третьего дня, вечером, Некрасов прислал Чернышевскому семь членских билетов в Шах-клуб [37]). На билетах этих были выставлены: имя Чернышевского и шести лиц, кои имеют к нему во всякое время доступ. Шах-клуб переведен недавно в Благородное собрание, быв перед тем некоторое время закрыт.

9 января 1862 г.

№ 33 (47).

Литератор Пыпин жил прежде в том самом доме, где теперь квартирует Чернышевский, но впоследствии он переехал на Васильевский остров в дом Громова, где имел жительство Чернышевский. Когда сей последний перебрался в дом Есаулова, по б. Московской улице, Пыпин переехал к Пяти углам, в дом Иванова. По лестнице, ведущей в его квартиру, нет швейцара; собственная же его прислуга состоит из служанки и повара. Чтобы иметь ближайший надзор за Пыпиным и его компанией, поручено агенту подобраться к повару, прислуживающему и в комнатах, и постараться уговорить его сообщать ему все, что там происходит, обещая ему за это награждение.

10 января 1862 г.

№ 34 (49).

Подозревая в учрежденном ныне вновь шахматном клубе какую-нибудь тайную цель, так как члены, записавшиеся до сих пор, принадлежат исключительно к сословию литераторов и ученых, приложено было старание узнать, на каком основании образовался этот клуб. Говорят, что здешние литераторы обращались с просьбою о дозволении им учредить литературный клуб, но что им в этом было отказано. Тогда кто-то вспомнил, что существовавший здесь, в гостинице Демут, шахматный клуб закрыт, и этим обстоятельством воспользовались литераторы, чтобы под названием шахматного клуба открыть их собственный клуб. К открытию вновь шахматного клуба не встретилось препятствий, и воспрещение, касавшееся собраний литераторов, обойдено. Говорят, что их подписалось уж до 200 человек по 30 р. с.

и что у них будут обеды по 50 к. с персоны в те дни, когда подобные же обеды назначатся в Благородном собрании, эконом коего, Тихонов, согласился быть распорядителем оных. В шахматном клубе не водится карт, а только шахматы, шашки и домино, но эти игры, говорят, только один предлог.

12 января 1862 г.

№ 35 (50).

В Шах-клубе было собрание литераторов, на котором обсуждали предложенный Головниным вопрос о цензуре. Председателем был избран Вернадский, но как он согласился только с условием, чтобы председательствовать до 10 часов, то было предложено занять его место Чернышевскому, который отказался, и председательствовал Усов [38]). Большинство мнений осталось в пользу цензуры карательной, не взирая на сильный протест Серно-Соловьевича, защищавшего предупредительную цензуру. *)

15 января [1862 г].

№ 36 (51).

По дошедшим сведениям служащие на главной телеграфной станции заготовили рапорт начальству, за подписанием слишком 30 человек, заключающий в себе просьбу о прибавке жалованья или же, в случае отказа, об увольнении от должности.

Служащие при телеграфе все люди бедные. До определения они должны полгода быть на испытании и в это время не получают жалованья. Определившись, они получают первые годы 25, потом 35 и, наконец, самую большую плату 50 руб. в месяц. Знание языков: русского, немецкого и французского обязательно.

Сегодня утром у Чернышевского был какой-то телеграфный офицер или чиновник, в форме. Не имеет ли это обстоятельство связи с подачею телеграфистами вышеозначенного протеста?

15 января 1862 г.

№ 37 (53).

У Чернышевского в последнее время не было замечено новых лиц, кроме нескольких артиллерийских офицеров, которые стали ходить к нему довольно часто, и двоюродного брата покойного Добролюбова, не посещавшего Чернышевского более двух месяцев и извинившегося перед ним неимением времени. Прежние, поименованные уже неоднократно посетители Чернышевского продолжают являться к нему часто и в разное время; один только Соловьевич в продолжение 12 дней приходил лишь один раз, но это объясняется тем, что он занят

*) На поле пометка: «Сообщить т. с. Головнину, который виделся уже с некоторыми деятелями по цензурным предметам вследствие этого совещания».

теперь своею библиотекою для чтения, в которую, между прочим, поступил на-днях брат Пыпина, бывший студент [39]). Чернышевский в последнее время очень много ездил со двора; в одно утро он заезжал в типографию Огрызко, у которого пробыл довольно долго, а вчера Огрызко был у него. С некоторых пор, а именно с приезда жившего у Чернышевского приятеля его из Нижнего Новгорода Захарина, который, как полагать должно, имеет связь с его женою, сия последняя постоянно ссорится с мужем, раздражая еще более и без того уже желчный его характер. Между супругами бывают иногда весьма неприличные сцены, оканчивающиеся низкою бранью [40]). В доказательство, что за Чернышевским имеется постоянное наблюдение, прилагаются у сего записки, в которых ежедневно отмечается, кто к нему приезжал, сколько времени пробыл и когда он сам уходил со двора [41]).

В Шах-клубе, куда Чернышевский ездит постоянно, иногда в 11 часов вечера, первенствует некто Благосветлов, занимающийся в редакции «Русского Слова», правая рука Гр. Кушелева. Он сын священника и, говорят, очень озлоблен против правительства. О нем будут собраны ближайшие сведения.

27 января 1862 г.

№ 38 (56).

К характеристике Чернышевского.

Чернышевский, бывши еще студентом, всегда большею частию в обществе молчал, но если говорил, то дельно. Однажды у Веденского [42]) на вечере жена последнего читала вслух страдания семейства Людовика XVI и прослезилась. «Странная вы женщина, — сказал Чернышевский, — вчера вы плакали об овечках, съеденных волком, сегодня о волке, поевшем этих овец». За это изречение его прозвали Сен-Жюстом, и прозвание это он сохранял долгое время; оно помнится еще близкими к семейству Веденских.

10 февраля 1862 г.

№ 39 (57).

Вчера в Шах-клубе было прение о значении настоящих публичных лекций профессоров университета. Находят в них большое значение и тем более, что доступ на них имеют все без изъятия, не обращая внимания ни на звание, ни на пол, ни на возраст. В таком виде и с подобными условиями может, по правде, существовать только университет, чтобы быть источником общественного образования, а не капищем некоторых привилегированных, более или менее удачно выдержавших экзамен или попавших в оный по происках или связям родителей, и то для некоторых только, по получении увольнительного свидетельства от общества — словно образование можно приобрести только с разрешения начальства!

Таким образом должен бы только существовать университет, в особенности, если при наименовании лекций обозначено будет, какие именно обязательны для каждого факультета; тогда только лекции сии достигнут цели и образуют у нас парижский «Collège de France». Но у нас покуда этого желать не следует, а, напротив, необходимо иметь университет со всеми условиями вступления и студентами. Нам нужен оплот против правительства, а этот оплот можно только найти в подобной корпорации, как студентская. Мы видели, что она, состоя из горсти людей не вооруженных, преследуемых, теснимых, разбила на-голову нравственно и фактически правительство со всеми его войсками и штыками: министр, генерал-губернатор, граф Шувалов удалены.. а все корпорация...

Вот краткий resumé этого прения.

9 февраля 1862 г.

№ 40 (60).

Вчера вечером, после похорон Панаева, в одном кругу студентов говорили, что вскоре за Панаевым последуют и другие, что это новая метода гашения просвещения; что Чернышевский и Некрасов приготовили речи, но не сказали их на могиле, заметив еще при выносе в церкви много для них подозрительных лиц *). Это следствие того, что Чернышевский уверен, что за ним следят, а потому он ведет себя крайне осторожно; свои задушевные мнения и взгляды он не высказывает нигде и все более молчит. Всем было известно, что он хотел сказать речь, но при выходе из церкви он объявил окружавшим его, что не будет говорить, потому что много посторонних ушей. Когда же на поминках Некрасов, сидя, сказал несколько слов о литературной деятельности Панаева, присовокупив, что князь Суворов не позволил говорить речи, то Чернышевский только поддакивал. Под конец поминок Чернышевский и Некрасов порядочно подпили.

Говорят, что теперь существование «Современника» становится сомнительным: с Некрасовым редко кто хочет иметь дело; он отбил всех своею жадностью и недобросовестностью, и поэтому можно ожидать большой перемены в направлении журнала, если только цензурный комитет не утвердит нового редактора вместо Панаева. А малейшее изменение в направлении погубит журнал. Сверх того, смерть Панаева, последовавшая так скоро за смертью Добролюбова, произвела сильное впечатление на Некрасова и Чернышевского, в особенности на последнего; он фаталист и смотрит на все с черной стороны. Он видит в этом какое-то грозное предопределение судьбы против «Современника», и, вероятно, он и Некрасов ударятся теперь в какие-нибудь

---

*) Наших агентов не могли заподозрить, потому что двое последовали за телом, сперва в возке, а потом пешком в сопровождении одного весьма любимого литераторами медицинского студента Самарина[43]) и вместе с ним сидели на поминках за столом. *(Примеч. агента донесения.)*

крайности. Все литераторы убеждены, что Некрасов и Чернышевский — теперь под влиянием какого-то панического страха, который, впрочем, распространился и на других. Неизвестно только, будет ли он продолжителен.

23 февраля 1862 г.

№ 41 (63).

При сем представляется полученный, наконец, после многих затруднений, полный список членов Шах-клуба [44]).

Клуб этот дышит на ладан: в нем бывают по вечерам два-три человека. При подобных условиях ему нельзя продлить существования. Прислуга уже объявила, что если она не получит жалование до завтра, то вся уходит; составлена комиссия из г.г. Елисеева, Лаврова, Спасовича, Чернышевского, Николая Курочкина и Утина [45]). Это сделано с целью найти средства к продлению существования клуба. Комиссия нашла, что причины его опустения заключаются в неимении средств к достаточному развлечению членов: в клубе дозволены только игры в шахматы, шашки и биллиард. Поэтому комиссия положила просить князя Суворова и министра внутренних дел о разрешении в клубе игр: в карты, домино и лото, и главное ходатайство возложила на гр. Кушелева, который, по возвращении своем, тотчас же примется за это. Если правительство откажет в этом разрешении, хоть под предлогом, что это было бы подрыв другим клубам, имеющим свои привилегии, то считаемый опасным Шах-клуб закроется.

Третьего дня, против обыкновения, там было до 70 посетителей. Они все составили кружки и говорили между собою шопотом, за шахматными столиками сидело по четыре человека. Чернышевский ораторствует иногда в клубе, и поклонники его обыкновенно следуют за ним, при уходе, в прихожую. Чернышевский, бывший, вероятно, не в духе, обратился к этим поклонникам со словами: «От вас отбою нет; что вы все ко мне пристаете!». Это ему много повредило. Когда он удалился, те сказали: «Чорт его побери! что он себе воображает, что мы его слуги!».

При получении списка членов соблюдалась величайшая тайна, ибо к столу, где он хранится, должен был быть подобран ключ. Доставшему оный выдано 10 рублей.

1 марта 1862 г.

№ 42 (65).

В литературных кругах становится все сильнее мнение, что демонстрация, сделанная в пятницу 2 марта, при чтении профессора Павлова [46]), произведена врагами прогресса и либеральных идей. Говорят, что правительство наше или до того слабо, или действует скрытно в пользу либерализма, что смотрит сквозь пальцы на все, что не сопряжено с слишком явными беспорядками или скандалом. Все убеждены,

что выходка Павлова прошла бы незамеченною правительством, если бы беспорядки, последовавшие за нею, и шумная демонстрация не заставили невольно и нехотя обратить на себя внимание. Опасаются неприятных последствий для Павлова. Выходки его никто не ожидал, потому что в последнее время г. Павлов на лекциях своих, отличавшихся какою-то вялостью, сухостью и бесцветностью, охладил к себе слушателей. Если он продолжит свои лекции, то первая из них будет полна публикою и вряд ли обойдется без новой демонстрации. В Павлове видят теперь одного из передовых людей, могущественно заявивших о себе.

Чернышевский все более и более утрачивает расположения к себе; еще один-два промаха, и он станет на одной ступени с Писемским. Статьи, помещенные противу него в «С.-Петербургских Ведомостях» и «Северной Пчеле», и разбор его биографии Добролюбова, помещенный в журнале «Время», сильно подорвали его кредит [47]). Он сильно восстановил всех своими ругательствами.

Много говорят о «письме Белорусса», помещенном в журнале «День» № 19, с возражением редакции и придают этому большое значение. Говорят, что «Белорусс» в письме своем обвиняет русских в постройке тюрьм, в притеснениях откупа и т. п.; в возражении же редакция просить не винить в том народ, а только правительство, что русские сами страдают от всего этого.

Петропавловскую крепость, называемую некогда С.-Петербургским университетом, называют ныне Дворянским собранием [48]).

В первой карикатуре последнего № «Гудка» находят олицетворение настоящего выражения чувств народа к правительству. Номер этот у сего прилагается.

5 марта 1862 г.

№ 43 (70).

Сегодня ночью сделаны обыски у Василия Курочкина, у литографа Маркова и у резчика Куренкова, но при обыске ничего не найдено. Оригинал портрета Михайлова [49]) прислан сюда из Омска подполковнику Шелгунову, который и заказал Маркову отпечатать 4 т. экземпляров с принесенной им уже готовой доски, сказав, что когда они будут отпечатаны, то их следует отнести В. Курочкину. Портрет рисован Микешиным на доске, а вырезан Куренковым. У Микешина обыска не делали, потому что он живет во дворце.

Предположение, что портрет Михайлова прислан Шелгунову, основано на том, что приходивший к Маркову заказать литографию — был лесничий подполковник.

О появлении в С.-Петербурге портрета Михайлова было донесено уже с месяц тому назад.

11 марта 1862 г.

№ 44 (73).

Печатанье портрета Михайлова положительно производилось у литографа Маркова в Большой Мещанской, дом Берка, но камень у него не найден. Но он в этом признался одному лицу.

Что Курочкин имел эти портреты несомненно, и женщина, живущая у него или с ним, говорила, что «разве запрещено иметь портрет Михайлова? — всякий должен радоваться иметь его у себя». По всему надо полагать, что портрет этот был принесен Маркову для литографирования полковником Шелгуновым, который жил вместе с Михайловым и с которого женою Михайлов жил. Этого Шелгунова, преподавателя в Лесном корпусе, следовало бы взять под арест вместе с Михайловым, но тогда гр. Шувалов этого не сделал, и он подлежит той же участи, как и Михайлов, и ежели у него сделать обыск, то, конечно, кое-что найдется.

12 марта [*1862*].

№ 45 (77).

Не подлежит почти сомнению, что появившееся вчера воззвание на счет Павлова [50]) составлено партиею Утина, который еще третьего дня вечером на полчаса посетил Чернышевского. Партия Утина состоит из сомкнутого общества, действия коего остаются тайною для всех тех, которые не принадлежат к оному. Ясно то, что это общество более кого-либо защищает Павлова. Означенная партия вместе с тем горой стоит за Чернышевского, который чем более на него будут нападать его противники, тем более остервенится на них и бросится в крайности.

Сличив шрифт полученного сегодня одного экземпляра воззвания (из дома Китнера, в Почтамтской улице, где оно найдено у дверей квартиры г-на Мартынова) с образцами продаваемого здесь шрифта, оказывается, что он должен быть иностранный. Воззвание отпечатано, без всякого сомнения, ручным станком и лицом, неопытным по типографской части, что доказывается уже тем, что цифра III пред словом «отделение», составлена из трех единиц, тогда как в типографиях эта цифра составляется из трех «i» только без точки. Замечательны: буква В и знаки?

Какие предосторожности приняты при напечатании и распространении воззвания, доказывает то обстоятельство, что на конвертах, в которых оно найдено, нет адресов, и они ничем не запечатаны. Приняты всевозможные меры, какие только представляются удобоисполнимыми, к раскрытию источника, из которого воззвание это появилось. Оно напечатано не тем шрифтом, каким печатался «Великоросс», шрифт сего последнего мельче и не так чист; краска худшего достоинства.

Кажется, мало обращается внимания на привозимые из-за границы ручные станки; в Гостином дворе, между прочим у Вольфа, в книжной лавке, продаются даже детские станки с шрифтом.

16 марта 1862 г.

№ 46 (78).

Чернышевский отпустил недавно своего кучера, который поступил в услужение к кирассирскому офицеру Тевяшову. Я поручал одному из агентов познакомиться с этим кучером и расположить его к себе, с целью узнать кое-что о ночных посещениях Чернышевского. Кучер говорит, что Чернышевский ездил очень часто по вечерам в Семеновский полк, к одному полковнику Савицкому, брат коего служит будто бы в Павловском корпусе. На вопрос, не замечал ли он, что Чернышевский развозил по городу какие-нибудь письма, кучер ответил, что Чернышевский этого, повидимому, не делал, но что его жена, приехав однажды домой, перед рождеством вручила ему, кучеру, какие-то небольшие книжонки, завернутые в бумаге, и велела спрятать их в сарае. Он засунул их в сено и несколько дней спустя возвратил их г-же Чернышевской вследствие ее требования.

Не были ли это воззвания Герцена под заглавием: «Что нужно помещикам» [51]) и т. д., напечатанные небольшими брошюрками в Лондоне?

18 марта 1862 г.

№ 47 (79).

Вчера вечером в шахматном клубе, на собрании по поводу вопроса о мерах к достижению свободы прессы, посетителей было человек около 30. После долгих прений профессором Утиным было высказано, что русские литераторы должны стремиться к достижению полной свободы прессы, т.-е. отсутствию вполне цензоров и главного управления цензуры, в чьем бы лице оно ни было представлено. Затем было положено обсудить этот вопрос в частных кружках, между прочим и у Утина, собираясь с этою целью в определенные дни, а затем сообщить выработанные мнения в клубе во вторник и четверг. Когда все будет условлено, составить проект устранения цензуры и поднести при адресе государю или как будет найдено лучше.

Первое совещание по этому предмету должно быть сегодня вечером в квартире Утина. Агент наш также будет присутствовать [52]).

19 марта 1862 г.

№ 48 (82).

Альбертини приезжал вчера к нашему агенту Вол... [53]) и просил его написать небольшую статейку для одного журнала; при этом он ему рассказал, что намерен составить и напечатать список агентам III отделения для рассылки по городу. Альбертини просил агента собрать, если это ему удастся, некоторые сведения по этому предмету;

некто Август Карлович Корф *), — говорил Альбертини, — сообщил ему уже три имени агентов III отделения: 1) полковника Селиверстова, 2) Антонелли и 3) драгуна Новицкого и обещался пополнить список.

20 марта 1862 г.

№ 49 (84).

Микешин, действительно, рисовал портрет Михайлова, а Курочкин продавал в Шах-клубе, но это пока еще трудно доказать; впрочем, портрет работы Микешина не тот, который был представлен: на нем изображен Михайлов, только-что обритый, фельдшер, делавший эту операцию, и плац-майор здешней крепости, и все портреты удивительного сходства. Портреты эти, как уверяют, и по сие время продает книгопродавец Вольф, но очень секретно.

23 марта 1862 г.

№ 50 (86).

Когда 22 сего марта студент Утин уходил от Чернышевского, его провожал студент Студенский, брат г-жи Чернышевской. Вышед на лестницу, Студенский сказал Утину: «У нас все идет отлично, мы уже более половины для солдат сдали»; на это Утин шепнул: «тс» и, указывая на комнату швейцара, приложил палец к губам. Студенский на сие возразил: «это ничего». Потом они спустились ниже по лестнице и долго о чем-то говорили шопотом.

К Чернышевскому, между прочим, приходят ежедневно рассыльные: Иван Павлов и Звонарев [54]). Быв спрошены, откуда они ходят, они сказали — от Панаева, живущего в Семеновском полку, и у которого, как выразился Иван Павлов, — «все дела обделываются».

По справкам о Панаеве [55]) оказалось, что он двоюродный брат покойного, тот самый, который распоряжался его похоронами; он инженер путей сообщения и живет уже с 1858 года на углу Серпуховской улицы и Загородного проспекта в доме Кузьмина, который, кроме хозяина, занимает один.

На-днях было донесено, что г-жа Чернышевская, как-то перед рождеством, приехав домой, отдала своему кучеру спрятать в сарае пакет с книжками и что несколько дней спустя она потребовала этот пакет обратно. Ныне узнано, что в тот же день она отвозила означенный пакет на Васильевский Остров в 8-ю линию, в подворье, к монахам.

24 марта 1862 г.

---

*) Живет в Подъяческой, в доме Никулина. — *(Прим. агента.)*

№ 51 (88) *).

Артиллерии полковник П. Л. Лавров [56]), встретясь вчера с одним из наших агентов, с которым он давно знаком и встречается в Шахклубе, сообщил ему, что там под предлогом «турниров» будут собрания для обсуждения современных вопросов.

В газетах уже объявлено, что турниры эти начнутся во вторник 27 марта.

26 марта 1862 г.

№ 52 (89).

Бывший студент Самарин рассказывал вчера одному из наших агентов, что он встретился на-днях у Некрасова с Чернышевским, который говорил, что к 26 августа готовятся по всей России манифестации, в которых будут выражены следующие желания всего образованного сословия: прощение политических преступников, всех без исключения, какие только находятся в живых; дарование конституции, свобода печати и уничтожение цензуры; ответственности министров; гласного судопроизводства и т. д. По словам Самарина, Чернышевский говорил, что он виделся со многими лицами — коноводами в провинциях этих будущих манифестаций, как-то: из Киева, Харькова, Владимира и других городов, и что некоторые из них еще и теперь живут в Петербурге.

Насчет воззвания в пользу профессора Павлова Самарин положительно утверждает, что их выпустили студенты: Утин, Печаткин и Неклюдов [57]), которые советовались по этому предмету с профессором Пыпиным.

Студент Самарин знаком почти со всеми литераторами и пишет статьи для «Современника».

27 марта 1862 г.

№ 53 (98) **).

В городе продается самым секретным образом за 100 р. с. коллекция фотографических портретов, состоящая из 49 штук, всех замечательных революционеров, как-то: всех декабристов, Пугачева, Герцена, Огарева, Бакунина, Петра Долгорукова, Михайлова (в крепости, когда ему стригут волосы; тут же цырульник и плац-майор), Орсини, Мадзини, Кошута и т. д., в том числе и Чернышевского. (Не в насмешку ли?)

По некоторым соображениям должно полагать, что портреты эти выпущены из фотографии Берестова, против Аничкина дворца.

4 апреля 1862 г.

---

*) На поле пометка кн. В. А. Долгорукова: «Любопытно узнать, в чем будут состоять первые турниры?»

**) На поле пометка кн. В. А. Долгорукова: «По возможности проследить — справедливо ли это?»

№ 54 (99).

Один из наших агентов был на-днях у члена шахматного клуба Иосифа Ивановича Паульсона (преподавателя великой княжны Марии Александровны и издателя журнала «Учитель») и говорил с ним об этом клубе. По словам Паульсона, главными двигателями его являются профессора: Утин и Лавров (артиллерии полковник). В настоящее время в клубе особенно интересуются вопросом о конституции; все говорят открыто и прямо, что нынешние уступки правительства делаются не более, не менее как только для того, чтобы замазать языки недовольных. Многие говорят фразы в роде подобных: «нам нужна конституция не такая, какую дадут, а такая, какую хотим мы; ее без крови не добудешь». Вообще преобладающий характер клубных бесед — либеральный.

На первом «турнире» были прения об уравнении налогов и податей.

4 апреля 1862 г.

№ 55 (100).

На сих днях донесено было о пронесшемся слухе, будто бы во время прогулок государя императора в Летнем саду намерены представить его величеству какой-то адрес [58]). Третьего дня несколько офицеров корпуса лесничих говорили в кондитерской Доминика, что адрес об освобождении Михайлова подписан 106 человеками, по большей части офицерами, в числе коих есть и офицеры императорского стрелкового батальона. Ныне получено положительное сведение, что в городе действительно готовится адрес для поднесения государю императору о помиловании Михайлова. На адресе этом уже приблизительно более 200 подписей литераторов, офицеров, студентов. Вчера вечером некоторые литераторы подписывали его в кафе-ресторане Еремеева, куда его приносил Курочкин. Между сим последним и литератором Толбиным [59]) и моряком Титовым завязался там спор о Михайлове: Курочкин защищал его; Толбин и Титов сильно порицали, сказав, что он заслужил быть повешенным; Курочкин и Толбин разошлись врагами. Вел...[60], который находился тут же, разыгрывал двойственную роль, но не мог отказать в своей подписи на адресе, чтобы не навлечь на себя подозрения со стороны Курочкина.

Адреса списать не было возможности, но сущность его следующая:

Государь, мудрый предначертатель освобождения России от тяготевшего над нею гнета, человек, который на место кровожадного Дубельта поставил благородного князя Долгорукова, древнейшего представителя русской аристократии, и кроткого и добродушного Потапова, представителя всего благородства в России, конечно, не допустит, чтобы изнывал в каторге Михайлов, человек, не сделавший никакого другого преступления, кроме политического, за которое ныне нигде не казнят, а подвергают только изгнанию, и тому подобн. —

На этом адресе подписей уже было на двух страницах в три столбца.

Может быть, подача этого адреса в Летнем саду имеет связь с расспросами медицинских студентов, в том же саду, одного городового о времени приезда в сад государя императора. Кроме того, третьего дня там замечен был один артиллерийский офицер, который высматривал государя с самого приезда его величества до отъезда.

4 апреля 1862 г.

№ 56 (106) *).

В Шах-клубе ходит по рукам воззвание «Земская дума» [61]). Полковник П. Л. Лавров говорил там, что оно составлено партиею Утина и девицы Блюммер [62]), у которой на-днях были два собрания. Есть даже подозрение, не прислал ли это воззвание, равно и другое «К офицерам» [61]), Блюммер из Берлина.

В том же клубе предлагают подписывать адрес для поднесения государю, составленный, как там говорили, профессором Утиным. Пока он подписан не более как 15 лицами, между коими замечены следующие фамилии: Василий Курочкин, Вернадский, Писарев и полковник Лавров. По предложенному агенту нашему вопросу И. Н. Кушнеревым [63]), подпишется ли он, или нет, агент подписался.

Содержание адреса следующее: После изложения того, что русский народ откликнулся на зов государя, и в годы крымской войны вступая в ряды ополчения и в год объявления уложения 19 февраля освобождая крепостных, не только по окончании трудов редакционной комиссии, но и ранее, по взаимному соглашению, с предоставлением им прав свободных хлебопашцев, — автор адреса переходит к заключению, что все это дает русскому народу право требовать себе конституционных прав, т.-е. участия в управлении государством и народом, равно и отчетности правительства пред народом. Адрес оканчивается заметкою, что добровольное дарование конституции спасет Россию от тяжких смут и волнений и вместо раздора даст мир и новую жизнь.

18 апреля 1862 г.

№ 57 (107) **).

В последнее время к Чернышевскому попрежнему стали часто являться не посещавшие его несколько времени лица. К ним присоединились несколько новых знакомых ему. Чаще всех были: Серно-Соловьевич (брат книгопродавца), артиллерист Рачков [64]), Михаил Алексеевич Воронов, доктор Боков и студент Советов. Эти лица почти ежедневно посещают Чернышевского, особенно Советов и Воронов. Рассыльные, Звонарев и Иван Павлов, также являлись каждый день.

*) Против сведений об адресе пометка кн. В. А. Долгорукова: «Прошу следить и доставлять мне дальнейшие по сему предмету сведения».

**) На поле пометка кн. В. А. Долгорукова: «Доставить мне особое сведение о месте службы, чине Рачкова и о том заведении, в котором он воспитывался».

а иногда и по нескольку раз. Из новых лиц замечены: генерального штаба полковник Рехневский [65]), студент Плаксин и некто Петр Лукич Санников и Петров (об этих двух лицах делается разыскание). Кроме того, к Чернышевскому приходил какой то наборщик из типографии Вульфа (при книжном магазине Кожанчикова) и сидел у него с 12 до $2^1/_2$ часов ночи (если будет удобный случай, то, вероятно, получатся сведения о причине посещения наборщика. Скоро трудно надеяться узнать об этом, ибо сближение с типографиею Вульфа чрезвычайно трудно). 23 апреля у Чернышевского был какой-то фельдъегерь г. военного генерал-губернатора; он узнал прежде от швейцара, добр ли г. Чернышевский, и тогда уже пошел к нему, когда получил утвердительный ответ. После нескольких минут фельдъегерь вышел в сопровождении Чернышевского, который очень благодарил его за что-то [66]). (По сделанному в канцелярии князя Суворова секретному разысканию, фамилии фельдъегеря узнать там нельзя, ибо теперь дежурные не записываются в особую книгу, а между тем полезно бы было узнать негласно от князя, посылал ли он 23 апреля к Чернышевскому фельдъегеря.)

Студент Утин также был у Чернышевского два раза. Студент Студенский уезжает от Чернышевского; он отправляется на-днях в Саратов с девицами Пыпиными, отец которых уже за границею. М-м Чернышевская выезжает сегодня на дачу. Вместо Студенского к Чернышевскому переезжает г. Рачков, денщик которого заменит кухарку: она уже отошла.

Студенский недавно давал кучеру Чернышевского брошюру «Что нужно народу?», которую он читал в кухне при кухарке и двух посторонних людях [67]).

Кроме кучера, у Чернышевских переменяется вся прислуга: на дачу берут новую горничную, а в городе будет (для молчания) мальчик 12 лет.

5 мая 1862 г.

№ 58 (108).

Чернышевского продолжают очень часто посещать известные уже лица; больше других замечены: доктор Боков, Утин, Воронов и рассыльный Звонарев *), являющийся туда каждый день. Кроме того, у Чернышевского были: Серно-Соловьевич и еще несколько новых лиц, о которых еще нельзя было получить никаких сведений. Между сими последними был Владимир Жемчужников [68]), который, не застав хозяина дома, просил его непременно приехать к Ковалевскому.

Наблюдения продолжаются.

Жена Чернышевского выехала на дачу в Стрельну; теперь у него живут офицер Рачков **) и студенты: Советов и Студенский; о Рачкове

*) Против фамилии Звонарева помета кн. В. А. Долгорукова: «Не худо бы сблизиться с Звонаревым».

**) Против фамилии Рачкова помета его же: «О Рачкове прежде всего надобно узнать от Баранцова —кто он, где служит и имеется ли

пока узнано только, что он прикомандировывается к Константиновскому военному училищу. (Не будет ли признано возможным предупредить совершенно секретно директора помянутого училища о том, что едва ли Рачков может быть хорошим руководителем пылких юношей?)

Наблюдения за Чернышевским и бывающими у него лицами сделались затруднительнее с тех пор, как он отказал помещенной к нему в кухарки женщине.

8 мая 1862 г.

№ 59 (109).

Чернышевский уехал на несколько дней за город. В отсутствие его ему привезли два куля книг, которые еще не разобраны. Говорят, что будто бы книги эти достались Чернышевскому от Боголюбова [69].

Сегодня же агенту удалось подпечатать совершенно незаметно и прочитать полученное на почте письмо к Чернышевскому от Александра Пыпина (вероятно, профессора) из-за границы. В означенном письме Пыпин, между прочим, говорит, что он начал заниматься своими специальными изучениями, но больше все отрицательным образом; что берлинские матрикулы народного образования получше путятинских и что он приготовляет для «Современника» статью о прусском законе печатания (Pressgesetz), основанную на главной идее «печать свободна» (Die Presse ist frei). В заключение Пыпин прибавляет, что хотя он уезжает в Прагу, но через две недели вернется и потому просит немедленно отвечать ему в Берлин по следующему адресу: Herrn Kasanski, Mauerstrasse, 8, eine Treppe, для передачи ему, Пыпину.

О Казанском [70]) Пыпин говорит, что он очень хороший и серьезный человек и что, кажется, он посылал уже Чернышевскому письма Добролюбова.

15 мая 1862 г.

№ 60 (110) *).

У Чернышевского с 15 по 19 мая были: Воронов 2 раза, Звонарев 1 раз, Антонович 2 раза, наборщик из типографии Вульфа 2 раза, Боков 2 раза, Серно-Соловьевич 1 раз, Некрасов 1 раз, рассыльный Иван Павлов 1 раз и Николай Утин (только-что возвратившийся

в виду прикомандирование его к Константиновскому училищу? По последнему предмету можно спросить при свидании у ген.-лейт. Роговского или то же сделать запискою».

*) На полях записки ряд помет В. А. Долгорукова: 1) против фамилии рассыльного Ив. Павлова — «с рассыльными и с типографщиками надобно бы сблизиться. От них можно бы получить полные сведения»; — 2) против сообщения о двух офицерах: «имена их были бы нужны»; — 3) против упоминания разносчика из типографии Огрызко: «его также нужно бы приобресть»; — 4) против предложения сделать обыск у Студенского: «сообразить, когда и как»; 5) против сведений о Рачкове: «это подтверждает, что он действительно живет с Чернышевским».

из Москвы 19 числа). Последний, не застав Чернышевского дома, очень жалел об этом.

Кроме этих лиц (давно уже посещающих Чернышевского), там были в продолжение означенного времени тринадцать человек каких-то неизвестных и два офицера, один инженер.

Живший у Чернышевского студент Студенский после произведенных в городе арестов тотчас же перебрался на квартиру Пыпина; там занимается и туда же приказал прислать к нему разносчика из типографии Огрызко, которого он ожидал с чем-то.

В самом непродолжительном времени Студенский отправляется в Саратов. Казалось, если бы признано было возможным сделать у Студенского строжайший обыск, то, может, это повело бы к дальнейшим подробностям.

Полезно было бы учредить надзор в Павловске за г-жею Чернышевскою, у которой живет студент Гогеберидзе.

О Рачкове, кроме того, когда он выходит, не представляется возможности получить никаких сведений: денщик его чрезвычайно глуп, а мальчик, взятый для прислуги, конечно, не может ничего объяснить.

21 мая 1862 г.

№ 61 (112).

Вчера в одном магазине сошлись несколько литераторов; в том числе был и Кони [71]). Разговор завязался о современных событиях, и все присутствовавшие с негодованием выражались об адской системе возмутителей — действовать посредством пожаров — и удивлялись слабости распоряжений со стороны правительства. «Неужели оно, — прибавил Кони, — не может еще убедиться, что главное зло заключается в Гиероглифове, Чернышевском, Елисееве и компании этих грязных негодяев?! Ведь, право, они не заслуживают никакого сожаления не только как литераторы, но как люди просто; с них следовало начать, а они все еще на свободе».

Вообще можно заметить, что последние события произвели сильную реакцию в литературном обществе; — в какой степени сильна выражаемая большинством литераторов симпатия к правительству и вследствие каких побуждений она стала выражаться, это вопрос другой, — вопрос, который разрешит время и уяснят обстоятельства.

13 июня 1862 г.

№ 62 (113).

С 13 июня по настоящее число были у Чернышевского: из новых лиц: Кудрицкий, жив. на Петерб. стороне по Кронверскому пр., д. № 29 Баура, кв. № 3 (1 раз 13-го); Баландин, жив. на Вас. Остр. между 7 и 8 лин. по Средн. просп. в д. Сисова; доктор Городков из 2-го кад. корпуса; офицер Воронов — пять раз; Григорий Гаврилович Пейзен, или Пизен, приехавший из-за границы — два раза; два брата Флям,

жив. у Измайловск. моста (четыре раза); Ив. Ив. Бердаков — один раз.

Из прежних лиц: Воронов Михаил Алексеевич — 20 раз; Соловьевич 6 раз; Советов 11 раз; студ. Утин 16, 18, 25, 26 и 6 июля; д-р Боков 10 раз; Антонович 11 раз; Гогеберидзе 7 раз; Некрасов 8 раз; Лунин 3 раза; Стралер 1 раз; Бедеревский (Вердеревский) 2 раза; брат проф. Пыпина 4 раза; Ив. Павлов, рассыльный; Ив. Иванов, писарь.

Кроме этих лиц, приходили еще 88 раз разные лица как военные, так равно и статские.

Рачков уезжает завтра 8 из Петербурга, как полагают, также в Саратов, куда уже 3 июля уехала г-жа Чернышевская со всеми детьми.

Советов переехал на Вас. Остр. по 9 линии в д. Марковой № 6, кв. 8.

13 июля Чернышевский продал еще четыре куля книг Афанасьеву толкучнику. Мебель вся продана — не проданы еще лошади и экипажи.

Сегодня во 2 часу пришел к нему полковник Ракеев с надзир. Мадьяновым, и только что они вошли, от Чернышевского вышли д-р Боков и Антонович [72]).

7 июля [*1862 г.*].

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Первому агентурному донесению, посвященному специально Н. Г. Чернышевскому 15 ноября 1861 г., предшествовало коротенькое упоминание о нем в донесении 24 октября 1861 г. об университетских волнениях. Сообщая о студенческих сходках, о прекращении лекций за недостатком слушателей, агент прибавляет: «При сем представляется в копии один экземпляр прокламации, которая во время студенческих беспорядков возбуждала молодых людей к сопротивлению властям. По словам студента, доставившего эту прокламацию, составителем оной называют литератора Чернышевского». О какой студенческой прокламации говорит агент, сказать трудно, так как упоминаемой копии не сохранилось. В «записке из частных сведений о титул. советнике Чернышевском», напечатанной М. Лемке в его «Политических процессах», Гиз, 1923, с. 198—202, говорится, что, именно, донесение о принадлежности Чернышевскому прокламации и послужило причиною установления за ним «постоянного наблюдения».

2. Из лиц, которым доступ к Чернышевскому был открыт всегда: Ник. Ал. Некрасов и Ив. Ив. Панаев — редактора «Современника»; публицисты Макс. Ал. Антонович, Гр. Зах. Елисеев и историк Петр Петр. Пекарский — сотрудники того же журнала; Дм. Еф. Кожанчиков — книгопродавец и издатель; Городков — по всей вероятности доктор 2 кад. корпуса, упоминаемый в донесении № 62; столь часто упоминаемый почти во всех дальнейших денесениях Серно-Соловьевич, Николай Александрович,— публицист, революционер, арестованный вместе с Чернышевским 7 июля 1862 г.

3. Дополнительные сведения о Иосафате Петр. Огрызко, видном деятеле польского восстания 1863 г., и о его типографии — см. в донесении № 3. О специальном назначении польской типографии в Петербурге см. любопытные воспоминания В. Б. Аренд та в ж. «Каторга и Ссылка», 1924, № 3 (10).

4. Упоминаемый в донесении Добролюбов — не критик Ник. Александрович, доживавший тогда последние дни, а его дядя Вас. Ив. Добролюбов, действительно служивший в Госуд. Банке, но литературною деятельностью не занимавшийся; в донесении № 37 он же назван двоюродным братом критика. Из переписки Ник. Ал. и Вас. Ив. Добролюбовых, напечатанной в «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова», т. I. М., 1890 г., видно, что В. И. Добролюбов исполнял литературные поручения племянника во время пребывания последнего за границей и во время его болезни; см. донесение № 2.

5. Боков, Петр. Иванов., врач; был арестован вместе с В. А. Обручевым по делу о распространении «Великорусса»; Чернышевский изобразил его в ром. «Что делать?» в лице Лопухова. См. о нем еще донесения № № 9, 12, 14, 28, 29, 30, 57, 58, 60, 62.

6. Воронов, Мих. Алексеев. (1840—1873), сотрудник «Современника», беллетрист-народник; о нем, как часто бывавшем у Чернышевского, см. еще донесения № № 57, 58, 60, 62.

7. Студенский, Алексей Осипович, студент Петербургск. ун-та, называемый в последующих донесениях братом Ольги Сокр. Чернышевской, в это время находился в Петроп. крепости, арестованный за универс. беспорядки 1861 г. См. о нем донесения № № 2, 17, 19, 21, 57, 58, 60.

8. Серно-Соловьевич (сын) — явная ошибка агента. Очевидно, разумеется Ал. Ал. Серно-Соловьевич, также бывавший у Чернышевского, но гораздо реже своего брата; см. донесение № 57.

9. Упоминаемый в донесении «А. П. из Москвы» — по всей вероятности А. Н. Плещеев.

10. «Гавриил Иванович», о котором говорит в письме Студенский — отец Н. Г. Чернышевского, умерший 23 октября 1861 г.

11. Упоминаемый в донесении «Иероглифов» — журналист 1860-х г.г. А-др Степ. Гиероглифов.

12. Возможно, что экстренный уход Чернышевского из дома объясняется последними часами жизни Н. А. Добролюбова, умершего в ночь на 17 ноября 1861 г.

13. Ливанов, Фед. Вас. — журналист, составитель ж. «Раскольники и Острожники» (1868 сл.).

14. Рыжков Нил Иванович, он же «Рычков» и «Рачков» последующих донесений (№ № 7, 9—13, 15, 17, 20, 22, 57, 58, 60, 62) — двоюродный брат О. С. Чернышевской — Вениамин Иванович Рычков. За близость к Чернышевскому был занесен в список неблагонадежных лиц. (Полн. собр. сочин. и писем А. И. Герцена, т. XV, с. 392.) В своих воспоминаниях об аресте Чернышевского («Былое» 1906, № 3, с. 92) М. А. Антонович упоминает и о Рычкове.

15. Упоминаемый «полковник, живущий в казармах стрелкового батальона», как выясняется из дальнейших донесений (№ № 7, 9—13, 20) — Ник. Ник. Обручев, ошибочно названный в одном из донесений (№ 10) Иваном Ивановичем, — бывш. соредактор Чернышевского по «Военному Сборнику». Об отношениях его к Чернышевскому в связи с «Землею и Волею» см. предисловие.

16. «Собрание студентов» около квартиры попеч. петерб. учебн. округа Гр. Ив. Филипсона было 25 сент. 1861 г. и послужило началом активных студенческих беспорядков. В агентурных донесениях, напечатанных в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова», в. 1, с. 84. Пет., 1921, устанавливается деятельное участие в студенческом движении 1861 г. — П. Л. Лаврова; настоящее донесение устанавливает участие и Н. Г. Чернышевского.

17. Сведения о похоронах Н. А. Добролюбова и о речах, сказанных на его могиле, дает в своих воспоминаниях и Н. В. Рейнгардт («Рус. Стар.» 1905, № 2, с. 452—453). Кроме речей Некрасова и Чернышевского, Н. В. Рейнгардт отмечает еще речи Антоновича, Тиблена и Н. А. Серно-Соловьевича. Агентурное донесение о сборе денег во время похорон Добролюбова напечатано в «Политич. процессах 60-х г.г.». М., 1923, с. 287—288.

18. Трудно сказать, почему Чернышевский главною причиною смерти Добролюбова считал «заточение» его «лучшего друга» — т.-е. Мих. Ил. Михайлова, если только это не фантазия агента.

19. Чернышевским были прочитаны стихотворения Добролюбова: 1) «Милый друг, я умираю...» и 2) Памяти отца («Благословен тот час печальный...»).

20. «Приезжий с Николаевской жел. дороги», как видно из следующих донесений (№ № 7—13, 16, 19, 20, 30, 37), — Александр Вас. Захарин.

21. Автор донесения не знает, что отец Чернышевского уже умер и что Чернышевский образование свое получил не в Петерб. дух. семинарии.

22. П а н а е в, Ив. Ив., один из редакторов «Современника»; о его похоронах (умер 19 февр. 1862 г.) см. донесение № 40.

23. Никто из упоминаемых в донесении студентов, равно как и указанный выше Стралер, не были замешаны в студенческих беспорядках и по делам III отделения не проходили.

24. Не является ли «прибывший из Москвы поручик Костомядзе» — известным Всев. Костомаровым, как раз освобожденным из-под ареста в Москве в конце ноября 1861 г.? (См. «Полит. процессы 60-х г.г.» М., 1923, с с. 285—286.)

25. Студент Медико-Хирург. ак-ии Скопин отмечен в списках III отделения (Полн. собр. соч. и пис. А. И. Герцена, XV, с. 392), как «бывавший на сходках» и «замечаемый в подозрительности».

26. Псевдоним беллетристки Мар. Ал. Маркович — Марко-Вовчек.

27. Приложенные к донесению бумаги Чернышевского, действительно, подозрительного ничего не имеют: это черновики двух рецензий и отрывки статьи с типографскими отметками.

28. Стихотворение М. Ил. Михайлова, о котором говорит донесение — известное «Крепко, дружно вас в объятья...».

29. Упоминаемый в донесении «Нечепуренко» — вероятнее всего Андр. Ив. Ничипоренко, привлекавшийся в 1862 г. по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами.

30. «Стебалов» (донесения № 26) и «Иван Михайлов» (донесение № 27) и есть та таинственная личность, носящая название «метранпажа», о которой говорится в конце донесения. На самом деле это Иван Михайл. Стругалев, метранпаж типографии Вульфа, в которой печатался «Современник».

31. «Профессор Спасович» — известный юрист, проф. Петерб. ун-та Вл. Дан. Спасович. .

32. Не был ли «человек в волчьей шубе», одетый мужиком «в красной рубахе, в высоких сапогах, плисовых шароварах», как описывает его донесение № 29 — Павл. Иван. Якушкиным?

33. «Студент Заветов» — явное искажение фамилии Степ. Советова, жившего в мае 1862 г. в квартире Чернышевского и упоминаемого в донесениях № № 15, 18, 20, 23, 57, 58, 62.

34. Ник. Ис. У т и н и С п а с с к и й принимали деятельное участие в студенческом движении 1861 г.: как депутаты они были арестованы и заключены в Петроп. крепость. Фамилия третьего студента «Соханов» искажена; он же в донесении № 31 называется «Коханов».

35. Профессор Ал-др Ник. П ы п и н, упоминаемый в донесениях № № 31, 33 и сл., на сестре Н. Г. Чернышевского женат не был; на родных сестрах Голубевых были женаты их отцы: Гавр. Ив. Чернышевский и Ник. Дм. Пыпин. О семействах Чернышевских и Пыпиных см. в кн. В. А. Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского». П., 1923.

36. Об Аф. Пр. Щапове, выпущенном уже из-под ареста, шла как раз в это время переписка о том, в какой монастырь заключить Щапова за произнесение им речи на панихиде по убитым в с. Бездна.

37. Деятельность закрытого после пожаров шахматного клуба (Шах-клуб), в котором принимали участие виднейшие петербургские литераторы, получает

некоторое освещение в печатаемых донесениях: № № 34, 35, 37, 39, 41, 47, 51, 54, 56. Сводку имевшихся в литературе сведений о Шах-клубе см. в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова», вып. I, с. с. 77—78.

38. Упоминаемые в донесении Вернадский и Усов — экономист Ив. Вас. Вернадский и исследователь раскола Пав. Степ. Усов.

39. Брат А. Н. Пыпина — Серг. Ник. Пыпин, о нем см. Лемке, «Очерки освоб. движения 60-х г.г.». П., 1908, с. 40.

40. О семейной жизни Чернышевских см. В. А. Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского». П., 1923.

41. Упоминаемые ежедневные записки к донесению не приложены.

42. Упоминаемый в донесении «Веденский» — известный педагог и переводчик—Ирин. Ив. Введенский, об отношениях к которому Чернышевского см. статью Е. Ляцкого «Чернышевский и Ир. И. Введенский» («Совр. Мир» 1910, № 6).

43. Упоминаемый в донесениях (№ № 40, 52) «медицинский студент» и «бывший студент» Самарин — Лев Самарин, принимавший участие в студенческих беспорядках 1861 г. и в 1863 г. преданный суду сената за попытку принять участие в польском восстании; был присужден к отдаче в военную службу рядовым.

44. Полного списка членов Шах-клуба к донесению не приложено.

45. Упоминаемый Утин — проф. Петерб. университета, публицист Евг. Ис. Утин; о нем см. еще в донесениях № № 47, 54, 56.

46. Имеется в виду речь Пл. Вас. Павлова по поводу тысячелетия России, выступившего вместе с Чернышевским, В. Курочкиным и др. на литературном вечере 2 марта 1862 г. в пользу Литературного Фонда. 5 марта (дата донесения) Павлов был арестован.

47. В «СПБ. Ведомостях» 1862, № 58, помещена статья Скарятина — «Образцы самоновейшего красноречия», а в № 70 «Сев. Пчелы» — заметка о вечере 2 марта «Чернышевский и Иван Яковлевич — одного поля ягода». Вероятно, об этих статьях и говорится в донесении. Кроме упоминаемой статьи в журн. «Время» 1862, № 3, «Материалы для биографии Добролюбова» и чтения Чернышевского о нем вызвали ряд ожесточенных против Чернышевского статей, преимущественно в «Отеч. Записках» и «Библ. для Чтения».

48. Петропавловская крепость названа была в шутку вследствие заключения в ней студентов, арестованных в сент. 1861 г. за беспорядки; в марте же 1862 г. в крепость были заключены 14 тверских дворян — мировых посредников.

49. Упоминаемый в донесениях № № 43, 44 портрет М. Ил. Михайлова — изображение его в кандалах в сибирской тюрьме (воспроизведено М. Лемке в кн. «Политич. процессы» (1923, с. 144.). Появившийся в Петербурге «месяц тому назад» портрет Михайлова не мог быть описываемым. Это был рисунок с изображением Михайлова, заковываемого в кандалы в Петропавловский крепости (воспроизведено там же, стр. 136). Об этом рисунке и говорит автор донесения № 49, приписывая его тоже известному иллюстратору и скульптору Мих. Осип. Микешину (1836—1896).

50. Упоминаемая в донесениях № № 45 и 52 прокламация по поводу высылки проф. Павлова, появившаяся в Петербурге 15 марта, напечатана М. Лемке в «Очерках освобод. движения 60-х г.г.». П., 1908, с. 13. Утин, партии которого приписывает прокламацию донесение — землеволец Ник. Ис. Утин, упоминаемый в донесениях № № 30, 31, 50, 52, 57, 58, 60, 62.

51. Воззвание «Что нужно помещикам?» первоначально было напечатано в № 115 «Колокола» (1861 г.).

52. Совещание о мерах к достижению свободы печати, назначенное на 19 марта, не состоялось «по случаю инвалидного концерта», как писал агент в донесении 20 марта.

53. «Наш агент Вол...», которого Ник. Викт. Альбертини просил собрать сведения о сотрудниках III отделения, по всей вероятности, Сем. Волокитин; о нем см. сведения в «Материалах для биографии Лаврова», вып. I, с. с. 70—71.

54. Упоминаемый рассыльный «Современника» С. В. Звонарев — впоследствии книгопродавец и издатель (умер в 1875 г.).

55. «Двоюродный брат» умершего Ив. Ив. Панаева — Ипполит А-др. Панаев, заведовавший конторою «Современника». О нем см. в кн. В. Евгеньева, Н. А. Некрасов, стр. 128 и сл. М., 1914.

56. Аналогичные с агентурными донесениями о Чернышевском донесения «секретных сотрудников» о П. Л. Лаврове напечатаны в «Материалах для биографии Лаврова», в. I, с. с, 70—89; о Лаврове см. еще донесения № № 54, 56.

57. Упоминаемые Евг. П. Печаткин и Н. А. Неклюдов принимали деятельное участие в студенческих беспорядках 1861 г. как депутаты студенчества. Е. П. Печаткин был арестован в том же 1862 г. по делу «карманной типографии» Баллода.

58. Слух о подаче Александру II адреса сообщается в донесении от 1 апр. 1862 г. В другом донесении 30 марта сообщается, что еще до приезда Александра II в Летний сад «там было восемь человек медицинских студентов; четверо из них, по выходе из сада, обратились к городовому с разными вопросами — в котором часу государь приезжает, долго ли он гуляет и проч.». Разумеется, в связи с этим была усилена охрана, при чем ген.-губерн. кн. Суворов, обратив внимание на одного агента, так подробно его расспрашивал, что тому ничего не оставалось делать, как объявить свое звание.

59. Толбин, Вас. Вас. (умер в 1869 г.) — педагог-историк.

60. Агент «Вел...» — вероятно, Вельяшев, член Шах-клуба, о котором см. в «Матер. для биографии Лаврова», в. I, с. 77.

61. Упоминаемые прокламации «Земская дума» и «К офицерам» («Офицеры! настало время...») напечатаны Богучарским в «Матер. для истории рев. движения в России 60-х г.г.». Пар. 1905, с. с. 67—68, 68—69.

62. Блюммер, Антонина Петровна, одна из пионерок женского движения 1860-х г.г., арестована в 1862 г. по делу о воскресных школах. Ее брат Леон. Петр. Блюммер издавал в 1862 г. за границей журн. «Свободное Слово».

63. Кушнерев, Ив. Ник. (1827—1896), издатель журн. для народа «Грамотей», беллетрист.

64. Упоминаемый «артиллерист Рачков» — Вен. Ив. Рычков предшествующих донесений,— см. примеч. 14.

65. Полковник Рехневский — муж Соф. Гр. Мей, издательницы журн. «Модный Магазин» (1862 г.).

66. О каких-то сношениях петер. ген.-губ. кн. Суворова с Чернышевским, со слов самого Суворова, рассказывает Шелгунов — см. Н. В. Шелгунов, «Воспоминания». Гиз., 1923, с. 134.

67. Статья Н. Пл. Огарева «Что нужно народу?», напечатанная в № 102 «Колокола» и изданная потом отдельною брошюркою, является как бы программою общества «Земля и Воля» (60-х г.г.); статья была написана при помощи того самого Н. Н. Обручева, о котором, как часто посещающем Чернышевского, говорят донесения (см. примеч. 15). Статья перепечатана в полн. собр. соч. и пис. Герцена, т. XI, с. 138—146.

68. Жемчужников, Влад. Мих., брат известного поэта; вместе с ним и Ал. Толстым писал под псевдонимом «Кузьма Прутков». Ковалевский, о котором говорит донесение, возможно — историк Ег. Петр. Ковалевский.

69. Может быть, книги получены не от «Боголюбова», а из квартиры умершего Н. А. Добролюбова.

70. Казанский, Петр Никит. — псаломщик в Берлине при посольской церкви. Несколько писем к нему Н. А. Добролюбова напечатаны в «Матер. для биогр. Д-ва», т. I. М., 1890.

71. Кони, Федор Алексеев. — известный водевилист; ср. отзыв Кони о Чернышевском после петерб. пожаров 1862 г. с анонимными письмами, напечат.

в кн. М. Лемке «Политич. процессы 60-х г.г.». Гиз., 1923, с. 172—175, 178—179.

72. 7 июля 1862 г. и Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич были арестованы. Подробности ареста см. в воспоминаниях М. А. Антоновича («Былое» 1906, № 3). О жанд. полковнике Ракееве, арестовавшем М. И. Михайлова и когда-то сопровождавшем тело Пушкина в Св. Горы — см. М. И. Михайлов, «Записки», П., 1922, с. 19 сл.

Алексей Шилов.

Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова.

Н. В. Шелгунов в 1864 году обвинялся в том, что он участвовал в составлении воззваний «К русским солдатам» и «К барским крестьянам», а также в сношении с «государственным преступником» М. И. Михайловым. Судебные власти не нашли формальных доказательств для обвинения Шелгунова. Тем не менее, по докладу генерал-аудиториата [1]) Александру II, Н. В. Шелгунов был отправлен в ссылку. Главным обвинением против него было: «в высшей степени вредный образ мыслей» [2]), каковой генерал-аудиториат усмотрел в запрещенной цензурой 15 февраля 1862 г. статье Шелгунова «Русское Слово».

Первое известие о существовании какой-то запрещенной цензурой статье Шелгунова находим в его письме 1866 года [3]). Более определенно говорит об этом В. Н. П., описывая процесс Шелгунова. Не имея дела высочайше учрежденной следственной комиссии, в котором имеется эта статья, он сообщил официальное ее изложение [4]). М. К. Лемке в примечании к полному собранию сочинений А. И. Герцена упоминает об этой же статье, не указывая, однако, ее названия и думая, что она предназначалась для журнала «Русск. Слово» [5]).

В действительности, в постановлении комиссии военного суда, о котором упоминает Лемке, говорится не о какой-то статье Шелгунова для вышеупомянутого журнала, а именно о самой статье «Русское Слово» [6]).

В деле высочайше учрежденной следственной комиссии об отставном полковнике Н. Шелгунове [7]) эта статья имеется в двух экземплярах. Первый экземпляр дает лишь пять гранок корректуры из десяти находящихся во втором экземпляре. В первом экземпляре двойное название: первое — «Русское Слово» — зачеркнутое, и второе — «Журнальные споры». На обороте имеется надпись, сделанная той же рукою: «Его высокоблагородию Николаю Гавриловичу Чернышевскому». Некоторые места корректуры испра-

---

[1]) Высший военный ревизионный суд.

[2]) См. статью В.Н.П. (Малинина) «Процесс Шелгунова», «Гол. Минувшего» 1915 г., № 6, стр. 236.

[3]) Л. П. Шелгунова «Из далекого прошлого» СПБ. 1901, стр. 196.

[4]) В.Н.П. «Процесс Шелгунова», «Гол. Минувшего» 1915 г., № 6.

[5]) Полн. собр. соч. Герцена, т. XV, стр. 120—121.

[6]) Военно-судное дело, произведенное при с.-петербургском ордонанс-гаузе над отставным полковником Шелгуновым. Начато 25 мая 1863. Кончено 2 июля 1864 г., на 269 листах,— л. 20.

[7]) Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии — Об отставном полковнике Николае Шелгунове. Начато 25 июля 1862 г. Кончено 8 мая 1863 г.; на 264 листах.

влены. Второй экземпляр имеет один заголовок, набранный печатными буквами: «Русское Слово». Над заголовком имеется собственноручная надпись цензора Оберта: «Эти два с половиною листа по определению цензурного комитета запрещены. 15 февраля 1862 года». На оборотной стороне корректуры имеется следующая надпись, которая не оставляет никакого сомнения в том, для какого журнала предназначалось «Русское Слово»: — «Его высокоблагородию Федору Павловичу Еленеву [1]), «Современник» из типографии Карла Вульвера». Очевидно, статья, предназначавшаяся для «Современника», была отправлена из типографии цензору. Корректура испещрена пометками и на полях и в тексте. Фразы и слова, зачеркнутые в корректуре красными чернилами, видимо, рукою цензора, набраны в печатаемой ниже статье разрядкой, а слова, подчеркнутые в корректуре красным карандашом, набраны курсивом. Из сопоставления подчеркнутых слов с официальным изложением статьи «Русское Слово» можно заключить, что эти отметки были сделаны членами военного суда.

Статья «Русское Слово» была найдена у Шелгунова во время обыска, в Казаковском приеске, куда он приехал с целью организовать побег сосланного в каторжные работы М. И. Михайлова. Следственная комиссия, занятая выяснением роли Шелгунова в делах Михайлова и Чернышевского, не задала Шелгунову ни одного вопроса об отобранной статье. Иначе посмотрела на нее комиссия военного суда. Не имея достаточно веских и юридически обоснованных данных для обвинения Шелгунова в составлении воззваний, она выставила в качестве материала для обвинения статью «Русское Слово» и повела расследование.

Вскоре после поступления дела о Шелгунове в комиссию военного суда она запросила III отделение и цензурный комитет о том, не подвергался ли Шелгунов за эту статью какому-либо взысканию. Из ответа цензурного комитета выяснилось, что никакого административного взыскания на Шелгунова не было наложено. Комиссия вновь затребовала справку о том, «почему статья Шелгунова «Русское Слово» запрещена, за какие выражения и за какой смысл этого выражения последовало запрещение?» Цензурный комитет не дал исчерпывающего ответа, ограничившись краткой справкой о том, что «Русское Слово» было запрещено, «как противная в целом ее составе коренным государственным постановлениям».

Получив эту справку, комиссия решила допросить Всев. Костомарова и самого Н. Шелгунова, с какой целью была написана эта статья и какую идею хотел провести в ней автор. Костомаров ограничился заявлением, что он ничего не знает об этой статье. Зато Н. Шелгунов, всегда сдержанный и осторожный в показаниях, дал довольно подробные объяснения. «В журнале «Отечественные Записки», — говорит он, — был помещен ряд статей о расколе, о значении и силе земства до Петра Великого, о земских думах и о развитии самоуправления. Своей статьей я имел в виду показать, что все это преувеличено и что при слабом развитии общественного быта и при недостаточном образовании все это не имеет такого значения, какое ему приписано автором. Одним словом, что «Русское Слово» во всем этом не сказалось и что, действительно, стройные учреждения начались со времени Петра Великого» [2]).

---

[1]) Ф. П. Еленев, кол. сов., был членом петербургского цензурного комитета. В 1867 году он был назначен членом совета главного управления по делам печати.

[2]) Военно-судное дело, произведенное при с.-петербургском ордонанс-гаузе над отставным полковником Шелгуновым.

Военный суд не удовлетворился объяснениями Шелгунова. Он хотел найти какие-либо юридические доказательства его виновности и, не найдя их, сделал попытку установить связь статьи «Русское Слово» с воззванием Чернышевского «К барским крестьянам».

Однако и в этом отношении его заключение было далеко неопределенно.

Между этими произведениями, говорит суд, «в главных основаниях есть сходство, хотя и неясное». Едва ли нужно в настоящее время говорить о необоснованности подобного сопоставления. В воззвании «К барским крестьянам» русская жизнь после объявления «воли» противопоставляется западным порядкам, более свободным, где «народу лучше бывает жить и народ богаче бывает». Шелгунова нельзя заподозрить в преклонении перед Западом. «Но где же искать русское слово? — задает вопрос Шелгунов в своей статье и отвечает: «ни в французских, ни в немецких книжках его не найдем... — скажет его весь русский народ, вся страна...». Разочарованием в идеалах старой Европы и верой в обновление Запада началами русской жизни проникнуты статьи Шелгунова, касающиеся Запада. Показания Шелгунова об источниках влияния на его статью были правдоподобнее, чем соображения судей.

Очевидно, статьи и заметки в «Отечественных Записках» за 1860 и 1861 годы, а главным образом статья А. П. Щапова «Земство и раскол» [1]), идеализирующие земские учреждения в старой России и раскольников, и вызвали отповедь Шелгунова [2]). Этим объясняется, что на одной из корректур, имеющейся в деле следственной комиссии, заголовок «Русское Слово» зачеркнут и заменен заголовком «Журнальные споры».

Но, кроме Щапова, был и другой источник, откуда почерпнул Н. В. Шелгунов материал для своей статьи. Это «Всемирная История» Шлоссера, переводом которого усердно занимался в это время Шелгунов.

В результате этих влияний появилось «Русское Слово». Рассматривая историю Китая, старой Греции и России, Шелгунов развивает свою концепцию исторического процесса, концепцию, на которой сильно сказывается влияние Шеллинга. Дух, характер народа определяет экономический быт и политические порядки, а не материальные условия.

Историческая справка и философия истории были даны Шелгуновым, чтобы показать молодому поколению, где надо искать идеалы: они не в прошлом, а в настоящем русского народа. «Ушла невозвратно наша свежесть, — пишет он в «Русском Слове», — и напрасно тратили мы свое время, роясь в старине, ничего мы не найдем там, только слезы, да стоны, да плач, да целый ряд неудач и целый ряд фактов, убеждающих в том, что можно строиться тысячу лет и все-таки не выстроиться. Это ли русское слово? Его ли нам нужно? Нет»... Не французские или немецкие книжки скажут, по мнению Шелгунова, это слово и «не три или четыре ученых», но «скажет его весь русский народ, вся страна». Русская молодежь должна думать о «деле».

М. Мартынов.

---

[1]) «Отечественные Записки». 1861 г., ноябрь. Напечатана отдельной брошюрой СПБ. 1862 г.

[2]) Указания на соответствующие фразы из статьи Щапова «Земство и раскол», взятые Шелгуновым в кавычках без указания источника, даны нами в примечаниях к печатаемой ниже статье «Русское Слово». Ссылки на страницы «Земство и раскол» сделаны по собр. соч. А. П. Щапова, т. I, изд. Пирожкова, СПБ, 1906 г. О причинах расхождения Щапова с редакцией «Современника», к которой был близко и Н. В. Шелгунов, см. в биографии Щапова, приложенной к третьему тому того же собрания сочинений, стр. LIV—LVII.

Русское Слово [1]).

У Шлоссера, в его Всемирной Истории, есть следующий весьма интересный рассказ об одном существующем народе.

Страна, о которой он говорит, занимает пространство вдвое больше Европы. Вследствие такого чудовищного расширения границ и разнообразия климата, почвы и ее производства народ этот мог обходиться без чужеземных произведений и без сношения с иностранцами. И народ погрузился сам в себя и более 2.500 лет не обнаруживает никаких стремлений к прогрессивному развитию. Если бывали у него какие-нибудь перемены, то только в мелочах. В целом же народ отличался беспримерным в истории человечества упорством и мертвой неподвижностью, с которыми он держался всех преданий и обычаев страны. Это свойство народного характера было до того всегда сильно, что даже, принимая что-нибудь чужое, народ никогда не изменял своего исторического направления.

Другая особенность народа заключается в слабом развитии чувства и фантазии. В народе этом больше, чем в какой-либо другой нации, преобладает рассудок; а фантазия и чувство всегда имели мало влияния на национальный характер. В литературе этого народа нет высоко-поэтических произведений, которые бы могли дать ему право стать в ряду других народов, великих по умственному развитию, и поэзия не служит источником глубокого и продолжительного наслаждения. Так же и в пластических искусствах — предпочтение отдается полезному, практическому, вообще рассудку, прилежанию, технической стороне, а не идее прекрасного. Религия этого народа основана тоже на рассудке, а не на чувстве; поэтому для массы она является делом предрассудка и обычая, а для образованных людей просто философией и моралью. Народ этот точно так же не может возвыситься до понимания требований чести, поэтому в истории его не видно ни в чем ни общей любви к родине, ни национального воодушевления и мужества.

Третья черта населения — преобладание чувственных потребностей; забота всех и каждого, преимущественно, о материальных удобствах. Это свойство народа отразилось и в самой культуре страны; в ней уж в весьма отдаленные времена достигло полного развития все то, что служит к удовлетворению материальных потребностей — земледелие, фабрики, каналы; — тогда как все создаваемое чувством и фантазией находилось всегда в грубом и неразвитом состоянии.

Правление в стране монархическое; безусловное повиновение монарху, сходное с детским послушанием, есть высший и священнейший закон государства. Все чиновники разделены на

[1]) Разрядкой выделены выражения, обратившие на себя внимание цензора; курсивом отмечены места, на основании которых военный суд пытался обосновать обвинение Шелгунова в «вредном образе мыслей».

классы и подчинены друг другу по старшинству чинов. Каждый из них раб своего начальника и полновластный повелитель своих подчиненных.

Как чиновники, так и области, города и села страны распределены по разрядам, и управление всей страной, до мельчайших подробностей, подчинено определенным правилам и предписаниям. Все сношения производятся письменно и вследствие того крайне неудобны по своему формализму.

Таким образом страна эта в сущности — обширное полицейское учреждение. Все держится и управляется в ней нравственными изречениями, заучиваемыми в детстве, приманкою чиновничьих отличий и палочными ударами. Такая исправительная мера распространяется на все сословия государства.

Гражданской жизни нет в этой стране, и понятие о политическом развитии совершенно чуждо народу.

Страна эта — Китай; народ — китайцы.

В чем же заключаются нравственные качества этого удивительного народа? Прежде всего, на основании приведенных выше данных, это народ, чуждый понимания гражданских прав и стремлений к иной более широкой жизни; это народ нравственно спящий; народ, лишенный всякой энергии и внутренней силы и неспособный выбиться из своего глупого положения. Нам скажут, что это неверно, что Китай пришел к застою потому, что развивался при обстоятельствах исключительных; что при других обстоятельствах он бы выработал себе другую жизнь. Одним словом, виной всему обстоятельства. Да так ли? Что значат обстоятельства? Кто создает их? Что это — каменный дождь, падающий неизвестно откуда и против которого ничто устоять не может, потому что дождь не в руках человека; или обстоятельства придумываются и создаются людьми? Если они создаются людьми, что же может мешать людям сделать обстоятельства хорошими? За Китай все бранят Конфуция. Но разве Конфуций виноват в чем-нибудь? Конфуций сам — произведение своей родной страны, народного гения; а если этот гений так странен и бессилен, что не мог создать ничего действительно порядочного, — в чем же виноват Конфуций? Конфуций не создавал ничего; это не был бог Китая, он был только реформатор. Он не создал новых идей, нового образа жизни или нового государственного быта; он только собрал в один фокус и привел в систему то, что и без него жило в понятиях и верованиях его народа. Только в этом и заключается причина, почему его учение принялось так прочно народом. Не подходи они к нравам [1]), обычаям, характеру и идеям народа, учение Конфуция или не было бы совсем принято всей страной, или, сделавшись учением секты, держалось бы недолго. Если же учение живет в стране 2.400 лет и принято всеми, значит оно пришлось по вкусу всем. А оно и не могло не прийтись по вкусу народу, потому

[1]) В тексте — к правам.

что Конфуций восстановил остатки старины и те ее особенности, которые были свойственны коренной природе китайца. И против этого можно возражать снова «обстоятельствами». Разумеется, и слизняк остается слизняком, не переходя в высшую, более совершенную форму тоже по обстоятельствам. Не будь этих обстоятельств очень может быть, что слизняк сделался бы, наконец, и человеком; если же он не сделался, не дошел до человека, значит и не мог дойти, недостало силы, а то бы дошел непременно. Может быть, и в Китае есть громадные силы и огромная живучесть. Всем известно, что китайцы народ весьма искусный, смышленый и понятливый, и только не нашлось в стране такого гения, который бы пробудил народ. Но отчего же не нашлось такого гения? А оттого и нет гения, что страна не произвела его, что в самом корне китайского миросозерцания нет ничего способного дать начало высоким гениальным идеям; если бы было это, явился бы в стране и гений; если же не явился, — значит не было сил произвести его. Во всяком случае это факт органического бессилия.

Такой взгляд на китайцев не оскорбляет нисколько истины, он может быть только неприятен для самолюбия китайцев. Но и самолюбие напрасно страдает от этого. Бывают разные вещи в природе, и есть разные плоды, — и яблоко плод хороший, и ананас тоже. Но даже и яблоки не все развиваются одинаково — одно прошибет мороз в цвету, другое точит червь перед зрелостью. И в истории народов бывали разные случаи. И чехи были сильный народ, а пришли немцы и побили их, потому что были еще сильнее; — и русские были сильные и храбро дрались между собой, а пришли татары, и Русь не устояла. Все это факты силы и бессилия; и сильное дерево выносит мороз, а слабое нет.

Но у Шлоссера есть и другой рассказ.

Лет за 700 до Р. Х. на юге нынешней Италии была основана колония Кротон. Колония эта стала вскоре сильной и цветущей и особенно прославилась простотой и чистотой нравов. С развитием благосостояния кротонцы, однако, поддались роскоши и наслаждениям. К счастью, нашелся человек, который захотел и почувствовал в себе довольно силы, чтобы спасти кротонцев от нравственной порчи. Человек этот был Пифагор. Он долго пробыл в Египте, возбуждавшем в греках удивление своей оригинальной цивилизацией и системой управления, считавшейся у многих источником всякой мудрости. Пифагор пленился особенно египетскими религиозными таинствами и тем, что жрецы, единственные ученые страны, составляя священный орден, держали в руках всю власть и заставляли невежественный народ служить себе. Ученому греку понравился такой порядок: его пленила строгая нравственность египтян, и он составил себе убеждение, что нравственное облагораживание граждан должно быть целью каждого государства и что этой цели так же, как и прочного порядка и спокойствия, можно достигнуть только там, где власть принадлежит одним добрым и мудрым, которым бессознательно повинуются все остальные. Пленившись восточным порядком и кастами, и особенно кастой жрецов, управляв-

шей народом, как детьми, в политических и религиозных целях и идеях, известных только одним жрецам, — Пифагор задумал ввести подобное учреждение и в греческие государства, но в более чистой и облагороженной форме. Пифагор составил себе такой план: если учредить общество мудрости и нравственности и принимать в члены только лучших людей, затем развивать этих членов в умственном и моральном отношениях, то можно создать кружок людей, действительно способных к управлению.

С этой мыслью Пифагор возвратился в Грецию и поселился в Кротоне. Там он нашел порядок вещей, совершенно приспособленный к приведению в исполнение его плана. Пифагор, отличавшийся высоким образованием, чистотой жизни, красноречием и прекрасной наружностью, возбудил легко энтузиазм в жителях до того, что женщины отказались от всех украшений и принесли их в дар Юноне. Пифагор основал в Кротоне знаменитое общество пифагорейцев. Общество это должно было служить школой для образования самых мудрых и благородных людей и превосходнейших правителей. Общество имело несколько степеней. Члены его собирались каждый день, занимались учеными разговорами, телесными упражнениями и обсуживанием общественных дел. Сам Пифагор пользовался глубоким уважением своих учеников. На него смотрели, как на пророка, посланного богом.

Благородное намерение Пифагора было встречено в Нижней Италии с величайшим сочувствием. Пифагорейцы уверяли всех, что обладают истинной правительственной мудростью и проповедывали народу смирение и послушание и в е р у. Порядок был организован, правительство в Кротоне несколько десятков лет находилось уже в руках ордена, и казалось, что дух Востока воскреснет в Италии и для греческого мира наступит период клерикального владычества и аскетизма. Но не так случилось в действительности. Народ восстал против пифагорейцев: некоторые из членов союза были убиты, другие изгнаны, и пифагорейское государственное устройство кончилось.

Какая же причина, что Пифагору не удалось то, что отлично жило в Египте? Отчего Пифагор не сделался для Греции тем, чем сделался Конфуций для китайцев? Оттого и не удалось, что у греков был другой политический инстинкт, что они не находили для себя удобным ни кастового устройства, ни клерикального быта. Будь подобные учреждения в духе народа, они бы и принялись им. Разумеется, и между греками нашлись люди, для которых учение Пифагорово было выгодно, и эти люди вступали в члены общества. Но весь народ не хотел играть роли касты подчиненной, потому что находил это для себя неудобным. Народ сознавал себя лучше китайцев и чувствовал в себе довольно силы, чтобы не уступить своих прав на свободу, не итти в нравственную неволю к некоторым лицам. И этим немногим не удалось ничего сделать с греками. Факт этот Шлоссер объясняет тем, что Пифагор хотел перенести в Грецию кастовый и клерикальный быт наперекор духу народа, изменить его политическое устройство и нравы по требованиям

отвлеченной теории. Что же это значит? А значит то, что языком более понятным это должно быть объяснено так: Пифагор встретил неудачу потому, что хотел навязать грекам понятия, им совершенно чуждые; понятия весьма практические в Египте, потому что их выдумали сами египтяне, и теоретические для греков, у которых было другое миросозерцание. Египтяне не чувствовали никакого неудобства играть вечно роль детей и управляться во всем жрецами; но греки смотрели на это дело несколько иначе, и когда ученики Пифагора стали раскидывать везде свои сети, стали организовывать такой порядок, который в переводе на обыкновенный язык значил: «народ, ты глуп, управляться сам не можешь, мы будем управлять тобою»; то народ, подумав и сообразив, что он вовсе не так глуп и беспомощен, как думает о нем Пифагор и его ученики, ответил им такой же неделикатностью — побил и прогнал этих мудрецов и стал управляться по-своему. Очевидно, что греки находили для себя неудобным то, что казалось очень удобным для египтян; значит, в греках были требования и стремления другого рода, и вся ошибка Пифагора заключалась в сущности в том, что в нем не было силы Конфуция, не было способности понять гения своего народа и возвести в теорию и в систему то, что жило смутно в понятиях и чувствах его соотечественников. Имей Пифагор большие способности, он бы понял, что нельзя же такому народу, как греки, навязывать чувства и понятия египтян; невозможно заставлять их думать глупее и чувствовать менее благородно, чем они думали и чувствовали прежде. При всех своих способностях Пифагор не понял такой простой вещи и потерпел неудачу. Но и быть Конфуцием греков была тоже нелегкая задача. Не те силы скрывались в греках, какие жили в китайцах. Мысль и чувства греков шли глубже и дальше. Народ этот не мог удовлетвориться какими-нибудь Кинами, остановиться на них, читать их 2.400 лет сряду и не желать читать ничего другого. Собрать в один фокус и развить все, что скрывалось в нравственных силах греков, не могло быть развито ими, было потруднее —Кин и уже, разумеется, никакой Конфуций не сделал бы этого так хорошо, полно и разносторонне, как сделали это сами греки всей своей жизнью. *Это опять* факт силы,— силы целого народа, силы, какой не было ни в китайцах, ни в египтянах; а в то же время факт бессилия одного человека понять смутные, но широкие и разносторонние желания и стремления целого народа и дать им направление. Сила греков была громадная; ни один народ в мире не показал такой мощи духа и не создал того, что создали греки. А начинать им было вовсе нелегко. Когда началось историческое развитие греков, окружавшие их народы вполне уже выяснили свое направление, и некоторые успели даже достигнуть известной степени цивилизации. На юге между черными племенами господствовало рабство и грубая чувственность. У народов севера и запада, хоть и существовала племенная любовь к свободе и воинственный дух, но образованности не было, нравы были грубы, и не существовало никакой способности к организации внутреннего порядка. Соседи востока,

хотя и давно уже вышли из состояния дикости и достигли в известной степени развития в науках, искусствах и общественной жизни; но впали в умственную односторонность и ограниченность, упали в нравственном отношении и сделались жертвой деспотизма. Что же оставалось делать грекам? Что сделали бы на их месте какие-нибудь китайцы или египтяне? Слабый народ, удовлетворяющийся всем, поглотился бы своими соседями, он пристал бы к одному из них, к порядку готовому; вся задача для такого народа заключалась бы только в том, к кому пристать из трех соседей, на чьем порядке успокоиться. Разумеется, это было бы самое легкое, а если легкое, то отчего же не взяли его греки, а пошли совершенно другой дорогой, иным путем развития и дали всему миру новое направление? Опять от того же, что силы этого народа были других размеров, и народ начал новую жизнь, до него неизвестную миру. А как велики были эти силы, как велики и прочны были успехи народа на пути развития, можно уж понять из того, что вся умственная образованность Европы ведет свое начало из Греции. Греки первые создали свободное независимое искусство и дали человечеству новые громадные средства к возвышению и облагораживанию его духа. Греки первые основали самостоятельную философию, отличив [1]) стремление мыслящей силы от чисто религиозной потребности и открыли человеку пределы высшего и бесконечного, до тех пор доступные только одному его чувству. Греки первые создали истинную науку, сделав изыскания разума независимыми от произвола отдельного сословия и от служения материальным потребностям. Например, они создали математику и историю. Первая не составляла до тех пор самостоятельной науки, а служила только внешним потребностям жизни; а история, вместо изучения человека и хода его развития, искала только удовлетворения патриотическому чувству и анекдотической занимательности. Греки первые дали новое и чрезвычайно великое развитие богатому элементу образованности, заключающемуся в языках. Они не только создали многие, совершенно новые формы поэзии и выработали свой язык так, что он стал одним из самых прекрасных и выразительных языков, но и создали искусство писать прозой. Народы, предшествовавшие им, давали произведения письменности или поэтическую форму, или писали их несвязным и неправильным языком. Греки ввели периодическое построение фраз и подчинили их требованиям гармонии. Наконец, греки *создали настоящую государственную жизнь*. Они первые предоставили каждой отдельной личности полное участие в общественных делах, первые возвысили голос масс до значения общественного мнения и поставили развитие государства в исключительную зависимость от одних успехов разума. Отчего же ничего подобного не удалось сделать ни китайцам, ни египтянам, ни персам? Ни один из этих народов не создал ни Геродота, ни Фукидита, ни Эсхила, ни Софокла, ни Аристофана, ни Демосфена, ни Платона и

[1]) В тексте — отличав.

Аристотеля; не создал ряда великих граждан, которыми была так богата Греция? Отчего же все это создали первые греки? Уж, разумеется, не «обстоятельства» были [1]) тому причиной, потому что и у китайцев и у египтян была тоже своя цивилизация, были свои искусства, были свои великие люди, были свои государственные деятели. Но не те стремления не те конечные цели были у всех этих великих деятелей, какие создавали великих людей Греции. Греки признавали великим и благотворным только то, что служило к возвышению всей нации в материальном и нравственном отношении. Великие люди Греции творили все для Греции, все для народа, в целой его совокупности. И других великих людей и не могла создавать Греция. Что такое великие люди? Великие люди — такие люди, которые более выпукло, в более усиленном виде и энергичнее выражали своей деятельностью известные стороны народного духа. Народный дух греков проявлялся в стремлениях к высокому, прекрасному в деле мыслей и чувства; к сильному и цветущему — в гражданской и политической жизни; во всем *этом равноправность была главным и непременным условием успеха.* Разумеется, народ с подобными стремлениями и создавал великих людей с подобными же стремлениями, и великий гражданин Греции, уж разумеется, не мог проповедывать такого учения или поступать таким образом, что только ему одному или нескольким близким к нему людям, или одному сословию страны, могло бы быть хорошо на счет остальных. Сама нация по основным своим нравственным элементам не могла создавать подобных людей, пока в ней были еще свежие чувства и сохранилась первобытная здоровая сила. Но Египет, Китай, Индия имели население, отличавшееся другим характером и другим стремлением. Очень может быть, что и там в доисторическую эпоху были действительно великие деятели, но только следов их не сохранилось ни в чем. В исторические же времена страны эти хоть и создавали великих людей, то-есть людей исключительно сильных и могучих, только сила таких людей шла не на добро человечеству. Это были великие люди, создаваемые бессильным и развращенным народом на пагубу и угнетение самому себе и других деятелей, и не могли создавать эти страны, потому что в самом народе не было нравственной силы и чистоты для создания другого рода деятелей. Великие люди — это плоды, создаваемые народом. Бессильный народ не создает ничего, кроме пустоцветов; безнравственный и развращенный не создает тоже истинно великого. Касту жрецов нельзя хвалить, но зачем же ее создали и терпели египтяне? И учение Конфуция не свет, а тьма — и китайцы все-таки этого не видят. Что же это — народная сила? Или порядок уж так организовался прочно, что нет сил изменить его? А зачем же он организовался в таком, а не в другом, лучшем, виде? Ведь греки устроили же у себя другой порядок. Но их положение было совсем другое, уверяют многие историки. Люди жили под ясным, приветливым небом, занимали

[1]) В тексте — была.

самые богатые и прекрасные местности умеренного пояса, не знали недостатка и бедности, по крайней мере могли удобно избегать ее переселением и образованием колоний. Все это справедливо, но только не исключительно внешние причины создавали Эсхилов и Софоклов, не исключительно внешние причины учили Геродота понимать значение личности каждого гражданина или Фукидита в изучении исторических фактов видеть средство к изучению внутренней природы человека. Тут весь вопрос именно в этой внутренней природе отдельного человека и целой нации. Если греки, несмотря на страшную раскиданность, сохраняли свою независимость, если они создали науки и искусства, то причины этого нужно искать не в благорастворенном климате или ясном небе Греции, не в географическом ее положении, а в силе национального духа. И пока этот дух был свеж и силен, Греция была великой и сильной нацией: внутренняя связь соединяла в одно плотное государственное тело раскинутые республики Греции, народ был силен и счастлив и производил государственных деятелей, которые не знали других интересов, кроме общенародных; иначе они их и понимать не умели, потому что были сами народ.

Есть еще и третий рассказ. Этот уже не у Шлоссера, а в разных русских книжках и в журнальных статьях.

Русские ученые рассказывают, что на восток Европы, в том месте, где теперь Россия, населилось племя тихое и спокойное, но бесхарактерное и лишенное всякой способности к организации у себя порядка в управлении. Долго ли оно жило, стараясь уладить у себя порядок, — неизвестно. Но, видя, наконец, что своим умом тут сделать ничего нельзя, решились пригласить для устройства порядка людей, на то способных. И пришли такие способные люди. Но, вместо того, чтобы устроить порядок, начали ходить все в Византию и воевать с своими соседями. На шатанье с места на место уходило все время и тратились все силы народа. Потом, когда князей вышло уж много и Русь раздробилась на уделы, вместо прежней моды ходить в Византию начали ходить князья друг на друга. Пошли ссоры, неурядицы, а гражданский порядок все не улаживался — все время уходило на драку. Князей удельных, разумеется, винить в этом нельзя: таким народом они управляли, что любил пошуметь, поссориться и подраться у себя дома, без всякого толка. Князья только делали то, что нравилось людям, которым они служили. И у греков были маленькие государства, далеко меньшие русских уделов: но греки не любили бить друг друга, они не корились без толку между собой, а, живя каждое государство независимо, видели друг в друге одну нацию и имели один общий греческий интерес в тех общечеловеческих целях, к которым стремились. Не то было с Русью. Они жили, как жилось. Особых стремлений в людях не было. Страна, которую заняла Русь, была страна печальная; все леса да болота; нужды было много во всем, жилось бедно; ни героические предания, ни рассказы о подвигах предков не возвышали народного духа; и куда итти, когда нет конца своей стране? Да и зачем?

И сидели люди в своих починках и в лесных поселках и все свои силы тратили только на домашние ссоры, приучались только враждовать между собою и обижать друг друга. Но вот пришли татары. На войны и ссоры между собой сила была, но против татар недостало. Уверяют патриоты-историки, что татары внесли много дурного и безнравственного в русскую жизнь; но так ли это? Уж точно ли татары виноваты настолько? Точно ли нравственное влияние татар было так велико, что и самый характер народа изменился? И пропала энергия, которая прежде была, и те высокие стремления человеческого духа, какими отличались греки, и любовь к свободе и независимости, помогшая грекам составить одно государственное целое из множества демократических республик. Едва ли все это так. Не обнаружили бы татары никакого влияния, если нравственный национальный элемент Руси имел какую-либо энергию, если татарское миросозерцание не пришлось в уровень с русским пониманием жизни и отношений людей между собой. Вся и беда в том, что нашлась в народах общая, одинаковая распущенность, одинаковая неспособность к организации, одна любовь к неурядице и к насилию. Зло от татар было бы действительно, если бы оно убило русскую цивилизацию и взамен ее насадило бы татарскую. Да разве какая-нибудь цивилизация существовала на Руси? Разве стремления народа выяснились? Разве он заявил направление, которым хотел итти? Ничего этого не было. Разумеется, восточный элемент не внес блага в русскую жизнь, — да, право, он ее и не испортил особенно: и после татар продолжались те же порядки, какие существовали до их прихода: все те же домашние ссоры, неурядицы, бессудие и домашний грабеж: всякий сильный кормился попрежнему на счет слабого, и понятия о гражданской чести не существовало никакого. Лет четыреста тянулись такие порядки, и, наконец, пришли времена совсем плохие — поиграли Русью самозванцы, поиграли поляки, и Русь готова была совсем расстроиться, да и расстроилась бы, если бы в врагах ее в самих-то была какая-нибудь сила. Дело кончилось тем, что в 1613 г. выбрали, всем миром, царя, и «возрадовались всяких чинов люди Московского государства» [1]), что они сделали такое дело. Очевидно, что после этого должен был явиться порядок, по крайней мере, все так думали. Но не так вышло; в общей народной неурядице царь, какой бы он ни был, сделать один ничего не мог: пришлось возрадовавшимся людям обнаружить вскоре «скорбь конечную» [2]). Оказалось, что в стране попрежнему нет никакого толку. До царя дошли слухи об общем народном недовольстве, о том, что судьбами божьими и за грех всего православного крестьянства Московское государство разорилось и запустело, что народ страдает *от податей, от несправедливостей и прижимок писцов и дозорщиков, от злоупотреблений чиновников*

[1]) «Земство и раскол» — А. П. Щапова, т. I. Соч. А. П. Щапова, СПБ. 1906 г. стр. 451.

[2]) Там же.

и насилия бояр. Кажется, ясно, в чем была причина зла, — так нет,—все объяснили наказанием за грехи. Какое тут наказание! Весь грех-то и заключался в том, что в людях самих не было толку, не было способности сделать что-нибудь порядочное. Но как же сказать о себе так грубо — неделикатно; а сослаться на грех и на наказание за него все-таки не так обидно; и, введя такой обычай объяснять свои ошибки и свое неуменье, русский человек и до сих пор сохранил привычку всякую свою неудачу, происходящую по его собственной воле, называть грехом или наказанием за грехи. Все легче по крайней мере знать, что виноват не сам, а грех. А грех, известно, не от человека.

Зная, как русский человек действовал при устройстве своего гражданского быта, как-то неловко читать такого рода отзывы и молодых и старых ученых: «мощь, энергия юной, кипучей, свободной жизни народа не терпела насилия, произвола и сдержки» [1]). Как же сказать «не терпела», когда из всех исторических фактов только и видно одно, что терпела! Как же говорить о какой-то мощи и энергии, когда их ни в чем не видно! Как же уверять в какой-то любви к свободе, когда этой любви не видно ни в чем! Все это подогретая любовь к народу, истинного чувства в ней нет, потому что нет правды; а где нет правды, а только идеализация, там нет истинной силы и даже веры в свои собственные слова. Ведь потому-то только люди и идеализируют, что боятся сказать голую истину, истину некрасивую, служащую доказательством совсем противного. Что говорят исторические факты того времени? Факты говорят, что неустройство тянулось во весь XVII век, а народ *постоянно слал к царю челобитные и «вопиял»* [2]) *о своих нуждах*. Что же выходило из этого? Очень хорошо и весьма похвально, что народ писал подробно о своих нуждах, что он говорил о них прямо, с откровенностью. Но ведь он т о л ь к о и д е л а л, что жаловался да писал челобитные и старался разжалобить своей беспомощностью и несчастным положением. Только с этой целью и вошло в обычай делать в челобитных приписки, что «земские люди обнищали и оскудели до конца, домы свои бросают и бредут врозь» [3]). Разбирая земские дела до-Петровской Руси, только и слышишь, что люди всего и дела делали, что вопияли, вопияли и вопияли. Вопияли обо всем и против всего: и против взяток царских дьяков и приказных, и против воевод, и против л е ж а ч е й ж и з н и патриархов, архиереев и монахов, и против царских приказчиков, и против привилегированных чинов. Вопль был большой и повсеместный, но никакой «силы, энергии и мощи юной жизни». Все это живет в воображении русских ученых XIX века. Кроме пассивности и кое-когда порывов отчаяния, факты исторические не представляют ничего другого. Правда, не нравилось народу многое, да и не могло нравиться, как и всякое притеснение; не нравилось и

[1]) Там же, стр. 452.
[2]) Там же, стр. 454.
[3]) Там же, стр. 452.

экономическое неравенство, не нравилось, что одни люди несут все тягости, а льготные классы избавлены от тягла, хотелось, чтобы в тягле и в льготах всем было «вместе равно», чтобы во всем народе «розни» не было, и вопияли об этом на земском соборе 1648 года; но дело кончилось все-таки одними воплями, и земское устроение, обещанное Михаилом Феодоровичем еще в 1619 году, никак не улаживалось в пользу народа, в духе земства. А отчего не ладилось? Земству не нравились порядки, земству хотелось другого; ему была *нужна и правда в суде и равенство в податях;* ему нужно было, чтобы царские чиновники не обижали народ — ну и сделай, чтобы этого не было. Нельзя же только вопиять — и больше ничего. Если же не делалось, значит и не могло делаться, нехватало для того ни сил, ни способностей. Энергии было довольно только для пассивного, для стонов и жалоб, а настоящей силы и умения взяться за дело не показали ни в чем.

Возились они, бедные, с своим земским устроением, возились, возились и вспомнили, наконец, что без добрых законов никакие порядки невозможны. И составили при Алексее Михайловиче Уложение. Но какое? Какие вопросы были поставлены и разрешены верно? Для всей страны писался закон или только в пользу некоторых сословий — боярства, черного духовенства и царских чиновников... Нет, не для всего земства писалось Уложение, оттого и вышел новый вопль. Но кто же вопиял? Кто знал, что закон вышел неудачен? Народ не знал и не понимал ничего, а вопиявшие 160 человек были сосланы в Соловецкий монастырь. Так ли поступают способные и энергические народы? Для него пишут закон, а он ничего не знает; есть от него уполномоченные, да и те ничего не понимают. Кто же понимает? И как после этого обвинять еще Алексея Михайловича? Правда, он поступил не особенно уважительно с земскими выборными; он не позволил им даже рассуждать об Уложении, и выборные только выслушали и подписали его. Пожалуй, это и нехорошо, а пожалуй, и хорошо, т.-е. что Алексея Михайловича обвинять не в чем. Мог бы он, разумеется, собрать выборных от земства и держать им речь о их гражданских и человеческих правах, об отношении их к власти, о значении и смысле этой власти, о политическом значении и политических правах народа. Будь Алексей Михайлович человек таких воззрений на вещи, как Геродот или Эсхил, или даже хоть, как Ксенофонт, а выборные от земства будь древние греки, тогда бы и Уложение вышло другого рода. Но такое требование уж очень теоретично. Не мог, в самом деле, Алексей Михайлович быть Геродотом, когда он не был им. Алексей Михайлович был царь земли русской и поступал он так, как мог и должен был поступать русский царь. Не греки же, в самом деле, окружали его, а окружали бояре, и дьяки, и архиереи, и митрополиты, — все народ русский, люди своей страны, люди тех убеждений и нравов, среди которых они выросли. Зачем же народ русский сложил такие нравы и убеждения? А и сложил он их потому, что не мог сложить других.

И какая несправедливость обвинять Алексея Михайловича в том, в чем он виноват менее всего! Говорят, он сделал нехорошо, поступив несколько грубо с выборными. А выборные что же думали? Ведь их было 315 человек. Кто же тут больше виноват: один или 315 человек, позволявшие поступать с собой таким образом? Разумеется, если бы Алексей Михайлович видел в них людей, с которыми нельзя поступать так, он бы и поступил иначе. А то пришли какие-то чудаки от народа, все кланяются, а дела не говорят никакого: что же с ними оставалось делать? Велели им подписать Уложение — и только. Те и подписали. В чем же тут вина Алексея Михайловича? — А еще ученые требуют, чтобы все шло органическим путем. Если держаться такого требования, то нельзя обвинять Алексея Михайловича, он поступал самым органическим образом. Не он же, в самом деле, писал Уложение, а дьяки, которым это было поручено. Откуда же взялись дьяки? Из народа; — это был цвет его мыслей и способностей; люди, которые не могли быть ни ямщиками, ни дровосеками, ни купцами, а были способны сделаться только дьяками, оттого-то они ими и сделались. Очевидно, что закон, составленный такими людьми, людьми из народа, должен быть рассматриваем, как закон органический, должен был прийтись по народу. А все-таки не пришелся. И составители Уложения, и 315 выборных от земли русской, и 160 недовольных, сосланных в Соловки, могли весьма справедливо объяснить неудачу тем, что уж такой грех случился, что плохое Уложение вышло в наказание православному крестьянству за его грехи. Кого же винить во всем этом, как не само православное крестьянство? Алексей Михайлович, уж разумеется, поступал лучше и умнее всех остальных русских, и всякий русский того времени поступал бы на его месте, уж разумеется, точно так же, а не иначе, потому что иначе и поступать было невозможно.

Написав Уложение, русские принялись снова вопиять на земское неустройство, пошли новые жалобы да челобитные, вопияли, вопияли, но никто не слушал жалоб, ответа никакого не давали; — и вот пошло недовольство более энергическое, явилось раздражение, там пошли и дальше. И все-таки ушли недалеко. Сначала поднялась Москва, кое-кого убили, разметали и разграбили несколько домов и испугали даже царицу, царевичей и царевну. Потом был бунт в Новгородской земле, в Устюге, в Сольвычегодске, а наконец, поднялся и Стенька Разин. В то же время пошел и раскол. Ничего бы этого, разумеется, и не было, если бы не было причин, вызвавших подобные протесты. Народу было, точно, нехорошо; понятно, почему он стал, наконец, раздражаться. Но какой же толк вышел из этих раздражений и восстаний? Свои же и придавили, и пошло еще хуже. А сколько силы потратилось без всякого толку! Правда, сила была только физическая; участие нравственного элемента было не особенно велико; люди с отчаяния только рубили, вешали людей, да жгли дома и села. К чему же все это привело? Порыв прошел, рука уходилась и, когда простыла вспышка, люди сделались еще нрав-

ственно бессильнее. И у льва много силы, и когти и зубы страшны, и сильно рвет он тенета, в которые он попался; но и тенета крепки, и уходится и обессилеет лев, видя, что не может перервать тенет, и лежит потом измученный, повесив голову, и позволяет издеваться над собой малым ребятишкам; а лисица прогрызет себе маленькую дырку, да и пролезет. Не физическая сила играет роль в таких делах, а силы нравственные. Вот почему ни убийства Траханиотова, ни Плещеева, ни Чистого не могло привести ни к чему. Народ побушевал, побил и поломал, и, когда потешился вволю, когда первый порыв неудовольствия прошел, убийства и личная месть надоели и сердце остыло, народ даже и не заметил, и не понял, что все это была пустая сумятица, дело ни к чему, что все идет попрежнему и земские дела не стали лучше оттого, что исчез Траханиотов. *Так действует только бестолковая сила, не знающая, как приняться за дело, и вот почему после таких дел* выходит не лучше, а хуже... Тут не сила, а бессилие; бессилие такое же, какое показала Русь в своих расколах. Пожалуй, и в них можно видеть все, что угодно; на то и существуют ученые, чтобы находить то, чего не было. Но для чего такая ложь? Что за подогревание патриотизма? К чему простую темь и муть в голове называть какими-то демократическими тенденциями исключительно политического характера? Ничего этого не было; сознательности не было никакой, и напрасно производить в герои тех, кто обнаруживал только силу в трусости да в пассивности. О греках древнего мира сказать этого нельзя: сила—так сила и есть. Не о тенденциях политического характера приходится говорить, когда рассуждают о греках, а о том, что они действительно сделали вследствие таких тенденций. Народ с свежей мыслью, с ясным пониманием вещей и своего положения, греки в дурные и в хорошие времена разрешали вопросы жизни: не в леса убегали люди, не скиты строили, не сжигались целыми деревнями, а создавали новые философские системы, творили новое миросозерцание, придумывали новую форму правления и гражданского порядка. *Только так и может поступать действительная нравственная сила.* По нашей же силе бывало иначе: придется человеку тошно жить, он или повесится, или утопится, или убежит в лес и поселится одиночкой, или же построят люди скит и живут дикарями среди непроходимых болот и лесов. Чем такая система действий лучше японского шири-кери, по которому если японец оскорбил японца, то оскорбленный распарывает себе саблей живот и, умирая, кидает презрительный взгляд на обидчика. Положим, и на это нужна сила, но сила-то это детская, она смешна, как черемисская месть: Петр обидел Ивана, и Иван, задумав отомстить, повесился на дворе у Петра. Просто чудаки! А между тем многие ученые сумеют найти и в этом высокие порывы свежей мощи, тогда как тут или нравственное бессилие, или чисто патологическое душевное состояние. Чем же раскольники поступали лучше японцев или черемисов? Разве можно было высказать еще

большую пассивность? Положим, дурно жить на свете, человек не выносит; что же он делает? — бежит в лес, а за ним бегут целые селения. Нехорош должен быть внутренний порядок страны, в которой вызываются подобные явления, да и в бунтах-то силы немного. Лучше бы им сидеть дома, да подумать хорошенько о своих делах и выдумать что-нибудь другое, а не заниматься пустой беготней.

Но и много трогательного, действительно трагического есть в нашей судьбе: «сначала лишились мы самородных принципов, зачатков особо-областной свободы и федеративного устройства, мирского и вечевого самоуправления и саморазвития, после векового богатырского труда колонизационного самоустройства среди чуди, лопи дикой, среди черных, диких лесов. Потом лишились зачатков свободного, соединенного, областного, *федеративного саморазвития и самоуправления в любви и в совете*, лишились *свободных мирских сходов* по селам и волостям, *свободных людских собраний или сходов на думы по городам*, свободных *сходов городских и волостных людей вместе, или областных земских советов и земских соборов*. Наконец, лишился народ ни за что многих талантливых, удалых и добрых молодцов, сложивших головы за народное земское дело... И вот познал он в XVII веке горе-злосчастье и пошел с голытьбою со кабацкою за Стенькой Разиным, а со стариной народной — в раскол...» [1]). Да, нельзя не питать сочувствия к этому народу, нельзя не скорбеть о его беспомощности, о длинном ряде потерь гражданских прав; все это, действительно, возбуждает участие к стране, в которой гражданские права как-то не пускают корней в учреждениях. Но к чему же ведет это участие, сочувствие и соболезнование? Неужели люди не понимают, что подобной чувствительностью, подобным сожалением они только обижают самих себя, что это недостаток чувства собственного достоинства; что это значит петь Лазаря, возбуждать сочувствие, вызывать сострадание своей приниженностью, своим слабосилием. Этим-то недостатком, то-есть отсутствием чувства собственного достоинства, и страдала искони Русь; оттого только она и лила слезы, и вопияла, и жаловалась, и била челом, или, наконец, убегала в леса и на болота, что не чувствовала в себе силы организовать другой порядок и создавать других людей для управления страной. А людей, действительно, удивительных создавала страна. Какой-нибудь Петр или Иван, пока он на миру, пока он в народе — совсем хороший человек, и исправляет все мирские дела, и все им довольны. Но попал Иван или Петр в земские, в переписчики, в дозорщики, в целовальники, или ушел в приказные, или в дьяки, или, наконец, в воеводы — и уж забыл мир, из которого вышел, и тошно стало от него миру, — совсем вышел другой человек, точно враг всех своих. А попал Иван или Петр из воевод в крестьянство и вдруг притих,

[1]) «Земство и раскол», стр. 471—472.

и снова вышел хороший человек. Чуть снова поднялся — опять душит своих. И кого ни выбирай в старшие, все выходит одно и то же. Что за причина такого странного и быстрого превращения людей? Причина все одна — личный интерес: тому и служит и тянет, что считает своим. Не служить же, в самом деле, каким-то отвлеченным идеям, какой-то общественной пользе, или подчиняться гражданскому долгу, когда ничего это[го] не понимаешь. У греков это еще могло быть: ну а где же Руси было выработать такие понятия? Вот и разделилась Русь на две части: в одной все земские, да дьяки, да тиуны, да воеводы, вся нравственная и умственная сила страны, вся ее активность; а в другой вся плачущая, беспомощная, обиженная Русь, убегающая в леса и скиты — Русь вопиющая да бьющая челом на приказных и воевод.

Так тянулось слишком 800 лет, и уж пришло Руси слишком трудно от земского неустройства, чувствовала она, что хоть совсем погибать ей от всяких грабежей и неправд, и придумала, наконец, создать человека, который должен был обновить и спасти ее: явился Петр Великий. Петр был совсем русский гений, произведение народных сил; оттого он и пошел рубить направо и налево. Худо или хорошо это, понимайте, как хотите. Но человек был русский, и действовал он совсем в обычаях страны и в характере народа. Тут действовал не Петр, а дух народа. Будь Иван, Семен, Алексей, вышло бы все то же. Всякий гений-избавитель пошел бы тем же путем. Народная сила не создавала ничего, кроме неурядицы, в ней не было ни энергии, ни способности разорвать путы, ни творчества, чтобы заменить дурное, старое хорошим, новым. И пришлось за умом-разумом ехать к немцам и голландцам и переводить их книжки, потому что своих не сочинили, пришлось брать немецкое слово, потому что русского слова народ русский еще не сказал.

И что же вышло изо всего этого? Изменился характер народа и его деятельности? Стала страна производить других людей, деятелей другого порядка? Или явилась энергия, мощь, нравственная сила? Неудобно отвечать на все эти вопросы, — ответы могут слишком усложниться, и статья выйдет слишком большая. Посмотрим лучше на наших так называемых передовых людей, на наших ученых, литераторов, литературу. Люди эти зовут себя людьми мысли: литература воображает, что она ведет вперед. Чем же она ведет, что она делает? Да вопиет себе в прозе и в стихах только. Точь-в-точь, как до-Петровская Русь. И тогда писались очень жалобные песни, и теперь тоже, и все тянется одна песня, и мотив все тот же, и так же жалобно поется она теперь, как пелась при Михаиле Феодоровиче и при Алексее Михайловиче. Только одна разница и явилась — русский Лазарь был тогда скромнее. А когда Петр Великий привез из-за границы немецкое слово, задел он этим наше патриотическое чувство, и рассердились мы на немцев и на их слово, и захотели мы сказать свое — русское. И хлопочем мы ужасно с тех пор, чтобы сказать русское слово. Но где же искать его?

Ни в французских, ни в немецких книжках его не найдем, а своих русских книжек страна еще не написала; вот мы и пошли за словом в народ, стали изучать его, как какое-нибудь заморское насекомое, и ищем мы в народе чего-то, чего — и сами не знаем, — все какое-то русское слово; и никто не знает, как звучит оно, потому что никто никогда и нигде его не слышал и не знает, как отличить его от слова немецкого или французского. Чего же мы ищем? Точно и в самом деле потеряли что-нибудь. Ничего мы не теряли, потому что никогда ничего и не имели. Или, может быть, мы видим в себе ту силу юной нации, то непосредственное вдохновение и творчество, каким ознаменовала себя Греция в первые времена своего политического существования? Самообольщение — и больше ничего. Ушла невозвратно наша свежесть, и напрасно тратим мы свое время, роясь в старине; ничего мы не найдем там, только слезы, да стоны, да плач, да целый ряд неудач и целый ряд фактов, убеждающих в том, что можно строиться тысячу лет и все-таки не выстроиться. Это ли русское слово? Его ли нам нужно? Нет. Чего же мы ищем? Какой вдохновительной силы? Что хотим создать на основании такого изучения? Нашли мы в нашей прошлой жизни какие-то земские соборы и ужасно обрадовались своей находке, и возимся мы с этими соборами, и тычем ими всем в глаза, и думаем, что тут-то именно и нужно искать русское слово. Слово, точно, есть и тут, да слово очень небольшое. И неужели мы и без этого не знаем, что нам нужно? Знаем очень хорошо, — нам нужно материальное довольство, образование, нравственность, гражданский порядок и гражданские добродетели. Что же нам поможет во всем этом русская старина с ее неудавшимися земскими соборами? Что мы сдуваем с прошлого пыль веков, для чего делаем мы это? Неужели только для того, чтобы выставить во всей красе несчастного плачущего русского Лазаря? Кого же думаем мы разжалобить этим скорбным видом беспомощности и нравственного бессилия? Бедна та жизнь, которая не может сказать другого слова, у которой на все один ответ: вопли да слезы, да беготня в леса. Нет в этом никакой силы, и не такие уроки нам нужно искать в истории. Да и для чего искать примеры непременно из своего прошедшего? Или уж сила и ширь в нас такая, что все остальное нам не по плечу, везде все пигмеи? Ну, едва ли. Ведь брали же мы до сих пор все от других: взяли и науку, и цивилизацию, и учреждения, и даже великих людей творили по иностранным образцам; и почему же теперь вдруг так возгордились? Или уже утвердились в гражданских добродетелях, выработали себе чувство собственного достоинства, разучились петь Лазаря, пропитались великими историческими примерами старой Греции и примерами западных наших учителей? Ничего этого нет; а все мы ищем какое-то русское слово, совсем исхудали, бедные, в напрасных поисках, — и поем мы все старую песню, только гордости явилось в нас больше. А все русское слово сбило нас с толку; из-за

него-то мы и забыли, что не слово нам нужно, а дело. Если же мы должны сказать слово, — скажется оно и само собой; *но скажет его весь русский народ, вся страна, а не три-четыре ученых*, которые думают найти его в старых бумагах или в архивной пыли. Такие же русские Конфуции выдумали и какое-то сближение с народом. Да кто же вы-то такие? Турки, китайцы или древние египтяне? Что вы — так заехали в Россию, чтобы попутешествовать в ней и написать потом книжку? Нужно думать, что так, потому что, говоря о народе, вы все отделяете себя от него, вы смотрите на него, как смотрят астрономы на отдаленное звездное небо, и ищете на нем новую, неведомую никому звезду — русское слово. Не так поступают люди своей страны; они не говорят о своих, о народе «он», не смотрят на него издали, точно в телескоп, и не унижают народ, стараясь возбудить к нему чувство сожаления, возбудить участие его беспомощностью. Зачем унижать самих себя! Поймите, что мы все дети одной страны; народ для нас не особняк, не отдаленный предмет, не «он», а «мы», — и не будем мы тогда тратить свое время на пустую болтовню о каком-то сближении с народом и отыскивать напрасно какое-то русское слово; — скажется оно и само.

Н. Шелгунов.

Неудавшаяся провокация.

Новое о С. Г. Нечаеве.

Когда в конце января 1869 г., в самый разгар студенческих волнений, охвативших петербургские высшие учебные заведения, С. Г. Нечаев таинственно и неожиданно для его друзей и товарищей скрылся за границу, русское правительство не имело представления о том, каким опасным для него врагом является этот юноша, бывший учитель Сергиевского приходского училища и вольнослушатель Петербургского университета.

В деле III отделения «О преступных действиях скрывшегося за границу учителя Сергея Нечаева и прикосновенных к оному жены отставного полковника Томиловой, сына священника Владимира Орлова и других лиц» (д. 3 эксп., 1869 г., № 112) имеется следующая, датированная 12 февраля 1869 г., справка:

«Нечаева до сих пор не могут отыскать; между тем частным образом сообщают, что он за несколько времени до сходки [1]) продал свою мебель и будто бы в кругу некоторых знакомых рассказывал, что он намерен отправиться за границу, чтобы заняться в Англии изучением какого-то искусства.

«Таким образом после того, что Нечаев скрылся, прошло уже довольно много времени, и о нем до сих пор нет никаких сведений, то начинает являться предположение, что не привел ли в исполнение своего намерения».

«В этом предположении, казалось, было бы небесполезно поручить нашим заграничным агентам проследить, не появится ли там Нечаев».

На этой справке имеется резолюция, свидетельствующая о том, как далеко в то время были руководители III отделения от правильной оценки личности Нечаева. Она гласит: «Личность его едва ли заслуживает внимания» [2]).

Однако прошло немного времени, и отношение III отделения к Нечаеву коренным образом изменилось: личность его стала привлекать усиленное внимание заправил русского политического сыска. Дело в том, что с конца марта в разных местах России на почте стали задерживаться приходившие из-за границы пакеты, при вскрытии которых обнаруживались различные «преступные воззвания» за подписью Нечаева и Бакунина. Насколько велик был поток этих заграничных прокламаций, можно судить по тому, что с конца марта до 9 августа 1869 г. на одном петербургском почтамте было задержано

---

[1]) Имеется в виду сходка, устроенная 28 января на квартире студента Медико-Хирургической академии Федора Любимова, на которой присутствовало около 60 студентов различных высших учебных заведений Петербурга и на которой выступал Нечаев.

[2]) Назв. дело, лист 6

560 пакетов, посланных 387 лицам [1]). Рассылка воззваний носила случайный характер; пакеты направлялись на имена разных лиц, адреса которых становились по той или иной причине известными Нечаеву. В частности, он припомнил всех своих знакомых по России и использовал их адреса. В числе таких знакомых был и старый товарищ Нечаева иваново-вознесенский учитель Алексей Осипович Капацинский, о печальной судьбе которого мы и хотим рассказать.

2 мая 1869 г. III отделением была получена от почт-директора копия перлюстрированного им письма Нечаева на имя Капацинского. «Что, приятель, — писал Нечаев, — не пишешь? Получено ли посланное? Как дела? Пришли адресов, а если есть, то и денег лишних. Поскорей пиши. Адрес мой держи в секрете от должников» [2]).

9 мая на почте был задержан пакет на имя Капацинского, в котором оказалась прокламация с надписью: «Братья, незнакомые, но дорогие! Прочтите это: это наружная оболочка для более интимного, горячего, интернационального дела, — далее объяснять нечего, — вы привыкли читать между строками. Если вам дело полюбится, то дайте знать чрез кого следует. Михаил Бакунин».

Вслед за этим было задержано еще 2 письма Нечаева к Капацинскому. Одно из них, от 12 мая, без подписи, но по почерку исходившее от Нечаева, гласило: [3])

«Получил ли ты хотя одно из моих посланных тебе писем? Если получил, то что мешает тебе ответить: подлость или трусость? — Ни того, ни другого пока не предполагаю. Но это молчание также необъяснимо. Во всяком случае отвечай на вопросы, поставленные категорически.

«Переделался ли ты в буржуа, или еще в тебе уцелели свежие силы, годные для настоящего, бесфразного дела? Если есть еще эти силы, если русская жизнь душит тебя, как и всех нас, если ты еще не вошел в сок и смак дурацкой богомоловщины [4]) и бесхарактерного скептицизма на сытое брюхо, если, одним словом, ты еще можешь отозваться на дело, не начиная его сам, то отзовись, — пора! Время фразы кончилось, — наступает время дела; нечего ждать почина авторитетных умников; на них надежда плоха. Надо, брат, полагаться на свои силы, на силы бесприютного, голодающего люда. Скоро — кризис в России гораздо сильнее того, что был при объявлении воли обманутому царем народу; или опять наши умники, красноречиво глаголющие и пишущие, остановятся на словах и не бросятся восставить [5]) народные толпы; или опять мужицкая кровь подьется даром и безобразные, неорганизованные, многочисленные массы будут усмирены картечью? Срам!.. Народ встает и борется, а цивилизованная сволочь, изучающая

[1]) Всеподданнейшая докладная записка III отдел. от 9 августа 1869 г. Дело III отд. 3 экспед., № 110, ч. I «О воззваниях, получаемых из-за границы на имена различных лиц, и о собрании по оным сведений», л. л. 262—266.

[2]) Дело, № 112, ч. II, л. 34.

[3]) Приводим это письмо по копии, имеющейся в деле № 110, ч. 1, л. 142.

[4]) Нечаев имеет в виду общего их с Капацинским знакомого по Иваново-Вознесенску местного педагога и сотрудника различных либеральных газет Николая Михайловича Богомолова. Жандармский капитан Тимофеев, находившийся в Шуйском уезде, в рапорте своем III отделению от 23 июля 1869 г. за № 233, характеризует его следующим образом: «молодой человек, около 30 лет, весьма порядочно образованный, занимался преподаванием в здешних школах, ныне же дает уроки в частных домах, и хотя отзывы о нем весьма одобрительные, но по либеральному образу мыслей едва ли благонадежен в политическом отношении». Дело III отд. 3 эксп., 1869 г. № 110, ч. II, л. л. 119—123.

[5]) Так в копии; очевидно, надо читать: «возглавить».

права человека, остается безгласной и безучастной к делу мужика. Она только, как Богом [олов] или Ошанины [1]) пьет, жрет, да е.... на его счет. Пора, брат, за дело, за настоящее практическое дело. Вспомни бурсу, ведь не даром же пороли тебя, не даром тратили время на развитие ненависти!.. Бросай же переливание из пустого в порожнее, которым ты, вероятно, теперь занят, сбирайся ко мне, не теряя времени. Кстати, забери поручения от моих близких из Москвы и Питера. Здесь обо всем переговорим; посмотришь, увидишь и вернешься для истинной работы.

«Отыскать меня так: по приезде в Женеву, сходи к Огареву, который живет по следующему адресу: Petites Philosophes, maison Fruchet; у него спроси обо мне; но смотри аккуратней, фамилию скажи тихонько, в особенности, если увидишь у него русских.

«Меня здесь знают под настоящим именем немногие [2]).

«Тотчас по получении отправь письмо ко мне, адрес так: Швейцария, Suisse, Genève, Café «Suisse», Rue Mont-Blanc, Monsieur A. Lubert, pour remettre à Jean Boourballier.

«Если сумеешь, то собери деньжонок, сколько можно, здесь они нужны.

«В России еще не перевелся класс благодушно-либеральных личностей, которые для известного дела, если пожалеют шкуры, то не пожалеют кошелька. Словом, собери сколько возможно. Паспорт достанешь у владимирского губернатора.

«Перетолкуй обо всем с Влад. Федоровичем [3]), если он в вашей местности, и, главное, привези сведения от него. До свидания».

Еще до получения этого письма в Вознесенском посаде у Капацинского по распоряжению III отделения был произведен обыск, при чем найдено: 1) портрет Нечаева, представлявший для III отделения тем большую ценность, что это был первый портрет Нечаева, попавший в руки жандармов, и 2) два письма студента Аметистова [4]), в одном из которых была следующая привлекшая внимание жандармских властей фраза:

«Близок я к Ср. Ген.[5]) и в настоящую минуту изображаю из себя ejus secundum ego, понеже писать он должен был бы сам, но занят делом. Для вящшего уяснения не мешает вам наведаться к Вл. Ф-чу Ор-ву [6]) и прочитать посланную ему мною аллегорию. Затем еще в непременную обязанность вам всем ставлю взять евангелие и прочесть от Луки, 3-й главы, ст. 9-й и 17-й [7]). Скажите это и Вл. Ф-чу, и скорее, скорее [8])».

---

[1]) Ошанин — общий знакомый Нечаева и Капацинского по Иваново-Вознесенску. В цитированном выше рапорте кап. Тимофеева мы находим следующие сведения о нем: «Николай Дмитриевич Ошанин, гувернер детей фабриканта Якова Петровича Гарелина, проживает у него около 4 лет и приобрел весьма хорошее о себе мнение, а по отзыву Гарелина — Ошанин лучших нравственных правил, весьма далек от политических увлечений и что он не желает лучшего наставника своему 13-летнему сыну».

[2]) Подчеркнуто в подлиннике.

[3]) Орлов.

[4]) Студент Медико-Хирургической академии Евлампий Аметистов—близкий друг Нечаева, участник студенческого движения 1869 г.

[5]) Сергей Геннадиевич Нечаев.

[6]) Владимир Федорович Орлов.

[7]) Ст. 9-й: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Ст. 17-й: «Ломаша его в руке его, и он очистит гумно свое и соберет пшеницу в житницу свою, а солому сожжет огнем неугасимым».

[8]) Дело № 112, ч. II, л. 34.

Капацинский после обыска был арестован и доставлен в Петербург в распоряжение III отделения. 29 мая он дал свои первые показания. Приведем их целиком, ибо они содержат в себе ряд ценных данных для биографии С. Г. Нечаева [1]).

«В 1864 г. я жил в с. Иванове, занимаясь частными уроками и в то же время приготовляясь к поступлению в университет. Знакомые, с которыми я успел сойтись, посоветовали мне познакомиться с Сергеем Нечаевым, который, как говорили, также готовится итти в университет. На первых порах нашего знакомства все шло хорошо: занимался он усердно, был всегда точен, что заставляло и меня внимательнее относиться к своему делу; знал он немного, больше молчал в общих разговорах, как будто наблюдая спорящие стороны, а в самом-то деле (как оказалось из последних наблюдений) боясь проговориться. В это время я составил о нем такое понятие: этот мальчик (ему еще не исполнилось 17 лет) даровит, серьезно относится к своему делу, обладает очень сильною настойчивою волею (он работал около 12 часов каждые сутки). В это время я не предполагал, что он скрывает от меня что-либо, и что если видит что-нибудь худое во мне или в других, то прямо высказывает это мне, — как это обыкновенно бывает между близкими товарищами. Осень 1864 г. и зиму 65-го я прохворал и не мог за ним угнаться, особенно в языках и в математике. Поэтому летом 1865 г. (в августе) он мог отправиться в Москву, а я считал себя еще неготовым, да и денег у меня не было. В Москве поступил он к М. П. Погодину (по знакомству с его письмоводителем) для подготовки к сдаче экзамена на звание уездного учителя. У Погодина он кое-что переписывал и проживал за это бесплатно [2]). Экзамен длился очень долго (от февраля, как он писал, и до апреля) и вышел неудовлетворительным. Поэтому Нечаев переехал в Петербург в конце апреля 1866 г. Из Петербурга писал мне, что в Москве тянут экзамены ужасно долго и что поэтому он переехал в Петербург, что в Петербурге он удачно и скоро сдал экзамен и что теперь остается ему получить место. По приезде в это лето в Иваново на вакации он говорил мне то же. Осенью получил он место в Андреевском училище и в письмах советовал мне поскорее сдать экзамен, а не то, говорит, ты прокиснешь; я указывал ему на необходимость иметь в Петербурге какую-нибудь работу и просил его поискать чего-нибудь подходящего, на что он отвечал в общих выражениях: «посмотрим», да «как же найти работы — это возможно». Наконец, перед масленицей он пишет «приезжай». Полагая, что он отыскал мне работу, я отправляюсь и нахожу его очень изменившимся: в нем явилась какая-то формальность, начались отношения, какие бывают между людьми, знакомыми шапочным образом. Я приписывал это продолжительной разлуке и старался разгадать, что за перемена произошла в нем. Но он заключился в себе, занимался отдельно в кабинете, который на время отлучек запирал, ни слова не говорил, куда уходит, — да и мне-то, признаться, оставалось свободного времени очень мало (я готовился к экзамену), и поэтому я ничего не узнал и не разгадал. Время тянулось, отношения наши были все еще натянуты и даже ухудшались; нередко я заговаривал насчет работы, а он отговаривался такими фразами: посмотрим, да погодим. Наконец, я сдал экзамен в июне, а он ни слова; наконец, однажды сообщает, что есть место уездного учителя в Петергофе, но что нужно сдать экзамен на это зва-

[1]) Там же, л. л. 36—37.

[2]) По словам допрошенного в III отделении студента П. И. Махина, знавшего Нечаева во время пребывания его в Москве, Нечаев в течение месяца жил у Погодина в качестве его секретаря. Познакомил его с Погодиным бывший секретарь последнего, учитель Нечаева по Иваново-Вознесенску, В. А. Дементьев. Дело № 110, ч. I, л. 218.

ние. Я опять начал готовиться, он, видимо, тяготился мной; это меня очень бесило, но нечего было делать. Наконец, Нечаева перевели в Сергиевское училище, и экономические дела оказались в самом плачевном состоянии, так что я принужден был заложить свое пальто для избавления от голода или стыда быть попрошайкой. В это время Нечаев начал меня допрашивать, что я за человек, что я думаю делать с собой, для чего я приехал в Петербург, на что я сказал ему, что все это, вероятно, известно ему и что подобные вопросы оскорбительны для меня; я предложил ему разойтись и назначить сумму за прожитое время. Нечаев начал называть меня дрянью, говорил, что ошибся во мне, — и мы, кажется, в октябре, разошлись: я ушел к учителю Борисову в Андреевское училище, где и был до 13 января 1868 г. Раза два мы встречались после этого, но как совершенно незнакомые. С этого времени никакой переписки между нами не было, я уехал в Лифляндию.

«Первое впечатление, которое производит Нечаев, неприятное, но остро заманчивое; он самолюбив до болезненности, и это чувствуется при первых встречах, хотя Нечаев и старается сдержать себя; он много читал (по отъезде из Иванова), и особенно книги исторического и социологического содержания, и потому знаний у него много, хотя в ссылках на разных авторов он и бывает иногда весьма недобросовестен; в спорах старается какими бы то ни было уловками унизить противника, — диалектикой он обладает богатой, и умеет задевать за самые чувствительные струны молодости: правда, честность, смелость и т. д., не терпит людей равных, а с людьми более сильными сурово молчалив и старается накинуть на этих людей тень подозрения. Он очень стоек в убеждениях, но по самолюбию, которому готов жертвовать всем. Таким образом главная черта его характера — деспотизм и самолюбие. Все речи его пропитаны страстностью, но очень желчной. Он возбуждает интерес к себе, а в людях повпечатлительнее и поглупее просто обожание, существование которого есть необходимое условие для дружбы с ним.

«Он часто заговаривал о социальных вопросах и ставил коммунизм как высшую идею, но вообще понимал этот коммунизм весьма смутно, а на мои возражения об естественном неравенстве сил человеческих говорил, что возможна юридическая система, которая заставила бы людей быть равными».

31 мая Капацинский дополнительно показал [1]):

«На вопрос, какое было политическое направление Нечаева и какие он выражал надежды на изменение существующего государственного и общественного порядка вещей, я не могу ничего сказать положительного, потому что и до-прежде, во время моего пребывания у него на квартире, он относился ко мне недоверчиво. Как мне кажется, его политические убеждения сложились после разрыва нашего, потому что прежде он обращал больше внимания на научные вопросы. Соображаясь, впрочем, с характером Нечаева, я предполагаю, что его политические убеждения клонились более к коммунизму; а какие у него были надежды на исполнение своих планов, этого я решительно не знаю; в это время даже простого знакомства между нами не было.

«На вопрос, почему он обратился ко мне с письмом после нашего разрыва, я могу сказать, что это он сделал, вероятно, из-за денег, потому что в этом письме он просит меня о ссуде деньгами, что он всегда делал весьма неохотно, называя такие испрошения подлостью. Из сочинений, какие имели особенное влияние на образ мыслей Нечаева, мне известны: критич. статьи о Фурье, сочинения Прудона, Кери, несколько сочинений

[1]) Там же, л. 52.

о французской великой революции, сочинения Милля, сочинения новейших американских историков. О том, что он читал впоследствии, мне, конечно, неизвестно».

29 июня Капацинский вновь был подвергнут допросу в III отделении. При этом ему было показано пришедшее из-за границы уже после его ареста адресованное к нему новое письмо Нечаева с вложенным в него другим письмом, которое Нечаев просил Капацинского передать В. Ф. Орлову [1]). В письме к Капацинскому Нечаев вновь просил его о присылке денег и предлагал приехать за границу. Показанное Капацинскому допрашивавшим его и. д. старшего чиновника III отделения Филиппеусом письмо Нечаева произвело на Капацинского страшное впечатление. Сознавая всю тяжесть скопившихся против него улик в преступных сношениях с Нечаевым, он дал Филиппеусу пространное показание, стараясь оправдать себя и доказать, что Нечаев не имел никаких оснований рассчитывать на его сочувствие и помощь. Приводим полностью то новое показание Капацинского, судорожно бившегося в цепких паучьих сетях, расставленных Филиппеусом [2]).

«Присылка Нечаевым писем на мое имя возбуждает сомнение в благонадежности моей и ставит меня в ряды его сообщников. Между тем я объяснял прежде, что с октября 1867 г. всякие сношения между нами прекратились и с тех пор не возобновлялись до присылки Нечаевым письма из-за границы; теперь, очевидно, рождается вопрос: каким же образом Нечаев, зная мое нерасположение к нему, рискует вести со мной переписку о предмете, важном для него, Нечаева, о том предмете, о котором говорят только с весьма близкими.

«При чем последнее письмо может возбуждать сомнения и по своему или, вернее говоря, панибратскому тону. На эти вопросы я могу объяснить следующее: в половине 1868 года Нечаев захотел возобновить дружеские отношения со мной при содействии Евлампия Аметистова, и на эти попытки, которые ограничились двумя известными письмами Аметистова и одним моим в ответ на первое его письмо, начало которого, т.-е. ответа, находится при деле, я не отвечал решительным отказом, так как личность Аметистова возбуждала мое любопытство, да и неудовольствие против Нечаева со временем поулеглось. Потом, проезжая в январе нынешнего года через Петербург (по дороге из Лифляндии в Иваново), я заходил к Нечаеву на квартиру с тем, чтобы посмотреть, что за господин такой Аметистов, и с тем, чтобы повидаться с сестрой Нечаева [3]), с семейством которого я был вообще в дружбе. (Из Ивановских писем я знал, что сестра Нечаева находится в Петербурге.) Во время этого посещения Нечаев, хотя обошелся со мной холодно, однако, я отнесся к нему без неприязни, т.-е. вообще как к человеку постороннему. Отвечая на вопросы сестры, почему мне захотелось опять в Иваново, я выразил, между прочим, что лучше принести хоть мизерную пользу, чем бесполезно коптить небо, что немцы не нуждаются в нас, а русские с благодарностью примут наши посильные труды. Нечаев несколько раз вмешивался в разговор и заметил, что деятельность учителя слишком ничтожна и едва ли еще полезна. Я отвечал, что не чувствую себя способным для решения широких задач и берусь за дело, для меня подходящее, что же касается полезности или бесполезности этой работы, то тут сущность состоит в честном отношении к делу. Эти обстоятельства, т.-е. как переписка с Аметистовым,

[1]) Писем этих в делах III отделения нам найти не удалось.

[2]) Дело № 112, ч. II, л. л. 230—234. О Филиппеусе и его карьере см. Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым, 2-е изд. ГИЗ. Л.—М., 1925 г., стр. 24—29.

[3]) Анна Геннадиевна Нечаева, жившая в то время в Петербурге при брате.

так и мое посещение квартиры Нечаева, дали, кажется, ему повод думать, что чувство неприязни к нему изгладилось во мне, что я стою не против него, а только в стороне от него, что со мною совершился какой-то нравственный перелом, какое-то разочарование в своих силах, что, следовательно, стоит только протянуть мне товарищескую руку, стоит только заговорить со мною по-старому, — и я совершенно передамся ему, Нечаеву, и буду готов служить слепым орудием в его руках (вообще Нечаев имеет весьма невысокое понятие как о моем характере, так и о моей проницательности), но орудием вообще дрянным, которое можно употребить в крайнем случае, за неимением других. Вот почему из Петербурга (когда еще можно было обойтись без меня) он не писал мне ни одного письма, и только за границей, не зная местопребывания своих друзей и не желая навлечь на них подозрений, он вспоминает обо мне и шлет мне дружеские послания. Во-первых, мой адрес не может (думал он) возбудить подозрения в правительстве, так как мое имя не замешано в петербургских делах; следовательно, через меня можно безопасно вести переписку со своими друзьями; чтобы расположить меня в свою пользу, он начинает говорить со мною прежним товарищеским тоном, как будто между нами и не было никакого разрыва, — этим он рассчитывал окончательно пленить меня. Другим главным побуждением к начатию переписки, и именно в дружественном тоне, служит, очевидно, сильная нужда в деньгах. Нечаев знает, что я считал себя его должником (так как я около года жил в Петербурге на его счет и при разрыве предлагал ему назначить сумму за харчи, обещаясь уплатить ее после, отчего Нечаев отказался тогда с негодованием) и что, кроме того, я имею порядочный кредит и всегда могу достать несколько десятков рублей. Действуя таким образом, Нечаев не подвергает ни своих друзей, ни своих намерений никакому риску, зная, что если я и попадусь, то не могу выдать ни тех, ни других, так как не знаю ни тех (кроме Орлова), ни других. Тем обстоятельством, что я безвинно могу дорого поплатиться за его забавы, Нечаев, конечно, никогда не будет стесняться, так как слишком немного дорожит мною и слишком высоко ценит свои дела, и притом возбуждение неудовольствия против правительства входит, кажется, в его планы, каким бы образом ни было возбуждено это неудовольствие. Вот, на каких мотивах основывается и какими мотивами характеризуется заграничная переписка Нечаева со мною. Эти мотивы ясно видны и в последнем письме. Несмотря на то, что я не отвечал ни на одно из его писем (что при обыкновенных условиях после первого письма послужило бы к разрыву), он начинает старым панибратским тоном: «Алексей!» и проч. (очевидно, желая удержать меня, как единственное орудие), он уверен далее в моей преданности и просит отвечать поскорее, и просит таким тоном, который не допускает сомнения в моей готовности отвечать; дальнейшими словами: «а то приезжай сам»... он старается еще более пленить меня, ставя меня в число самых интимных друзей, с которыми что-то о ч е н ь н у ж н о [1]) переговорить, но здесь рождается в нем сомнение, точно ли я передался на его сторону и действительно ли готов слепо служить ему, и это сомнение выражается в словах «если только мы не стали разными людьми». Это сомнение, вырвавшееся невольно, весьма ясно показывает, насколько мы близки друг с другом. Он, Нечаев, полагает, что бывший между нами разрыв произошел по случайным обстоятельствам и что в главном — в принципах — я стою на его стороне, значит, сущность бывшего разрыва еще не выяснена им, и, следовательно, наши отношения после разрыва еще не установились, и Нечаев, отправляя ко мне дружеские посла-

[1]) Подчеркнуто здесь и ниже в подлиннике.

ния, действует на авось. Эти же слова составляют упрек за молчание мое и угрозу будущим разрывом, после которого я уже останусь окончательно беспомощным ничтожеством. Но, впрочем, этот искренний друг, с которым что-то очень нужно переговорить, может и не приезжать, а только прислать свою искреннейшую и всего более нужную дружбу, т.-е., попросту говоря, деньги (в чем и заключается вся сущность дела), вероятно, с тем Николашей, который по распоряжению Орлова поедет за границу, потому что других путешественников в Иванове отыскать нельзя (слова — «привези или пришли с тем, кто поедет за границу»). Очевидно, что рассматриваемое без объяснения этих мотивов письмо Нечаева будет довольно бестолковым: прежде всего, требует настоятельно, чтобы я отвечал: на что отвечать и на какие вопросы — этого совсем не видно ни из которого письма (а иначе, как известно, я ничего не мог узнать о его желаниях и намерениях), притом должен отвечать, и, кроме того, непременно, человек, в убеждениях которого Нечаев еще не уверен, как видно из фразы: если мы только не стали разными людьми. Далее является странным приглашение приехать к нему за границу для очень нужных переговоров, потому что если эти переговоры и, значит, эта поездка очень нужны, то нельзя об ней говорить так стороною («а то соберись сам, да и приезжай»), и, кроме того, дальше эта поездка и личное свидание оказывается не очень нужными, потому что «во всяком случае» нужно только письмо и деньги, а поездка предполагается только возможною, и об ней говорится условно — «если приедешь» и т. д. Достойно внимания и то обстоятельство, что записка к Орлову, приложенная в моем письме, начинает прямо говорить о таинствах, которые от меня, профана, должны быть спрятаны, потому что записка запечатана. Там уже не стороною, а прямо и настоятельно, говорится о необходимости личного свидания с ним, Орловым, или в случае невозможности с каким-то Николашей, который притом должен передать сущность переговоров, имеющих быть при личном свидании только одному ему, Орлову: здесь [не говорится, что вместо Николаши может отправиться одно письмо или деньги (о которых тоже упоминается, что показывает сильную нужду в них); значит, обращенное ко мне приглашение приехать к нему не имеет никакого серьезного значения и брошено в моем письме с постороннею целью.

«Итак, цель писем Нечаева — та, чтобы склонить меня на свою сторону и потом пользоваться мною, как орудием для переписки и переговоров со своим сообщником Орловым, а равно и для получения денег (Нечаев вообще по своему самолюбию будет просить об одолжении только в самом крайнем случае,— такие просьбы он всегда называет подлостью). Основанием для начатия переписки послужило отсутствие во мне ненависти против Нечаева, высказавшееся при личном с ним свидании и в начавшейся было переписке с Аметистовым, что подало Нечаеву надежду забрать меня в свои руки ласковым тоном писем своих и якобы посвящением в свои друзья. Кроме того, как показал пример Аметистова, эти беззастенчивые господа могут начинать переписку без всяких оснований, лишь бы это было сообразно с их целями. (Письма Аметистова ко мне в Лифляндию.) Безопасность моего адреса и то, что Нечаеву известно было, что я живу в Иванове, в котором имел часто свое пребывание и Орлов, — это послужило тоже немалым основанием. Из писем же видно, что мне решительно неизвестна сущность его замыслов, так как, кроме общих фраз, он ничего мне не говорил; эта сущность открыта только Орлову, а от меня скрывается. С другой стороны, считаю нужным заметить, что из многих странностей записки к Орлову видно, что Нечаев подозревает, что письма его могут

попасться правительству и могут быть прочитаны. Поэтому, чтобы не возбудить подозрения, он говорит о своих делах так, как будто о каком-то торговом предприятии; очевидно, что для отклонения подозрений он должен и мне писать, как к короткому приятелю, т.-е. в самом панибратском тоне и притом так, как будто мы знаем, о чем говорим друг с другом и потому ограничиваемся одними намеками.

«Только таким образом я могу объяснить появление писем на мое имя и говорю с чистою совестью, что другого объяснения не знаю. Только то обстоятельство, что когда-то я считал себя приятелем Нечаева, заставляет меня выстрадать много тяжелых часов и дней».

Проницательный и хитрый Филиппеус великолепно учитывал состояние, в котором перепуганный на-смерть Капацинский давал это свое показание. Он видал, какая ненависть против Нечаева вспыхнула в душе несчастного арестованного, и понимал, что он готов на все, дабы только оправдать себя от падающих на него тяжелых подозрений. Филиппеус решил использовать это состояние Капацинского в интересах III отделения. У него зародилась блестящая мысль: при помощи Капацинского завлечь Нечаева обратно в Россию и здесь арестовать его. Вот как излагает свой план Филиппеус в особой записке, представленной им 30 июня шефу жандармов:

«Нечаев зовет Капацинского приехать в Женеву; его приезд Капацинского не удивил бы и не возбудил бы в нем подозрений. Мне кажется, что Капацинский принял бы на себя подобное поручение. В последний раз, когда я его видел и по предъявлении ему письма Нечаева дал прочесть два-три воззвания, а затем объяснил ему, в какой степени несомненная близость его с Нечаевым его компрометирует, он вошел, наконец, в ярость и объявил, что если б Нечаев был здесь, то он бы его собственноручно повесил. Капацинский страшно озлоблен против Нечаева; он хитер, как все семинаристы, ни гроша не имеет за душою, — следовательно, едва ли захочет воспользоваться поручением в Женеве, чтобы там остаться; его личность для дела представляет мало пользы, так что и потеря была бы не велика, если бы он не вернулся, что, впрочем, как сказано, в высшей степени невероятно, так как он только и способен быть учителем в русском приходском училище.

«Не прикажете ли, ваше сиятельство, сделать Капацинскому предложение на счет вышеизложенного предмета».

Из карандашных пометок, имеющихся на полях записки Филиппеуса, видно, что о развитом в ней плане 2 июля было доложено императору Александру II, который дал разрешение на его осуществление [1]).

Получив это разрешение, Филиппеус, не теряя времени, начал действовать. В деле III отделения сохранилась записка Филиппеуса от 6 июля, в которой он подробно излагает свои переговоры с Капацинским [2]). Этот документ, ярко рисующий приемы опытного сыщика, в комментариях не нуждается.

«На основании разрешения, данного мне вашим сиятельством словесно, — пишет Филиппеус, — я в субботу вызвал к себе Капацинского и имел с ним двухчасовой разговор, кончившийся со стороны моего собеседника изъявлением полного согласия принять на себя известное вашему сиятельству поручение.

«Капацинский, конечно, не воображал истинной цели, с какою его из тюремного замка привезли в III отделение. Цель эту он узнал не сразу. Сперва я ему показал все

[1]) Дело № 112, ч. III, л. л. 3—4.

[2]) Там же, л. л. 9—10.

письма и конверты с воззваниями, которые Нечаев послал на его имя или на имена других лиц с передачей ему. Когда он постиг всю силу компрометирующего действия всех этих беспрестанных посылок к нему, то, сказав, что не один он, а более 200 лиц таким образом компрометированы в глазах правительства, и дав ему понять, какая будущность неизбежно ожидает всех этих лиц, если чрез полное разъяснение дела не будет рассеяно падающее на них подозрение, я намекнул, что такое полное разъяснение было бы возможно только в случае, если б Нечаев был здесь, или же если б правительство через лицо, которому Нечаев доверяет, узнало все подробности его замыслов, связей и средств, коими он надеется достигнуть осуществления своих замыслов.

«Таким образом, осторожно и исподволь приближаясь к цели разговора, я, наконец, видя его достаточно подготовленным, внезапно сказал ему: «Вас Нечаев в трех письмах зовет приехать в Женеву. Поезжайте». Понятно, что изумление Капацинского было чрезвычайно, и он не верил своим ушам. Тогда я подробно объяснил ему, что только этим путем он может как спасти себя самого, так совершить доброе дело в отношении ко всем остальным лицам, которые по милости Нечаева находятся в таком же неприятном положении.

«В дальнейшем ходе разговора все подробности предположенной поездки были рассмотрены, не исключая и того, что он, Капацинский, вздумал бы не возвратиться в Россию. Скажу прямо: я вынес полное убеждение, что Капацинский готов содействовать нам более, чем можно было ожидать. Он сам заявил совершенно рациональную мысль, что он, чтобы не возбудить подозрений, не станет слишком настойчиво расспрашивать Нечаева, но заберет от него побольше писем и затем постарается уговорить его возвратиться в Россию, однако, не вместе с ним, Капацинским, а немного позже, на какой конец он пообещает Нечаеву собрать здесь и выслать в Женеву деньги.

«В общих чертах составлен такой план: Капацинский напишет Нечаеву письмо, в котором уведомит его, что, имея немного сбереженных денег, решился последовать его приглашению и вошел к своему училищному начальству с просьбой от отпуске. Письмо это будет отправлено во Владимир для наложения там штемпеля и потом отсюда послано по назначению. Спустя неделю после письма, отправится сам Капацинский. Вся поездка туда и обратно будет продолжаться от $2^1/_2$ до 3 недель.

«Имею честь испрашивать соизволение вашего сиятельства на приведение этого плана в исполнение и на употребление нужных для сего денежных средств, почтительнейше предоставляя себе изустно доложить вашему сиятельству дополнительные предположения».

На этой записке Филиппеуса имеются следующие надписи (первая из них сделана рукою Филиппеуса):

«Предположение об отправлении агента утверждено и приказано его исполнить с употреблением нужных денежных средств из того же источника. 7 июля». И «Исполнить и заимствовать нужную для сего сумму примерно до трех сот рубл. из остатков от сумм 3 экспед.».

Филиппеус торжествовал; его хитроумный план был близок к осуществлению. Однако в последнюю минуту предприятие Филиппеуса сорвалось. Капацинский, придя в себя и поняв, какую роль предлагает ему сыграть III отделение, категорически отказался ехать за границу. Не помогли и личные увещевания знаменитого «Петра IV», как звали современники начальника III отделения гр. Петра Андреевича Шувалова. Капацинский не захотел принять сделанного ему провокационного предложения. III отде-

ление хорошо понимало, что для судебного преследования Капацинского, как сообщника Нечаева, достаточных материалов не имеется; не было сомнения, что суд оправдал бы его по недостатку улик. Освободить Капацинского III отделение также не считало возможным. В виду этого несчастный иваново-вознесенский учитель продолжал томиться в заключении. Более года прошло, пока, наконец, III отделение определило дальнейшую судьбу его: «В виду близкого его знакомства с Нечаевым и Орловым», решено было выслать Капацинского «в одну из внутренних губерний, более отдаленных от столиц, под надзор полиции с воспрещением въезда в столицы». И вот в июне 1870 г. Капацинский оказался в городишке Змиеве, Харьковской губернии. Не легкая жизнь ожидала там человека, вся вина которого заключалась «в близком знакомстве» с Нечаевым. Об этом свидетельствует прошение, посланное Капацинским в ноябре 1871 г. гр. Шувалову. Капацинский указывает, что на казенное пособие в размере 6 рублей в месяц, при запрещении заниматься учительством, которое было единственным источником его существования, и при отсутствии в Змиеве каких бы то ни было подручных занятий, прожить нет возможности.

«Ваше сиятельство, — пишет Капацинский, — неужели случайное знакомство с Нечаевым, прекратившееся притом в конце 1867 года, могло сделать меня настолько вредным членом общества, что, кроме потери порядочного положения, кроме страданий продолжительного заключения, мне еще должно перенести тяжесть крайней нужды, которую я не имею ни возможности, ни надежды когда-либо облегчить... В своей жизни я старался руководствоваться правилами гуманно-христианской нравственности, которыми я никогда не пожертвовал бы в пользу каких-либо политических или иных теорий... Далекий от всяких треволнений, занятый своим специальным делом — учительством, я вдруг был оглушен неожиданными и тяжелыми несчастиями, которые, разрушив мое прошлое, отнимают и будущее». — Прошение Капацинского заканчивается мольбою снять с него полицейский надзор [1]).

Однако III отделение не простило Капацинскому своих обманутых надежд. Несмотря на то, что, пересылая прошение Капацинского, Харьковский губернатор писал, что за все время пребывания его в Харьковской губ.: «поведение его было вполне удовлетворительное», Шувалов не уважил прошения Капацинского. «В виду сношений, которые Капацинский имел с личностями, подобными Нечаеву, Орлову и др., граф П. А. считает неудобным освободить его от надзора. 17 дек.» — такова резолюция, положенная в III отделении на прошении Капацинского.

2 января 1875 г. Капацинский умер в Змиеве, оставаясь до конца своей жизни под надзором полиции.

Изложенная выше история маленького и незаметного человека, волею судеб впутанного в нечаевское дело, представляется крайне характерной. Она проливает яркий свет на провокационные приемы агентов царского политического сыска. В этом — большое значение приведенных нами документов, не говоря уже о том, что они дают не мало ценного и для биографии С. Г. Нечаева и для его характеристики.

Б. Козьмин.

---

[1]) Дело № 112, ч. IV, л. л. 107—108.

Автобиографическое заявление А. А. Квятковского.

Для истории раннего народовольчества процесс 16 имеет существенное значение: и при производстве дознания и на суде были поставлены вопросы, которые должны были осветить как факты только что прошедшей революционной истории, так и идеологию ее новой полосы. Между тем, до недавнего прошлого источником для суждений об этом был главным образом официальный отчет о процессе (переиздан в 1906 г.: «Процесс 16 террористов»). Изучение отчета, и особенно обвинительного акта, без труда позволило вскрыть, что весь он был основан главным образом на показаниях трех лиц: оговоре Григория Гольденберга и на заявлениях Степана Ширяева и Александра Квятковского.

Первый документ, до сих пор остающийся в его целом неопубликованным, известен в извлечениях по официальному «Своду указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях» (Спб. 1880); второй напечатан Р. М. Кантором в VII томе «Красного Архива»; третий — и есть предлагаемый ниже.

Однако, изучая и оценивая этот документ в его историческом значении, нельзя, конечно, не принять во внимание того, что условия его составления — крепостное заключение и предстоящий суд — не могли не повлиять на его содержание. Оценивая речи А. А. Квятковского на суде, «Народная Воля», — в частности, по вопросу о терроре, — указывала, что эти речи «не вполне соответствуют теперешнему представлению о нем (терроре), как средстве достижения задач партии», и далее объясняла это «оторванностью от жизни» А. А. Квятковского, вызванной заключением. Но и в таком случае публикуемый документ не теряет своего общего значения. Как никак, это — довольно обстоятельная и личная и идеологическая биография одного из выдающихся деятелей, а также литератора «Народной Воли». Думается, что чем далее, тем более этот новый материал показаний будет призван восполнять, а в иных случаях и заменять традиционную литературу воспоминаний.

Заявление А. А. Квятковского было представлено прокурору петербургской судебной палаты 23 июня 1880 г.; оно сохранилось в копии, заверенной самим прокурором — восходящей тогда звездой — Вячеславом Константиновичем Плеве, и находится среди документов III отделения собств. е. и. в. канцелярии (Политическая Секция Ленинградского Центрального Исторического Архива).

С. Валк.

Я обвиняюсь в очень тяжелых преступлениях. Эти обвинения тяготеют и на всей революционной партии, к которой я принадлежу. Я изложу историю моего революционного развития, из которой выяснится, благодаря каким обстоятельствам и причинам революционная партия явилась в деятельности столь тяжелой, ужасной своими преступлениями, как убийства высших правительственных лиц и покушения на цареубийство. История моей революционной деятельности будет в то же время и историей революционной партии, потому что я пережил все те моменты развития, все те изменения в направлении деятельности этой партии, какие совершались в ней с начала семидесятых годов.

Я поступил в конце 70-го года в Петербургский Технологический институт, по окончании курса в Томской гимназии. — Я замечу здесь, что условия той среды, в какой я находился до моего приезда в Петербург, не могли особенно способствовать развитию во мне критического отношения к общественным явлениям. Эта среда была обыкновенная провинциальная среда. Видных деятелей революционной партии, попадавших иногда к нам в город, не было в тот период моего пребывания в гимназии (то-есть в последних классах гимназии), когда я мог бы усвоить их взгляды. Михаил Бакунин, женатый на моей двоюродной сестре, жил в нашем городе, когда мне было 7—8 лет [1]). Следовательно, и он не мог иметь для моего развития никакого значения. В это время в Петербурге сильно распространены были так называемые кружки самообразования (70—72 г.). Высшие специальные заведения, как Технологический институт, Горный, Инженерный, да вообще и все высшие учебные заведения, дают высшее образование только по известной специальности. Для приобретения же общего научного образования приходилось искать средств вне заведения. Эти-то кружки самообразования и ставили себе такую задачу. — Я примкнул к кружку сибиряков.Эти кружки составлялись — небольшие по числу (10—12 человек) — из молодежи, почти исключительно студенческой, близко знающей друг друга, преимущественно земляков. Конечно, в этих кружках, помимо серьезных занятий, затрагивались и общественные вопросы. Нечаевский процесс имел некоторое влияние на постановку таких вопросов. Кружки самообразования имели значение и в нравственном отношении. Обязанность честного человека жить не для себя, а для пользы большинства, работать для блага своей родины и народа, посвящать свою жизнь на уменьшение страданий человечества,— таковы были принципы, таковы задачи, которые представлялись нам истинными, а потому обязательными для каждого честного человека. Изучение социальной экономии и социалистической литературы указали причину, корень всех бедствий и всех страданий человечества, в несправедливом отношении между капиталом и трудом, в несправедливом распределении продуктов производства. Идеальные системы общественного устройства, которые своим осуществлением уничтожили бы народную нищету, народное страдание, явились истинными средствами

для улучшения современного общественного строя. Отсюда уже ясна практическая постановка задачи. Положение русского народа почти ужасно в экономическом и умственном отношениях. Обязанность всякого честного человека посвящать свою жизнь на уменьшение страдания народа. Следовательно, нужно нести в народ проповедь социалистических учений. И вот началось известное социалистическое движение начала семидесятых годов. Увлечение было всеобщее; начались сходки, и масса молодежи двинулась в народ (73—75 г.). Понятно, что кружки самообразования доставили главный контингент пропагандистов. Большинство было совершенно незнакомо с народом. Знали только, что он беден и несчастен. Его же мировоззрение, его общественные и бытовые стороны, его желания, стремления были для пропагандистов terra incognita. — Неуменье сойтись, сблизиться с ним, заставить себя понимать, с одной стороны, с другой — обычное недоверие мужика к новому незнакомому ему человеку — особенно такому, каким являлся ему интеллигентный человек в сермяге и в роли простого рабочего,— помимо причин, имеющих более глубокое значение, как причин, лежащих в самом положении крестьянина, где назойливая ежечасная, ежеминутная нужда во всех видах заставляла его устремлять все свое внимание на приискание всевозможных средств удовлетворения этих необходимых нужд и смотреть на предлагаемый ему идеал общественного устройства, как на нечто, действительно прекрасное, в высшей степени желательное, как на царствие небесное, но который только и остается в мечтах, помыслах и от которого земная жизнь постоянно отрывает, предъявляя свои неотступные требования, — все это, повторяю, привело к полной неудаче пропаганды, к полному неуспеху образования народа в социалистическом смысле. Конечно, были и исключения. Я говорю только про общий характер хождения в народ в 1873—75 г.г. Началось обратное шествие, но уже с упавшим духом, с потерянной надеждой. Масса обысков, аресты по всей России довершили остальное. Началось разочарование, началась реакция в социалистической молодежи. (75—$^1/_2$ 76 г.).

Когда увлечение было всеобщее, когда началось движение в народ т.-е. в начале 74 года, я вышел из Технологического института и отправился в Тульскую губ., село Хотуши, где и устроил слесарно-замочную мастерскую. Вскоре ко мне туда присоединились Иннокентий Пьянков, брат мой Тимофей и Андрей Соколов [2]). Мастерская, устроенная сначала на хозяйских началах, постепенно должна была преобразоваться в артельную, чтобы путем примера доказать выгоды такого способа производства перед капиталистическими. В конце августа, вследствие непривычной, тяжелой физической работы, я слег в постель и, прохворавши целый месяц, должен был уехать в Петербург брать жребий на основании нового воинского устава. В ноябре же этого года по пустячному письму, найденному при обыске у одного моего знакомого (Минский), я был арестован, препровожден в Москву и, просидевши в тюремном заключении около пяти месяцев, был осво-

божден в апреле 75 года. Возвратившись в Петербург и пробыв тут короткое время, я в мае месяце отправился в г. Ефремов, Тульской губ., чтобы там так или иначе устроиться, и где уже, занимая место багажного кассира на станции железной дороги, жил мой товарищ Пьянков. — Вообще я должен сказать, в период пропагандной деятельности никакой организации сил не было. Личности же более близкие между собою, действительно, старались занимать места вблизи друг друга. — Вследствие доноса, сделанного начальником станции на контролера этой же дороги г. Аникеева, у меня, как его знакомого, был произведен обыск. Не желая оставаться в той местности, где я подпал под тайный надзор, я выехал из г. Ефремова и, будучи на дороге арестованным в г. Туле, я принужден был остановиться там. Получивши же известие об обнаружении моего участия в Хотушинской мастерской и опасаясь привлечения меня к этому делу, я уехал из г. Тулы и с тех пор, т.-е. с середины 75 года, жил уже не под своей фамилией.

Замечу здесь, что во все приезды и пребывания мои в Петербурге, в тех случаях, где я не указывал моего местожительства, я обыкновенно жил, не прописываясь, у моей жены. Пробывши с месяц в Петербурге, я отправился в Костромскую губ. и поступил рабочим на механический завод Шипова, имея паспорт на имя Александра Петрова. Слишком изнурительная работа — иногда приходилось работать без перерыва по 36 часов — вконец расстроила мое здоровье. Я должен был бросить завод и уехал в Петербург. Это было в конце 1875 г. Тогда уже наступила пора реакции в пропагандическом движении, движении, сначала столь широком по своему размеру и одушевлению. Эмиграция в Америку и за границу значительно увеличилась в тот период. Начавшееся и все более и более развивавшееся славянское движение явилось для очень многих выходом из тогдашнего тяжелого состояния. Осуществление тех идеалов, носительницей которых была молодежь и которые потерпели в своем применении в России полную неудачу, казалось возможным в славянском движении если и не вполне, то хоть отчасти. Такое увлечение, захватившее отчасти и меня, скоро охладилось по причинам, имеющим только общее значение и лежащим в самых условиях славянского движения. Этим, так сказать, заканчивается первый период русского революционного движения ($^1/_2$ 76 года). Неудачи и неуспехи пропаганды относятся только до деревни. К городам же, в особенности к Петербургу, этого применить нельзя. Большее развитие петербургского рабочего, самые условия фабричного и заводского производства способствовали успешности социалистической пропаганды настолько, что с того времени социализм пустил корень в среду рабочих. Может быть, это и нельзя назвать социализмом, но, во всяком случае, с тех пор в среде рабочих возбудился интерес к умственным занятиям, и явилось критическое отношение и к своему положению и к разным общественным явлениям. Я говорю, конечно, только про меньшинство, — боль-

шинство же рабочих было мало затронуто пропагандой как вследствие непродолжительности самой деятельности, так и по малочисленности социалистов, занимавшихся с заводскими рабочими. Занятие с рабочими вел почти один только кружок Чайковского, который исключительно посвящал себя этому делу (Чайковский, Чагушин, Синегуб, Сердюков и др.).

Несмотря на все разочарование, на весь неуспех пропаганды в народе, социалисты должны были признать важность отрицательного значения этого движения, признать великую заслугу его в истории развития революционного дела. До того времени представление о народе, мужике было довольно смутное. Все сведения о крестьянине и его положении, его умственном и нравственном развитии почерпывались из книжек, из журнальных статей. А русская литература представляет в этом отношении материал совершенно ничтожный как по своему количеству, так и по ошибочному, неправильному взгляду, за отсутствием непосредственного наблюдения над народной жизнью. Движение же семидесятых годов дало для этого богатый материал опытов и наблюдений. Получилось истинное представление о его умственном, нравственном складе, его общественном и политическом развитии, его стремлениях, идеалах, желаниях и потребностях. Когда пора разочарования, реакции в среде социалистов, прошла, — наступило время холодного, критического отношения к своей деятельности, — время подведения итогов результата своей деятельности. И вот тогда-то, на основании уже всей совокупности опытов и наблюдений, выработана была и появилась программа так называемой народнической партии, которая с этого же времени положила начало и своей организации (конец 1876 г.). Сущность этой программы следующая. Никакая партия в мире, как бы многочисленна она ни была, при тех условиях, в которых находится Россия, одним только словом бессильна, не в состоянии изменить народное миросозерцание, как оно сложилось вековой жизнью. Сама жизнь только и в состоянии изменить его. Поэтому задача современника данной исторической эпохи сводится до с п о с о б с т в о в а н и я о с у щ е с т в л е н и ю т о г о и д е а л а, т е х с т р е м л е н и й, к о т о р ы е у ж е п р и с у щ и н а р о д у.

Мы по убеждению а н а р х и с т ы. Не в том пошлом, бранном значении этого слова, которое придается ему и в обыкновенном разговоре и в нашей легальной литературе; — нет, но в том прекрасном, высоком значении, которое относится к представлению идеала будущего общественного устройства, где высочайшее умственное и нравственное развитие человека совершенно устраняет необходимость всяких принудительных общественных форм, где развитие солидарности и общественных инстинктов не допускают сами собою проявления анти-общественных чувств в человеке. Это идеал, и идеал, конечно, очень отдаленный.

Мы социалисты — ибо признаем только труд единственным критериумом в распределении продуктов производства.

В практической же деятельности, в задачах, которые мы себе ставим, мы анархисты постольку, поскольку анархичен сам народ; мы социалисты постольку, поскольку социалистичен народ в его идеалах и стремлениях.

Мы революционеры потому, что какими бы мы ни были противниками революции ради революции, насилия ради насилия, но мы на основании уже исторических опытов можем предугадывать, что осуществление народных стремлений, желаний мирным путем, насколько бы это ни было желательно, вряд ли может иметь место и что волей неволей народу придется силою отстаивать свои права.

Итак, вот цель, которую ставит себе народническая партия: осуществление народных желаний, стремлений, каковы они уже есть в сознании народа. Эти желания, эти стремления можно формулировать так. Земля, как государственная собственность, как необходимое условие труда, должна находиться в руках народа, в количестве, соответствующем его потребностям и нуждам. Уменьшение тяжести и неравномерности податей, которые теперь благодаря мироедству увеличиваются еще вдесятеро. Уничтожение гнета и произвола администрации, а следовательно, и полное развитие местного самоуправления. — Осуществление таких народных желаний, конечно, далеко не будет соответствовать идеальному общественному устройству, но, во всяком случае, дает ему возможность свободно развиваться из задатков, находящихся в его бытовом и общественном устройстве, в направлении этого идеального общественного строя. — Средства для осуществления этой цели таковы: центр деятельности — деревня; партия должна стремиться заселить своими агентами более или менее обширный район. Поселение должно быть прочное и продолжительное. Главная, первоначальная задача народника это — приобретение уважения, доверия народа, а следовательно, и влияния на него. Одним словом, сделаться в местности заселения своим человеком, так сказать, гражданином этой местности. Характер поселения не был определен. Допускалось, что можно занимать какие угодно положения (писаря, учителя, фельдшера, управителя сельско-хозяйственными заведениями и заводами, торговца, рабочего), лишь бы они не противоречили по своему существу целям народника и не возбуждали бы недоверия к себе (всякие административные должности). Дальнейшая же работа — составление, на основании условий данного района, практического плана действий, имеющего своею задачею вызвать народ на активное заявление своих стремлений, своих желаний.

Местные бунты не ставились, как непременное, единственное средство в воспитании народа к активным заявлениям его потребностей и желаний. Все зависело, повторяю, от местных условий. И, как показала практика, было достаточно материалов для деятельности и на легальной почве. — Что это так, что народники не занимались при своем поселении бунтовской пропагандой ни словом, ни книжками, могут доказывать поселения, уже открытые правительством, как, например, Нижегородское, Самарское, Саратовское, Тамбовское и др., и где, насколько мне это известно, не было открыто ничего преступного, противозаконного, исключая проживательства под фиктивными паспортами.

Теперь скажу несколько слов о народнической организации. По самой сущности поставленной цели необходимо было единство в направлении заселений. Ибо только обширность района поселения была необходимым условием успешности деятельности. Отсюда стремление к организации сил и средств. Организация была построена на федералистическом принципе, где каждая тесная группа поселения была самостоятельна в сфере своей деятельности (конечно, были местные группы, и не входящие в состав организации), но относительно общего хода всего дела зависела от решения всей организации или большинства. Центральное бюро имело место и значение как учреждение, исполняющее известные функции общей партийной надобности. Например: заведывание сношением групп между собою и исполнение их требований, заведывание собственностью организации, паспортной системой и т. под. Но, по понятным причинам, обыкновенно имущество организации и документы и бумаги не хранились у самих членов организации (конечно, случайно, временно и могли находиться), а у лиц посторонних, не принимающих активного участия в революционных делах. Так, например, копия с моего вида Михаила Чернышева и другие документы найдены были при обыске у некоего г. Мартыновского [3]). Лично я могу сказать, что его совсем не знаю, — но я слышал о нем. Он незадолго до его ареста приехал из Москвы, человек еще молодой, новичек, можно сказать, в революционных делах. Чтобы он мог иметь непосредственное отношение к тем лицам и документам, которые у него найдены, этого я допустить не могу. Всего проще объяснить, что его квартирой воспользовались как временным помещением для хранения вещей и документов. — Я же лично копию с вида Михаила Чернышева ему не давал: она должна была храниться в общем архиве организации.

Вот существенные черты бывшей народнической организации.

Я замечу здесь, что процесс 193 значительно влиял на увеличение размеров этой организации. Этот процесс, посадивши на одну скамью подсудимых, до того не знавших друг друга, сплотил, познакомил между собою массу народа. Попавшие в тюрьму почти что не революционерами, привлеченные к делу совершенно случайно, просидевшие несколько годов в одиночном заключении и потом освобо-

жденные судом, — большинство процесса 193, — вышли, естественно, оттуда уже сознательными протестантами и тем самым примкнули к народнической партии.

Мое личное участие в этот второй период революционной деятельности было таково. Летом 1876 г. я отправился в Нижегородскую губ., и, ориентировавшись там, я, под фамилией Григория Русакова, в июле месяце поселился на ферме Ивана Филипса — Линев тож — Ардатовского уезда, деревня Мостовка. Кроме меня и Филипса, там еще жили Екатерина Вышинская и Николай Кржеминский. Летом мы занимались сельским хозяйством. В то же время я устроил там небольшое производство постного масла, которое давало возможность экономизировать и людей и рабочий скот в зимнее время. Я прожил там до июня 1877 г. Найденная телеграмма при обыске у моего знакомого доктора Чехова была причиною обыска, произведенного у нас на ферме. При обыске не нашлось ничего преступного, но так как я проживал там по фиктивному паспорту, то, опасаясь раскрытия этого обстоятельства, я принужден был на другой день после обыска оттуда уехать. Возвратившись в Петербург и пробывши там короткое время, я затем отправился в Самарскую губ., имея паспорт на имя Александра Снежкова, чтоб там так или иначе устроиться (½ 77 г.), — [там] уже занимали места волостных писарей Иванчин-Писарев, Юрий Богданович, место фельдшерицы — Вера Николаевна Филиппова, и в открытой кузнечной мастерской работали Александр Константинов Соловьев и еще двое, фамилии которых я не помню (кажется, одного звали Иваном, а другого Семеном). Употребивши некоторое время на приискание себе подходящего положения, я снова, опять вследствие несчастных писем, найденных при обыске у Чепурновой, должен был покинуть Самарскую губ. и возвратиться в Петербург [4]). Это было в конце 77 г. или в начале 78 года. Некоторые общие дела организации задержали меня там до весны 1878 г. К этому же времени относится и устройство организацией первой вольной русской типографии (станок был привезен из-за границы), которая сначала занималась изданием разных брошюр (отчет о процессе 193, «Заживо погребенные», обращение к матерям и отцам русского общества и др.); затем уже с осени 78 г. стали печатать орган народнической партии «Земля и Воля» (в прежнем моем показании, кажется от 15 февраля этого года, есть подробности об устройстве типографии, издание «Земли и Воли», об участии в сотрудничестве этой газеты и проч.) [5]). В этот период моего пребывания в Петербурге я жил под фамилией Владимира Плетнева, сначала в Измайловском полку, а затем на Самсониевском проспекте вместе с г. Никольским. Далее, весною 1878 г. (начало мая) я отправился в Воронежскую губ., имея паспорт на имя Александра Алексеева. Я занимал там положение деревенского передвижного мелкого торговца с одним моим товарищем. Фамилии этого товарища я указать не могу. Пробыл я там до марта 79 г. [6]). Общие дела организации, многочисленные аресты, производившие значительное рас-

стройство в делах организации, заставили меня снова приехать в Петербург (начало марта 79 года).

Перехожу к событиям 2 апреля. Мысль о необходимости совершения подобного факта разделялась в то время очень и очень незначительным числом лиц. И я положительно утверждаю, что народническая организация не являлась в этом событии санкционирующей силой и что как бы она ни относилась к нему, — одобряла ли, или не одобряла его своевременность, — это не имело никакого значения на совершение покушения Александром Константиновым Соловьевым. Соловьев приехал в Петербург с твердым намерением совершить его. Эта мысль возникла у него совершенно самостоятельно, независимо ни от какого влияния, и ничто не могло бы остановить его от этого замысла. Я не отрицаю того, что часть народнической организации знала его намерение, чего не отрицаю и относительно себя; но я отрицаю, что будто бы только на сходке, на которой присутствовал и я, — бывшей где-то в гостинице на Офицерской улице (эта сходка не была сходкой народнической организации, так, напр., Гольденберг не был никогда членом этой организации),—было решено, как показывает Гольденберг, произвести событие 2 апреля. Эта сходка не имела никакого значения на то, будет или нет совершен этот факт; была ли бы она, или нет, были ли бы голоса против своевременности такого факта, или нет, — Соловьев все-таки бы совершил его, даже не позволил бы, чтоб кто-либо другой заменил его. Это было его idée fixe. В пособниках же он тоже не нуждался по самым условиям совершения факта, и даже лица, знавшие о готовящемся событии, не знали о самом дне его, ибо все зависело от того, когда он мог встретить государя. Он тоже не мог нуждаться и в одобрении своего намерения от народнической организации из-за денежной надобности. Расходы, конечно, по совершению этого факта заключались только в расходах на покупку чиновничьей фуражки. Револьвер же, как это известно по следствию, куплен был еще год тому назад. — Я откровенно заявляю, что все мое участие в событии 2 апреля заключалось в знании его. Но я положительно утверждаю, что о готовящемся событии знали только бывшие на сходке на Офицерской улице и еще несколько человек из народнической организации. Люди же, далеко стоящие от организации,— как, например, Мария и Николай Богдановичи [7]), Веймар,— не могли знать о приготовлении события 2 апреля. Это ясно доказывается тем обстоятельством, что показания Алекс. Конст. Соловьева разногласили с показаниями Богдановичей, как это было выяснено на суде. А. К. Соловьев показал, что он был у них накануне 2 апреля, они же это отрицали. Ясно, что он им не сообщил о своем намерении, иначе они бы, конечно, заранее условились о своих показаниях. А. К. Соловьев даже очень близким себе людям не говорил об этом, а заявил только, что он на-днях уедет в Москву. В это время я жил с паспортом на имя Александра Рудакова на Захарьевской ул., д. № 12. Затем в августе я поселился в Лештуковом переулке, в д. № 13, с пас-

портом на имя Михаила Чернышева, где и прожил до дня моего ареста, 24 ноября 79 года. В этот промежуток времени (с марта по день ареста) я главным образом занимался делами типографии и способствованием изданию и распространению газеты «Народная Воля». Между прочим, у меня при обыске найден был клочек бумажки, оказавшийся наброском плана Зимнего дворца. Я обвиняюсь поэтому в участии во взрыве дворца, совершенном 5 февраля 80 года. Это обвинение давит меня своею тяжестью. Я не виновен в участии в этом преступлении. Только желание сбросить с себя нравственную ответственность в таком ужасном событии заставляет меня оправдываться. И это желание оправдаться нельзя объяснить моим опасением наказания за него, ибо я уже признал себя виновным в однородных преступлениях, влекущих за собою такую же кару. — Роковая случайность подвергла меня этому обвинению. Я уже указывал в прежних моих показаниях на возможность случайного оставления этого наброска плана кем-либо из посещавших мою квартиру. Я даже делал в этом смысле некоторые предположения. Теперь я еще приведу следующие доводы. Полиция, производившая обыск в моей квартире, явилась прямо в комнату Евг. Ник. Фигнер [8]), так что в то время, как там происходил обыск, я успел сжечь более важные бумаги и затем уже сам вошел в комнату Евг. Фигнер (это может подтвердить околоточный надзиратель, который нашел в печке, в моей комнате, пепел от сожженной бумаги). Если бы этот план принадлежал мне, то, конечно, первым бы делом я постарался бы уничтожить его, как самый важный документ. Затем, я сам заявил, что я был прежде, года $1^1/_2$ тому назад, немного знаком с Степаном Батуриным или Халтуриным [9]). Доказать это, помимо моего заявления, у следователя не было никакой возможности. Спрашивается, зачем бы я стал указывать на такого рода обстоятельства, если бы я участвовал в его намерении и имел с ним дело в самое последнее время? Вот все доводы, какие могу привести в свое оправдание в таком тяжелом событии. Я сам сознаю, что такие доводы ничтожны, но после откровенного рассказа всей моей деятельности я буду надеяться, что подобное обвинение, нравственно тяготеющее на мне, будет с меня снято.

При обыске еще найдена в комнате Евгении Фигнер банка, завернутая в черную юбку, с несколькими фунтами динамита. Я считал своим долгом заявить, что эта банка принесена была ко мне на хранение Анной Якимовой, обыкновенно называемой Баской [10]); так как не было другого удобного помещения для него, как шкаф, стоявший в комнате Евг. Фигнер, то я, не говоря даже ей, что это такое, но, предупреждая осторожнее обращаться с нею, попросил у ней позволения поместить на время банку к ней в шкаф. — Вот истинная история этой банки. Газеты же были принесены мне в отсутствии Евг. Фигнер Абрамом, работавшим в типографии, накануне или за день до обыска: в это время у меня сидел один господин, которому я, во-первых, не хотел показывать столь подозрительного свертка, а особенно прине-

сенного человеком, жившим в типографии; поэтому прямо из передней (комната, где сидел господин, — средняя комната между моей комнатой и комнатой Фигнер) эти свертки были внесены в комнату Евг. Фигнер, где я их и положил частью в комод, частью в шкаф. Я дал эти показания не с целью выгораживания, а потому, что я не желаю своим молчанием подвергать ответственности человека, в этом случае неповинного. — Вообще Евг. Ник. Фигнер — по убеждениям чистая народница, преданная народу и желающая работать для него, живя в непосредственном общении с ним, т.-е. в деревне. Поселилась она у меня на квартире временно и случайно, вследствие отъезда из Петербурга и по просьбе ее сестры Веры Николаевны Филипповой, жившей до того времени со мной на квартире, так как жить одному в такой большой квартире казалось неудобным. Нести ей ответственность как участнице в таких тяжких преступлениях было бы одною несправедливостью.

В промежуток этого же времени, именно в середине июня, я отправился на общереволюционный съезд в г. Липецк, Тамбовской губ. Остановился я там в гостинице, название которой не помню; положительно не помню также, на чье имя был у меня паспорт, знаю только, что он не был прописан, так как я прожил там 3—4 дня. Назвать участников съезда я не могу, по совершенно понятному нравственному чувству, которое удерживает меня от этого. Этот съезд не был съездом народнической партии. На нем были революционеры разных мест России, только единомышленники, но еще не связанные все между собою никаким договором, никакой организацией. Даже некоторые не были лично знакомы друг с другом. Вызван этот съезд был тогдашним напряженным состоянием общества, арестами, преследованиями, репрессиями, казнями революционеров. Под влиянием всех таких тяжелых событий съезд и принял в принципе решение повторения события 2 апреля. Приговоры имеющихся быть политических процессов в Киеве и Одессе должны были послужить указанием настроения и отношения правительства к радикалам. Эти приговоры, действительно, показали почти непонятное жестокое отношение властей к нам — каторги на 20 лет, пожизненные, наконец, вешание чуть не десятками (Лизогуб, Осинский, Брантнер, Антонов, Чубаров, Горский, Федоров, Виттенберг, Логовенко и еще несколько других),— все это произвело страшное впечатление, и, решенное только в принципе, повторение 2 апреля перешло к осуществлению на деле.

Всякие поступки, в которых руководящий фактор есть чувство, каким и являются факты, получившие свою санкцию на съезде, заводят иногда дальше того, чем бы сам желал. Да и, кроме того, чувство самосохранения заставляет защищаться, нисколько не смотря на то, будет ли успешна эта борьба или нет, а не соразмерять своих сил с силами противника. Большая ожесточенность противника, много пролитой крови не могут устрашить и вызвать желание отступить; нет, для подобных фактов нужны не сотни, не тысячи, а только десятки

и единицы человек; и всегда найдутся фанатики, люди чувства, готовые собою пожертвовать, что собственно, главным образом, и требуется в подобных случаях.

На этом же съезде получила начало и программа и организация партии, которая имела своим органом газету «Народная Воля» и которую правильнее было бы назвать — «революционно-политической партией народников». Название Исполнительный Комитет совершенно не соответствует сущности этой программы; оно осталось просто по традиции, из нежелания являться перед обществом еще с новой кличкой. Я несколько ниже изложу существенные черты этой программы.

Из г. Липецка я отправился в г. Воронеж на общий съезд народнической организации. Он был созван для пересмотра программы партии, в виду тогдашнего общественного состояния. На нем определилось разногласие, которое, не относясь к существу народнической программы, но заключаясь только в практических частностях этой программы, все-таки послужило к образованию двух самостоятельных фракций народнической партии. Органом другой фракции был «Черный Передел».

Теперь изложу сущность программы той фракции народнической партии, к которой я принадлежу и которая, как я уже сказал, имела своим органом «Народную Волю». Она признала, что [1]) при данных политических условиях, при том страшном гонении, репрессалиях со стороны правительства на радикалов, — почти невозможным прочные поселения, в высшей степени трудным сосредоточивание известного количества революционных сил в данном районе — условие sine qua non — успешности осуществления заселений, а стало быть, и самой программы.

Таким образом центр деятельности партии «Народной Воли» переносился из деревни в город. — Главное различие постановки народного дела у нас и в Европе заключается в том, что там рабочий вопрос есть вопрос об отношении двух общественных элементов — хозяев и рабочих, вопрос об антагонизме капитала и труда; у нас же в России народное дело есть вопрос чисто политический — вопрос об участии народа в политической жизни государства. Понятно, что партия «Народной Воли» и не думает отрицать государство. Это было бы нелепо при данном умственном, нравственном и всяких уровнях народа и общества. Она только считает, что современная государственная организация блюдет только интересы совокупности землевладельцев, капиталистов, чиновничества, пожалуй, отчасти, так называемых свободных профессий мыслящего пролетариата. Народ же всегда существовал, так сказать, — pour les beaux yeux этой части, и потому эта партия отрицает только современную русскую организацию, как организацию, которая заключает, следовательно, в себе

[1]) Так в оригинале.

массу несовершенства, несправедливостей, как коренную причину настоящего положения рабочего люда с его бедностью, нищетою, невежеством — вообще, как главную причину, посредственную или непосредственную, всяких народных бедствий. Отсюда сущность программы партии «Народной Воли», что рост, развитие всего русского государства не должны быть на счет народа, что народ должен перестать существовать для незначительной части этого государства, словом, для современного государства. Поправить такую несправедливость можно действием одной только силы, силы правды, положенной в основание всей государственной организации, и отношений сословий и лиц между собою и государством. Итак, современное государство является главной причиной данного положения вещей, следовательно, оно же может дать и выход из такого положения. Осуществление стремлений, желаний народа, направленных главным образом на сохранение и улучшение сообразно своим нуждам и потребностям, условий труда (земля), на уменьшение тяжестей податей и налогов, которые теперь, вследствие экономической зависимости крестьянина от кулака, увеличиваются вдесятеро, — на уничтожение гнета и произвола администрации, а следовательно, и на развитие большого местного самоуправления, — итак, повторяю, осуществление таких народных стремлений и желаний, развитие тех отношений труда и собственности, тех известных общественных отношений, которые существуют уже в наличности, но в крайне грубом и первобытном виде, — таковы задачи государства, основанного на правде. Само собою разумеется, что рациональное осуществление таких задач государственной организации может быть совершено только при главном участии самого народа.— Отсюда практическая постановка задачи, цель партии: созвание представительного народного собрания, выбранного на основании всеобщего и прямого избирательного права; оно имеет своею задачею внесение этой-то правды в государственную организацию. Главные средства достижения такой задачи — пропаганда и агитация словом и печатью выше поставленной цели во всех городских общественных элементах, так же как и в деревне, — организация кружков с целью таковой же пропаганды и агитации, которые в будущем могли бы быть поддержкой требования созвания народного собрания. Такая постановка задачи партии, несомненно, захватывала и интересы других элементов общества, ибо, при данных политических и общественных условиях, либеральные порывы этих элементов не имели в практической жизни никакого

исхода, в котором они бы нашли себе какую-нибудь нормальную деятельность и применение и смогло бы смягчиться развитие этих порывов; невозможность действовать открыто в пользу своих идей, за отсутствием свободной общественной жизни, невозможность даже высказаться, за отсутствием сколько-нибудь свободной печати, — все это привлекло бы на сторону партии и эти элементы. Я еще должен сказать, что в программу партии входило также, как вообще и в программу всякой организации, охранение чести и защита интересов собственно партии. Конечно, применение этой части программы при тогдашнем положении вещей имело место более, чем во всякое другое время. Называть же эту партию террористической было бы несправедливо. Терроризм как деятельность, направленная против отдельных правительственных лиц, никоим образом не может и входить в эту программу, да вообще и ни в какую серьезную политическую программу как средство достижения цели этой программы. Деятельность отдельных правительственных лиц есть только проявление известной государственной системы; устранение отдельных лиц в этом случае поведет за собою только замену одних лиц другими. — Так что говорить в таком смысле о терроризме, как о главной части нашей программы, положительно невозможно. — Факты террористического свойства — факты тяжелые, грустные — обусловливаются сильным гонением, страшными репрессалиями, казнями со стороны правительства по отношению к революционерам; они являются только фактами озлобления, мести и самозащиты, вызванными ненормальным применением законов и только исключительными, в высшей степени жестокими мерами, так же как жестокими и оскорбительными мерами, совершенно не опирающимися на закон, отдельных правительственных лиц (дело Боголюбова, избиение 5 февраля 1879 г. и голодание сидящих в Петербургской крепости).

Я рассказал историю моей революционной деятельности с 1874 по 1880 год. Думаю, что она должна представить до некоторой степени и историю вообще оппозиционной партии. Я буду несказанно рад, если она прольет хотя некоторый свет на условия, благодаря которым отношения радикалов к правительству приняли такой резкий характер, и даст истинное освещение тем событиям, которые представляются в высшей степени ненормальными и тяжелыми и ни для кого не желательными по той бесцельности и по тому ужасному положению вещей, которое они производят. До 1879 г. почти не было террористических фактов, были только отдельные, единичные случаи, как, например, дело Засулич, убийство генерала Мезенцова, — вызванные тоже отдельными, единичными причинами. 1879 год был год очень тяжелый для России. Ряд ужасных политических преступлений потрясли все общество. Я совершенно откровенно рассказал всю свою деятельность, и она до моего приезда в Петербург весною 1879 г. не заключает в себе

и тени моего участия в подобных событиях. Она была до того времени направлена если и не на законную, то только на идейную борьбу. Теперь же я обвиняюсь в очень тяжелых преступлениях. То, что я говорю про себя, я говорю и про всю партию. Насколько мог, я высказал причины, вызывающие такие страшные события. Не может же быть, в самом деле, чтоб русская оппозиционная молодежь была настолько развращена, настолько безнравственна, что для нее желателен был бы сам по себе ряд таких тяжелых преступлений, — неужели она настолько кровожадна, чтоб были для нее желательны убийства ради убийства? Нет, тысячу раз нет. Русская молодежь высказывала всегда свое нравственное развитие, всегдашнюю свою готовность жертвовать собою для своей родины, для своего народа, ради идеи, ради глубоко сознанной правды. И я глубоко убежден, что если подобные мрачные события перестанут волновать и смущать русское общество, то этому никто более самих радикалов радоваться не будет. Подлинное подписал потомственный дворянин *Александр Квятковский*.

23 июня 1880 года.
С.-Петербургская крепость.

С подлинным верно:
Прокурор судебной палаты *Плеве*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Бакунин женился на Антонине Квятковской в конце 1858 г.

2) Пьянков, Иннокентий Павлинович, род. в 1855 г., в 1874 г. исключен из Медико-Хирургической академии, как отданный под надзор полиции (привлекался к дознанию по обвинению в произнесении «дерзких слов» против особы царя). По делу об упоминаемой в тексте мастерской был арестован, судился в процессе 193, приговорен к трехмесячному заключению, но освобожден от наказания. 3 апреля 1878 г. выслан в Пинегу. Отсюда бежал, примкнул к чернопередельцам, работал в их типографии, арестован вместе с типографией 28 января 1880 г.; по судебному приговору сослан в Иркутскую губернию. В 1882 г. ему был разрешен переезд в Харьков. Впоследствии купец и правый публицист (о нем Ш. Левин, Историко-революц. Сб., т. II, стр. 407).

Квятковский, Тимофей Александрович, дворянин, в 1869 г. поступил в Петербургский университет, откуда перешел в Технологический институт. В начале 1873 г., выйдя из института, поехал в Цюрих, где вошел в кружок братьев Жебуневых (так наз. «орден сен-жебунистов»). Летом 1874 г. работал в упомянутой мастерской, откуда скрылся в декабре, а в апреле 1875 г. был задержан в Киеве, на квартире Софии Каминер. Доставленный в Петербург, он был освобожден под гласный надзор полиции. Скрывшись, он был вторично задержан в мае 1876 г. в Серпухове. Бежав из-под домашнего ареста, был в третий раз задержан в Ковне, когда собирался перейти границу. По делу 193 приговорен к девяти годам каторжных работ. На Кару прибыл 12 сентября 1878 г. 18 февраля 1883 г. обращен на поселение в Забайкальскую область — в г. Акша. На основании манифеста 26 ноября 1886 г. Квятковский был переведен в разряд сосланных на житье, с разрешением переселиться в Енисейскую или Иркутскую губ. Поселившись в Енисейской губ., Квятковский работал дорожным мастером по ремонту тракта.

В 1893 г. Квятковскому предоставлено право избрания жительства, за исключением столиц и столичных губерний, без восстановления в правах. 5 февраля 1898 г., после подачи всеподданнейшего прошения, был восстановлен в прежних правах происхождения.

Соколов, Андрей Яковлевич, в 1878 г. был учителем в с. Кузнецовке, Самарской губ. Петровского уезда.

3) Мартыновский, Сергей Иванович, род. в 1860 г., обучался в Константиновском межевом институте, где курса не кончил. 4 декабря 1879 г. был арестован под именем Ивана Голубинова в Петербурге, по Гончарной ул., в д. № 7, и у него было обнаружено паспортное бюро партии «Народной Воли». Приговором Петербургского военного-окружного суда (по процессу 16) был приговорен к ссылке в каторжные работы на 15 лет. По пути бежал с Унковского этапа (Иркутская губ.) 28 августа 1881 г., но 5 сентября был задержан, и срок работ был продолжен ему на шесть лет. На Кару прибыл 19 февраля 1882 г. В ноябре 1887 г. переведен в разряд испытуемых. В силу указа 17 апреля 1891 г. срок работ сокращен на одну треть. По окончании, 1 мая 1893 г., срока каторги обращен на поселение в Забайкальскую область. В 1902 г. окончил срок обязательного пребывания в Сибири, где служил на железнодорожных работах.

4) О пребывании в Самарской губ. ср. А. И. Иванчин-Писарев. «Из воспоминания о хождении в народ», Спб., и В. Н. Фигнер. «Запечатленный труд», т. I. Об аресте Чепурновой. Р. Кантор. «Каторга и ссылка», 1924 г.

Арест В. П. Чепурновой в настоящее время полно освещен сообщением Р. М. Кантора в «Красном Архиве», кн. 5, стр. 129 и сл.: «Письма участников процесса 193 г.». Здесь же напечатаны захваченные у Чепурновой письма. Ср. В. Н. Фигнер, «Запечатленный Труд», т. I, и А. И. Иванчин-Писарев. «Из воспоминаний о хождении в народ», П. 1914, стр. 77.

5) Приводим выдержку из показания А. А. Квятковского от 15 февраля: «Тайная типография, где печаталась в последнее время «Народная Воля», существует со времени большого политического процесса 193. Одним из первых изданий типографии был отчет этого процесса; сначала предполагалось печатание в типографии революционных брошюр, и основание ее не соединялось с мыслию об издании газеты, так как казалось невозможным, чтобы в Петербурге, где правительство располагает столькими средствами, мог держаться долго тайный журнал, — впоследствии, однако, пришли к иному заключению. Первою газетою, которая стала печататься в типографии, была «Земля и Воля». За издание ее, в числе прочих лиц, взялись некоторые члены редакции «Общины» (Клеменс и Кравчинский), переселившиеся для этого в Россию. Прежде издававшаяся революционная газета в Петербурге «Начало» печаталась в другой типографии. Эта последняя, кажется, погибла. Заменившая «Землю и Волю» «Народная Воля» выходила в свет в количестве 2.500 экземпляров, которые распространялись настолько успешно, что существовавший на них запрос не мог быть вполне удовлетворяем. Деньги, выручаемые от продажи газет, вполне покрывали издержки изданий. Мне думается, что личный состав работавших при типографии должен был быть более или менее постоянным, так как дело требовало навыка». — (Дела особого присутств. сената, № 69, дознание о взрыве 5 февраля в императорском Зимнем дворце, л. 197.)

6) Лицом, которого не называет Квятковский, был Михаил Родионович Попов, описавший свои совместные с Квятковским странствования в воспоминаниях: «Земля и Воля» накануне Воронежского съезда». «Былое», 1906 г., № 8 и «Из моего революционного прошлого», там же, 1907 г., № 5.

7) Богданович, Николай Николаевич (брат Юрия Н.), род. в 1846 г., отставной подпоручик, устроил в 1874 г. в своем имении в с. Воронине, Торопецкого уезда, кузницу, в которой работали Юрий Богданович, Стрекалов (ум. 1880 г.), А. К. Соловьев, Адриан Михайлов, Н. А. Лошкарев (впоследствии выслан в Восточную Сибирь) и А. Г. Масютин. Вначале работали молотобойцами, затем

у горна; топоры и косы продавали окрестным крестьянам; 2 марта 1877 г. кузница была закрыта властями, и Богдановича обязали не собирать у себя работников «образованного класса». 13 августа 1877 г. Богданович был арестован и затем выпущен под поручительство. Впоследствии его вновь арестовали, и он был заключен в Петропавловскую крепость, где заболел психически. Умер 22 марта 1881 г. в Казанской окружной психиатрической больнице.

Богданович, Мария Павловна, была арестована 30 октября 1878 г., явившись навести справку об Адриане Михайлове; освобождена 5 февраля 1881 г. Повелением 1 февраля 1882 г. подвергнута была гласному надзору полиции на четыре года.

8) Фигнер, Евгения Николаевна, род. в 1859 г., по окончании курса в Коломенской женской гимназии, посещала курсы при Калинкинской больнице и получила диплом фельдшерицы из Саратовского врачебного отделения. Участвовала сперва в Самарском, а затем в Саратовском поселениях, где заняла место земской оспопрививательницы в с. Вязьмине. Арестована вследствие указания Любови Богословской о получении последнею от Е. Н. Фигнер «Народной Воли». Приговором Петербургского военно-окружного суда была присуждена к 15 годам каторжных работ на заводах, что, по ходатайству суда, было при конфирмации заменено ссылкой на поселение в отдаленнейшие места Сибири. В 1894 г. Е. Н. Фигнер получила право возвратиться в Европейскую Россию.

9) А. А. Квятковский указал на это в показании от 13 февраля:

«По предъявлении мне сведений о взрыве в Зимнем дворце, последовавшем 5 февраля, я повторяю прежнее мое заявление о том, что чертежи, представляющие собою план Зимнего дворца, сделаны не мною и мне не принадлежат. Сознавая, впрочем, в настоящее время всю важность обнаружения у меня тако[во]го, считаю необходимым дать сведения, полезные для исследования этого преступления. Таким образом объясняю, что в конце 1877 года я встречался на сходках рабочих, на Петербургской стороне в Астраханской улице, с каким-то столяром Степаном по фамилии Батурин, Бабурин или Бутурин; в то время он работал на Голубевском литейном заводе, и знаю, что после наших встреч он в начале 1878 года уехал на свидание с родными, — кажется, в Нижегородскую губернию. Батурин был, повидимому, из крестьян и производил впечатление человека не особенно развитого, был угрюм и молчалив. По поводу чертежей могу еще добавить, что они, вероятно, оставлены у меня кем-либо из посещавших мою квартиру незадолго до обыска. За день и накануне обыска ко мне приходили, не вместе, но в разное время, два лица, жившие в помещении типографии «Народной Воли» — Софья Ивановна и какой-то мне по фамилии неизвестный, слывший в нашем кружке под именем Александра Петровича, Абрама и Пташки. Это дает мне возможность высказать в смысле догадки предположение, что кто-либо из них мог забыть у меня чертежи. Хотя это только предположение; вместе с тем я вполне убежден, что Софья Ивановна у меня чертежа не оставила, и потому моя догадка может ограничиваться только одним Александром Петровичем. Абрам и Иванова носили ко мне найденные у меня листы № 2 «Народной Воли», к редакции которой я имел отношение как корректор. (Указанное дело особого присутствия сената, л. л. 175—176.)

10) Баска — А. В. Якимова, в то время уже хорошо известная третьему отделению, так что, по ее же словам, А. А. Квятковский сообщал то, что новости для Плеве не составляло.

Письмо А. И. Баранникова.

Печатаемое ниже письмо Александра Ивановича Баранникова написано им в Петропавловской крепости вскоре после ареста, последовавшего 25 января 1881 г., и предназначалось брату его, Василию Ивановичу Баранникову, но было задержано и погребено в делах III отделения с. е. и. в. канцелярии, так же как в департаменте полиции позднейшие письма осужденных по процессу 20, написанные ими уже после суда, в марте 1882 года [1]).

Оно сильно отличается от мартовских писем Баранникова не только особой яркостью и искренностью, но и той страстной напряженностью, с которой оно написано. Видно сразу, что писал человек, только что переступивший порог тюрьмы, еще полный отзвуков кипучей работы, и, вместе с тем, человек, который уже готов к смерти, который собрал в один фокус все свои силы, чтобы достойно сделать еще одно необходимое дело — умереть.

Помимо того, что письмо это один из редких человеческих документов, дающих возможность заглянуть в душу человека в предсмертный час, — в нем итоги целой жизни. Благодаря этому оно приобретает крупный биографический интерес.

Баранников был арестован случайно на квартире Г. М. Фриденсона. Это было время, когда все наличные силы «Народной Воли» были заняты деятельной подготовкой к цареубийству и он, вместе с другими, работал по устройству подкопа на Малой Садовой из лавки Кобозева-Богдановича. При аресте он назвался Георгием Ивановичем Алафузовым, но был опознан Окладским и вскоре открыл свое имя.

Обвиняемый в участии в убийстве Мезенцева, в устройстве взрыва под Александровском и на Московско-Курской жел.-дороге, он вместе с товарищами — цветом Исполнительного Комитета «Народной Воли» — ждал смертной казни. Но последовавший смертный приговор был для 9 осужденных заменен бессрочными каторжными работами. Это обрекло Баранникова на длительное умирание. 27 марта 1882 г. он был переведен в Алексеевский равелин, а 6 августа (ст. ст.) 1883 г. погиб там от скоротечной чахотки. В тот же день, в полночь, тело его было выдано для погребения приставу 1-го участка Петербургской части под именем Федора Ивановича Реброва [2]).

Письмо печатается по подлиннику, находящемуся в деле III отделения с. е. и. в. канцелярии [3]), причем зачеркнутые места приводятся в примечаниях.

Э. Корольчук.

---

[1]) См. «Былое» 1918 г., № 4—5. «Кладбище писем». Стр. 86—108.

[2]) Дело Алексеевского равелина С.-Петербургской крепости, № 172.

[3]) Ленинградский Исторический Архив, дело III отделения с. е. и в. канцелярии, III экспед., 1880 г., № 751, ч. II, л. 15 и об.

7 апреля, 1881 год.

В жизни каждого, вероятно, человека, если только жизнь эта идет по одному направлению, а не скачет из колеи в колею, есть своя кульминационная точка. Заберется он высоко-высоко, продержится там некоторое время, да и летит потом оттуда вниз головой. Один взбирается на эту высоту медленно, с расстановками, долго там сохраняет равновесие и потом медленно же спускается вниз; другой попадает туда в несколько прыжков, держится там несколько мгновений и так же стремительно, как взбирался, срывается в пропасть; третий... и т. д. Все то время, которое человек проводит на высоте, — есть лучшее время в его жизни: тогда только он живет, живет в полном, широком смысле этого слова; тогда только ему легко, свободно дышится; тогда только он не боится никаких препятствий, лежащих по дороге к его цели; тогда только все [1]) послушно ему и является орудием в его всесильных руках. Он властвует, берет от жизни все, что в ней есть прекрасного, он венец творения, он царь! И благо ему, если он сумел воспользоваться этим временем, если он угадал его! Пройдет оно, и он снова ничтожество; одно ему останется — плакать о прошлом в уверенности, что оно никогда не вернется. Не счастлив ли тысячу раз тот, чья жизнь оканчивается на рубеже этих двух периодов! Там, позади, счастье, радости, но туда не вернешься, а впереди горе, страдания... так не лучше ли остановиться именно здесь? Да, несомненно, это лучше [2]).

По отношению ко мне можно говорить, что я сознательно хотел сократить это хорошее время жизни, что при естественном ходе вещей я, в мои 23 года, еще не скоро дожил бы до такой поры... Но я в свою очередь спрошу: была бы при нормальных условиях жизнь моя столь прекрасной, какой она была теперь? Нет [3]). Если я проиграл в количестве, то выиграл в качестве. Что выгоднее? По-моему — выиграть в качестве... Представьте себе мельницу; ее пускают в ход только тогда, когда уже засыпано зерно; камни вертятся, перетирают его и обращают в муку. Но что будет, если жернова будут вертеться, а зерна не будет? Камни будут перетирать друг друга и в этой непроизводительной работе самоуничтожаться. В таком же точно положении находится и человек, полный сил, стремлений, жизни, в груди которого бушуют страсти, — обреченный на вечное бездействие, оторванный навсегда от жизни. Он скоро сделается жертвой внутренней борьбы, она его убьет; силы свои он употребит на самоуничтожение. Итак, спасения нет: или скорая, легкая и сравнительно приятная смерть, или медленная, мучительная пытка, которая, в конце концов, кончится все-таки смертью. Ей-богу, первое выгоднее и приятнее [4]). Нужно

[1]) В подлиннике после слова: «все» зачеркнуто: «ему улыбается, тогда только все».

[2]) В подлиннике зачеркнуто: «лучший исход».

[3]) В подлиннике слово: «Нет» написано вместо зачеркнутого: «Да».

[4]) В подлиннике зачеркнуто: «второго».

только немного мужества, чтобы отделаться от инстинктов и сознать, что этот исход самый лучший.

Ты, мой дорогой брат, столько на своем веку видел крови, смерть витала около тебя в продолжение стольких месяцев, столько жертв взяла из среды окружавших тебя,—ты должен был к ней привыкнуть [1]). Вспомни свои ощущения. Думал ли ты о себе, видя, что делается кругом; думал ли ты о том, свалишься или останешься жив, когда кругом тебя валились сотни, — одним больше, одним меньше, вот и все. Конечно, в данном случае является на сцену родственное чувство... Знаешь ли ты, чего мне стоило при нашем свидании удержаться от слез? Я не мог позволить себе и этого удовольствия: там были люди, которые не должны видеть моих слез! Дорогой брат, если бы я прожил еще сто лет, я никогда бы не забыл нашего свидания; боже мой, какую бурю внесло оно в мою душу! Боже мой, сколько тут было любви искренней, горячей, беспредельной! И к кому? К человеку, который всем вам ничего, кроме страшного горя, бесконечных страданий и пыток, не принес!

Но что же делать, если привязанность к вам, жизнь для вас, шла вразрез с другой привязанностью [2]).

Буря, гроза разразилась над русской землей, много крыш сорвет она, много деревьев повырвет с корнем... Эх! Нельзя руке дать воли, боюсь, что много в письме зачеркнутых мест будет.

Знай, дорогой брат, знайте, все вы мои дорогие, что мысль о вас никогда не покидала меня, что имя ваше в минуту смерти будет на моих устах. Теперь я, более чем когда-либо, понимаю все величие родственных чувств. Да, это сила, которой игнорировать безнаказанно нельзя. И вот, перебирая в уме своем все то, что отныне остается навсегда позади меня: любовь к родине, к вам, к друзьям, и сознавая, что ничего этого нет уже впереди, что от всего этого остается только одно прекрасное воспоминание, я еще и еще раз прихожу к убеждению, что смерть в настоящую минуту есть лучший выход из моего положения. Я живой человек, жить мечтой, воспоминанием, как бы прекрасно оно ни было, не могу; мне нужна действительная, реальная жизнь. Раз меня от нее отрывают — мое существование немыслимо: там осталась моя душа, моя любовь, мои симпатии и антипатии, здесь лишь один труп, обреченный на вечную пытку [3]). Необходимо скорее прекратить такое жалкое существование. Придите и вы к этому выводу, согласитесь со мной; неужели это невозможно?

Твой проект, брат, относительно перекочевки мамы и Маши в Болгарию, мне очень, очень нравится. Бросьте вы эту помойную яму, этот мертвый город. Новая обстановка, новые люди вас несколько развлекут, помогут, может быть, перенести грядущее несчастие.

[1]) В. И. Баранников, отставной капитан, служил в болгарской армии начальником артиллерийского склада в Рущуке.

[2]) Далее зачеркнуто: «с жизнью для».

[3]) В подлиннике зачеркнуто: «тоску о прошлом».

Жаль, конечно, оставлять Надежду [1]), жаль оставлять дорогую могилу отца, расставаться с местом, в котором прошли детство, юность... но так будет лучше, вам будет легче. Надежда же имеет уже новые привязанности, ей будет не так тяжело. Ах, мама, мама, дорогая моя, бедная, многострадальная мама! Сколько горя, сколько страданий выпало на ее долю. И я, я должен прибавить еще одно новое, ужасное, быть может, самое ужасное из всех. Здесь, в Петербурге, такой факт, как смертная казнь, не так страшен; здесь, в этом муравейнике, такая масса всяких интересов, впечатлений, ощущений, что она проходит почти незаметной; о ней поговорят день, два, да и забыли. Там же, у вас, в глуши она представляется каким-то чудовищем. Нет, это простая и сравнительно приятная смерть. Больной мучается в продолжение нескольких дней, недель, а то и месяцев; тут же все оканчивается быстро, моментально.

Быстро [2]), невероятно быстро началась моя жизнь. Помню я, как меня мучила в детстве мысль, что я не успею пережить, переиспытать всего, всего. Теперь с полным правом могу сказать, что я испытал все. Вот мое детство с его религиозным фанатизмом; да, я был фанатиком. Особенно помню тот день, когда я лет в 12—13, летом, в нашем саду, ожидал чуда. Я был уверен, что оно совершится, но... оно не совершилось. С 15—16 лет мою душу начала наполнять, а потом и всецело ею завладела, другая страсть; не буду называть ее — вы знаете и так. С 16—17 лет я начал жить сознательной жизнью и до 23 лет, т.-е. до сего дня, прошел последовательно через все фазисы ее: юность, молодость, зрелый возраст и старость. Да, я теперь старик, если и не по годам, то по количеству пережитого.

Второе письмо к тебе, дорогой брат, в котором я сообщал некоторые факты из своей жизни, как я узнал, не отправлено: это противно правилам [3]). Но на суде завеса приподнимется, вы узнаете все. Но мне все-таки хотелось бы, чтобы после суда, когда все будет окончено, это письмо дошло до тебя — буду просить: в письме больше жизни, больше правды, чем может быть на суде.

Ты сегодня выезжаешь из ПБ. Письмо это я начал писать вчера, т.-е. на другой день после свидания с тобой. Нашла на меня такая полоса, захотелось высказаться; сотни мыслей роились в голове, складывались в стройное целое. Но бумагу принесли [4]) через несколько часов после того, как я ее потребовал; настроение прошло, мысли перепутались, здание превратилось в развалины, — вот причина, вследствие которой письмо мое представляет из себя такое столпотворение. Извини за беспорядочность его. — Получил ли ты мою карточку? Ах, у меня не выходит из головы свидание с тобой. За что, за что все это? За что вы меня так любите? — Получила ли мое письмо мама?

[1]) Сестра Баранникова, Надежда Ивановна, по мужу Якубович.
[2]) В подлиннике перед словом: «быстро» — зачеркнуто: «Да!».
[3]) После этих слов зачеркнуто: «Я постараюсь».
[4]) Зачеркнуто: «мне».

Отвечайте. Будьте счастливы, забудьте скорее меня. Живите, наслаждайтесь. Как это пошло, однако, выходит! Чувствую, что все эти пожелания дики, смешны! Но... скорей, скорей. С совершившимся фактом легче мириться. Прощайте, прощайте; целую вас всех, мои дорогие, мои милые. Мама, Надя, Маша, крепко вас прижимаю к своему сердцу. Целую Елиз. Петр., Викт. Александр., всех родных, поклон знакомым. Прощайте. Простите вашего *Александра*.

Во мне есть способность безошибочно определять важность, серьезность, прелесть переживаемой минуты. Когда я чувствовал, что счастливая минута приближается, я всегда мысленно произносил: «Это жизнь, пользуйся ею, извлекай из нее все, что в ней есть хорошего, не зевай, а то пройдет она и уж больше не вернется». Я в это время напрягал все свои силы, храбро шел на приступ и с бою брал то, что мне было нужно. Не даром, конечно, все это давалось, много крови приходилось портить, но тем больше счастья было, когда цель достигалась. В жизни своей я был искренен, любил все прекрасное; никогда с умыслом ни от чего хорошего не отворачивался, и не жалею об этом. Все стороны жизни мне теперь известны, все явления ее понятны, ничего таинственного в ней не осталось. Мне могут сказать, что это отвлекало меня от главного, от моей настоящей цели. Нет, тысячу раз нет, нет — при моей, по крайней мере, натуре; я должен был все знать, со всего срывать завесу, все видеть таким, каково оно в действительности. Теперь я могу, имею право говорить, что́ в жизни действительно прекрасного, прекрасного без белил и румян, без помощи куафёра, и что́ только кажется прекрасным, а в действительности уродливо, безобразно. — Да, в своих поступках я был искренен, но это не значит, что я был откровенен в разговорах. Очень, очень редко я открывал кому-нибудь свою душу; боялся я этих излияний: что, если впустишь туда постороннего человека, дашь ему перерыть все самые сокровенные ее тайники, а он, перепортивши, переломавши их, равнодушно отвернется в сторону? Ух, от одной мысли об этом дрожь пробирает меня. Никогда, никогда! — Говорить в письме о всех столкновениях, встречах, которые были в моей жизни, к сожалению, неудобно. Скажу только, что много, много их было! Какая масса у меня везде знакомых, товарищей, приятелей, друзей (последних, впрочем, немного — но зато испытанных, верных). Между ними много и таких, которые никогда не знали и не узнают, что я за человек в действительности; они до конца жизни будут уверены, что имели дело с настоящим Ивановым, Николаевым... другие, конечно, знали это. Да, я знаю, что многие пожалеют меня [1]), а некоторые даже и заплачут, услышавши о моем конце. Ах, эти слезы, слезы! Они мне опять напоминают наше последнее свидание. А сколько их, слез, еще впереди, боже мой, боже мой! Эх, жизнь, жизнь! За что ты наказываешь ни в чем неповинных людей? Карай тех, кто преступил твои законы,

[1]) Зачеркнуто: «многие».

мучь, пытай, жги их огнем, но оставь в покое невинных. А ты поступаешь иногда как раз наоборот: мучения и пытки достаются на долю именно этих несчастных. «Не прав твой, о небо, святой приговор».

Что ты попрежнему поэт в душе? Здесь, в крепости, представь себе, и я возымел склонность к рифмоплетству; если бы была бумага, то наверное уже много листов было бы перемарано моими виршами, а без нее все это исчезает так же быстро, как и появляется. Но Лермонтов мне, говоря серьезно, очень, очень нравится; его «Демона» я знаю почти всего наизусть. Не кончи он так рано, в 26 лет, из него вышел бы не только великий поэт, но и великий гражданин. В моих глазах он стоит неизмеримо выше Пушкина. Но в сторону поэзию, не время ею заниматься. — Какими мы все рисуемся в глазах публики суровыми, жестокими; в нас не видят ничего человеческого; мы для нее кажемся кровожадными. О боже мой, еслибы они знали, сколько в этом столь ужасном человеке любви, как мало кровожадности, дикости! Загляните вы в его усиленно бьющееся сердце, рассмотрите вы его душу. Но нет, не увидать им ее; диким и страшным сойдет он в ее глазах в могилу. Вы, мои милые, сохраните в сердце своем тот образ вашего Саши, какой имеется у вас в настоящую минуту; пусть это будет детский образ. Если бы была возможность, я бы излил вам свою душу, я бы объяснил вам все свои последующие поступки... но этой возможности нет, газета их не объяснит, она передаст только голый, сухой факт. Не делайте поэтому выводов из всего того, что там будут писать, помните своего старого сына, брата. — Прошло шесть лет с тех пор, как мы расстались; как нас обоих трепала за это время жизнь! Одного, проведя через массу страданий, огорчений, бросила далеко от родины, в страну, о которой он никогда и не помышлял, в Болгарию; другого— показавши ему все свои прелести, засадила в крепость и... скоро возведет на эшафот. Через шесть лет она снова свела нас на минуту с тем, чтобы мы простились навсегда, навеки. Какая злая насмешка, какая глупая шутка! Но мы, дорогой брат, не унываем, не правда ли? Мы смело смотрим ей в лицо и сами ядовито посмеиваемся: не проймешь, мол. Ха-ха-ха-ха-ха. Вспоминаю при этом Мефистофеля; нравится мне его смех. Ну, еще раз не унывайте, дорогие. Жизнь вырвала одного из вашей среды; сомкнитесь, станьте ближе друг к другу и вперед, в бой дружно, вместе, плечо к плечу, рука с рукой. Вас еще много, победа еще возможна, вырвите у судьбы счастье для себя и наслаждайтесь.

Прощайте, горячий вам всем привет.

Саша.

Аграрное движение в 1917 году по документам главного земельного комитета.

Среди небольшой группы материалов главного земельного комитета, сохранившихся в архиве б. министерства земледелия, особенного внимания заслуживают документы и картограмма по аграрному движению 1917 года.

Документы главного земельного комитета рисуют причины и формы аграрного движения, роль земельных комитетов в движении и борьбу с ним правительственных органов как местных, так и центральных. Одни документы исходят от дворян-землевладельцев, другие — от комиссаров Временного Правительства.

Дворяне не понимали смысла все шире и глубже идущей вперед революции. Они были убеждены, что революция не пойдет дальше свержения царской династии. «Оставшиеся в деревне старики, больные и женщины встретили переворот спокойно и объяснили его, как последствие неразумного управления царем страны. Можно было ожидать, что требование социального переворота не скоро проникнет в деревню и останется на первое время лишь требованием армии и рабочих».

Захват крестьянами земли казался им делом «посторонних влияний». «Самый переворот, — по мнению рязанского помещика Р. Д. Семенова-Тянь-Шанского, — не имел влияния на изменение отношений. Но развившаяся безответственная пропаганда и воздействие администрации, в лице волостного комитета, уничтожили первоначальное патриархальное (!) отношение и внедрили ненависть к помещикам и вообще «буржуям».

Классовая борьба, по мнению дворян-землевладельцев, не вытекала из тех взаимоотношений, в которых находилось помещичье и крестьянское хозяйство накануне революции. Они не замечали основной причины аграрного движения, заключающейся в господстве крепостников в деревне и в том обострении классовой борьбы в деревне, которое явилось результатом развития капитализма, именно результатом того, что дворяне-землевладельцы переходили от полукрепостнических приемов ведения хозяйства к новым буржуазным системам с помещичьим инвентарем и батрацким трудом. Капитализация помещичьего хозяйства в начале XX века, созданная подъемом сельского хозяйства, увеличив арендную плату и уменьшив арендный фонд, тем самым вызвала сильное обострение классовых интересов в деревне.

Несколько иначе определяют комиссары Временного Правительства причины аграрного движения. Они не дооценивают развертывающихся событий и стремятся придать движению лишь реформистский характер. Революция не должна, по их мнению, в настоящий момент нарушить право собственности и уничтожить «частно-правовые

нормы, освященные законом». Но вместе с тем они понимают, что революция разрывает старые полукрепостнические узы, связывающие крестьянское хозяйство. Они ополчаются против крестьян, когда они выступают «против священного права» собственности и становятся на революционный путь борьбы за свои требования. «Если много шумихи вокруг Раненбургского уезда, — сообщает комиссар,—то я объясняю тем, что Раненбургский уезд выступил первым в аграрном вопросе, и тем, что в его пределах на 10 крестьянских десятин приходится семь частновладельческих, и тою клеветою, которая направлена против Исполнительного Комитета». Теснимое дворянскими гнездами, не отказавшимися от кабальных приемов получения прибавочной стоимости, крестьянство должно было выступить против помещиков. Но комиссары лишь в редких случаях становятся на сторону крестьянства. Недостаток сельско-хозяйственных рабочих, благодаря чему в помещичьих экономиях пропадал на полях хлеб и оставалось невспаханным поле, заставлял некоторых из комиссаров соглашаться на временное нарушение прав собственности. «Под ужасным впечатлением о гибели почти 2.000.000 пудов зерна в экономиях, под впечатлением пустующих полей и валяющегося на дворах исхудалого скота, который поднимали за хвост и который стал гибнуть во многих экономиях, комитет после двухдневного заседания 25—26 марта вынес суровое постановление: все земли и весь живой и мертвый инвентарь передать в руки крестьян, а остальное хозяйство, где это необходимо, передать в заведывание доверенных лиц» (доклад комиссара Раненбургского уезда Ряз. губ.). Сила революции была так велика, что она заставляла на местах создавать новые формы земельных отношений в то время, когда в центре проводили земельную политику, которая «не предрешала бы основного вопроса прав собственности на землю». Даже декларация [1]) «объединенной демократии» от 14 августа, как известно, высказалась против «всяких захватов чьих-либо земель, как отдельными лицами, так и группами лиц или обществами», и требовала сохранить «существующие формы землевладения». Но крестьянство не могло ждать терпеливо Учредительного Собрания.

Насущные интересы крестьянского хозяйства требовали преобразования «существующих законоположений», которыми должны были руководствоваться в своей деятельности земельные комитеты: «надоело нам ждать, в Питере разговорами занимаются, а нам пахать надо», «зимой пахать нельзя», «надо самим о себе позаботиться». Документы главного земельного комитета убедительно говорят о том, что «красный октябрь» шел в деревню с головокружительной быстротой.

Переходя к рассмотрению отображения движения в печатаемых материалах, нужно прежде всего указать его неполноту в последних.

Комиссары пишут, что «движения не было», а на самом деле оно было. «В Чембарском уезде, — сообщает, например, комиссар Пензенской губернии, — никаких беспорядков аграрного характера нет», а в действительности рисует нам иную картину. «Часть населения уезда к частновладельческим землям, лесам, лугам и инвентарю проявляла стремление к бесплатным пользованиям, но, благодаря принимаемым мерам со стороны комиссара, милиции, уездного исполнительного, продовольственного и земельного комитетов, все возникшие и вновь возникающие недоразумения улаживаются примирением сторон. Дать сведения о каждой волости, за отсутствием регистрации всех правонарушений, не представляется возможным, но можно указать на

[1]) Декларация правительства «спасения революции» от 8 июля (ст. ст.).

Владыкинскую, Свищевскую, Балкашинскую, Обвальскую, Ершовскую, Чернышевскую, Студеновскую, Алексеевскую, Митрофаньевскую, Агаповскую, Глебовскую и Волче-Вражскую». В этом списке — 12 волостей, в которых совершаются подобные «правонарушения», требующие для своей «ликвидации» вмешательства всех существующих в уезде организаций, не исключая милиции.

Из Уральской области областной земельный комитет сообщает, что «аграрного движения не существовало и нет», между тем как по сведениям из других источников главный земельный комитет отнес Уральскую область к группе губерний, в которых было движение, хотя и с наименьшим числом случаев. Архангельский губернский земельный комитет отношением 23 октября 1917 года точно так же уведомил, что в губернии никаких аграрных волнений не было, между тем как в июне месяце крестьяне Уемской волости Архангельского уезда отняли землю архиерейского дома у арендатора и распределили ее между собою с санкции представителя уездного исполнительного комитета. В Вятской губернии, по данным губернского земельного комитета от 6 ноября 1917 г., среди населения «особых аграрных волнений» с 1 марта не было. Между тем, комиссар Вятской губернии телеграммой от 22 августа сообщает, что в Юринскую волость Сарапульского уезда была послана рота солдат, так как население препятствовало переписи хлеба. Прибытие солдат вызвало массовое выступление крестьян, которое захватило и местный гарнизон, в результате чего был арестован командир полка и уездный комиссар [1]).

Картограмма [2]) главного земельного комитета дает наглядное представление о том, как шло аграрное движение по различным губерниям Европейской России. По количеству случаев крестьянских волнений все губернии разбиты на шесть групп. В первую, низшую, группу — с 10 и меньше случаями — относятся губернии: Олонецкая, Вологодская, Ярославская, Вятская и Уральская область, Эстляндская, Ковенская, Гродненская и Кавказ. Во вторую группу — с количеством от 11 до 25 случаев — включены губернии: Московская, Владимирская, Костромская, Пермская, Астраханская, Область войска Донского и Таврическая. В третью группу — с количеством от 26 до 50 случаев — Лифляндская, Петроградская, Новгородская, Тверская, Калужская, Нижегородская, Уфимская, Харьковская, Екатеринославская, Бессарабская, Подольская, Волынская и Виленская. В четвертую группу — от 51 до 75 случаев — входят губернии: Витебская, Смоленская, Орловская, Полтавская, Киевская, Херсонская, Саратовская и Оренбургская. В пятую — от 76 до 100 случаев — Минская, Тульская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская и Симбирская. Наконец, — в шестую, высшую, группу — от 101 и выше — Псковская, Могилевская, Рязанская, Казанская и Самарская губернии.

Очагами крестьянского движения сделались в центрально-земледельческих районах — Рязанская, Курская, Тамбовская, Тульская и Воронежская губернии, в средне-

[1]) Архив б. мин. земледелия. Дело главн. зем. к-та по эконом. отд. 1917 г. № 40.

[2]) Картограмма была составлена, насколько это удалось выяснить, главным образом по данным специальной анкеты мин. земледелия по аграрному движению и, отчасти, по донесениям комиссаров Временного Правительства. Идея этой анкеты, повидимому, зародилась на второй сессии главного земельного комитета, когда было признано необходимым организовать текущую регистрацию «происходящих изменений в области земельных отношений». Анкета была разослана на места в первой половине июля. Сведения по анкете должны были захватывать время с 1 марта по 15 августа.

волжском — Казанская, Самарская, Симбирская и Пензенская губ. и в приозерно-западных губерниях: — Псковская, Могилевская и Минская. От этих очагов крестьянское движение по направлению на север, восток и юг падает, и интенсивность его слабеет. Во главе движения идут районы, где были еще сильны полукрепостнические приемы эксплоатации крестьянства. На основании материалов главного земельного комитета мы не имеем возможности установить, как распределяются крестьянские волнения по своим видам в различных районах России. В этом отношении уже опубликованный материал по истории аграрного движения в России за 1905—1907 годы является более ценным, так как по данным этого материала возможно более или менее точно установить, какое количество разгромов помещичьих имений, лесных порубок, захватов земли, сельско-хозяйственных забастовок и движений арендаторов было в той или другой губернии России.

Подобных статистических сведений не имеется в печатаемом ниже материале. В этом отношении документы главного земельного комитета могут быть лишь иллюстрациями к цифровым сводкам, составленным милицией и отдельными исследователями. Но и то сравнительно небольшое количество крестьянских беспорядков, которое дают эти документы, позволяет сделать некоторые выводы. На заседании второй сессии главного земельного комитета от 1—6 июля 1917 г. Н. П. Огановский выступил с докладом по аграрному движению, составленным по материалам главного земельного комитета и других учреждений. В этом докладе, основанном на цифровых данных, установлены две формы аграрного движения: захваты и принудительная аренда.

По его мнению, захват земель «проявился более резко лишь в тех районах, где до войны наблюдалось земледельческое перенаселение и наиболее острая земельная нужда — именно, в районах земледельческого центра и среднего Поволжья, а также в некоторых губерниях юго-запада». Что же касается другого вида аграрного движения — принудительной аренды, то этот вид, по наблюдениям Огановского, «в рубрике волнений фигурирует сравнительно редко». Из печатаемых ниже документов видно, что максимум захватов помещичьей земли относится точно так же к центрально-земледельческим и средне-волжским губерниям. Но они дают такие формы крестьянских «волнений», как лесные порубки и разгромы имений, о которых не говорит Огановский. В донесениях комиссаров и записках дворянства отмечаются следующие виды «волнений» в центрально-земледельческом районе: захват, аренда, разгром имения и лесная порубка; в средне-волжском районе: захват, аренда, разгром, лесная порубка; в правобережной Украине и новороссийском районе — захват и аренда и в приозерно-западных районах — захват и лесная порубка. Формы аграрного движения в центрально-земледельческом и средневолжском районе одинаковы. В малороссийском и новороссийском районах захватов нет, а в приозерно-западных губерниях нет движения арендаторов.

Небольшая статистическая справка по Орловской губернии, которая на картограмме отнесена к группе губерний, где было от 51 до 75 случаев крестьянских волнений, дает нам понятие о числовых соотношениях между различными видами беспорядков.

Движение носило широкий массовый характер, из 504 анкет, полученных из разных мест, движение было в 377 случаях, т.-е. на 73% захватило всю губернию. Беспорядки вспыхнули главным образом в апреле, на который падает свыше 50% всех волнений. Из различных видов волнений наибольшее распространение получили: самовольный выгон скота весной (44%), захват владельческих лугов и земли под яровой посев (36%), воспрещение рубки леса для продажи (36%). Слабее шли крестьянские «беспо-

рядки» наиболее активного характера: удаление и арест владельцев и приказчиков имений (28%), разгром и разбор имения (13%) и захват имения в полном составе (4%).

Аграрные «беспорядки» идут планомерно или стихийно в зависимости от того, насколько крестьяне действовали организованно во время движения. В Раненбургском уезде Рязанской губернии почти по всему уезду, по сообщению комиссара, «весь рабочий скот (лошади) и мертвый инвентарь взяты на использование волостными комитетами... Племенной скот, как конские заводы или матки, а также молодняк от рабочих лошадей, до 3-х лет включительно, оставлен неприкосновенным. Ревниво охраняется рогатый скот, особенно в экономиях, поставляющих молоко в Москву, как Путиловой, кн. Волконской, Слепцова и др.»

Все земли были также переданы в руки крестьян. Некоторыми имениями «заведуют лица, поставленные волостными комитетами». Наоборот, в Чистопольском уезде Казанской губернии движение протекает неорганизованно, без влияния местных комитетов. Здесь точно так же, по сообщению управляющего Государственного Банка, «вся земля, луга и леса от собственников перешли в ведение крестьян», но, видимо, без участия комитетов. В результате «племенной рогатый скот разобран и частью зарезан на мясо на месте, частью продан и уведен. Конские заводы уничтожены, рысистых и скаковых лошадей стали закладывать в расхищенные плуги, бороны, сеялки, жатки, которые, за неимением опытных людей, почти все уже приведены ими в негодность. Культурные сады подвергались дикому истреблению, молодые деревья повырывались с корнем, а со старых деревьев обдирали кору. Леса беспощадно рубили на дрова и на свои прихотливые (?!) надобности, а где и поджигали. Мебель и другую домашнюю обстановку, в том числе и гардероб, владельцам не позволяли вывозить с собой, а их самих и их управляющих или приказчиков выдворяли немедленно с добавлением: довольно вам нашим трудом жить и нашу кровь пить, пора и наша настала». В этой картине краски, быть может, сгущены, но она характерна, как пример движения, в котором совершенно не видно работы крестьянских комитетов.

Крестьянские комитеты во многих местах России уже до октября сделались органами власти, с широкими административными, судебными и отчасти законодательными функциями.

«На съезде, — жалуется комиссар Новоалександровского уезда Ковенской губернии, — роли уездных комиссаров и уездных исполнительных комитетов остались сведенными до нуля. Ни разу не было сказано, чтобы за каким-либо разъяснением обратились к уездному комиссару, и все постановления волостных комитетов приводились в исполнение без какого бы то ни было участия уездного комиссара... Опираясь на протокол крестьянского съезда в Дисне от 4 июня, волостные и сельские комитеты, отстраняя владельцев, распоряжаются частновладельческими лугами, лесами, пастбищами и пр., как своей собственностью. Снимают рабочих, выдают разрешения на пастьбу скота на лугах, на покосном клевере и прочих угодьях как отдельным лицам, так и войсковым частям и организациям». На сходах крестьяне кричат комиссару, когда он хочет их удержать от захватов: «Мы тебя выбрали, и если не пойдешь заодно с нами, мы тебя и вон выбросим»... «Все деньги за какие-либо угодья, — продолжает он, — поступают на хранение в волостные комитеты».

В Цивильском уезде Казанской губернии, в Роменском уезде Полтавской губернии, в Данковском уезде Рязанской губернии и во многих других местах описанная деятельность волостных комитетов проявляется слабее, но в общем почти всюду видно,

какую значительную роль в аграрном движении весной, летом и в начале осени 1917 года играют волостные комитеты. Они являются посредниками в борьбе крестьянства с помещиками, организуют движения и, «скручивая», — как заявляет Кирсановский съезд земельных собственников, — помещиков, постепенно делаются органами власти, «сводя к нулю» правительственных комиссаров. При таких условиях помещичье хозяйство существовать не могло, и оно быстро ликвидировалось. «Хозяйничать становилось невозможно, — сообщает тот же земельный съезд, — и много землевладельцев бросили имения и выехали в города». «Произошел какой-то переполох, испуг, — доносит министру земледелия комиссар Раненбургского уезда, — и многие помещики начали продавать по дешевым ценам свой живой и мертвый инвентарь».

Борьба с движением шла, но была бесполезна; во многих местах солдаты, посланные на усмирение, переходили на сторону восставших. Чем дальше, тем шире разгоралось движение, и тем более активные формы оно принимало.

Успех крестьянского движения обеспечил победу пролетариата в Октябрьские дни.

М. Мартынов.

Центрально-земледельческие губернии.

№ 1. Доклад комиссара Раненбургского уезда Рязанской губернии, от 28 июля 1917 г., № 2613. [1]).

Господину министру земледелия.

4 мая, за № 1501, мною было послано представление на ваше имя и отдельно на имя губернского комиссара и департамента государственных земельных имуществ об аграрном движении в Раненбургском уезде. Ныне считаю необходимым дополнить, что яровой посев закончен был своевременно. Необсемененного из всего уезда осталось только 20 десятин. Обсеменение десятины обошлось в среднем 30 рублей, не считая оплаты труда.

Урожай нынешнего года настолько плох, что продовольственные и земельные комитеты не находят возможным во многих местах взять его за 30 рублей на корню. Таким образом по многим волостям посев произведен крестьянами в убыток.

Паровое поле также вспахано все. Теперь приступлено к заготовке семян. Неубранной ржи не осталось, несмотря на дождливую погоду до 20 июля. Идет спешная возка снопов и уборка овса.

Урожай текущего года ниже прошлогоднего в три, а в некоторых местах в 5 раз. Однако с уверенностью можно сказать, что хлеба будет собрано немногим менее прошлого года.

Нужно заметить, что в прошлом году помещичий хлеб погиб в большинстве экономий полностью. Правильная уборка была лишь

---

[1]) Архив б. министерства земледелия (II актохранилище Ленинград. Центр. Истор. Архива). Дело главн. зем. к-та за 1917 г. по экономич. отделу, № 25.

у Тарасова, Никитина и Слепцова. У кн. Трубецкого от 1.500 десятин нечем было кормить собственный скот, у Бахметьева рожь осталась в поле на рядах, у Ознобишина сгнил в скирдах. Незначительное количество зерна, собранного с 1.000 десятин г. Ознобишина от двухлетнего обильного урожая, оценено уездным продовольственным комитетом от 40 коп. за пуд. У Д. П. Попова, у Тихвинского более 100 десятин парового посева не дали всходов и т. д.

Ничего подобного нет и не будет теперь. Уборка самая тщательная и аккуратная. Если принять во внимание, что помещичий посев равен половине посева крестьянского, то по с.-восточной части уезда недород нынешнего года полностью будет покрыт своевременной уборкой хлеба. Почти то же можно сказать и о западной половине уезда, где урожай хуже. Недобор можно ожидать лишь на юге уезда, где помещичий посев ничтожен и где недород по сравнению с прошлым годом ляжет главным образом на крестьянский посев.

Обращаясь к движимому имуществу помещичьих экономий, необходимо отметить, что по всему уезду, за немногими исключениями, вызываемыми местными условиями, почти весь рабочий скот (лошади) и мертвый инвентарь взяты на использование волостными комитетами: весною — исполнительными, а летом — вновь созданными продовольственными и земельными. Племенной скот, как конные заводы или матки, а также молодняк от рабочих лошадей до 3 лет включительно оставлен неприкосновенным. Ревниво охраняется рогатый скот, особенно в экономиях, поставляющих молоко в Москву, как Путиловой, кн. Волконской, Слепцова и др. В этих экономиях местными комитетами продажа молочных коров воспрещена. Остальным экономиям продажа скота разрешена, согласно постановлению уездного продовольственного комитета, в пределах своей волости, а за пределы волости, но отнюдь не уезда, с разрешения того же продовольственного комитета.

Но в этом преследуется цель не личного эгоизма, а цель общественного блага. Все волости, вмещающие в своих пределах помещичьи хозяйства, количеством дворов и населения гораздо меньше других волостей. Правильного учета скота по уезду по существу не произведено, между тем периодически производится реквизиция скота на армию, при чем механически реквизиция распределяется по волостям. Поэтому каждая волость стремится сохранить весь наличный скот в своих пределах, имея в виду легче справиться с поставкой мяса и лошадей на армию. Инвентарь и рабочие лошади оставлены, напр. в имении П. П. Ознобишиной, которая обязалась своевременно убрать 100 десятин собственными силами. В имении — конный завод. Экономия требует большего обеспечения хлебом. Поэтому помещице доверена уборка хлеба. Когда же выяснилось, что крестьяне без помещичьего инвентаря и лошадей с остальным урожаем справиться не могут, то г. Ознобишиной вменено в обязанность убрать половину своего урожая, то-есть в два-три раза больше, чем она предполагала. Факт этот

ясно указывает, что деревня, бедная рабочими руками, инвентарем и рабочими лошадьми, в силу необходимости прибегает к использованию помещичьего инвентаря и, наоборот, сравнительно богатая в этом отношении Просечинская волость, беря на себя уборку и запашку полей, инвентарь оставила у помещиков.

Характер и организация уборки также несколько различны. Так, в Петелинской волости убран, теперь молотит помещичий хлеб волостной земельный комитет, который от себя нанимает рабочие руки. В Гагинской волости рабочие лошади и инвентарь находятся в экономии, но каждый раз комитет берет их, по мере надобности, на ту или другую работу, по окончании которой возвращает. Но там же село Гагарино нашло это неудобным и все разобрало по рукам до окончания полевых работ. В имениях князя Кропоткина — Карповской волости, князя Трубецкого—Салтыковской волости и Рогович—Троицкой волости, хозяйством заведуют лица, поставленные волостными комитетами. Принцип всюду один: не оставить незапаханными поля, неубранными хлеба. Экономии должны быть обеспечены необходимым продовольствием по закону о хлебной монополии, а остальное — на армию.

Однако на этой почве произошло масса недоразумений вследствие непонимания положения дела. Произошел какой-то переполох, испуг, и многие помещики начали продавать по дешевым ценам свой живой и мертвый инвентарь, а потом стали заявлять, что их к этому «принуждали», и обвинять меня и уездный исполнительный комитет то в бездействии, то в поощрении и выливать всякие другие обвинения, как из ушата, и в печати, и в обществе, и в правительственных учреждениях, вплоть до посылки своих и наемных делегатов. Все это заставляет меня выяснить ту огромную и сложную работу, которую вынес на своих плечах уездный комитет.

1) Когда в начале марта поступили на утверждение приговоры о черном переделе земли и об уничтожении арендных договоров, комитет решил взять на себя урегулирование этого вопроса. На заседание были приглашены и землевладельцы. Под ужасным впечатлением о гибели почти 2.000.000 пудов зерна в экономиях, под впечатлением пустующих полей и валяющегося на дворах исхудалого скота, который поднимали за хвост и который стал гибнуть во многих экономиях, комитет, после двухдневного заседания 25—26 марта, вынес суровое постановление: все земли и весь живой и мертвый инвентарь передать в руки крестьян, а остальное хозяйство, где это необходимо, передать в заведывание доверенных лиц. Такое постановление я нашел неприемлемым для себя и сложил полномочия председателя комитета. Это заставило комитет итти на компромисс, и 31 марта вопрос подвергся новому обсуждению. Постановление это исключало всех мелких землевладельцев, в крупных экономиях ведение хозяйства оставлялось за владельцами, обеспечивало их не менее, чем 30 десятинами в поле, и допускало исключение для правильных хозяйств. Тарасову, напр., дали запахать всю землю и инвентарь не трогали, граф Пален засеял

ярового 90 десятин, Путилова — 65 и т. д. Постановлено: обеспечить экономии рабочими руками для всех хозяйственных надобностей, охранять сады и не устанавливать цен на рабочие руки. Все арендные договоры оставлялись в силе. Эта точка зрения проводилась неукоснительно. И где происходили отклонения, там немедленно появлялся член исполнительного комитета. И, за редким исключением, комитету удавалось справляться со своей задачей, несмотря ни на какую провокационную работу со стороны разных бесчестных лиц, которые старались затормозить работу комитета.

2) Когда постановление комитета Временным Правительством 6 апреля было отменено, то все было возвращено. Пахота разладилась. Комитету пришлось вести новую работу. Улаживать конфликты, где уже произошли соглашения, где приступили к работам. Но тут 8—12 апреля вышло постановление Рязанского съезда представителей всех комитетов и общ. учреждений и городских и земских самоуправлений. Это постановление шло дальше Раненбургского и вызвало новую работу. По некоторым волостям стали проводить его в жизнь. Временное Правительство постановление это 4 мая отклонило, а 19 мая утвердило, кроме реквизиции рабочих лошадей. Соответственно новым указаниям Временного Правительства было вынесено 28 мая постановление о запашке пара, что принято было и уездным продовольственным комитетом, который начал правильно вести свою работу и взял на себя заботу об охране посевов и запашке пара.

В настоящее время крестьянство вполне сорганизовалось, работа облегчилась, но провокация еще возможна. Так, два дня тому назад крестьяне Петелинской волости арестовали некоего Макеева, который призывал к разгрому экономии Семенова и к неповиновению комитету. Арестован был и сам М. Н. Семенов, от которого вышел Макеев на проповедь о погроме. Семенов по телефонному распоряжению немедленно освобожден, а Макеев передан в руки судебного следователя. 23 июля задержан был неизвестный в Зимаровской волости, который хотел смешать (sic!) уборку хлеба в имении гр. Палена. Но по пути в Раненбург неизвестный, пользуясь доверчивостью сопровождавшего, бежал. В настоящее время на сходах допускаются посторонние лица только с удостоверением от общественных организаций. В жизнь легко и без трений проводится постановление соединенного заседания 24 июня Рязанского уездного и губернского исполнительного комитетов с представителями от губернского комиссариата и от министра земледелия Акселя. Недоразумения вышли из 336 селений только в двух. Но сегодня получено извещение о захвате копен крестьянами дер. Николаевки Просечинской волости в имении Обух. На место командированы 2 члена продовольственного комитета и 1 от исполнительного комитета. Этот захват произошел вследствие призыва к нему одного крестьянина. Неприятные события произошли по Нарышкинской волости, где имели место неоднократно ночные кражи в трех экономиях. Факты эти, как позорные, опубликованы по всему уезду с призывом бороться с кра-

жами. Нужно заметить, что в пределах этой волости находится знаменитая Братовка, известная своими ворами. Не было ни одной сессии окружного суда, чтобы не привлекались братовские крестьяне за кражу. До сего времени там в дни революции краж не было потому, что на сходе в начале революции дана была клятва: кражи прекратить. Теперь вновь пришлось там собирать сходы и обсуждать этот вопрос. В заключение считаю нужным добавить, что неоднократные попытки передела общинной, отрубной, купчей земли и земель четвертного права немедленно ликвидировались. Ныне общепризнано, что переделы недопустимы. Все газетные сообщения по этому вопросу ложны. Произошло полное объединение между крестьянством. В этом отношении и имели место довольно заурядные факты. В Дубовской, Ломовской и Старо-Кленской волостях было по 2—3 случая, когда крестьяне увозили копна с тех пашен, которые сданы были ими в аренду в предшествующие годы. Факты эти, как и в старое время, могут быть разрешены волостными судами как возникшие в порядке спора на право владения землей по арендному договору.

Такова общая картина. Если много шумихи вокруг Раненбургского уезда, то я объясняю это тем, что Раненбургский уезд выступил первым в аграрном вопросе, и тем, что в его пределах на 10 крестьянских десятин приходится семь частновладельческих, и тою клеветою, которая направлена против исполнительного комитета.

Из огромного количества жалоб ни одна не подтвердилась при расследовании полностью. Были такие жалобы, которые не имели никаких оснований. Затрачивались силы, средства, которых у комитета не было и которые пришлось занимать в земстве, и оказалось, что затраты эти шли по ложным доносам и заявлениям. В этом, несомненно, сказалось стремление подорвать силу комитета и внести раздор среди населения, что легко было сделать в первые два месяца революции.

Уездный комиссар *Т. Сухарев.*

№ 2. Из записки Кирсановского съезда земельных собственников о деятельности комитетов и положении власти в Кирсановском уезде Тамбовской губернии [1]).

Оставшиеся в деревне старики, больные и женщины встретили переворот спокойно и объяснили его, как последствие неразумного управления царем страны. Можно было ожидать, что требование социального переворота не скоро проникнет в деревню и останется на первое время лишь требованием армии и рабочих.

---

[1]) Записка была составлена в июне 1917 г. Землевладелец Л. В. Дашкевич, препровождая эту записку в главн. зем. комитет 12 июня 1917 г., сообщает, что «теперь положение вещей еще более сдвинулось в сторону ликвидации частного землевладения». Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. комитета по эконом. отделу 1917 г., № 25.

Но смена всего местного управления, уничтожение полиции, всякой обычной власти в деревне, амнистирование уголовных преступников ускорило процесс революции. Надвигавшаяся извне революция в деревне не нашла здесь никаких государственных учреждений.

Этот процесс еще более ускорил (sic!) в Тамбовской губернии, и в частности в Кирсановском уезде, благодаря самоуничтожения власти губернского и уездного комиссаров.

В Кирсанове образовался самочинный комитет общественной безопасности, выбранный не на основании всеобщего избирательного права, что технически было невозможно, а из случайных людей. По его инициативе образовались в волостях комитеты. Часть населения запротестовала на неправильные выборы этих комитетов, на уничтожение и смену волостных и сельских властей, но нигде управы на свой протест не нашла. Этим водворилось сознание в народе, что при новом праве, как выражались крестьяне, воля народа, высказываемая в комитетах, есть высший закон страны и над постановлениями народоправства никакого контроля нет. Крестьяне выводили такое свое мнение в виду того, что ни одно из постановлений комитетов, как бы беззаконно оно ни было, не было отменено властью. Власть ни разу не выехала из Кирсанова для прекращения возникавших в деревне недоразумений. Деревня была предоставлена совершенно сама себе. Вот примеры некоторых эксцессов крестьян и комитетов.

В имении графа Перовского крестьяне удалили управляющего В. Я. Ховелко, губернского и уездного гласного, при посредстве которого владелец и его отец продали из имения в 24.000 десятин 16.000 десят. крестьянам по цене значительно ниже рыночной; удалены также управляющие имениями сенатора Мартынова, г-жи Горяиновой; управляющий г. Носова арестован.

Курдюковский волостной комитет отобрал у помещиков в волости семена овса и продал их крестьянам значительно ниже твердых цен. Во многих волостях делались комитетами у землевладельцев обыски и выемки, отбиралось оружие, запрещалось продавать произведения имений и вывозить их из имений, все сделки по продаже пересматривались волостными комитетами, и цена и условия таких сделок подвергались изменениям, все действия в имениях были опутаны требованиями и разрешениями; хозяйничать становилось невозможно, и много землевладельцев бросили имения и выехали в города.

В разгаре сева яровых уездный комитет предоставил волостным комитетам снимать пленных по своему усмотрению; сев затруднился, и производство разных отраслей хозяйства остановилось за невозможностью найти заместителей, тем более, что одновременно сводились и русские рабочие, запрещалось нанимать рабочих из посторонних волостей, поденные рабочие таксировались комитетами крайне высоко.

Уездный комитет сделал постановление о ревизии казенных учреждений и производства в них выдачи денег. Уездный комитет постановил возложить расход на содержание комитетов на одни землевладель-

ческие и церковные земли, вмешивался в ассигнование земством сумм явочным порядком, уменьшил объявленные правительством твердые цены на хлеба на одну треть, чем остановил на время вывоз хлеба в город и произвел замешательство в деле казенных покупок.

Комитеты присвоили себе право взыскания всех повинностей, платежей и недоимок; присвоили себе право производства торгов, при чем ставили, например, такие условия: не допускать до торгов жителей других волостей.

Аграрные постановления уездного комитета.

В этой области комитет уничтожал право собственности, право распоряжения и пользования имуществом, права по обязательствам; все это — не выслушивая предварительно землевладельцев.

Так уездный комитет постановил понизить арендную цену на землю на 25% сравнительно с ценой прошлого года. Волостные комитеты пошли еще дальше и понизили эти цены на 60%, местами крестьяне землю захватили даром. Сполиативный характер таких аренд явствует из следующего расчета.

При твердых ценах на рожь в 2 р. 40 к. и среднем урожае в Кирсановском уезде в 80 пудов десятина ржи должна дать валового дохода 184 рубля зерном и 25 рублей соломой, — считая расходы по обработке и уборке 70 рублей, остается чистый доход 140 рублей, — при такой доходности арендная цена 9—20 рублей, по которой оказались сданными земли, была совсем минимальна, тем более, что арендаторы платили лишь самый незначительный задаток, оставляя остальную уплату до снопа, т.-е. через год. Еще более оказывалась незначительной эта аренда при сдаче лугов. Заливные и засеянные луга оказались сданными по 10—25 рублей. Считая в этом году урожай сена на таких лугах 200 пудов десятина и цена сена в 1 рубль 50 коп., оказывается доход с них 300 рублей десятина, расход же по уборке травы не более 25 рублей десятина.

Крестьяне бросились на такую дешевую аренду и с помощью комитетов заставили помещиков сдать почти все свои земли. Местами крестьяне так много захватили земель, что принуждены были пахать поспешно и небрежно; пар во многих местах не вспахан, а время для такой пахоты уже прошло. У землевладельцев посевная площадь уменьшилась в среднем на 80%.

В комитетах было стремление распределить доставшиеся земли среди малоземельных крестьян, руководствуясь трудовой нормой. Это стремление встречало противодействие в слишком выгодной аренде, которую каждый старался захватить, кроме того, встречалось течение поделить дешевку по душам, поровну. Местами много земли захватили богатые крестьяне, которые ищут теперь амбары для засыпки хлебов с доставшейся им земли. Дешевая аренда местами произвела земельный ажиотаж и спекуляцию землей.

Надо заметить, что в последние 30 лет, и особенно до революции 1905 года, землевладельцы продали крестьянам половину своих земель— 150.000 десятин.

Эти земли достались исключительно помещичьим крестьянам, жившим вблизи ликвидируемых имений. Таким образом эти крестьяне стали многоземельными, в противоположность государственным крестьянам, жившим вдали, которым ничего не досталось от продажи землевладельцев.

В этом году, когда крестьяне скрутили землевладельцев, вся помещичья посеянная площадь оказалась опять уступленной вблизи жившим крестьянам, так как эти крестьяне чужих крестьян на эти земли не допускали.

Новые социалисты, мечтающие о социализации земли, все еще продолжали жить под знаком крепостного права и твердо были убеждены, что право собственности на землю, отымаемое ими у помещиков, может достаться только тем крестьянам, которые некогда были крепостными у этих помещиков. Таким образом помещичьи крестьяне оказались второй раз перегруженными землей, более же малоземельным крестьянам — государственным — ничего не досталось. И первый опыт социальной задачи, преследуемый земельной реформой — правильное распределение земли соответственно трудовой норме, — среди анархии русской жизни не удался.

Другим постановлением уездного комитета была предоставлена общая пастьба на всех лугах после снятия сенокоса. Эта мера, благодаря которой огромные стада крестьян выбьют и уничтожат в несколько дней все приготовленные землевладельцами выпасы для дойных коров, племенного скота, конных заводов, совершенно уничтожит землевладельческое скотоводство, — кроме того, такая мера была опять расширена крестьянами, затоптавшими с весны сырые луга землевладельцев, травившими сеянные луга, костры и клевера.

Третье земельное решение уездного комитета было еще более решительное: оно передавало все земли, посеянные испольно, крестьянам. В одной части уезда испольный посев очень распространен, — есть помещики, не имеющие инвентаря и денег, которые раздают всю свою землю испольно, — таким образом таким постановлением они лишаются всего своего посева, но эта мера бьет и крестьян, так как, напр., солдатки раздают также свою землю испольно, — это делают и многоземельные крестьяне.

(По своеобразной логике такая передача земли применялась лишь во владельческих имениях — *Л. В. Дашкевич*.)

Такое постановление есть чистый захват посевной площади землевладельцев. Оно находится в резком противоречии с постановлением правительства, гарантировавшего эту посевную площадь. Тем не менее этот переход совершился, к недоумению самих крестьян.

Другими постановлениями комитетов была запрещена рубка лесов; чтобы добиться разрешения срубить одно-два дерева для хозяйствен-

ных нужд, землевладельцам приходится ходатайствовать перед комитетами, и они не всегда удовлетворяют эти ходатайства.

Напрасно землевладельцы обивали пороги уездного и губернского комиссаров с просьбой отменить эти постановления, разрушающие их достояние. Комиссары признавали полную незаконность таких постановлений, но говорили, что не имеют права их отменять. Они постоянно только говорили: ликвидируйте имения.

Такое отношение укрепляло крестьян в их самочинных действиях, когда им говорили, что все их постановления незаконны, они отвечали, что, вероятно, законны, так как правительство ничего не имеет против их приведения в исполнение. Особенно вначале так легко было направить вышедший из берега поток в свое прежнее русло. Теперь, конечно, это труднее сделать, так как в части крестьян укоренилось мнение, что земли народом уже переданы в собственность народа, подразумевая под именем народа свою ближайшую деревню.

Во всяком случае, намерение правительства не допускать до захватов до Учредительного Собрания не удалось. Захваты совершились, и виной этих захватов было само правительство, стоявшее на-вытяжку перед комитетами. Вывод из всего сказанного может быть следующий: самочинные организации и организации, установленные правительством, например, продовольственные и земельные комитеты, требуют над ними контроля, просмотра всех постановлений и отмены незаконных.

Такие функции могли бы быть переданы временным судьям, оставшимся теперь совсем без дела.

Кроме того, нужно, чтобы комиссары вышли из бездеятельности и чтобы они стали действительными органами правительства, проводящими правительственную политику, а не приспешниками покуда неудачно действующих общественных организаций, над которыми, — именно потому, что демократия не привыкла еще к власти, — надо надзор.

№ 3. Ответ дворянина Р. Д. Семенова Тянь-Шанского на анкету мин-ва зем-ия об аграрном движении в 1917 году [1]).

Губерния (область) — Рязанская; волость — Мураевинская; уезд (округ) — Данковский; имение — Гремячки и соседние.

Фамилия, имя, отчество корреспондента — Рафаил Дмитриевич Семенов Тянь-Шанский; звание (или занятие) — дворянин.

---

[1]) Архив б. мин-ва зем-ия. Дело главн. зем. к-а по экон. отд. 1917 г., № 25.

Вопросный лист.

1) Как отразился произошедший государственный переворот на отношениях крестьян к землевладельцам по вашей местности?	Самый переворот не имел влияния на изменение отношений. Но развившаяся безответственная пропаганда и воздействие администрации, в лице волостного комитета, уничтожили первоначально патриархальное отношение и внедрили ненависть к помещикам и вообще «буржуям».
2) Не началось ли среди населения движение в сторону изменения существующих земельных отношений между крестьянами и частными землевладельцами?	Началось.
3) Когда началось движение, в каком месяце?	В апреле после Рязанского съезда 7—12 апр. и после появления в волостях и деревнях лиц, давно уже порвавших с деревн[ей] и бывших в столицах на заводах и т. п.
4) Какую местность движение охватило (уезд, волость, селения)?	Преимущественно волостное село — Мураевню — и постепенно и другие селения.
5) В чем проявилось движение за время производства посева яровых хлебов за истекшую весну?	Требовали сдавать яровую землю, не считаясь с возможностью и желан[ием] обработ[ать] ее собств[енными] средствами. Инициатива исходила от волостн. ком., который, вопреки уже состоявшимся сделкам, назнач[ил] цену в 5 р.
6) Не производился ли крестьянами самовольный захват земли под пастьбу без согласия землевладельца?	Производился, при чем захватывали не только пастбища, но и покосы, а также клеверы, отаву и т. п., и не только без согласия, но вопреки запрещений и просьб владельцев.
7) Какая доля земли была захвачена:	
а) вся земля, предназначавшаяся под посев яровых хлебов?	Захватывалась вся та земля, которая считалась крестьян[ами] нужной для них.

б) или только та земля, которая ранее сдавалась крестьянам в аренду?

— ранее сданная — понижалась ар[ендная] плата до 5 р.

в) только земля, оставленная владельцем без обсеменения?

— таковой вообще у нас не было, и владельцы могли бы обработать лучше, нежели крестьяне, захватившие землю.

г) наложено ли крестьянами запрещение на озимые владельческие посевы?

— не было, хотя вопрос в вол[остном] пр[одовольственном] комитете подымался.

8) Не наблюдалось ли случаев захвата земли, подготовленной к посеву землевладельцем?

Взметанную землю захватывали.

9) Как делилась захваченная земля между отдельными крестьянами?

На тех ли основаниях, как и своя, или на иных, на каких именно?

Земля делилась уравнительно по силе семьи и ее многочисленности; бывали случаи, когда взятая земля навязывалась солдаткам и сла[бым] хозяев[ам], при чем как те, [так] и другие обязывались обрабат[ывать], — за обработку — на яровой земле соседи брали с солдаток 50—70 р. с десятины. Наоборот, служащие у помещика — лишались однообщ[ественниками] земли — в целях: не служи помещику.

10) Если самовольных захватов земли не было, то не наблюдалось ли движение в сторону понижения арендных цен под посев яровых хлебов?

Цены аренды были понижены волостным комитетом до 5 р.,— и старые договора объявлены расторгнутыми.

11) На сколько удалось крестьянам понизить арендные цены под яровой посев?

Платили за 1 десятину под один посев ярового в 1916 г. . . . . 15—25 р.

Платили за 1 десятину под один посев ярового в 1917 г. . . . . 5 р.

12) Не наблюдалось ли забастовок при производстве полевых работ в период ярового сева?

Все время грозили снятием рабочих; между прочим эти угрозы исходили от волост[ого] комит[ета]. Забасто[в]ок не было.

13) В чем выражались забастовки? в предъявлении требований о повышении заработной платы?	Повышение платы шло само собой и достигло во время уб[орки] до 2.50 — женщ. и 4 р. — м.
в снятии с работ пришлых рабочих, военнопленных?	Пытались разбирать по крест[ьянским] хозяйствам.
в поголовном отказе от работ? в введении пониженного (до какого числа часов) рабочего дня?	Отдельные заявления со стороны квалиф[ицированных] раб[очих] и механиков, — а также при сторговании относит[ельно] поден[ной] платы, но робкие и неуверенные.

Пастьба скота.

14) Не производилось ли с весны самовольного выпаса скота крестьянами на чужие земли?	С весны такая пастьба производилась после предварительных переговоров.
15) На каких угодьях производили самовольный выпас скота?	На лугах, в садах.
16) Не производилась ли потрава скотом помещичьих посевов?	С весны нет, но с течением лета скот запускался на помещ[ичьи] посевы все более и более беззастенчиво, несмотря на все просьбы и обращения к милиции и вол[остному] ком[итету].
17) Не производилась ли самовольная пастьба скота по вырубкам и молодому лесу?	Были попытки, но удавалось уговорить.

Сенокос.

18) Не наблюдалось ли случаев самовольного захвата владельческих лугов крестьянами?	Да. А также были вымогательства к сдаче по низкой цене.
19) Какие луга захватывались: а) все луга? б) только те луга, которые ранее сдавались крестьянам в аренду?	Захватывали, что можно, и только в виде милости владельцам оставлялись клочки.
20) На каких основаниях производился раздел захваченных лугов между отдельными крестьянами?	Были случаи «организованных» захватов с распределением скошенного по силе семьи и потребности, но были случаи, брал, кто проворнее — больше других.

21) Если самовольного захвата сенокосов не производилось, то не наблюдалось ли требование о понижении арендных плат?

22) Какое понижение арендных цен на покосы было достигнуто?
Сколько платили в этом году?
Сколько платили в прошлом году?

23) Не было ли забастовок при уборке сенокосов?
В чем забастовки выражались?
в требовании повышения заработной платы?
в снятии с работ рабочих?
в снятии с работ военнопленных?
в поголовном отказе от работы?
в сокращении рабочего дня?

24) Не наблюдалось ли насильственного захвата скошенного сена?

Увозили.

25) На каких основаниях производили дележ захваченного сена?

Увозили — кто смелее и нахальнее, тот больше, — робкие и сохранившие еще понятия права совсем не трогали.

Подготовка пашни под посев озимых.

26) Не наблюдалось ли противодействия со стороны крестьян раннему времени паров землевладельцами?

Нет, но пары были предусмотрительно распределены и захвачены самой ранней весной, и владельцу не оставлено почти ничего. У меня паровой земли не оставлено ни десятины.

27) Не производился ли крестьянами самовольный захват паровой и толочной земли без согласия землевладельца?

Производился.

28) Какая доля паровой или толочной земли была захвачена.
а) вся земля, предназначенная к времени под посев озимых?

У меня вся.

б) только та земля, которая ранее сдавалась крестьянам в аренду?

Вся.

29) На каких основаниях производился раздел захваченной земли между отдельными крестьянами?

По численности и силе семьи, наиболее нахрапистые заявляли больше, сход с этим соглашался.

30) Если самовольного захвата земли, предназначенной под посев озимых, не было, то не наблюдалось ли движение в сторону понижения арендных цен?

О цене разговора не было, ибо цена считалась установленной в 5 р. волостным комитетом, и спорить не приходилось.

31) На сколько удалось крестьянам понизить арендные цены под озимые посевы?

платили за десятину на один посев в этом году . . . . . 5 р.

платили за десятину на один посев в прошлом году . . . . . 15—30 р.

32) Не наблюдалось ли забастовок во время взмета паров?

33) В чем выражались забастовки?

в предъявлении требований о повышении заработной платы?

в снятии с работ наемных рабочих?

в поголовном отказе от работ по найму?

в введении пониженного рабочего дня (сколько часов)?

Крестьянские союзы и организации.

34) Решаются ли по вашей местности земельные дела каждым селением самостоятельно или по соглашению с другими селениями?

Волостным исполнительным комитетом.

35) Какие существуют по вашей местности союзы и объединения для совместного решения земельных дел крестьянами?

Совет крестьянских депутатов — волости[ые] и волостн[ые] исполн[ительные] комит. Земельн[ый] комитет, образованный в конце июня.

36) Собирались ли в вашей местности для обсуждения и решения земельных дел сходы или съезды?

Собирались.

37) В какие организации, партии или союзы входит крестьянское население вашей местности?

Власть захвачена крайними элемент[ами] (большевики, имеющ[ие] связь с Петрогр[а-

дом]) под давлением и по инициативе этих деят[елей] — все крестьянство — как крестьянство — объединено в крестьянский союз, советы состоят из большевиков, которые и ведут за собой все крестьянство, объявляя всех несогласных «врагами народа».

38) Решают ли вопросы о земельных распорядках на местных совещаниях самостоятельно, или крестьяне действуют по указанию из центра, и из какого именно (название и местонахождение организации)?

Инициатива принадлежала уезд[ным] и губ[ернским] съездам, хотя местные деятели проявляли очень сильную инициативу. Местн[ые] деятели получали несомненно инструкции из Петр[ограда] из большевистских организаций.

Иные формы аграрного движения.

39) Не наблюдалось ли в вашей местности разгрома и разбора усадеб?
поджога построек?
поджога сена, хлеба?
захвата владельческого скота?
самовольной распродажи скота?
захвата землед. машин и орудий?
разбора прочего имущества?

Были: В последнее время (октябрь) аграрное движение вылилось в крайние формы: приговора о выселении помещиков, разгром помещичий.

40) Не наблюдалось ли в вашей местности самовольных действий крестьян?

по удалению из имений владельцев, управляющих, приказчиков? Были.

ареста владельцев, управляющих, приказчиков? Были.

снятие с работ рабочих, каких именно (сроковых, поденных, сдельных)? Были.

41) Не производились ли крестьянами самовольные порубки в чужих лесах? Были.

отдельными крестьянами?	Были.
скопом по заранее принятому уговору?	По разрешению волостного земства.
42) Как распределяли крестьяне между собою срубленный лес?	Кто сколько может, тот и увозил.
43) Не производилось ли крестьянами воспрещения рубки леса лесовладельцами и лесопромышленниками?	Были — волостным комитетом.
воспрещение вывоза заготовленного леса и дров?	Были.
снятие с работ лесных рабочих и возчиков леса?	Были.
44) Не было ли случаев захвата имений в полном составе с передачей управления выборным комитетам или старостам?	Были.

Участники движения.

45) Какие слои крестьянства участвовали в движении (ответ подчеркнуть)?	
все крестьяне (богатые, средние, бедные)?	Зажиточные принуждались угрозами.
только крестьяне · среднего достатка?	
крестьяне среднего достатка вместе с беднейшими?	
только беднейшие?	
участвовали ли по постановлению схода, сельского комитета или другой организации и какой именно?	По инициативе и прямому указанию волостного комитета и волостн[ого] земства.
46) Какое установилось отношение между крестьянами, перешедшими на хутора и отруба, и крестьянами, оставшимися в обществе?	Враждебное и озлобленное.
47) Примыкают ли хуторяне и отрубники к крестьянскому движению или держатся особняком?	Особняком, но терроризованы и под влиянием террора идут на уступки.
48) Не наблюдается ли обратного стремления отрубников к возврату в общество?	Нет, но давление в этом отношении со стороны общины оказывается.

49) Не наблюдается ли стремление общества [вернуть?] в общинное пользование выделенную хуторянами и отрубниками землю? — Наблюдается, и очень настойчивое.

Подпись составителя *Раф. Семенов Тянь-Шанский.*

Составление означенной корреспонденции задержалось, т[ак] [как] я был волостн[ым] земств[ом] арестован с 11 по 20 сент. за то, что шел по списку парт[ии] нар[одной] своб[оды] в уездное земство.

Свод сведений (на 1 августа 1917 г.) по Орловской губ., составленный губернской земской управой на основании анкеты министерства земледелия [1]).

ВЕДОМОСТЬ № 1.

УЕЗДЫ.	Движение среди крестьян.		Движение среди крестьян началось.				Самовольный захват под яровой посев крестьянами.		Самовольный выпас скота весной.		Самовольный захват владельческих лугов.	
	Началось.	Не началось.	В марте.	В апреле.	В мае.	В июне.	Производился.	Не производился.	Производился.	Не производился.	Производился.	Не производился.
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Елецкий	35	5	5	10	2	5	13	22	23	16	15	23
Ливенский	43	9	8	15	4	1	15	38	23	30	9	36
Малоарханг. . . .	41	16	5	11	2	1	7	17	20	22	18	24
Орловский	39	8	3	13	4	1	12	31	15	28	16	26
Мценский	28	17	4	9	6	2	21	21	21	23	21	24
Болховской . . .	17	22	4	5	—	1	10	26	17	22	7	31
Крамской	19	22	1	15	—	2	14	27	11	30	8	30
Карачевский . . .	31	3	3	11	1	2	5	25	18	16	18	16
Дмитровский . .	27	8	1	12	7	1	18	7	20	10	18	9
Севский	36	9	3	6	3	1	9	8	17	19	17	12
Трубчевский . . .	17	8	—	7	2	1	5	18	6	18	9	14
Брянский	44	10	3	14	8	3	23	19	21	28	24	24
По губернии . . .	377	137	40	128	39	21	152	259	212	262	180	269

[1]) Архив б. м-ва земледелия. Дело главн. зем. комитета 1917 г., № 40.

Свод сведений по Орловской губернии, составленный губернской земской управой по данным на 5 августа.

ВЕДОМОСТЬ № 2.

УЕЗДЫ.	Самовольн. захват пара и толочной земли.		Самовольн. действия крестьян по удалению и аресту владельцев и приказчик.		Самовольная порубка в лесах.		Воспрещение рубки лесов лесовладельцам и лесопромышленникам.		Захват имения в полном составе.		Разгром и разбор усадеб.	
	Производился.	Не производился.	Наблюдался.	Не наблюдался.	Наблюдалось.	Не наблюдалось.	Наблюдалось.	Не наблюдалось.	Наблюдалось.	Не наблюдалось.	Наблюдалось.	Не наблюдалось.
	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Елецкий	14	24	12	22	9	23	12	16	1	27	5	32
Ливенский	17	33	19	25	5	30	12	20	2	28	10	37
Малоарханг. . .	11	25	11	26	3	27	10	21	1	29	3	30
Орловский	11	25	11	26	5	27	9	22	3	30	9	31
Мценский	14	22	15	25	8	28	11	24	1	29	14	29
Болховской . . .	5	31	10	25	9	25	7	28	—	33	1	35
Крамской	3	33	5	33	3	33	12	27	—	34	2	35
Карачевский . . .	10	23	15	17	11	21	15	15	—	30	1	31
Дмитровский . .	17	12	10	19	8	19	9	15	4	20	8	22
Севский	5	27	5	29	9	24	17	16	—	31	1	30
Трубчевский . . .	4	18	1	20	4	18	4	17	1	21	1	22
Брянский	14	33	5	39	11	33	22	22	3	39	3	44
По губернии . . .	125	306	119	306	85	308	138	243	16	451	58	378

Средне-Волжские губернии.

№ 1. Из записки управляющего Чистопольским отделением Государственного Банка от 2 июля 1917 г. [1]).

Копия.

... Гибельные последствия от попустительства власти здесь уже налицо. Вся земля, луга и леса от собственников перешли в ведение крестьян, и потому на будущий год нельзя уже ожидать ни того количества (много земель будет пустых), ни того качества зерна (вспашка производится поверхностно — хуже прежней, крестьянской вспашки), племенной рогатый скот разобран и частью зарезан на мясо на месте,

[1]) Препровождена отделом местных учреждений Государственного Банка в главный земельный комитет при отношении 11 августа 1917 г. за № 287. Архив б. м-ва земледелия. Дело гл. зем. к-а 1917 г., № 25.

а частью продан и уведен. Конские заводы уничтожены, рысистых и скаковых лошадей стали закладывать в расхищенные плуги, бороны, сеялки, жатки, которые, за неимением опытных людей, почти все уже приведены ими в негодность. Культурные сады подверглись дикому истреблению, молодые деревья повырывались с корнем, а со старых деревьев обдирали кору. Леса беспощадно рубили на дрова и на свои прихотливые надобности, а где и поджигали. Мебель и другую домашнюю обстановку, в том числе и гардероб, владельцам не позволяли вывозить с собой, а их самих и их управляющих или приказчиков выдворяли немедленно с добавлением: «довольно вам нашим трудом жить и нашу кровь пить, пора и наша настала». В городе кучка лиц (из мужчин, женщин и подростков, при обязательной наличности солдата) врывается в квартиры и делает самочинные обыски, как бы по постановлению комитета солдатских и рабочих депутатов или комитета общественной безопасности, и, наконец, даже без всяких причин неповинных людей арестовывают и сажают в тюрьму, как и было в Чистополе с председателем земской управы, городским головой, во[инским] начальником и др. Теперь в деревне, говорят, идет новая агитация; советуют крестьянам свой хлеб не везти в город за установленную твердую цену, а требовать за пуд ржи пять, десять рублей и дороже. На подобную агитацию крестьяне охотно идут, как и было с землей (земля должна быть вашей, не теряйте времени, берите ее и не ждите того Учредительного Собрания), и потому наши деревни опять заняты думками и рассуждениями о новых благах.

С подлинным верно. Делопроизводитель *А. Савичев.*

10 августа 1917 г.

№ 2. Донесение комиссара Пензенской губернии от 19 июля 1917 года № 5223. [1])

Господину министру земледелия.

В дополнение к № 4718 сообщаю более подробные сведения, присланные с мест и освещающие по уездам вопрос об отношении населения к частновладельческим землям (помещичьим, церковным, крестьянским и т. п.), лесу и инвентарю и отношение уездной власти (комиссаров и комитетов) к проявлениям незакономерного захвата земель, приостановление рубки леса, распределение инвентаря и т. п.

Городищенский уезд.

До постановления Пензенского крестьянского съезда от 15 мая с. г. со стороны крестьянского населения не проявлялось захватных стремлений, за исключением единичных случаев, но со времени ука-

[1]) Архив б. мин-ва землед. Дело главн. зем. ком. по экон. отд. 1917 г., № 40.

занного постановления паровые земли частных владельцев, церковные и др. взяты волостными комитетами под контроль и распределены между нуждающимися крестьянами, но в настоящее время вопрос о распределении земель улаживается обоюдным соглашением.

Неоднократные жалобы крупных и мелких землевладельцев в уездные и губернские комитеты, и даже Временному Правительству, на незаконные захваты частновладельческих земель в большинстве случаев вызывались постановлениями волостных комитетов об удовлетворении крестьян малоземельных помещичьей землей. Но постановления эти приводились в исполнение лишь с согласия землевладельцев. Многие владельцы добровольно уступали часть яровых полей, а затем и паровых. Инвентарь переписывался волостными комитетами, но не был использован нигде самовольно.

Трудно уладить инцидент у крестьян-собственников с общественниками. Хуторяне и отрубщики никак не хотят уступить часть своих полей под паровой (озимый) засев общественникам, а последние, руководясь постановлениями Пензенского крестьянского съезда от 15 мая 1917 г., предлагают хуторянам оставить лишь столько земли, сколько они в состоянии обработать своими силами без найма рабочих.

Комиссар, в соглашении с бюро исполнительного комитета, принимал меры к разъяснению населению незакономерности захвата земель и лесов. Все спорные вопросы передавались на обсуждение подлежащих комитетов, в экстренных случаях для улажения острых конфликтов выезжали на места комиссар, его помощник и эмиссар и члены бюро исполнительного комитета.

2 июня организован уездный земельный комитет, и постепенно образовываются волостные земельные комитеты.

Результат деятельности земельных комитетов пока еще не виден. Население возлагает на земельные комитеты большие надежды.

Чембарский уезд.

Часть населения уезда к частновладельческим землям, лесам, лугам и инвентарю проявляла стремление к бесплатным пользованиям, но благодаря принимаемым мерам со стороны комиссара, милиции, уездного исполнительного, продовольственного и земельного комитетов все возникшие и вновь возникающие недоразумения улаживаются примирением сторон. Дать сведения о каждой волости, за отсутствием регистрации всех правонарушений, не представляется возможным, но можно указать на Владыкинскую, Свищевскую, Балкашинскую, Обвальскую, Ершовскую, Чернышевскую, Студеновскую, Алексеевскую, Митрофаньевскую, Агаповскую, Глебовскую и Волче-Вражскую.

Все незакономерные проявления населения к использованию земель и лесов и инвентаря улаживаются посылкою на места делегатов от уездного земельного и лесного комитетов и выездом начальников уездной и участковой милиции.

Уездный земельный комитет соорганизован 23 мая с. г. наосновании постановления Временного Правительства от 21 апреля [1]). Комитетом выделен исполнительный орган — земельная управа, — состоящая из председателя и 5 его товарищей при вольнонаемном секретаре.

Так как Временное Правительство и высшие органы до сего времени не дали сколько-нибудь исчерпывающих указаний руководящего характера по земельной политике, а также указаний на те сведения, какие требуются Учредительному Собранию для проведения земельной реформы, то земельному уездному комитету, в лице земельной управы, пришлось в своей деятельности руководствоваться отчасти указаниями и постановлениями 21 апреля, насколько это оказалось возможным без дополнительных указаний главного земельного комитета, и отчасти разрешать вопросы текущей жизни в соответствии с своими взглядами и убеждениями. Никаких статистических материалов комитет не собрал. Деятельность его на протяжении 25 дней его существования выразилась главным образом в разрешении споров и недоразумений в области земельных и сельско-хозяйственных отношений как между землевладельцами, так и между лицами только последней категории, при чем все выступления комитета в этом отношении увенчались успехом, кроме спора Пелешовского, Леневского, Доншинского, Озерского, Марьинской волости, Пяркинского, Карсаевской [?] волости, и Гусевского, Обвальской волости, сельских обществ о разделе между ними общей земельной дачи. Спор этот имеет за собой 8-летнюю давность и был предметом неоднократного судебного разбирательства во всех инстанциях, включая сенат. В своей примирительной деятельности комитет частью командировал своих членов в уезд на места, а частью разбирал спорные дела в Чембаре, куда граждане являлись со своими жалобами и заявлениями. Кроме урегулированных спорных вопросов, комитет 24 мая внес особое постановление по вопросам земельных и сельско-хозяйственных отношений, объявив его обязательным для волостных, земельных комитетов в их деятельности, а также за отсутствием более подробных указаний Временного Прави-

---

[1]) Постановлением Временного Правительства от 21 апреля 1917 года было положено начало образованию земельных комитетов (главного, губернских, уездных и волостных), состоящих в ведении министерства земледелия, «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным Собранием». Функции главного и местных комитетов определялись постановлением так: 1) на главный земельный комитет возлагалась разработка и составление общего проекта земельной реформы, 2) на губернские комитеты — собирание сведений, касающихся земельной реформы, издание постановлений, регулирующих земельные отношения, и разрешение вопросов и споров; возникающих в области последних в пределах действующих законоположений и постановлений Временного Правительства, приостановление действий частных лиц в земельном вопросе, сдача в аренду казенных земель и т. п., 3) на уездные комитеты — те же задачи в пределах уезда, 4) волостные комитеты работают в пределах задач, указанных для губернских к-тов, но по определению уездных комитетов.

тельства руководящим основанием своей деятельности, что и проводится в жизнь до настоящего времени.

5 июня комитет получил циркулярное распоряжение Пензенского временного исполнительного комитета от 23 мая за № 1339 руководящего характера по земельным и сельско-хозяйственным вопросам, адресованное уездному и волостному исполнительным комитетам. Обсудив означенное распоряжение, в основу которого легли положения, выработанные 2-м общегубернским крестьянским съездом в Пензе 15 мая, комитет в своем постановлении от 8 июня принял его к руководству и исполнению и предложил сделать то же и волостным земельным комитетам. Кроме указанных оснований, комитет в своей деятельности руководствуется еще постановлением Чембарского уездного исполнительного комитета от 30 апреля с. г., подтвержденным соединенным собранием означенного комитета, председателей волостных исполнительных комитетов и депутатов Пензенского крестьянского съезда 23 мая.

2) Никаких беспорядков аграрного характера в уезде не было.

3) После объявления Временного Правительства, предрешившего участь казенных, удельных, монастырских, частновладельческих и других земель, в смысле перехода их к трудовому народу, население смотрит на эти земли, как на свое достояние; заботится о сохранности имеющихся на ней лесов, садов, построек и разного сельско-хозяйственного инвентаря, но в то же время вполне определенно понимает, что все мероприятия, проводимые сейчас в области земельных отношений, только временная мера и что коренное разрешение аграрного вопроса будет сделано Учредительным Собранием. Настроение в волостях спокойное, если не считать поползновений некоторых сельских обществ и отдельных лиц теперь же ликвидировать частную собственность своих односельчан и, в особенности, отрубщиков, но такие поползновения легко сдерживаются указанием земельного комитета на их незаконность.

4) Что же касается отношения комитета к проявлениям незакономерного характера, то, раз установив известные начала своей деятельности, подробно указанные выше, он относится безусловно отрицательно ко всем проявлениям незакономерности, считая таковой все выходящее за пределы принятых им к руководству постановлений.

Все проявления к захватам и насилиям над личностью каждый раз в отдельности обследуются начальником милиции, и по каждому случаю производятся дознания с передачей по подсудности.

Мокшанский уезд.

Исполнительный комитет вынес постановление по поводу яровых и паровых земель: «просить землевладельцев дать земли в таком количестве, в каком необходимо крестьянам». Волостные исполнительные комитеты не допускают каких-либо частных, групповых выступлений. Арендная плата за яровые земли установлена в 4 р. 77 к., за паро-

вые пока не установлена. Установить ее должна примирительная камера. Церковные земли остаются у причта. Были недоразумения крестьян с крестьянами (с отрубщиками в особенности), но в настоящее время отношения налаживаются вполне мирные.

Были случаи порубок, но они пресекались волостными исполнительными комитетами. Замечается нежелание разрешать владельцам рубку леса.

Были случаи, когда исполнительные или продовольственные комитеты распределяли между нуждающимися излишние орудия и лишний незанятый скот экономии; распределение это — за плату и во временное пользование, с обязательством в случае порчи уплатить владельцу стоимость по рыночной цене.

И комиссар и члены комитета выезжали на места недоразумений.

Кроме того, комитет и комиссар, получив то или другое постановление волостных комитетов в том случае, если постановления эти были незаконны, указывали на незаконность их и недопустимость проведения их в жизнь.

11 мая организовался уездный земельный комитет. Его деятельность ограничивается пока улаживанием земельных споров и недоразумений и с этой стороны приносит заметные результаты. Население доверяет земельному комитету и подчиняется его постановлениям. В уезде организованы и волостные земельные комитеты.

Саранский уезд.

Уездный комитет издал инструкцию для волостных комитетов и принимал некоторое участие при помощи своих эмиссаров в организации волостных комитетов. Связь между уездными и волостными комитетами до сих пор остается весьма слабой. Уездный комитет рассылает в волостные все свои протоколы, но сам получает материалы с мест очень редко, и поэтому следить за законностью постановлений волостных комитетов представляется почти невозможным. Случаев опротестования уездных комитетов (sic!) постановлений волостных было очень немного. Кроме того, иногда приходилось разъяснять волостным комитетам относительно незаконности их постановлений, имеющих судебный характер.

Об отношении населения к частновладельческим землям, лесу и инвентарю можно ответить лишь в общей форме, что каких-либо крупных недоразумений, носящих характер аграрных беспорядков, в уезде не наблюдалось. Многочисленные недоразумения и споры крестьян с землевладельцами, в конце концов, так или иначе улаживались и, по крайней мере, по форме носили характер добровольных сделок.

Печальней дело обстоит с отрубниками и хуторянами (на закрепленной надельной и на купленной земле). Неправильно понятые постановления Пензенского крестьянского съезда дали повод нескольким сельским обществам требовать от владельцев мелких земельных участков уступить эту землю для общей разверстки. Часть этих недо-

разумений улажена путем взаимных уступок, а другая часть находится в стадии разрешения при помощи земельных комитетов.

В отношении леса — массовых порубок, кроме одного случая в Скрябинской волости, не наблюдалось.

Захват инвентаря тоже, повидимому, не имел места, кроме Кичуновского общества, которое действовало на основании постановления сельского комитета. Постановление это было уездным комитетом отменено.

Как было уже указано выше, случаев захватов в уезде наблюдалось сравнительно немного. Вообще же всякие недоразумения улаживались главным образом посылкой на места эмиссаров, по преимуществу солдат местного гарнизона, которые всячески старались привести спорящие стороны к добровольному соглашению.

Широко также практиковалась посылка в комитеты письменных разъяснений, которые обыкновенно вручались на руки жалобщикам. Ввиду довольно высокого авторитета уездного комитета в глазах населения такие бумажки обычно приостанавливали незакономерные действия комитетов или отдельных лиц.

Несколько случаев было передано на распоряжение прокурора, и один раз судебным следователем была послана воинская команда.

Уездный земельный комитет организовался 4 июня, волостные пока только организуются. Все земельные вопросы от исполнительного комитета переданы в земельный, который в этом смысле принял те же положения, которые проводились по земельным вопросам исполнительным комитетом.

Инсарский уезд.

Аграрное движение среди населения уезда не носит массового характера, чаще оно проявляется по отношению к общинникам, вышедшим на отруба, и к мелким собственникам из крестьян; при этом обыкновенно общество, захватившее хуторскую землю в общественное пользование, получает отрубников собственников в общину и отводит им надел наравне с другими. Такого рода захваты осуществляются обществами и по собственному почину, как акт восстановления нарушенной, по их мнению, по отношению к общине справедливости, и под влиянием агитации пришлых элементов извне. Единичные попытки последнего времени захватить помещичьи земли, с передачей заведывания ими волостным комитетам, несомненно, вызваны постановлениями Пензенского крестьянского съезда. Такой же единичный характер носят случаи завладения церковной землей.

Гораздо более определенный характер самовольства и самоуправства носит отношение некоторой части населения уезда к лесу казенных, частновладельческих и, в особенности, общественных дач, как к рубленому, так и к стоящему на корню. Открытый увоз срубленного леса крестьянами С. Пятинской волости из частной лесной дачи А. Шумилина, массовая по сообщению Севинским лесничеством вы-

рубка липок на лыки крестьянами смежных с Шайговской казенной лесной дачей сел 4 волостей: Лемдяйско-Майданской, Старо-Шайгавской, Старо-Сивильской Майданской и Ново-Троицкой, затем самовольная рубка общественного леса и пастьба скота в лесных дачах разных мест. Попыток к овладению живым или мертвым инвентарем хозяйства экономии не было, за исключением Пушкинского имения.

Во всех дошедших до сведения уездной власти случаях неправомерных действий отдельных лиц, групп и обществ по отношению к личности и собственности граждан и общему правопорядку уездная власть принимала немедленно меры [к] восстановлению права и пресечению преступных деяний. К числу таких мер, принимавшихся правлением исполнительного комитета, относятся письменное распоряжение в низшие инстанции для исполнения; вызов виновных в нарушении правопорядка в заседания правления для дачи объяснений (Смоленский, Энгель, Бусаров); командировки членов правления на места для улажения недоразумений или расследования (имение В. Тимофеева и Кильдеева, Засечная слобода, Барская Пятина, Ново-Троицк, Пушкино); предложение организациям обсудить незакономерные действия избранных ими представителей (Агеев, Прохорова, Бусаров), привлечение к судебной ответственности (Энгель, Гаврилов, Чумаков и Прохоров); посылка, по соглашению с комиссаром, военных команд без применения в действие оружия (Исса, Ново-Ашкино, Ново-Троицк). Все перечисленные меры оказывались во всех случаях их применения вполне целесообразными по достигнутым ими положительным результатам. Помимо принятия мер к восстановлению нарушенного правопорядка, правление принимает меры предупредительного против нарушения прав характера; к таковым относится рассылка печатных воззваний и правительственных распоряжений общего характера, рассылка циркулярных распоряжений по тем или иным вопросам местной жизни и посылка эмиссаров на места с агитационными целями.

Земельные комитеты организованы согласно положения о них в 20 числах мая. В состав уездного земельного комитета избрано уездным исполнительным комитетом 22 мая — 4 лица. 29 мая состоялось первое общее собрание членов уездного земельного комитета, избравшее из своей среды земельную управу; председателем ее состоит И. Г. Чарапкин. Волостные земельные комитеты избраны в составе 5 лиц и 3 заместителей к ним.

Общее собрание уездного земельного комитета происходит периодически, а заседания земельной управы бывают ежедневно. Направление деятельности земельных комитетов протекает, в общем, согласно указаниям положения о них.

Краснослободский уезд.

Сельское население в громадном большинстве держится того мнения, что все земли, находящиеся в настоящее время во владении частных лиц (помещичьи, церковные, монастырские и т. д.), должны

перейти в пользование трудового крестьянства, однако преобладающее мнение таково, что такое решение о земле должно быть вынесено только Учредительным Собранием. Против переходов всех лесов в государственную собственность крестьянство не возражает. Местами, где есть крупные землевладения, крестьяне следят за тем, чтобы не расхищался и не обесценивался инвентарь в уверенности, что все это будет достоянием трудового народа.

После постановления Пензенского крестьянского съезда были случаи захвата земель, как-то: Девиченской волости, в имении Кондаковых, в Обороченской волости, в экономии уездного земства. Земли брались за дешевую арендную плату. Флегонтовскому монастырю крестьяне воспретили рубку леса на топливо. Наблюдалось несколько случаев захвата земель у отрубников. Случаев бесплатного захвата не было.

Все незакономерные захваты земли вызывали со стороны комитета отрицательное отношение. Отношение это комитет выразил в двух резолюциях от 11 апреля и 24 мая, где крестьянство призывалось воздерживаться от захвата и от помехи частновладельцам обрабатывать земли своими средствами. Только в том случае, когда являлось опасение, что за недостатком рабочих частно-владельческая земля могла остаться незасеянной, крестьянам предоставлялось брать ее в аренду — за цену по добровольному соглашению или же установленную по каждому отдельному случаю волостным комитетом.

До образования земельных комитетов при каждом заявлении о земельных неурядицах комитет старался их уладить мирным путем, для чего на места командировались члены комитета, которые делали соответствующие внушения крестьянам и земледельцам, убеждая первых не губить дело революции самовольными, неорганизованными действиями, а во-вторых, не взвинчивать арендных цен и при сдаче в аренду оказывать предпочтение малоземельным.

Землевладельцы почти всегда шли на уступки. Гораздо большую опасность представляли случаи, когда претендентами на арендование клочка земли являлись два или несколько крестьянских обществ. Однако благодаря усилиям членов комитета грозившие вспыхнуть столкновения удавалось ликвидировать в самом зародыше.

С образованием земельных комитетов (24 мая) все земельные недоразумения передавались на их разрешение.

Керенский уезд.

Касаясь вопроса об отношении населения к частной собственности, вообще нужно сказать, что захваты и самовольное распределение чужого имущества замечалось в особенности там, где во главе комитетов стояли и стоят люди пришлые, потерявшие всякую связь с землей и трудовым крестьянством.

Проявление незакономерных действий и захватов, а также различного характера, распадается в уезде так:

1) Шеинская волость.

Запрещение подрядчику лесопромышленнику Карнаухову рубки леса имения Логвиновой для выработки ободьев и спиц на нужды армии.

Запрещение отрубнику Бохдушину вырубки леса на своем отрубном участке и отобрание нарубленного уже леса на общественные надобности.

Принятие Шеинским комитетом подаренного землевладелицей Логвиновой леса Дубки в то время, когда проводится всеобщий принцип сохранения леса. Подаренный Логвиновой лес, по сведениям частным, срублен крестьянами села Шеина.

2) Малобуртасская волость.

Самовольная прорезка новой дороги через засеянную землю крестьян Гришина и Шумилина крестьянами села Салтыкова.

Потрава искусственно засеянных лугов и раздел парового поля у тех же крестьян.

Запрещение землевладельцу Левкову рубки леса, доставляемого на завод, работающий на оборону.

Постановление и отобрание земельным комитетом у землевладельцев скота с воспрещением продажи его.

3) Ягоновская волость.

Воспрещение рубки леса крестьянам с. Б. Козлейки, Макару Богдашкину и Авдотье Богдашкиной, на их отрубных участках.

Воспрещение Керенскому женскому монастырю рубки леса в даче с. Каргалей, несмотря на имеющееся разрешение лесоохранительного комитета и удостоверение, выданное бюро исполнительного комитета.

Нанесение побоев трем сестрам монастыря за то, что пожелали и намеревались выделить монастырский скот из стада, принадлежащего крестьянам с. Каргалей, пригнанного к самому хутору монастыря.

Требование крестьян деревни Пеньков, явившихся на монастырский хутор при с. Каргалеях в числе 40 человек, с милиционером во главе, показать хлебные запасы, каковое требование было удовлетворено.

Самовольное расхищение заготовленных дров в даче, принадлежащей тому же монастырю, а также выборка ветровальных деревьев крестьянами с. Каргалей.

Уничтожение изгороди на пруде в имении того же монастыря при с. Каргалей и сожжение ее на плотине крестьянами того же с. Каргалей.

Появление на том же хуторе монастыря ночью партии крестьян в числе около 15 человек, по предположению из с. Каргалей, произведших до 10 ружейных выстрелов с целью запугать, чтобы служащие на хуторе не чинили препятствия ловить рыбу в пруде.

Раздел земли крестьянами деревни Ульяновки, арендуемой у землевладельца Крылова крестьянином Камоновым, и уничтожение городьбы в саду, а также потрава сада скотом.

Раздел паровой земли крестьянами деревни Баранчеевки, арендуемой тоже однодеревенцами у Наживиной.

Захват земли у крестьян деревни Аткиной, владеющими четвертной землей крестьянами той же деревни.

Раздел земли, арендуемой крестьянкой Жильцовой у Керенского Тихвинского женского монастыря, находящейся при с. Баранчеевке, при чем у Жильцовой есть соарендаторы, из которых один дер. Баранчеевки, а другой дер. Ишкиной, Наровчатского уезда. Разделившие эту землю кр. деревни Баранчеевки арендатора своего однодеревенца оставили, а остальных, происходящих из крестьян Наровчатского уезда, устранили, заявив, что земля для них в Наровчатском уезде.

Самовольное отобрание у землевладельца Браницкого милиционерами с. Ягоновки двух ружей и палаша.

Совершенное уничтожение лугов, находящихся в пользовании дьякона Орлова, состоявшего в составе причта Керенского женского монастыря, крестьянами с. Ягоновки и другими.

Самовольное взятие в свое распоряжение крестьянами деревни Бутырки имения землевладельца Треймана, увольнение приказчика Евдокимова из этого имения, и, когда последним, по телеграфному распоряжению владельца, имение передавалось под управление Ханова, последний не был допущен и не допускается, несмотря на то, что имеет от владельца доверенность на управление этим имением.

Продажа лошади крестьянами деревни Баранчеевки, принадлежащей пожарной Баранчеевской дружине, и распределение этих вырученных денег между собой, несмотря на протесты местного владельца Яшина, организатора и создателя пожарной дружины в Баранчеевке.

Запрещение лесопромышленнику Тенчурину рубки леса, купленного у землевладельца Яшина крестьянами деревни Баранчеевки.

Потрава лугов крестьянами той же деревни и у того же владельца Яшина.

Раздел паровой земли, арендуемой Тенчуриным и др. у того же землевладельца Яшина.

Требование крестьян деревни Баранчеевки к Яшину снять телефон, чтобы не вел переговоров с городом.

Требование отобрать от Яшина коллекцию оружия (коллекция отобрана после требования крестьян, по постановлению бюро комитета).

Постановление Ягоновского волостного комитета от 6 июня о том, что комитет должен руководиться постановлением Всероссийского Крестьянского Союза, и в силу этого постановления все земли частных владельцев должны поступить в распоряжение комитета. Надельные душевые и прикупные при содействии Крестьянского Поземельного Банка должны обрабатываться без найма, лишь собственными силами,—

земли, находящиеся в аренде, отбираются в распоряжение земельного комитета. Инвентарь, живой и мертвый, от владельцев также переходит в ведение земельного комитета.

Приведя выше, как характеристику, отношение крестьянства к землевладению разных видов, вплоть до отрубных участков, часто не превышающих две-три десятины, нужно сказать, что такого рода нарушение наблюдается и в остальных волостях и, в особенности, в Шелдайской, где воспрещена рубка леса для фабрики Агишева, работающей для армии сукно и связанной с казной контрактом свыше 3 миллионов, в Ртищевской, Ключевской, Сергиево-Поливановской, Черкасской, Кандеевской, Троицкой, где крестьяне требовали вырезки Дьяконовского хутора, принадлежащего владелице Келлер, боясь, что Знаменский волостной комитет захватит имение и весь инвентарь для своих крестьян.

Что же касается сведений по Пензенскому, Н.-Ломовскому и Наровчатскому уездам, то таковые будут представлены дополнительно по получении их от уездных комиссаров.

Губернский комиссар *Ф. Федорович.*

Управляющий делами губернского комиссара *К. Феоктистов.*

№ 3. Телеграмма комиссара Казанской губернии от 31 июля 1917 года [1]).

Петроград. Управление делами милиции, министру председателю, министру юстиции, министру земледелия и министру продовольствия.

Сообщаю: первое. Аграрное движение продолжается. В Казанском уезде по заявлению крестьян села Тарлашей на острове Волги Бекачие захвачены сенокосы крестьянами, не имеющими лугов. В Лаишевском уезде землевладелец Белькович сообщает о начавшемся расхищении сжатого в его имении при деревни Надеждиной хлеба. В имении Щербаковой, того же уезда, по ее заявлению, разграблено имущество через подбор ключей из сундуков. Похищены фрукты в саду. Такое же хищение фруктов в арендуемом Соколовым имении Гарина. В селе Рождествине, Астраханской волости, отобрали у некоторых крестьян укрепленные участки земли землевладельца Гайдуллина. При деревне Кирбях членами волостного комитета отобрано три лошади для нужд крестьян. В Спасском уезде по заявлению землевладельца Веденяпина захватили у него вспаханную землю, увели лошадей во время молотьбы и пашни, намечено отобрание дойных коров, предположена вырубка садовых деревьев в имении Демидова и Ларичева, при Красной Слободе, расхищаются садовые фрукты у землевладельца Демидова. Крестьяне деревни Яшкиной, поддерживаемые волостным и сельским комитетами, захватили лошадей, сбрую, орудия. Крестьяне Абалдуевки отбирают причтовую землю. В Цивильском уезде крестьяне Турмышей отняли

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. ком. по эконом. отд. 1917 г., № 25.

надел Соловьева, состоящего священником Симбирской губернии. В Мамадышском уезде землевладелец Кляшской волости Лебедев сообщает о состоявшемся постановлении волостного земельного комитета об отобрании у него земли, несмотря на то, что ранее Лебедевым отдано было крестьянам 62 дес. В деревне Дертули отобрали у двух арендаторов участки земли. В Свияжском уезде, по сообщению доверенного землевладельца Геркен, в управление хозяйством имения Челнов вступил волостной комитет, отобравший мельницу, управляющего устранил. Во всех случаях снесся с подлежащими уездными комиссарами, которым предложил выяснить обстоятельства каждого дела, виновных в правонарушениях и в самоуправных действиях привлечь к судебной ответственности, принять энергичные меры к безотлагательному восстановлению прав собственности, недопущению эксцессов и осложнений. Дело проведения в жизнь закона хлебной монополии среди крестьян многих волостей, в особенности Казанского, Ядринского и Мамадышского уезда, частью Лаишевского уезда, встречает крупное противодействие. В пункты, угрожающие осложнением и неподчинением, командируются, помимо делегатов и эмиссаров, воинские вооруженные команды. На ряду с этим, в пределах уездов значительное число дезертиров, в особенности в Казанском, Мамадышском уездах, в виду чего туда направлены усиленные команды солдат. Второе. Заводская торгово-промышленная жизнь прогрессивно падает, производительность труда на заводах заметно понизилась, в продовольственном деле заметных улучшений нет, недостаток продуктов чрезвычайный, запасов нет, подвоз ничтожный. Третье. Новых случаев агитации против Временного Правительства нет, за исключением, однако, сильного противодействия в деле хлебной монополии, с чем энергично борется и губернский продовольственный комитет. Четвертое. Самочинных арестов последнее время не было.

За губкомиса *К. Хасанов*. 1469.

№ 4. Телеграмма комиссара Казанской губернии от 8 августа 1917 года [1]).

Петроград. Управление делами милиции, министру-председателю, министру юстиции, министру земледелия и министру продовольствия.

Сообщаю: первое. Аграрное движение продолжается. В Лаишевском уезде в имении Гарина у арендатора Соколова, при содействии сельского комиссара, захвачена лошадь, у арендаторов лугов при деревне Гремячке, у землевладельцев Гинатовича и Некрасовского, гражданами деревни Осиновки, в числе 35 человек, отобраны луга. У землевладелицы Делярю испольщиками засеянный хлеб развозится на свои гумна. У землевладельца при деревне Кирбяк Губандулина членами волостного комитета отобраны три лошади для раздачи без-

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. к-а 1917 г. по эконом. отд., № 25.

лошадным. У землевладелицы при Затчеевке Арцыбашевой крестьянами сняты с работ пленные. У землевладелицы Афанасьевой Батьковским волостным комитетом постановлено предоставить всем испольщикам обмолотить хлеб и сдать в Казань, а владелице уплатить аренду 5 руб. за десятину. В имении землевладельца при деревне Надеждиной Бельковича самовольно запахана оставленная для экономии земля, захвачено 2 овцы, телегами развозится испольщиками хлеб по своим гумнам. В Мамадышском уезде у землевладельца при деревне Лыяпайкино у Матвеева крестьянами захвачено 2 дес. земли. В Свияжском уезде Юматовским волостным комитетом у землевладельца Пекина проданы фрукты сада. У землевладелицы при селе Ивановском Обуховой отобрана мельница Еремеевского товарищества, а общественниками [отобрано] — 115 дес. земли и 10 дес. лугов. В Спасском уезде, по заявлению землевладельца Бекетова, Юрткульским волостным комитетом распродано имущество в имении княгини Оболенской, распоряжением Марасинского волостного продовольственного комитета отобраны лошади для продажи, у землевладельца Апанаева Кузнечихинской волости крестьянами захвачена земля для посева. В имении Булыгиной Рамаданским волостным комитетом отобраны лошади и инвентарь, в селе Куралове у коннозаводчика Андрея Валериановича Молоствова сняты с работ пленные, и отобраны луга, необходимые для конского завода. Землевладелице Умовой крестьянами предъявлено требование об увольнении приказчика и отобрании инвентаря. У землевладельца торгового дома Демидов, Ларичев расхищены фрукты сада, крестьянами при участии милиционеров отобрана принадлежащая причту села Абалдуевки земля. В Тетюшском уезде расхищены фрукты из садов землевладелиц Кочкаревой и Иевлевой. Отобрана укрепленная земля на 5 душ в деревне Больших Салтыков у Аристова. В Царевококшайском уезде у арендатора имения братьев Таланцевых, Шелковникова, близ Царевококшайска, отобраны мельница и луга. В Чистопольском уезде у Никольского товарищества Кутеминским волостным комитетом отобрана земля. Во всех случаях правонарушений по получении заявлений предписано уездным комиссарам и волостным комитетам [принять меры] для расследования и возвращения захваченного, привлечения виновных к ответственности и отмены незаконных постановлений волостных комитетов. [Правонарушения] на земельной почве замечаются в губернии [особенно] в Ядринском и Козьмодемьянском уезде. Противодействия по проведению хлебной монополии и переписи продолжаются, выехали на места помгубкомиссара и уполномоченные комитета. 1507.

За губкомиссара *Бартольд*.

№ 5. Телеграмма комиссара Симбирской губернии от 28 августа 1917 г. [1]).

Петроград. Гум. [2]) Копии министру-председателю и министрам юстиции и земледелия.

20 августа в селе Чирикове, Сенгилеевского уезда, населением избит член Чертановской продовольственной управы Лобанов при исполнении служебных обязанностей. Производится дознание. По полученным сведениям, граждане деревни Клюковки, Корсунского уезда, производят самовольные захваты готовых лесных материалов и рубят на корню. Предложено уездному комиссару принять экстренные меры, совместно с земельным комитетом по прекращению захватов. По полученным сведениям, в селе Атяшееве, Ардатовского уезда, солдаты Фролкин и Резкин агитируют против хлебной монополии и препятствуют реквизиции. Названные лица арестованы. Дознание производится. В селе Малячкине, Сызранского уезда, население отказалось подчиниться учету хлеба и угрожает членам продовольственного комитета. Предложено уездному комиссару срочно принять в этом деле самые решительные меры. Тимошкинский волостной продком, Сенгилеевского уезда, телеграфировал об агитации местных жителей Абдрязикова, Баймашева и Абсалямова против волпродкома. Агитация эта оказала на население вредное влияние, мешает работе. Члены волпродкома отказываются. Фабричные голодают. Приняты срочные меры к ликвидации деятельности агитаторов. По сообщению Сызранской уездной продовольственной управы, население уезда отказывается давать хлеб по твердым ценам, признавая их крайне низкими. Положение в городе и уезде критическое. Предложено уездному комиссару принять самые энергичные меры к проведению закона хлебной монополии, обратившись в случае надобности за военной силой. Председатель Симбирской уездной продовольственной управы доложил губернскому исполнительному комитету, что командированные начальником гарнизона, согласно просьбы комитета, в село Ищеевку солдаты для проведения закона о хлебной монополии, прибыв в Ищеевку, не только не оказали должного содействия агентам продовольственной управы при получении ими запасов хлеба из продовольственных амбаров для передачи его на фабрику Арацкого, но стали на сторону крестьян и, держа ружья на перевес, заявили, что хлеба из амбара не дадут. Прошу начальника гарнизона принять со своей стороны самые решительные меры и привлечь виновных к законной ответственности. Иных выдающихся событий в истекшую неделю не было. 996.

За губернского комиссара *Рудаков*.

---

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. к-а 1917 г. по эконом. отд., № 25.

[2]) Главное управление милиции.

Новороссийские и малороссийские губернии.

№ 1. Из заявления землевладельца П. Ф. Калугина в Роменский совет рабочих и солдатских депутатов Полтавской губернии от 16 июля 1917 г. [1]).

26 июня сего года состоялось заседание Роменского уездного земельного комитета, на котором и я присутствовал в качестве заинтересованного лица, так как там рассматривались два мои прошения.

В означенном заседании земельного комитета рассматривался вопрос об арендных ценах на земли под засев озимого и ярового хлеба. Не обращая внимания на то, что комитет может устанавливать цены только на земли пустующие [2]), т.-е. незасеянные землевладельцами и вследствие того поступившие в распоряжение комитета, и не считаясь с разъяснениями и указаниями правительственного комиссара, который указывал на закон, права комитета и разъяснял ведущие за сим последствия, а также не обращая внимания на заявления некоторых более сознательных своих членов, комитет установил арендные цены на все земли очень низкие, а именно: под озимый посев толочную землю, для чего уходит два года, и за эти два года — от 10 до 15 руб. за десятину и под яровые от 8 до 12 руб.

Что же будет делать самый добросовестный землевладелец при таких условиях, если ему надо уплатить государственные и земские налоги, которые составляют теперь уже около 5 руб. с десятины в год, да большей частью и земля заложена в банке, где платеж, смотря по взятой ссуде, тоже достигает от 5 до 8 руб. в год на десятину? Сколько тогда останется землевладельцу, чтобы жить при теперешней дороговизне с семьей и воспитывать детей?

После приведенного постановления земельного комитета теперь у всех берущих землю в аренду наблюдается одно желание: платить только по 10 руб. за десятину, и даже те арендаторы, которые наняли толочную землю по 30 руб. за десятину (это добросовестная необидная цена), теперь говорят, что больше, как по 10 руб., платить не будут, потому что комитет так определил. Если же арендатор еще не вспахал землю, то требует или возвратить задаток обратно, или же согласиться на плату за толочную землю по 10 руб. за десятину.

Таким образом земельный комитет вместо урегулирования земельных отношений своим постановлением внес анархию...

Далее скажу о действиях сельских волостных и уездного земельного комитетов, которые отбирают арендованные земли от имущих,

---

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. ком-та по эконом. отд. 1917 г., № 25.

[2]) В данном случае землевладелец опирался на 5-й п. постановления Временного Правительства об охране посевов от 11 апреля 1917 г., согласно которого продовольственным комитетам предоставлялось право сдавать в аренду поступающую в их ведение — за отказом владельцев от засева — пахотную землю по справедливой цене местным земледельцам.

опытных и культурных хозяев и отдают самым неимущим. Эти лица не имеют необходимого для обработки земли живого и мертвого инвентаря, а если и имеют, то плохой. Они не имеют хороших семян, не имеют большей частью ни теоретических знаний, ни опыта, как и когда лучше обработать землю, что и когда следует посеять, так как они этим делом раньше не занимались или же занимались в самых незначительных размерах, по самой примитивной системе и способу и при такого же качества орудиях, а теперь, увлеченные большой ценой на хлеб, очень низкой арендной платой и легким получением земли, берут ее и те, кто никогда земли не арендовал и никогда земледелием не занимался.

№ 2. Телеграмма комиссара Новороссийской губернии от 3 октября 1917 года [1]).

Петроград. Гум. Копия министру земледелия.

По пятнадцатое августа включительно зарегистрированы следующие беспорядки: в Александровском уезде — захваты земли, расхищение имущества и самоуправства крестьян; в Елисаветградском уезде захваты в двух имениях пара и урожая; в Ананьевском уезде захваты проданного сена и земли; в Тираспольском и Одесском уездах наблюдались отказы крестьян от арендных договоров; в Херсонском уезде захват имущества церковного причта и урожая крупнейшей экономии. Уездным комиссарам, а также земельным комитетам предписано принять решительные меры по восстановлению прав и прекращения беспорядков. Просьбы земледельцев разъяснений земельных прав увеличились. Союз землевладельцев открыл в Херсоне бюро юридической помощи пострадавшим от аграрных беспорядков и незаконных действий разных учреждений и организаций. РР 55. Гуком *Юрицын*.

№ 3. Доклад представителя мин-ва земледелия в Херсонском губ. зем. комитете А. В. Гранова от 29 августа 1917 г. министру земледелия.

Копия.

19 августа 1917 г. Херсонским губ. зем. комитетом была получена инструкция министерства земледелия, которая обязывает представителей мин. земл. к ежемесячному представлению господину министру земледелия докладов о ходе деятельности земельных комитетов в губернии согласно плану, который должен быть выработан и сообщен по местам. Не получив до сих пор означенного плана, я позволю себе

---

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. к-а по эконом. отделу 1917 г., № 25.

[2]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. к-а по эконом. отделу 1917 г., № 25.

доложить о том, что на мой взгляд представляется интересным и существенным в деятельности земельных комитетов Херсонской губернии.

7 августа я возвратился со съезда представителей мин. земл. в Херсон, где застал заканчивающуюся II сессию Херс. губ. зем. комитета. Заседание Херсонского губ. зем. комитета в моем отсутствии длилось 3 дня, в течение которых главное внимание было сосредоточено на выработке обязательного постановления о регулировании земельных отношений, впредь до разрешения аграрного вопроса Учредительным Собранием. Ознакомившись с материалами к протоколу заседания, я убедился, что принятые постановления своими несколько максималистскими тенденциями грозят серьезными осложнениями в сфере сельского хозяйства в Херс. губ. Судя по мотивировкам к указанным постановлениям и дальнейшим прениям, которые происходили уже в моем присутствии, мне пришлось убедиться вновь в том, что основной мотив местных настроений именно таков, каким его обрисовали на съезде представители мин. земл. о большинстве земельных комитетов,— это вполне понятное стремление местных людей создать там, где нет общего государственного закона и где его отсутствие болезненно ощущается, какие-то свои собственные нормы, так или иначе регулирующие запутанные и сложные отношения, несмотря на то, что такого рода кустарное законодательство может грешить против требований государственной мудрости и против насущнейших потребностей страны в целом.

В атмосфере такого настроения мне пришлось выступить с докладом, где я подчеркнул опасность «кустарного законодательства», а главное — указал на то, что, согласно заверениям, сделанным министром председателем, можно ждать в ближайшее же время издания закона об урегулировании земельных отношений. Мое заявление внесло чрезвычайное успокоение, и мне удалось добиться пересмотра и изменений прежних постановлений настолько, что обязательное постановление Херс. губ. зем. комитета, которое я при сем прилагаю, в своей окончательной редакции в существенном не выходит за пределы проекта правил об урегулировании земельных отношений, принятого гл. зем. комитетом 29 июня с. г., и инструкции мин. земл. от 16 июля 1917 г. [1]).

Соглашаясь в общих чертах с обязательным постановлением по существу, я, в качестве юриста, конечно, не мог не видеть ее формальной противозаконности (противоречия с некоторыми основными положениями нашего гражд. права) и вследствие этого старался замедлить

[1]) Инструкция мин-ра земледелия В. Чернова от 16 июля 1917 года регулировала земельные отношения, давая указания по следующим вопросам: 1) относительно использования труда военнопленных, 2) относительно пахотной и сенокосной земли, 3) относительно лесов, 4) относительно живого и мертвого инвентаря, 5) относительно охраны интенсивных хозяйств, породистого скота и ценных культур. В общем инструкция имела в виду пресечь самочинные захваты на местах и привлечь земельные комитеты к обеспечению правильного сельскохозяйственного производства.

опубликование обяз. постан., надеясь на то, что на протяжении ближайших дней Врем. Правит. издаст соответствующие нормы.

Действительно, 10 августа в местных газетах промелькнуло известие о том, что Врем. Прав. приступило к обсуждению земельных законов. Сообщение это вызвало в соответствующих кругах огромное удовлетворение. В этот период времени к нам со всех сторон стали массами поступать заявления и запросы, главным образом со стороны крестьян и низших земельных инстанций, о том, как заключать арендные договоры для следующего посева, как, кому, у кого, на каких условиях, в каких количествах и т. п. брать землю. Везде с величайшим нетерпением ждали авторитетных указаний правительства. Настроение в этот момент, насколько я могу положиться на свои впечатления, было таково, что соответственная норма, изданная высшей властью государства, хотя бы в духе того же «проекта правил» и т. д., не встретила бы на пути своего применения никаких затруднений.

Настроение обострялось, а газеты приносили все более и более неутешительные известия о том, что обсуждение затягивается, откладывается и, наконец, прекращено совсем.

Через 14 дней после моего приезда в Херс. губ., 21 августа, мне пришлось выступать в заседании Одесского уезд. зем. ком., и тут я натолкнулся на очень серьезную оппозицию. Это было глухое недовольство крестьян, здесь все явственнее сквозили ноты вроде таких, что «надоело нам ждать», «в Питере разговорами занимаются, а нам пахать надо», «зимой пахать нельзя», «надо самим о себе позаботиться» и т. д. Нетрудно себе представить, какую благодарную почву для всяческой демагогии представляло подобное настроение, — в результате же мне с величайшим трудом удалось добиться признания обязательности для уезда постановлений губ. зем. комитета.

Не касаясь частностей вопроса, я позволю себе только указать на то, что особенно ожесточенные споры велись по поводу установления арендных цен. Крестьяне в том настроении, о котором я уже говорил, да еще возбуждаемые демагогическими выступлениями, в которых теперь недостатка нет, высказываются за то, чтобы вообще ничего за арендованные земли не платить, предлагали совершенно смехотворные цифры, вроде одного рубля за десятину или трех, в то время как сумма государственных и земских сборов превышает три рубля. Величайшего труда мне стоило добиться принципиального признания желательности установления таких арендных цен, которые покрывали бы платежи (% и погашения) ипотечным банкам. Тут надо сказать вообще, что полное отсутствие каких-нибудь направляющих линий в текущей аграрной политике создает до крайности тягостное положение. Общее указание на то, что Учредительное Собрание разрешит аграрный вопрос, ничего в конечном счете не решает. Крестьяне, в лице своих выборных органов, категорически восстают против того, чтобы какие-либо деньги попадали к собственникам земель. Собствен-

ники же, опираясь на неотмененное право собственности, требуют своего нормального «дохода на капитал».

Резюмируя, должен повторить то, что мною уже было говорено на съезде представителей, и в соединенном заседании нашем с гл. зем. ком., и лично А. Ф. Керенскому, — медлить с изданием закона, регулирующего земельные отношения, больше нельзя. Опираясь же на свои позднейшие впечатления, я добавлю только, что в связи с общей политической конъюнктурой настоящий момент должен быть признан гораздо менее благоприятным для проведения тех или иных мероприятий Врем. Прав., чем это было еще 3—4 недели тому назад. Престиж и авторитет государственной власти теперь сдвинулся с того кульминационного пункта, на котором он был непосредственно после ликвидации событий 3—4—5 июня и образования коалиционного министерства последнего состава.

Отсутствие какого-либо законодательного регулирования земельных отношений, помимо всего, о чем я говорил выше, ставит деятельность зем. комит. в очень тяжелое положение в случаях коллизий с постановлениями военных властей. Все постановления земельного комитета, как формально незаконные, целиком подходят под понятие тех преступлений, о которых говорится в приказе верховного главнокомандующего от 31 июля 1917 года за № 27.

Все споры и тяжбы зем. комитетам приходится разрешать до сих пор в порядке примирения сторон. Члены зем. управы разъезжают по местам и личным вмешательством, личным тактом улаживают недоразумения и конфликты. Способ весьма несовершенный, но и тут комитеты наталкиваются на затруднения уже чисто технического характера.

Комитеты Херс. губ. поставлены в крайне тяжелое материальное положение: смета до сих пор не утверждена, казначейство чинит всевозможные формальные препятствия при выдаче денег и т. п.

В заключение, как на особенно печальную особенность хода дел в комитете Херс. губ., должен указать на то, что до сих пор работа по улаживанию конфликтов не давала возможности приступить к подготовительным действиям по разработке материалов к предстоящей реформе.

29 августа 1917.

Представитель министерства земледелия в Херсонском губернском земельном комитете *(подпись)*.

Западные и приозерные губернии.

№ 1. Телеграмма комиссара Минской губернии от 12 мая 1917 года [1]).

Петроград. Товарищу министра князю Урусову, копия министру председателю, копия министру юстиции и копия министру земледелия.

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. к-а по экон. отд. 1917 г., № 25.

Первое. Аграрное движение особенно острого характера до сего времени не приобретало. Крупных событий на этой почве не было. Массовое явление — воспрещение рубки леса, заготовки матерьялов и самовольная пастьба скота. Движение это усилилось после крестьянского съезда, резолюции которого крестьяне считают законом. Комиссариатом по этому поводу издано и распубликовано объяснение о незаконности данных действий. Результаты обращения пока не вполне определились. Были случаи уничтожения лесных таблиц, удаления лесной стражи. Во всех случаях даю распоряжение по милиции. Копии направляю совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Второе. Забастовки происходили в нескольких отраслях торгово-промышленной жизни. На экономической почве конфликты улаживаются примирительным путем. Третье. Выдающихся случаев агитации против нового правительства не замечено. Четвертое. В прифронтовой полосе наблюдается усиление буйства воинских частей. Особенно крупные события разразились в Новогрудском уезде, где два батальона напали на именье князя Святополка-Мирского, разбили винные погреба, перепились, сожгли замок и разграбили имущество. Грабеж продолжается. Никакие увещания не действуют. Начальникам и депутатам не подчинились. Введены воинские силы. Беспорядки близки к ликвидации. Зарегистрировано несколько убийств. Последние пожары в губернии приобрели эпидемический массовый характер: горит лес круковского казенного лесничества. В деревне Загорье [сгорело] 25 дворов, в местечке Свержене 186 построек, в деревне Пишковцы 18 дворов и Савичах 16 дворов.

Губернский комиссар *В. Самойленко.*

№ 2. Телеграмма помощника комиссара Виленской губернии от 16 мая 1917 года. [1]).

Петроград. Товарищу министра внутренних дел князю Урусову, копия министру председателю, копия министру земледелия и министру юстиции.

Виленской губ. аграрное движение выразилось в передаче частновладельческих, отчасти казенных лесов в ведение волостных комитетов. Лесная стража устраняется. Комитеты разрешили повсеместно пастьбу крестьянского скота в лесах и пастбищах. Частные озера объявлены общим достоянием. В Дисненском уезде Богинской волости паровая мельница графа Плятера захвачена крестьянами. НР 3945.

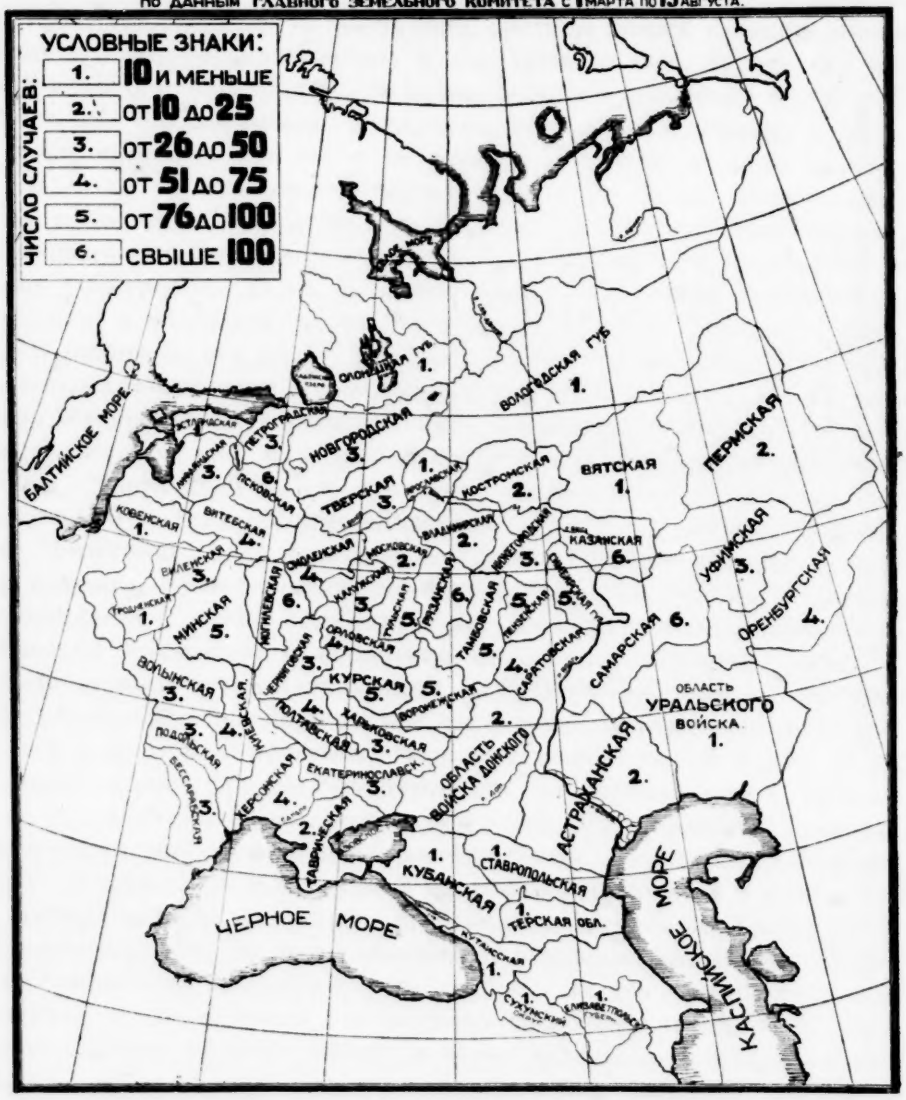
Помощник губернского комиссара *Клиотт.*

---

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. ком. по экономич. отделу 1917 г., № 25.

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ
ПО ГУБЕРНИЯМ и РАЙОНАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
в 1917 году.

по данным главного земельного комитета с 1 марта по 15 августа.



№ 3. Донесение комиссара Новоалександровского уезда, Ковенской губ. от 14 июня 1917 года. № 204 [1]).

Копия.

На 4 июня в г. Дисне, Виленской губ., губернским комиссаром был созван съезд крестьян Виленской губ. и части Новоалександровского уезда, присоединенного в административном отношении к Виленской губ. Собралось около 400 человек делегатов, мирно настроенных крестьян. На съезде этом выступали ораторы самых крайних левых партий (социал-революционеры) и взволновали весь народ: что вся земля ваша и теперь можете, по постановлениям волостных комитетов, забрать все, что вам нужно: поля, луга, леса, озера, пастбища и друг., и, чтобы оформить все это и не считать захватом, должны платить не владельцу, а волостным комитетам хотя бы самую минимальную плату с десятины, — советовали в лесах, как частновладельческих, так и казенных, сменить всех лесников, а на их места поставить по своему усмотрению. Такса за помол хлеба установлена самая незначительная, и мельники, не желая понести большие убытки, отказываются молоть за эту плату. В таком случае мельницы будут забраны волостными комитетами в свое распоряжение. Все воды, озера и реки теперь же переходят в распоряжение волостных комитетов, которые приступают к захвату их и делают новые торги, устраняя старых арендаторов. Частновладельцам дан срок убрать на свои нужды сена только до 10 июля, предлагая владельцам убрать сено только собственными средствами, а не наемными, — одним словом, частновладельцы и арендаторы, по постановлению этого съезда, совершенно устранены от заведывания своими землями, а все переходит в руки волостных и сельских комитетов. В волостные комитеты избираются люди, не соответствующие своим назначениям, избираются те, которые обещают крестьянам отобрать теперь же все частновладельческие земли и передать в распоряжение крестьян. Частновладельцы имеют право на то, что своим личным трудом обрабатывают. До постановления этого на съезде мне, хотя и с трудом, но все-таки удавалось удерживать крестьян во вверенном мне Новоалександровском уезде от больших захватов, потрав, порубок леса и т. п., но в настоящее время я не в силах, так как, возвратившись со съезда, крестьянские депутаты, рассказывая все слышанные речи, на мои увещания не обращают внимания, говоря, что на съезде они слышали совсем другое. За два дня после съезда я получил от Виленского губернского комиссара следующую телеграмму: «Прошу принять лично и через волостные исполнительные комитеты самые строгие меры к недопущению захватов, потрав и порчи лугов и полей, кому бы они ни принадлежали. № 10129. Виленско-ковенский губернский комиссар Балай». Получив эту телеграмму, пришел в смущение: на съезде в г. Дисне г. Балай и др. ораторы гово-

[1]) Архив б. мин-ва земледелия. Дело главн. зем. ком. по экономич. отделу, № 25.

рили совершенно другое, а вслед за этим поручает мне удерживать население от захватов, тем более, что на съезде роли уездных комиссаров и уездных исполнительных комитетов остались сведены до нуля. Ни разу не было сказано, чтобы за каким-либо разъяснением обратиться к уездному комиссару, и все постановления волостных комитетов приводились в исполнение без какого бы то ни было участия уездного комиссара; поэтому, получив вышеупомянутую телеграмму, я сделал телеграфный запрос следующего содержания: «Виленскому губернскому комиссару. Дисна. Опираясь на протокол крестьянского съезда в Дисне от 4 июня, волостные и сельские комитеты, отстраняя владельцев, распоряжаются частновладельческими лугами, лесами, пастбищами и пр., как своей собственностью. Снимают рабочих, выдают разрешения на пастьбу скота на лугах, на покосном клевере и прочих угодьях как отдельным лицам, так и войсковым частям и организациям. Сообщите, как поступить. Новоалександровский уездный комиссар Монтвилль». Эта телеграмма была вызвана тем, что члены сельского комитета Ожовской волости, возвратясь из Дисны, явились к землевладельцу им. Мекяны г. Борткевичу и заявили, что они сдали его покосовый клевер для войска на пастбище лошадей, тогда же распорядились выгнать до 100 лошадей на покосный клевер, и только после усиленных хлопот в штабе полка г. Борткевичу удалось снять лошадей. Кроме того, пришли в имение, велели рабочим разойтись, а если кто пожелает остаться, то помещик должен платить не менее 5 руб. в день. И таких жалоб на действия волостных и сельских комитетов поступает ко мне ежедневно по нескольку, и я не имею возможности удержать, так как они ссылаются на постановления съезда и речи ораторов в Дисне. Роли выборных уездных комиссаров весьма трудные. Желая удержать крестьян от захватов, разъясняя вред таковых на волостных сходах, они кричат: «мы тебя выбрали, и если не пойдешь заодно с нами, мы тебя и вон выбросим». Кроме того, каждый волостной комитет, делая какие [бы] то ни было приговоры, не представляет таковых на утверждение уездному комиссару, и постановления сейчас же приводятся в исполнение. Прошу министерство в самом непродолжительном времени разослать права и обязанности волостных исполнительных комитетов, а также, чтобы ни одно постановление волостного комитета не приводилось в исполнение без утверждения уездного комиссара или уездного комитета. Все деньги за какие бы то ни было забранные угодья поступают на хранение в волостные комитеты, так что частновладельцы не имеют даже средств оплачивать труд своих работников. Принуждают войсковые части за выданную частновладельцами на пастьбу лошадей землю платить в волостные комитеты. По их словам, деньги будут храниться в комитете до решения Учредительного Собрания.

Новоалександровский уездный комиссар *Монтвилль*.
С подлинным верно. За делопроизводителя *А. Болотин*.

К истории последних дней царского режима (1916—1917 г.г.).

Придворная среда перед концом монархии в России много раз уже была предметом разнообразных сообщений и сенсационных «разоблачений» в первые же дни после февральского переворота. Однако, как уже указывалось в литературе [1]), точных исторических данных исследователь имеет еще очень мало. За последние годы появились, правда, довольно многочисленные «мемуары» лиц, так или иначе причастных к организации «спасения монархии» от самого монарха [2]). Но мемуары, писанные post factum, в особенности в раскаленной атмосфере гражданской войны, всегда субъективны. Следовательно, для того, чтобы подойти к непосредственному ощущению происходившего «в верхах» в период напора на старый режим «прогрессивного блока» и лиц к нему близких в конце 1916 г. и первые месяцы 1917 г., — необходимы иного рода исторические источники. Таковым, самым, думается, ценным, источником является переписка непосредственных участников событий, и именно в момент этих событий. В «Красном Архиве» были опубликованы письма Н. А. и А. Ф. Романовых,— с одной стороны, и два письма одного из участников убийства Гр. Распутина — кн. Ф. Ф. Юсупова-младшего к в. кн. Ксении Александровне и к самой царице — Александре Федоровне — с другой [3]). Эти документы вводят читателя в среду, где ковалось оружие против Распутина.

Заговор назревал постепенно, печатаемые ниже материалы дают ряд подробностей для его истории, точнее — для уяснения, как и когда создалось убеждение в необходимости избавиться от «старца», осознание «гибельности» влияния Распутина на государственные дела. Публикуемые ниже материалы распадаются на следующие группы: I и II — переписка кн. Феликса Феликсовича Юсупова гр. Сумарокова-Эльстон (младшего) с матерью, княгиней Зинаидой Николаевной; III — письмо к Феликсу Юсупову его жены, кн. Ирины Александровны, дочери б. в. кн. Ксении Александровны и Александра Михайловича Романовых и, таким образом, племянницы императора и императрицы; IV—три

---

[1]) «Красный Архив», т. IV, 1923 г., стр. 424.

[2]) Наиболее ценные из них, за исключением дневника В. М. Пуришкевича, собраны в извлечениях в сборнике «Революция и гражд. война в описаниях белогвардейцев. Февральская революция», сост. С. А. Алексеев, с предисл. и примеч. А. И. Усагина, М.—Л., 1925 г.

[3]) «Красный Архив», т. IV («Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной»), стр. 158—221. Ibid., стр. 424—426 («К истории убийства Григория Распутина»).

телеграммы б. в. кн. Николая Михайловича Романова к кн. Феликсу Феликсовичу Юсупову (старшему), ген.-адъютанту и б. московскому генерал-губернатору; V— письма Анны Ник. Родзянко, жены председателя IV Госуд. Думы М. В. Родзянко, к княгине З. Н. Юсуповой, ее давней и близкой подруге; VI—письмо б. в. кн. Дмитрия Павловича Романова к Феликсу Юсупову-младшему, писанное им уже после революции [1]).

В моменты корреспондирования семейство князей Юсуповых было территориально разъединено: старшие, кн. Ф. Ф. и З. Н. Юсуповы, вместе с невесткой кн. Ириной Александровной и внучкой, проживали в Крыму, в своем имении «Кореиз», близ Ялты, а рядом с ними, в Ай-Тодоре, жили родители Ирины Александровны — А. М. и К. А. Романовы. Сам Ф. Ф. Юсупов - младший был в Петрограде, где он проходил курс пажеского корпуса (в виду войны), подготовляясь к зачетам, но в то же время живо интересуясь всем, что происходило «в верхах» и что знать точно позволяло ему его исключительное даже в аристократическом обществе положение племянника (по жене) царя и царицы («Дядя» и «Тетя» его писем). — Его мать, З. Н. Юсупова, постоянно поддерживала в нем этот интерес, жалуясь и проклиная «атмосферу», в которой ей приходится жить и которая связывает «ей руки и ноги».

Ее слова сыну, повторяющиеся чуть не в каждом письме, что необходимо «сократить управляющего» (Распутина) и ликвидировать «Валиде» (Алекс. Фед.), естественно, давали как бы благословение и тон всему, претворяемому в действительность уже более молодыми силами. Конечно, нельзя думать, чтобы княгиней Юсуповой предполагалось физическое устранение с жизненного пути ее сыном и его друзьями Распутина и Александры Федоровны, — это было бы слишком, — достаточно было бы, очевидно, иного — ссылки первого и объявления ненормальности второй. Этого и следовало усиленно добиваться. Ее страшно возмущает молчание светского общества по поводу высылки другой великосветской дамы — княгини Васильчиковой, — написавшей резкое письмо императрице о Распутине и подвергшейся столь необычной для верхов общества каре; она находилась в резкой оппозиции к Распутинским кругам еще задолго до окончательного «назревания нарыва»: она, по ее словам, ездила за $1^1/_2$ года до этого (т.-е. в половине 1915 г.) в Елагин дворец (где тогда проживала семья в. кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны), чтобы «умолять» царских родственников («семью») подать протест против Распутина и его влияния на Ал. Федоровну. Цель всех этих мер — определенна: если можно, то «все спасти», монархию и строй, так как «нарыв созрел, и если ему вздумается лопнуть, то ничем уж его не удержишь»; в создавшихся же обстоятельствах единственным выходом является только ответственное министерство, лозунг, конечно, далекий от настроения того общества, к которому принадлежат корреспонденты.

Таково одно влияние, ведшее к необходимости принять какие-либо меры для «спасения всех» от этого «ужаса», меры, с которыми надо было «спешить». — Другое влияние шло от Государственной Думы, в то время привлекавшей всеобщее внимание.

---

[1]) Все письма печатаются с подлинников, хранящихся в Ленинградском Центр. Историч. Архиве, 2-е Архивохранилище. — Письма кн. З. Н. Юсуповой наполнены мелкими семейными событиями: сведениями о здоровьи невестки — кн. Ирины Александровны — и внучки «Беби», описаниями ссор и жалобами на няню и т. п.; в виду этого взяты только «политические» моменты ее писем, несомненно, представляющие общий интерес, и опущены все мелочи и частности.

Ф. Ф. Юсупов, переодетый в штатское платье (с риском навлечь на себя неприятности от корпусного начальства, что с точки зрения старого служаки — его отца — являлось бы, очевидно, неподобающим), присутствует на знаменитом заседании 19 ноября 1916 г., когда монархист и лидер организации «Палата Михаила Архангела» В. М. Пуришкевич произнес резкую речь, которая даже в официальных стенограммах заседаний Гос. Думы напечатана была с пропусками [1]). Впечатление от думских речей — «потрясающее», по словам кн. Юсуповой; оказывается — «п р а в ы д а ж е л е в ы е». С М. В. Родзянко у Юсуповых были давние (и родственные) связи; сам Родзянко просит передать кн. З. Н., что «ее ему недостает», а она усиленно советует сыну разъяснить «дяде Мише» всю необходимость «ликвидировать два вопроса». Активными участниками «ликвидации» одного из этих вопросов явились, как известно, молодой кн. Феликс Юсупов, б. в. кн. Дмитрий Павлович Романов и член Госуд. Думы Влад. Митр. Пуришкевич. Первых двух, как видно из письма Дмитрия Павловича, написанного им уже после февральского переворота (23 апр. 1917 г.) из Персии, связывала тесная, интимная дружба. И их «прогноз» событий, кажется, был довольно точен, — они не ставили иллюзий, как кн. Юсупова, что акт убийства Распутина может «все спасти»: «Да! Случилось! Случилось то, в возможность чего мы так с тобою верили. Из-за пустого и недальновидного упрямства одной женщины случилась финальная катастрофа, которая, конечно, смела и «Царское» и нас вместе заодно, ибо одна фамилия «Романов» теперь синоним всякой грязи, пакости и недобропорядочности», — пишет Дмитрий Павлович. Они оба вполне понимали, что одним только «раскрытием глаз» Николаю II дела исправить нельзя, и шли на убийство, не вполне, кажется, веря в то, что и оно явится радикальным средством. В этом отношении они отличаются от Пуришкевича, который, по словам Юсупова, даже в момент произнесения своей известной речи в Думе (19 ноябрч), «очевидно, не знает многого и думает, что если откроют глаза дяде (Николаю II), то этим все спасут». К этому сроку у первых двух уже, видимо, созрело решение «сократить управляющего», и был разработан весь план действий: Ф. Ф. Юсупов, живший временно во дворце тестя, в. кн. Александра Михайловича, и спешно подготовлявший себе помещение в своем особняке на Мойке, уже посвятил в заговор жену, Ирину Александровну, правда, очень иносказательно и темно: кн. Ирина Алекс. должна была служить, так сказать, приманкой для старца. Между 20 ноября и 8 декабря окончательно выявлены были все участники, и уже начаты были подготовительные, так сказать, «работы»: Ф. Юсупов совещается подолгу с Пуришкевичем, с которым они «очень подружились», завязывает тесное знакомство со «старцем» («с ним» — в письме к жене, Ирине Александровне) и с одной из его ближайших фанатичных светских поклонниц — М. Е. Головиной («Муней»). Княгиня Ирина Александровна также была уже посвящена в дело и хотя и просила мужа «не соваться в разные грязные истории», но настойчиво требовала, «чтобы без меня ничего не смел делать»... Родзянко заговорщиками был отброшен, так как он был слишком «узок в своих суждениях, упрям, как стадо ослов, и его положение его очень испортило и сделало его слишком уверенным в себе и слишком важным». Пуришкевич уже тогда мог сказать своему другу В. В. Шульгину о дне, когда назначено было убийство [2]).

---

[1]) «Стенографич. отчет Госуд. Думы», IV созыв, сессия V, засед. VI, стр. 229—318.

[2]) В. В. Ш у л ь г и н, «Дни» (сборник «Февр. революция»), стр. 65—67.

Между заговорщиками, конечно, не могло быть и не было каких-либо письменных сношений. Самое убийство поэтому и не отражено в переписке. Мы видим лишь, что вслед за убийством в защиту главного лица — Ф. Юсупова — вмешивается почти немедленно б. в. кн. Николай Михайлович, посылающий постоянные сведения о положении дел и состоянии сына кн. Ф. Ф. Юсупову - старшему и побуждающий его немедленно приехать. На смену младшим поколениям выступало старшее. По сведениям Николая Михайловича выходит, что уже 20 декабря в принципе была решена «кара» Феликсу Юсупову - младшему — высылка, и лишь не определен был еще день выезда.

В дальнейшем главные герои — Ф. Ф. Юсупов и Дмитрий Павлович — были, как известно, высланы. Был выслан из Петербурга и Ник. Мих., тоже не добровольно, и, по словам А. Н. Родзянко, «очень озлобленный». Настроение Юсуповской семьи, проживавшей в своем имении «Ракитном» (Курской губ.), вырисовывается из письма Ф. Ф. Юсупова - младшего своей теще, б. в. кн. Ксении Александровне, опубликованного уже в «Красном Архиве» [1]). Дмитрий Павлович в Казвине, в Персии, пережил февральскую революцию. Очень характерно для мотивов, почему он так и не вернулся в Россию «поддерживать» Временное Правительство, его уже упомянутое нами письмо Юсупову от 23 апреля 1917 г., — основная причина, повидимому — «делать там нечего». Интересен в письме его анализ положения (сознание бесповоротности случившегося, краха престижа всей фамилии «Романовых», краха экономической своей базы — «удельные суммы к чертям», а «есть то надо»). К революции, все шире и шире захватывавшей массы, отношение, конечно, резко неприязненное, особенно к «борцам за свободу» (кавычки автора письма) — «вроде Ленина и компании» (тоже), оттенок презрительности имеют его фразы, относящиеся не только к «исполнительным комитетам» (войсковым и городским), но и к деятелям Временного Правительства (кн. Г. Е. Львову и А. Ф. Керенскому). О Родзянко же брошена только одна фраза: «Воображаю состояние Родзянки!».

Письма жены последнего, Анны Николаевны, урожд. кн. Голицыной, вводят читателя в интимный, так сказать, уголок сношений Родзянко с царем. — То, что пишется в них о царской семье, конечно, является отзвуком мыслей самого председателя Госуд. Думы. Недаром Феликс Юсупов писал матери, что «дядя Миша» стал особо «важным». Он чувствовал себя на докладах Николаю II «вдохновенным», думал убедить и поразить своими речами и наталкивался на совершенно обратное к себе отношение со стороны «венценосца». Родзянко пытался несколько раз, — добиваясь, видимо, с большим трудом приемов, — повлиять на царя, «открыть ему глаза», и — безрезультатно. Николай II выслушивал все сентенции, но лишь до той поры, пока дело не доходило до речи об императрице Ал. Ф.: тут он «бледнел и ничего не возражал». «Он панически ее боится, и без помощи ему не избавить нас от ее пагубного влияния»,— пишет А. Н. Родзянко. А избавиться и найти какой-то мостик для переговоров, видимо, хотелось: пробовали даже найти способ сговориться через в. кн. Михаила Александровича [2]). Но, чем дальше развертывались события, тем яснее становилось и для Родзянко, что нет никакой возможности наладить отношения. Еще в начале января он был уверен,

---

[1]) «Красный Архив», IV, стр. 426.

[2]) Ср. любопытные замечания кн. Палей в ее воспоминаниях о радости, с которой Николай II как будто принял известие о смерти Гр. Распутина. (Кн. Палей. «Мои воспоминания о русской революции», сборн. «Февральская революция», стр. 343—344.)

что он не будет лишен своего придворного звания, о чем ходили слухи («Никогда, я вам слишком доверяю»), а 10 февраля, после приема, председатель Думы был совсем обескуражен: Николай II имел «резкий, вызывающий тон, вид решительный, бодрый и злые, блестящие глаза»... На слова о полном развале экономической жизни в тылу и на фронте — требование сократить доклад [1]), так как «мне времени нет», а когда М. В. Родзянко коснулся дел на фронте и представил очень интересный, вполне обоснованный доклад, царь отстранил его рукою со словами: «Мне все известно, что надо знать, а ваши сведения противоречат моим». И в среде Родзянко, наконец, пришли, в феврале 1917 г. к мысли, «что не одна А. Ф. виновата во всем, он, как русский царь, еще более преступен». Постепенно спадала тень с «благожелательного», но «слабого венценосца», и русское самодержавие вставало даже и перед октябристами во всей своей уродливой наготе. Напуганные обыватели, начиная с великих князей, еще с декабря обращались к Родзянко за советом или с вопросом: «когда будет революция?». Революция пришла и «смела», по словам Дм. Павл., и «Царское», и Родзянко, и Юсупова...

Письма кн. Юсуповых наполнены из конспиративных целей кличками, которыми корреспонденты наделяют действующих лиц. Не всегда их можно было раскрыть с точностью: где оказалось это достижимым, это выполнено.

П. Садиков.

I. Письма кн. Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон кн. З. Н. Юсуповой.

1.

Москва [2]),

Дорогая мама.

Холод собачий. Метель, страшный ветер и 7° мороза. Какая гадость после Крыма!

Только что вернулся от сестры Тети [3]). Она очень мрачная. Все надеятся на Медведева [4]). Его разговор произвел на всех большое впечатление и на нее тоже. Разговоры в доме [5]) носили очень скверный характер, и боятся его ликвидации.

Очень прошу, когда будешь получать мои письма, говорить Ирине телеграфировать мне.

Перовы совсем расстроены кражей львов и встретили меня с похоронными лицами.

Путешествовал довольно приятно; с нами ехал Воеводский (кавалергард); все время провели втроем, о прошлом нет и помина. Слава богу! Воеводский только что с фронта. Говорит, что настроение у всех великолепное.

---

[1]) См. X т. «Красного Архива», стр. 69—86: Записка М. В. Родзянко, представленная царю, повидимому, 10 февраля 1917 года.

[2]) На конверте почтовый штамп: Москва, 3/II. 16.

[3]) Б. вел. кн. Елизавета Федоровна.

[4]) М. В. Родзянко, председатель Госуд. Думы IV созыва.

[5]) «Дом» — Госуд. Дума.

В этот раз я уехал совсем с другим настроением, не то что из Царского. Умоляю тебя, не мучай себя напрасно. Поверь, что все, что я тебе говорил, — это сущая правда, и даже если у меня и бывают временные помешательства (как ты это называешь), то все-таки то, что во мне есть хорошего, всегда возьмет верх над дурным.

Сейчас еду на поезд.

Крепко всех вас целую.

Феликс.

Мне очень понравился разговор Гримма [1]) в другом доме [2]).

2.

Петроград [3]).

Дорогая мама.

Только что вернулся из корпуса. Все устроилось лучшим образом. Перевели меня в пехоту, освободили от строевых занятий и в феврале выпускной. Репетиции в полном разгаре, так что почти все свободное время сижу дома и зубрю с Фогелем. Поселился я здесь из-за того, что жить наверху на Мойке ужасно скучно одному, а внизу комнаты готовы, а материи нет. Здесь же я обедаю и занимаюсь. Живу внизу в комнатах для гостей. Никто здесь меня не тревожит, и мне тут очень хорошо. Был два раза у Медведева; он просил тебе передать, что ты ему очень недостаешь в данную минуту. Он рассказывает очень много интересного про свой дом. Тетя перешла границу всего, что только можно себе вообразить; ни за что не хочет выселить дядю Борю [4]), настояла, чтобы разрешили выходить Pontin [5]), несмотря на то, что доктор о нем сказал ей, что это опасно для жизни. Доктора поэтому и прогнали, так как он категорически отказался выпустить Pontin на свободу. Сейчас узнал, что Сережа едет через два дня в Крым, и я это письмо пошлю с ним. По крайней мере, так оно не пропадет.

Медведев не хочет понять, насколько Г. [5]) могущественен, в гипноз не верит, говорит, что все это построено на разврате, и т. д. Он очень узок в своих суждениях, упрям, как стадо ослов, и его положение его очень испортило и сделало его слишком уверенным в себе и слишком важным.

Перед открытием дома он просил Дядю его принять. Тот отказал. Теперь, что он вторично выбран, он опять просил его принять, но ответа до сих пор не получил. В доме Милюков [6]) читал вырезки немец-

---

[1]) Чл. Госуд. Совета—проф. Д. Д. Гримм.

[2]) «Другой дом» — Госуд. Совет.

[3]) Письмо не датировано; очевидно, написано до отставки Б. В. Штюрмера (10/XI 1916 г.).

[4]) Б. В. Штюрмер, председ. сов. министров (20/I 1916—10/XI 1916 г.).

[5]) Григорий Распутин.

[6]) Милюков, П. Н., член IV Гос. Думы, лидер партии «народной свободы» (к.-д.); очевидно, подразумевается его известная речь в Гос. Думе 1/XI 1916 г.

ких газет, в которых говорилось, что Тетя окружена людьми, которые своим влиянием помогают им (немцам) и что мир будет скоро заключен. Это письмо я пишу в несколько приемов. Вчера вечером опять был у Медведева. Он мне дал бумагу, которую я тебе при сем прилагаю [1]).

Эти дни происходит важное совещание у Дяди. Усиленно говорят, что дом будет ликвидирован. Понтин сидит под домашним арестом. Одним словом, настроение самое отчаянное.

Все ожидают очень важных событий.

Жена Медведева очень волнуется, так как, говорят, ее мужа хотят назначить на место дяди Бори, но я этому не верю. Говорят тоже о назначении отца Шаровой [2]) на высокий пост?

Сейчас узнал, что заседание в доме, которое должно было состояться в пятницу, отложено до 15-го.

Сегодня вечером увижу Груса [3]).

Корнеев [4]) работает над подоходн. налогом, на-днях обещался мне принести проект.

Погода отвратительна: холодно, дождь, сыро. Что делает Ирина [5]). и Беби [6])? Пиши почаще.

Крепко целую тебя и папа.

Феликс.

Сегодня уезжает девушка вел. кн. [7]), и я с ней посылаю это письмо.

3.

Петроград.
20 ноября 1916 г.

Дорогая мама.

Благодарю тебя очень за длинное письмо. Я совсем под впечатлением вчерашнего заседания в Думе. Я попал туда, рискуя очень многим, так как переоделся в штатское. Но интерес к тому, что происходит, взял верх над благоразумием. Из газет ты уже все знаешь, так как в «Речи» было все напечатано.

---

[1]) Приложения нет.

[2]) Шарова — Анна Ал. Вырубова. урожд. Танеева; ее отец—Танеев, Александр Сергеевич, статс-секретарь, обер-гофмаршал, член Гос. Совета, главноупр. собств. его велич. канцелярией, член верховн. совета по призрению семей лиц, призванных на войну.

[3]) Детский врач в Петрограде, постоянный у Юсуповых.

[4]) Управляющий делами кн. Юсуповых.

[5]) Ирина Александровна Юсупова, урожд. Романова, жена кн. Ф. Ф. Юсупова.

[6]) Дочь Ф. Ф. Юсупова (младшего)—Ирина.

[7]) Ксении Александровны Романовой.

Трепов [1]) был в идиотском положении; 5 раз ему не давали говорить. Речь Пуришкевича замечательна [2]). Произвела на всех громадное впечатление. Очевидно, он не знает многого и думает, что если откроют глаза Дяде [3]), то этим все спасут. Досталось здорово Воейкову [4]) с Кувакой. Речь Бобринского [5]) была направлена против Протопопова, который смещается. Тетя [6]) сидит у Дяди и, говорят, грызет ковры от злости. Речь Трепова была очень поверхностна, и к ней отнеслись без всякого доверия.

Дядя Миша [7]) был великолепен. Все время рычал с звонком в руках. Подумай, какая наглость: в посольской ложе, на первом месте с Палеологом [8]), сидела Мимишка [9]). Чорт знает, что такое!

Семья [10]) хочет написать Дяде коллективный протест. Не думаю, что из этого что-нибудь выйдет.

Медведев вернулся от Дяди очень мрачным, — он все сказал, и в самой резкой форме, и ему ответили: «Вы думаете, что я тоже изменник?».

Как тебе это нравится? Не знаю, чем все это кончится? Все живем, как на вулкане, и у всех в голове бродят те же самые мысли.

Сейчас еду к Медведевым.

Только что вернулся от Медведевых. Протопопов не уходит и заявил, что гонение на него еще больше увеличивает к нему любовь Дяди и Тети. Медведев подробно рассказал свой разговор с Дядей. Он ему все выложил со всеми подробностями и в довольно резкой форме. Открыто говорил про Тетю, что ее нужно убрать, пока не поздно.

Больше сказать, чем он сказал, невозможно. Ничего в ответ. Молчание — и только одна фраза, которую я написал выше. Медведев совсем потрясен.

Через несколько дней поедет к вам в санаторию брат Сухотина [11]), из нашего лазарета. Я с ним напишу. Пока в голове одна дума и т. д.

Погода отвратительная: темно, туман, сыро и дождь. Наши комнаты будут готовы к 15 декабря, и то не все, но жить можно. Наверху все в беспорядке. Крепко, крепко целую.

Феликс.

---

[1]) Трепов, А. Ф.—с 10 ноября по 27 декабря 1916 г. председатель совета министров (и путей сообщения).

[2]) Пуришкевич, В. М.—член IV Госуд. Думы, лидер организации «Палата Мих. Архангела».

[3]) Николай II.

[4]) Воейков, В. Н.—ген.-майор свиты, дворцовый комендант; Кувака—минер. вода из его имения.

[5]) Бобринской, гр., В. А.—член IV Госуд. Думы, монархист.

[6]) Александра Федоровна Романова.

[7]) Родзянко, Мих. В., председатель IV Гос. Думы.

[8]) Французский посол в России.

[9]) Анна Ал. Вырубова, ближайшая подруга А. Ф. Романовой, фрейлина и горячая поклонница Гр. Распутина.

[10]) Романовых (вел. князья).

[11]) Один из Сухотиных, офицер, участвовал в убийстве Распутина.

4.

Петроград.
8 декабря 1916 г.

Дорогая мама.

Уже третий день не могу застать дома Медведевых. Зато видел несколько раз Пуришкевича, и мы с ним очень подружились.

Он был у меня 2 раза и сидел около 3 часов. Очевидно, он нашел, что это не потерянное время — со мной сидеть. Он удивительно милый и порядочный человек и здраво на все смотрит нашими глазами.

Все, что тут происходит, это такой сплошной ужас, и долго длиться так не может.

Дядя сказал, что 1 января он сделает генеральную чистку Гос. Сов., против которого он глубоко возмущен. Про Думу и Медведева он прямо слышать не может.

Сестра из Москвы [1]) приезжала увещевать, но, конечно, безрезультатно.

Я ужас как рад, что вы остались в Крыму. Проводить праздники здесь это прямо кошмар.

Мир это только «bluf», чтобы до некоторой степени оправдать какие-нибудь новые жестокости.

Желудков [2]) охраняет Валиде, [3]) как цербер, и пока он еще на месте. Бедная К. А. [4]), как мне ее жаль!

Трудно отвечать на все, что ты пишешь: голова так занята в с е м, кроме того, что думаешь, что трудно об этом говорить.

Как скучно, что Беби и Ирина заболели! По крайней мере, вы остались. Я ужасно боялся, что вы уедете, а Беби переедет в Ай-Тодор.

Я почти никого не вижу; все свободное время провожу на Мойке, занимаюсь с Корнеевым или устраиваю помещение; очень все будет красиво. Жаль, что ты не можешь мне помочь.

Елена приехала. Я у нее обедал, видел Мишу (который уже уехал) и тетю Сашу Милютину [5]), которая на-днях снова уезжает с поездом. Репетиции пока все благополучно.

Жду не дождусь конца.

Все, что ты пишешь про Беби и Ирину, я, конечно, оставляю между нами.

Крепко вас целую.

Феликс.

Воображаю, сколько суеты было из-за отъезда!

---

[1]) Вел. кн. Елизавета Федоровна Романова.
[2]) Желудков — очевидно, А. Д. Протопопов.
[3]) Валиде—А. Ф. Романова.
[4]) К. А. — очевидно, в. кн. Ксения Александровна Романова.
[5]) Александра Феликсовна Милютина, урожденная гр. Сумарокова-Эльстон, сестра Ф. Ф. Юсупова (старшего), жена Ю. Н. Милютина.

II. Письма кн. З. Н. Юсуповой графини Сумароковой-Эльстон кн. Ф. Ф. Юсупову (младшему).

1.

18 ноября 1916 г.

Милый мой Феликс.

. . . . . .

Эти дни у вас очень серьезны, я смотрю на дело чернее, чем когда-либо, так как теперь нарыв созрел, и если ему вздумается лопнуть, то ничем уж его не удержишь. — Что Медведев вернулся мрачным, меня нисколько не удивляет. Все испортила Валиде, я в этом уверена — задержала l'intérieur, потому что он читатель брошюры и что без него последняя была бы в опасности. Пока книга не будет уничтожена и Валиде укрощена, ничего сделать нельзя, скажи это дяде Мише. Надо было потребовать изъятия брошюры из столицы. Это необходимо, и Медведев этого понять не хочет, потому что он не верит в передачи тока! — Если назначат . . . . . [1]), брата Евгения Сергеевича, — то это будет страшная ошибка: он — известный сторонник иностранцев и человек очень неважный. — Хорошо отделали Лилю Нарышкину [2]) в разговоре у Медведевых.

. . . . . .

Обнимаю тебя крепко.

Мама.

Управляющий — брошюра — книга [3]).

2.

25 ноября 1916 г.

Милый Феликс.

Мы находимся под потрясающим впечатлением речи Пуришкевича и всего, что произошло! — Даже невозмутимое спокойствие папа [4]) пошатнулось, и он, наконец, серьезно призадумался! — Я начинаю думать, что я гораздо умнее, чем предполагала, так как все, что я говорила вот уже два года, встречается слово в слово в этих речах — и общее течение событий идет, как я предсказывала, точь-в-точь, когда мне говорили, что я преувеличиваю и что все это разберется после войны! — Они тогда понять не хотели, что война задерживается и меняет свой курс благодаря этим событиям! — Этого тоже

[1]) Слово неразобрано; речь идет, видимо, об А. С. Танееве, отце А. А. Вырубовой.

[2]) Елена Конст. Нарышкина, урожд. гр. Толь, жена Дм. К. Нарышкина.

[3]) Гр. Распутин.

[4]) Кн. Ф. Ф. Юсупов гр. Сумароков-Эльстон (старший).

не хотел понять Медведев и смотрел на мои слова, как на бабьи сказки! Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаления управляющего на все время войны и невмешательства Валиде в государственные вопросы. — И теперь я повторяю, что, пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише от меня. Очень досадно, что Пуришкевич хватил через край относительно Куваки [1]). Раз оказалась неточность в его сообщении, то вся остальная правда потеряет свою силу на глазах партии Валиде! — Меня не удивит, если Кувака получит какое-нибудь вознаграждение к 6 дек. за то, что его «оклеветали»! — Речь Пуришкевича дышит искренностью и, по-моему, гораздо сильнее всех остальных тем только, что сказал ее Пуришкевич. Мы не знаем о впечатлении, которое она произвела там [2]). Пиши и телеграфируй, что можешь. Это страшно интересно. Речь Бобринского великолепна. Неужели Протопопов после этого еще останется? — Маклаков [3]) тоже хорошо сказал. Вообще, все правы, даже левые. Выходка Маркова мне совершенно непонятна. — Если это вышло по научению друзей Валиде, как ты пишешь, то какой же смысл возбудить как раз противуположный результат, так как, очевидно, вся Дума должна была на это реагировать и поднять престиж дяди Миши еще выше. А между тем в речи Маркова много правды — кроме той части, где он защищает правительство. А он поступил, как подлец. Эта выходка возмутительная. Бедный дядя Миша, воображаю, как он был огорошен! Надеюсь, что это не повлияло на его здоровье. При больном сердце сколько приходится ему выдерживать... Когда я узнала, что ты был в доме, я сейчас же сказала, что тебе пришлось переодеться; этому здесь не верили, и когда пришло твое письмо, то папа был очень этим смущен. Ему это не понравилось, и я понимаю. Будь ты не в военном заведении, это было бы еще допустимо, но так —это нехорошо, и неприятность может быть еще впереди, когда это дойдет до пажеского корпуса. — Нужно надеяться, что на этот раз сойдет. Ради бога, больше не рискуй. Протест семьи [4]), о котором ты пишешь, теперь уже запоздал. Он имел бы смысл $1^1/_2$ года назад, когда я ездила на Елагин умолять, чтоб это было, а теперь уже такое выступление будет похоже на страх перед Думой, а тогда можно было все спасти! — Теперь, кроме ответственного министерства, ничего не остается, — а если этого не дадут, то будет то, что хотят немцы, и Вильгельм будет победителем! — Вот как я смотрю на дело. Когда подумаешь, что было так легко этого избегнуть

[1]) В. Н. Воейков.

[2]) Т.-е.—у Н. А. и А. Ф. Романовых.

[3]) Маклаков, Вас. Ал., адвокат, член IV Гос. Думы, член партии «нар. свободы» (к.-д.); очевидно, разумеется его речь в Гос Думе 4/XI 1916 г.

[4]) Романовых (вел. князей).

и что они сами рубят тот сук, на котором сидят... Протопопов и Курлов [1]) д о л ж н ы уйти, тогда легче будет ликвидировать те два вопроса, о которых я пишу выше.

Посылаю это письмо с Сережей и пишу почтой другое о нашем личном деле, которое цензуры не боится.

Крепко обнимаю.

Мама.

Почему молчит Питирим [2]) и что с ним случилось?

3.

3 декабря 1916 г.

Милый Феликс.

. . . . . .

Что это вдруг заговорили о мире! — Во всяком случае, я не верю, чтобы они считались п о б е ж д е н н ы м и, так что в этом кроется какая-нибудь ловушка, — посмотрим, что будет дальше. — Неужели возможно назначение Щегловитова [3]) на место Сазонова [4])! и еще Волконского [5]) — внутрен. дел!.. — Вот, что пишут из Питера. Во всяком случае, заметно п р о м е д л е н и е относительно ухода Желудкова. — Видно, что Трепов бьется и что о н а [6]) тормозит. — Я писала Медведеву, что, пока управляющий не будет сокращен, и Валиде обезврежена, н и ч е г о н е в ы й д е т, и обезвредить можно очень легко, объявив нездоровой. Это н е о б х о д и м о, и с этим надо с п е ш и т ь.

Мама.

4.

11 декабря 1916 г.

Милый Феликс.

Как это ты нам не пишешь про возмутительный случай с С. Васильчиковой [7])? Я удивляюсь, что общество на это н е р е а г и р у е т и что в с е дамы не о б ъ я в и л и свою солидарность с ней. Неужели это так останется без ответа? Общество так и п р о г л о т и т поще-

---

[1]) Курлов, П. Г. — директ. департ. полиции, тов. мин. внутр. дел.

[2]) Питирим—митрополит петроградский (с 23/XI 1916 г.), ставленник и сторонник Гр. Распутина.

[3]) Щегловитов, И. Г.,—ст.-секретарь, сенатор, член Гос. Сов., министр юстиции (с 1906 г. до июля 1916 г.); с января 1917 г.—председатель Гос. Совета.

[4]) Сазонов, С. Д.—гофм., член Гос. Сов. министр иностр. дел. (1910 г.—7/VI 1916 г.).

[5]) Волконский, В. М., кн.—член IV Гос. Думы, тов. мин. внутр. дел (при А. Н. Хвостове, Б. В. Штюрмере и А. Д. Протопопове).

[6]) А. Ф. Романова.

[7]) Васильчикова, С. Н., кн., урожденная кн. Мещерская, написавшая А. Ф. Романовой резкое письмо о Распутине и за это высланная из Петрограда.

чину и раболепно смолчит! — Это будет прямо позор. Я жалею, что меня нет в Петрограде, я бы не допустила этого равнодушия! — Здесь все довольны, что я не там, зная, что я могла бы делать на месте!.. Но я прямо волнуюсь, как в кипятке, и проклинаю атмосферу, в которой я живу и которая связывает мне руки и ноги. Рядом с этой безобразной высылкой кн. В. — выпускают обратно на свободу Рубинштейна [1]) и компания... Чорт знает, что такое! Приехал Волков несколько дней тому назад — сегодня у нас завтракал. Он громадного роста, выше папа! Много про тебя расспрашивал: говорит, между прочим, что тебе обязательно должны зачесть твои репетиции прошлого курса, что с ним было такое самое, — ему все было зачтено, и что это очень легко устроить. Жду Сухотина — надеюсь, что он привезет, наконец, письмо от тебя и порошки для Беби. Она, слава богу, поправилась и выходит на воздух. Ирина думает завтра встать и через несколько дней переехать сюда. — Пока, я очень рада, что она осталась в Ай-Тодоре — ей там веселее, и Беби здесь просторнее. Знаменитая «сестра» мне не нравится. Она, по-моему, пренахально корчит из себя чуть не члена семьи! Называет Ирину по имени и даже «Тата»! — Я нахожу это возмутительным. Когда я прихожу — она сидит развалясь в течение моего пребывания там, не понимая, что ее присутствие для меня совсем неинтересно, когда я у Ирины. Носит какой-то «опереточный» костюм сестры милосердия и вообще своим присутствием портит всю атмосферу. Ирина все это принимает, как будто оно так должно быть, а это все мне ужасно не нравится. Скоро приедешь, сам увидишь, а пока крепко целую.

Мама.

Я всю Ялту обегала, ища подарки для елки. В сущности, можно все достать, но цены до того сумасшедшие, что мы решили тебя просить привезти подарки. Например, порт-сигар, который стоил в прошлом году у Морозова 15 руб., стоит здесь 43 р.

III. Письмо кн. Ирины Александровны Юсуповой графини Сумароковой-Эльстон кн. Ф. Ф. Юсупову [2]).

Начало в Кореизе, продолжение в Ай-Тодоре. 25 ноября 1916 г.

Дорогой Феликс.

Благодарю тебя за твое сумасшедшее письмо. Я половину не поняла. Вижу, что ты собираешься сделать что-то дикое. Пожалуйста, будь осторожен и не суйся в разные грязные истории. Главное — гадость, что ты решил все без меня. Не вижу, как я могу теперь участвовать, раз все уже устроено. По-моему, это дикое свинство. Кто

[1]) Рубинштейн, Д.—известный банкир-спекулянт, арестованный по обвинению в госуд. преступлениях (измене).

[2]) В письме нехватает конца.

такой М. Гол. [1])? Смотри, что ты про него написал: «Для этого я часто вижусь [с] М. Гол. и с ним [2])». Только что поняла, что это значит и кто они. В эту минуту, пока писала. Одним словом, будь осторожен. Вижу по твоему письму, что ты в диком энтузиазме и готов лезть на стену. Хочу ехать с мама в Киев. Она, вероятно, поедет 6 или 7 дек., 12 или 13 буду в Петрограде. Чтобы без меня ничего не смел делать, а то я совсем не приеду! Благодарю за «Sphinx».

Вещи очень красивы. Воротники, конечно, никуда не годятся.

IV. Телеграммы б. в. кн. Николая Михайловича Романова кн. Ф. Ф. Юсупову гр. Сумарокову-Эльстон (старш.).

1.

Кореиз. Генерал-адъютанту князю Юсупову.

Из Петрограда. 19 декабря 1916 г. № 121.

Считаю твой приезд сюда весьма желательным. Вижу ежедневно Феликса; спокоен, выдержан, на меня делает отличное впечатление. Сердечный привет княгине и Ирине. Приезжай.

Николай Михайлович.

2.

Кореиз. Генерал-адъютанту князю Юсупову.

Из Петрограда. 19 декабря 1916 г. № 124.

Радуюсь приезду. Все, что возможно, буду сообщать тебе по пути. Труп найден сегодня утром под льдом вблизи Петровского моста. Феликс спокоен, вижу его часто.

До свидания.

Н. М.

3.

Кореиз. Генерал-адъютанту князю Юсупову.

Из Петрограда, Зимний дворец. 20 декабря 1916 г. № 128.

Еще не решено, когда Феликс может выехать; потому лично считаю твое присутствие здесь желательным. Княгиня и Ирина могут обождать [в] Крыму. Пишу, как думаю.

Н. М.

---

[1]) Очевидно, М. Е. Головина («Муня»), горячая поклонница Гр. Распутина.
[2]) Очевидно, Гр. Распутин.

V. Письма Анны Ник. Родзянко кн. Зин. Н. Юсуповой графине Сумароковой-Эльстон.

1.

1 декабря 1916 г.

Посылаю речь Пуришкевича.

Дорогая Зинаида, давно хотела тебе написать, но среди нашей взволнованной жизни трудно найти спокойную минуту, чтобы взяться за перо. Ничего утешительного не могу сказать про нашу действительность: вся страна волнуется, заявляет громко и единодушно через Думу, Госуд. Совет и даже объединенное дворянство, что отечество в опасности, вся власть в руках темных сил и безответственных лиц, разруха в управлении полная, армия и население рискуют остаться без продуктов питания, — и в ответ на все эти крики отчаяния — молчание, выражение благоволения Штюрмеру (он приглашен в Ливадию), утверждение Протопопова и слухи о назначении на место Куломзина [1]) — Танеева [2]). Все, все назначения, перемены, судьба Думы, мирные переговоры — в руках сумасшедшей немки, Распутина, Вырубовой, Питирима и Протопопова. Мерзкая выходка Маркова 2-го была оплачена Протопоповым в 10.000 руб. [3]).

Они рассчитывали на свалку, драку и скандал, а следствием всего роспуск Думы. Господь помог с честью выйти из трудного положения и с достоинством благородного человека ответить на грязную провокацию правительства, но что это стоило душевному состоянию Миши и как повлияла вся передряга на его здоровие, ты легко можешь судить. Феликс тебе писал про доклад Миши в ставке; он продолжался $1^3/_4$ ч., и в этот раз еще сильнее и подробнее было все сказано относительно вмешательства в государственные дела, Алекс. Фед. и Распутина, н е н а в и с т и всей страны к ним обоим, ужасного положения государства во всех отраслях, бездействия правительства и, наконец, опасности для армии и усиливающегося недовольствия в ее рядах.

Миша говорил взволнованно, убедительно, горячо, — он [4]) все время молчал, курил и смотрел на свои ногти. Говорят, что теперь продолжается то же равнодушие, он не читает стенографических отчетов Думы и Совета, ничего слышать не хочет, и если явится депутация от них, он их не примет. После официального сообщения о предложении Германии и Австрии начать мирные переговоры очень опасаются распутинского согласия на заключение мира помимо союзни-

---

[1]) Куломзин, А. Н., председатель Госуд. Совета (до 1/I 1917 г.).

[2]) Танеев, Ал. Серг., отец А. А. Вырубовой.

[3]) Марков 2-й, Н. Е., депутат IV Госуд. Думы, в заседании 22/XI 1916 г. публично обозвал Родзянко площадными словами, заявив, что сделал это «сознательно», желая оскорбить всю Госуд. Думу.

[4]) Николай Романов.

ков. Все вероятно. Послы франц. и анг. жаловались Мише, что их принимают с трудом, и Германия через А. Ф. старается восстановить царя против союзников.

Никогда Россия не видела таких черных дней и таких недостойных представителей монархизма. Будем молиться и верить, что господь спасет многострадальную Русь и что пролитая кровь наших страдальцев на фронте вопиет к престолу всевышнего.

Целую крепко. *Аня.*

Миша благодарит за письмо и целует.

2.

24 дек. 1916 г.

Милая, дорогая Зинаида, мысленно все время с вами в это ужасное время, и все, что происходило последнюю неделю, глубоко нас волновало за всех вас! Господь милостив, и самое худшее прошло; я несказанно счастлива была узнать, что Феликс выехал из Петербурга — лучше теперь быть подальше от здешнего смрадного центра. В письме трудно что-нибудь сказать, но ты сама понимаешь, что у нас происходит и как мы отзываемся на все события. Неужели бабушка [1]) не приедет постараться хоть чего-нибудь добиться? Он [2]) совсем забитый, ни на что не реагирует, а она[3]) и ее агент [4]) — тоже сумасшедший — Пр. губят всех нас.

Положение очень серьезное, и семья [5]) в тревожном состоянии. Сегодня Миша видел многих родственников [6]) Ирины. Они прекрасно все понимают, что спасение только в Думе. Миша очень спокоен, слава богу, и ясно видит свой долг перед родиной. Я могу только молиться, чтобы господь поддержал, просветил и указал тот путь, который выведет родину из настоящего положения. — Несмотря на весь окружающий нас мрак, я твердо верю, что мы выйдем победителями как в борьбе с внешним врагом, так и с внутренним. Не может «святая Русь» погибнуть от шайки сумасшедших и низких людей; слишком много пролито благородной крови за славу и честь России, чтобы дьявольская сила взяла верх. Христос с тобою, моя дорогая, болезная за все русские страдания Зинаида!

Крепко целую и люблю. Молись за Мишу.

Твоя *А.*

---

[1]) Мария Федоровна Романова.
[2]) Николай Романов.
[3]) А. Ф. Романова.
[4]) А. Д. Протопопов.
[5]) Романовых (вел. князья).
[6]) Вел. князья.

3.

7 янв. 1917 г.

Дорогая Зинаида, все время сердцем была с тобою и переживала все ваши волнения. Писала тебе через нашего старшего врача в Киеве, по указанию Феликса, и по почте в Ракитное. Сегодня пользуюсь верным случаем, чтобы написать подробнее и откровеннее. О наших переживаниях не буду говорить, ты сама поймешь, в каком котле мы кипим и как тяжело теперь положение Миши. Он положительно один для борьбы со всеми темными силами, и все напуганные обыватели, начиная с великих князей, обращаются к нему за советом или с вопросом: когда будет революция? Отсрочка думской сессии случилась кстати, она даст время царю одуматься и принять какие-нибудь меры, особенно после разговора с ним Миши и 9-го числа Самарина [1]). — Сегодня Миша был в Царском и говорил так сильно и убежденно, что взволновал и напугал царя. Он изобразил всю картину разрухи правительства, преступного назначения недостойных лиц, ежечасное оскорбление всего народа сверху донизу, полный произвол и безнаказанность темных сил, которые продолжают через императрицу влиять на судьбу России и ведут ее определенно на сепаратный и позорный мир. Вернулись старинные времена, когда личность не ограждена, и произвол сильнее закона. Слухи чудовищные и волнующие передаются всюду и причиной (sic) всеобщей неурядицы, преследования честных русских людей и назначения заведомо ошельмованных или бездарных приписывают императрице, и ненависть к ней достигла таких размеров, что жизнь ее в опасности. Возбуждение растет с каждым днем, и если не будут приняты скорые меры, государству грозит неминуемая опасность. Все было сказано, не жалея красок, и он, как в 15 году, казалось, поверил и волновался. По поводу инцидента с Протопоповым и слуха о снятии придворного мундира с Миши он сказал: «Никогда, я вам слишком доверяю». Неужели все это фальшь и притворство? Ведь голос Миши звучал искренно и убежденно, он так горячо молился перед поездкой и так свято смотрел на исполнение своего долга перед родиной, что его слова были вдохновенны и не могли не убедить. Я надеюсь и верю, что господь вразумит этого несчастного человека. — Самарин тоже должен говорить от имени дворянства и в таком же направлении, указывая на весь вред А. Ф. и ее ставленников.

Протопопов — совершенно сумасшедший и долго продержаться не может; мне кажется, что столкновение с Мишей и тот факт, что он после оскорбления его и угрозы вызова успокоился и секундантов не прислал, уронил его в глазах царя. Когда Миша ему сказал, что он теперь считает себя в праве бить Протоп. палкой, царь смеялся. —

[1]) Самарин, А. Д., член Гос. Сов., московский губ. предводитель дворянства, обер-прокурор синода (5/VII—26 IX 1916 г.), ведший борьбу с Гр. Распутиным.

Когда же речь шла о ней, он бледнел и ничего не возражал. Он панически ее боится, и без помощи ему не избавить нас от ее пагубного влияния. Недавно к Мише таинственно приезжал вел. кн. Михаил Александрович, как мне кажется, подосланный негласно братом. Он все знает и понимает и внимательно выслушал Мишу, обещая все передать государю и убедить его принять Мишу и Самарина. Весьма вероятно, что благодаря словам М. А. прием последовал скорее после вторичного прошения (правда, очень энергично).

... «В этот страшный час, который переживает родина, я считаю своим верноподданнейшим долгом как председатель Госуд. Думы доложить вам во всей полности угрожающую Российскому государству опасность. Усердно прошу вас, государь, повелеть мне явиться и выслушать меня». — Неужели этот крик русской души не дойдет до его сердца и разумения? Миша поручил тебе сказать, что он благодарит за письма, но теперь отвечать не в состоянии, — сердечно со всеми вами, но времени нет написать строчку. — Его теребят во все стороны, и рядом с серьезным делом приходится отбиваться от разных докучливых мелочей. Здоровье его было очень плохо — это постоянное нервное напряжение не могло не отозваться на его состоянии, — но теперь он, слава богу, лечится серьозно, и надеюсь, что ему станет лучше от электричества. — Страшно хотелось бы знать про вас, как вы поживаете, как ваше самочувствие, что слышно нового? Скажи Феликсу, что его письмо получила и благодарю. Мы очень тревожились за него и счастливы были узнать от Ирины, что вы благополучно съехались в деревне. Про место назначения Д. П. [1]) могу дать подробности, которые я знаю от приехавшей с персидск. фронта гр. Бобринской (Мисси): там теперь чудная погода, все в цвету, совсем тепло, эпидемий нет, и войска будут носить его на руках и охранять его от опасности. Бедный Ник. Мих. [2]) уехал очень озлобленный. — Георгий просил передать Феликсу свое самое горячее сочувствие. — В батальоне за его здоровье пили шампанское. Мы ожидаем Николу из Ясс и Мишу из деревни. Я вам завидую, что вы сидите в тишине, вдали от всех слухов, сплетен и волнений.

Крепко, крепко всех целую. Христос с вами!

Твоя *А. Р.*

Когда Миша говорил про темные силы — ц. [3]) сказал:— «Да ведь теперь их больше нет». —

«Да, но к сожалению, направление сохранилось». Она [4]) ходит на могилу [5]) и каждый день находит ее couverte d'ordures [6]).

[1]) В. кн. Дмитрий Павлович.

[2]) В. кн. Николай Михайлович, ген.-адъют., ген.-от-инф., историк, высланный в связи с протестом «семьи» Романовых против участи лиц, замешанных в убийстве Распутина.

[3]) Царь.

[4]) Александра Федоровна.

[5]) Гр. Распутина.

[6]) Покрытой нечистотами.

12 февраля.

Дорогая Зинаида, 10-го числа Миша был в Царском, и прием был назначен на другой день после прошения. Мы радовались, что это хороший знак, но вышло совсем не то, что ожидали. Резкий, вызывающий тон, вид решительный, бодрый, и злые, блестящие глаза. На доклад Миши, в котором ярко изображалось все положение в стране, наступающий голод в тылу и армии, отношение правительства к народу, инертность властей и тревогу благомыслящих людей, государь отвечал резко, с досадой, и, наконец, прервал чтение Миши (доклад был изложен письменно) словами: — «Кончайте скорее, мне время нет». — Миша ответил: — «Государь, вы должны выслушать до конца», и продолжал доклад. На вопрос Миши, верны ли слухи о скором роспуске Думы, он ответил: «Вероятно, занятия протянутся до Пасхи; впрочем, все от вас зависит, и если не будет неприличных, резких выступлений против правительства, Дума не распустится». Миша: «Резкие выступления будут, — я не в состоянии буду сдержать 400 человек, у которых накопилось столько справедливой горечи против правительства, в котором сидят лица как Протопопов, Добровольский [1]) и Раев [2])».

Далее, на просьбу Миши удалить Протопопова, позорящего Россию своим предательским поведением, ошельмованного перед всем светом, как лгуна и обманщика и человека, не умеющего постоять за свою честь после столкновения с Мишей, он отвечал уклончиво, но вспомнил Маклакова [3]) словами: «Я очень жалею его, он был мне полезен». Саша хотела списать тебе письменный доклад Миши, я, к сожалению, не успею этого сделать, слишком меня отрывают—часто по мелочам. Когда Миша коснулся дел на фронте и представил другой — очень интересный, вполне обоснованный доклад, царь отстранил его рукой со словами: «Мне все известно, что надо знать, а ваши сведения противоречат моим». Теперь, говорят, Гурко [4]) возвращается к своей армии, а полубольной Алексеев [5]) — начальником штаба. Когда царь вернется в ставку — неизвестно; она лежит с сердечными припадками. Миша вынес такое впечатление, что никакие слова, ни убеждения не могут больше действовать, они все слишком уверены, что сила за ними, и надо всю страну сжать в кулак.

15-го продолжаю, после думского заседания, — оно, слава богу, прошло спокойно, и улица не выступала, несмотря на провокации Протопопова и благодаря успокоительным мерам, принятым Мишею и другими депутатами.

---

[1]) Добровольский, Н. А., с 20/XII 1916 г. министр юстиции, сторонник Распутина.

[2]) Раев, об.-прокурор синода, сторонник Распутина.

[3]) Маклаков, Н. А., б. черниг. губернатор, мин. внутр. дел (1912—1915 г.г.).

[4]) Гурко, В. О., ген. от кавал., команд. «особ. армией», во время болезни М. В. Алексеева заменял его в качестве нач. штаба верховн. главнокомандующего.

[5]) Алексеев, М. В., нач. штаба верховн. главнокомандующего (с августа 1915 г.).

Ты все подробности прочтешь в газетах. Общий тон был немного тусклый, после всего, что ожидали от этого нервного дня, но тем лучше: теперь опасно, чтобы малейшая искра не зажгла костер. Полиции и войск везде множество, по улицам разъезжают патрули в ожидании революции.— Хлеб, к счастию, появился сегодня в большом количестве, что успокоительно повлияло на население, а то последние дни было очень остро с продовольствием. Сегодня в Думе была сильная речь Милюкова и зажигательная Керенского [1]), — последнему дали договорить до конца, останавливая на слишком явных резкостях, но, надо сказать, что исключая всей социально-демократической чуши, Керенский сказал много правды, и все мы думаем о многом, как он. — Миша, слава богу, спокоен и силен духом, — он все-таки не теряет надежды в победу правды и добра и борется со всеми открыто и гласно. Пока Дума и особое совещание [2]) действуют, они еще могут осаждать правительство и направлять в нужную сторону, но если, как есть предположение, Думу и особое совещание закроют, то можно ожидать только краха как на фронте, так и в тылу.

Голицын [3]) уходит, и вчера мы слышали, что Маклакова [4]) намечают премьером! Ce sera le comble. — Протопопов воображает себя Бисмарком и грозит всем железным кулаком. Сводный батальон, говорят, увели из Царского, признали ненадежным. Есть даже версия, что один офицер стрелял в нее и ранил ее в руку. 1-я кав. гвард. дивизия, которую уже нагрузили, чтобы вести охранять Царское, отказалась от этой чести, и теперь прибыли гвардейский экипаж, «дикая дивизия» и казацкий полк. Сейчас у меня был один офицер с фронта и рассказывает, что настроение в войсках теперь возбужденное против их обоих, как никогда. На рижском фронте открыто говорят, что она поддерживает всех шпионов немцев, которых, по ее приказанию, начальники частей оставляют на свободе. — Вчера в Г. Совете Щегловитов начал применять систему Протопопова и зажимал всем рот, — многие вышли из зала, и негодование общее.

Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что не одна А. Ф. виновата во всем, он как русский царь еще более преступен. — По поводу известного дела [5]) мне сказали, что в подозрении 106 лиц, среди них мы, Гучков [6]) и Ник. Мих. — Пуришкевича допрашивали, он, конечно, все отрицал.

---

[1]) Керенский, А. Ф., член IV Гос. Думы.

[2]) Особое совещание по обороне.

[3]) Голицын, Н. Д., кн., сенатор, с января 1917 г. председатель сов. министров.

[4]) Маклаков, Ник. Ал.

[5]) Убийство Распутина.

[6]) Гучков, А. И., лидер партии «17 октября», председ. военно-промышл. комитета.

Воейков возил «прах» [1]) в Тобольск под великим секретом, — в редакциях было запрещено печатать, что ген. Воейков поехал по Николаевской дор. — Он сперва отказался от этой чести, но она [2]) так на него кричала и грозила прогнать, что он холопски согласился.

Вот, милая, какое у нас гадкое время, и жить среди всего этого очень трудно. — Завтра возвращается в окопы Георгий. — Но и за то благодарна судьбе, что он более месяца пробыл с нами. Никола выбран председателем комитета румынского фронта зем. союза и сидит в Одессе, — дела горы! —

Хорошо, что вы в деревенской тиши, а не здесь в бурном политическом море. Пожалейте и помолитесь за нас, грешных, без передышки колыхающихся среди стихий. Целую всех четверых. Твоя *Аня*.

Миша шлет всем сердечный привет. Что Беби? Как скучно, что она не с вами!

VI. Письмо б. в. кн. Дмитрия Павловича Романова кн. Ф. Ф. Юсупову графу Сумарокову-Эльстон (младшему).

Казвин. Персия. 23 апреля 1917 года.

Дорогой, милый и близкий друг.

Письмо это передаст офицер (если ты в Петрограде), который все время неофициально состоял при мне за все эти долгие месяцы в Персии. Фамилия его — штабс-капитан Михайлов. Он вполне скромный, неглупый и милый человек и, видимо, искренно расположен ко мне. Если ты не хочешь много писать, скажи ему на словах,— он все хорошо передаст и не спутает. Я же теперь осторожно пишу, ибо мои письма уже раз были вскрыты в Баку — местным исполнительным комитетом.

Да! Случилось! Случилось то, в возможность чего мы так с тобою верили. Из-за пустого и недальновидного упрямства одной женщины — случилась финальная катастрофа, которая, конечно, смела и «Царское» и нас всех заодно, ибо одна фамилия «Романов» теперь синоним всякой грязи, пакости и недобропорядочности.

Смотрю я на будущее довольно мрачно, и если бы не твердая вера в милость божию, в то, что всему бывает конец, что должны еще настать лучшие дни, — я давно, пожалуй, упал бы духом! Думается мне, что при теперешних условиях — победоносно кончить войну мы не сможем! И тогда — подумай только, с каким приниженным, позорным чувством мы должны будем смотреть в глаза нашим союзникам! Ты подумай только, с точки зрения национального величия, что должны будут чувствовать настоящие русские люди, искренно и горячо любящие свою родину, а не «борцы за свободу» в роде Ленина и компании... Что сделали с нашей армией, где не было никогда особенно креп-

[1]) Гр. Распутина.
[2]) А. Ф. Романова.

кой дисциплины, а теперь ее уже и в помине нет? Даже здесь, на далекой окраине, в чужой и нейтральной стране, где находится лишь какая-нибудь сотая часть всей армии русской — и то дня не проходит без того, чтобы местный «исполнительный комитет» не выгнал бы какого-нибудь офицера. — Не нужно забывать, что сила и сплоченность армии является самым ярким показателем мощи данной страны!

Да, мой друг, иногда бывает тяжело. Неужели мы, русские люди, еще действительно не доросли до свободы? Неужели мы свободу понимаем, как возможность делать все, что только ни придет в голову? И все, что творится кругом, и все, что слышишь, не служит к обратному мнению.

Ах, как болезненно иногда мне хочется поговорить с тобою! Как фантастично хочется поделиться моими мыслями, соображениями! Ведь столько вместе пережито, редко двое людей сходятся на такой странной, не совсем обычной почве. Ты так хорошо понимал меня, так умел меня поддерживать в трудную минуту. Бога ради, напиши мне письмо. Что делается, что происходит?

Воображаю состояние Родзянки! Что слышно о Пур..[1])? Все это меня ужасно интересует.

Что касается меня лично, то, конечно, первый импульс было ехать обратно. Но потом я передумал, ибо нашел, что мое быстрое возвращение было [бы] слишком поспешным решением даже и по отношению к Врем. Правит., желания которого относительно этого вопроса мне были совершенно неизвестны. А по отношению к «Царскому» Селу я счел, что это было бы просто нравственным хамством. Ибо вышло бы, что я, как только узнал о падении той власти, которая меня выслала, — моментально прискакал.

Все газетные сведения о том, что Керенским сообщено будто бы мне, что к моему возвращению в Петр. препятствия не имеется, — чистая ложь, ибо я такого сообщения не получал. И даже обратно, ибо на посланную мною телегр. на имя кн. Львова о моей готовности поддерживать Врем. Правит. и о том, совпадают ли газетные сообщения о моем возвращении с действительностью, я получил ответ, который поставил меня втупик, ибо он гласил так: Врем. Правит. никаких решений касательно вашего возвращения в Россию не принимало. — Согласись, что такой ответ меня абсолютно не удовлетворил! Ибо он не исчерпывает данного вопроса. Не мог бы ты осторожно узнать, как мне быть? Откровенно говоря, я пока не особенно стремлюсь в Россию, да потом, что мне там делать? Приехать и, сложа калачиком ручки на пузе, спокойно выносить всякие пакостные инсинуации только потому, что я имею фамилию «Романова» и происхожу по прямой линии от «царя-освободителя» — я не могу. Потом я твердо верю, что если я понадоблюсь, то меня не забудут! Не так ли? И снова приходится болезненно сдерживать громадное желание с тобою увидаться, потолковать!

---

[1]) Пуришкевич, В. М.

Получил я твое письмо! И ответил на него, но, по несчастному недоразумению в доме, я его сам же через месяц получил здесь! Как тебе это нравится? А все-таки, хотя были тяжелые минуты, как, напр., наша разлука, но были и чудные. Бывало смешно! «Слушайте, если хотите», и т. д., потом гитары наши. Да, как хорошо было!..

А мои милые комнаты! А мой чудный кабинет с серым диваном и с тигровой шкурою! Все это далеко. Пришлось дом продать, ибо есть-то надо, а удельные суммы к чертям! Жалко мне моих комнат.

Коралли [1]) мне месяца три тому назад писала, что получила от тебя письмо и страшно радовалась этому. Недавно я получил от нее телеграмму, где она говорила, что временно в Петр. и что много говорила с «твоим другом». Уж не ты ли этот друг? Ибо она в письмах никогда твоего имени не называла, а именно так — «твой друг».

Кончая это письмо, мой милый, мой, скажу даже не боясь преувеличить — наиближайший друг! Я хочу тебе выразить всю мою дружбу. Часто, часто мои мысли с тобою, тоскливо несутся к тебе в бессильном порыве, в бессильном желании помочь или просто быть с тобою.

Обними жену. Она, вероятно, с твоих слов немного теперь лучше знает меня! Обними родителей. Матери скажи, что часто, часто я думаю о ней.

Храни тебя бог, мой дорогой! Будь бодр. — Я еще далек от падения духом. Ради бога, напиши мне, как можно подробнее и больше. Если со мною не согласен, скажи это прямо — мы поймем друг друга.

Прощай. Когда увидимся — не знаю. При каких условиях и где?

Нежно любящий тебя *твой друг*.

---

[1]) Известная балерина и кинематографическая артистка.

Из записной книжки архивиста.

Письмо А. И. Эртеля об убийстве Сидорацкого 31 марта 1878 года.

Покушение 24 января 1878 г. Веры Ив. Засулич, «первой русской террористки», как ее называли, на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, виновника бессмысленной расправы с заключенным Боголюбовым, нашло горячий отклик в обществе и произвело огромное впечатление, как протест во имя человеческого достоинства, против жестокости и притеснений. Потрясение, вызванное им в обществе, было громадно. Пресса старательно и успешно разъясняла, что выстрел Засулич был направлен собственно не лично против Трепова, а против принципа административного произвола, от которого стонала и страдала вся Россия.

Из органов ежедневной прессы наибольшее внимание делу Засулич уделяла незадолго до этого возникшая газета под названием «Северный Вестник». Издателем ее был Евгений Федорович Корш, известный критик и публицист, переводчик на русский язык сочинений Куглера, де Каррьера, Фюстель де Куланжа и др. Несмотря на то, что «Северный Вестник» начал выходить в свет лишь в 1877 г., он уже успел привлечь к себе внимание администрации и навлек на себя кару, выразившуюся в запрещении розничной продажи. После процесса В. Засулич, когда правительство вступило на путь усиленных репрессий, «Северный Вестник» первый подвергся закрытию. Меньше чем через неделю после судебного разбирательства дела Засулич, 5 апреля 1878 г., министр внутренних дел ген.-адъют. Тимашев представил Александру II следующий всеподданнейший доклад:

«Вследствие судебного решения по делу Веры Засулич почти все ежедневные петербургские газеты приняли по отношению к правительству враждебный и вызывающий тон, который не может быть терпим без самых вредных последствий для общественного спокойствия. В настоящее тревожное время обыкновенные, предоставленные законом министру внутренних дел меры воздержания печати от увлечений не могут оказываться действительными. Предостережения, только что данные двум газетам [1]), и воспрещение розничной продажи двух других [2]) не произвели желаемого впечатления. Чтобы сдержать такое предосудительное и опасное направление печати, представляется необходимым пример строгости, по крайней мере над тою из газет, которая наиболее отличалась в последние дни представлением деятельности высшей администрации в ненавистном виде и возбуждением враждебных к ней чувств в обществе и особенно в молодежи. Газета эта — «Северный Вестник», издаваемая под влиянием лиц, которые давно уже известны своею неблагонамеренностью.

В виду изложенных обстоятельств считаю долгом ходатайствовать перед вашим императорским величеством о разрешении воспретить означенное издание».

В тот же день на докладе Тимашева Александр II написал: «Совершенно дельно», и «Северный Вестник» покончил, таким образом, свое существование.

---

[1]) «Голос» и «Русский Мир».

[2]) «Русское Обозрение» и «Северный Вестник».

Именно на страницах навлекшего кару «Северного Вестника» должно было появиться ниже печатаемое письмо А. И. Эртеля, случайно оказавшегося 31 марта 1878 г. на месте убийства Сидорацкого [1]). Оно заключает в себе чисто художественное описание переживаний толпы, присутствовавшей при совершении кровавой расправы с Сидорацким. Помимо того литературного значения, которое оно представляет собой как произведение крупного впоследствии художника, оно любопытно также и тем еще, что является одним из наиболее ранних произведений А. И. Эртеля (он начал печататься с 1879 г.). Письмо это, несомненно, является важным историческим документом последних лет царствования Александра II благодаря той живой и художественной передаче общественных настроений, которые были подмечены Эртелем и с искусством тонкого мастера изображены.

Свое письмо Эртель адресовал на имя редакции «Северного Вестника». Сохранившееся в делах б. цензурного ведомства, оно не попало в печать в виду того, что было доставлено в редакцию «Северного Вестника» как раз накануне того дня, когда последовало приказание царя о прекращении этой газеты [2]).

С. Любимов.

М. Г.

В добавление к сведениям о прискорбном происшествии 31 марта, позвольте и мне как очевидцу сообщить некоторые подробности.

Проезжая 31 марта, в 8-м часу вечера, по Шпалерной улице к Воскресенскому проспекту, я увидел, что по проспекту этому бегут густой толпой пешие жандармы, человек 15—20, по направлению от Фурштадтской. Это меня удивило; я поторопил извозчика. Когда мы обогнули угол Шпалерной и Воскресенского, я увидел большую толпу народа, копошившуюся на панели у дома Шуленбурга, что на углу проспекта и Фурштадтской; около толпы сновали городовые. Поровнявшись с толпой, я приказал извозчику ехать тише и около самого тротуара, чтобы узнать, в чем дело. В середине толпы слышались вопли, рыданья, крики... Народ все прибывал да прибывал отовсюду... Много было говору и гомону... Тут из самой середины кишащей толпы выделился полицейский чиновник и обратился ко мне с просьбой уступить извозчика. Из его резких, произнесенных взволнованным голосом фраз я только понял, что ему для чего-то крайне нужен был извозчик. Я поспешил слезть с дрожек и вмешался в толпу. На мои вопросы: «что тут такое?» одни отвечали: «раненый», другие — «убитый». Все было взволновано, кричало, суетилось, слышались энергичные возгласы, толки, и среди этого разнородного гомона разносилось чье-то словно детское всхлипыванье, чьи-то отчаянные рыданья... «Господи! Что же это такое? за что?», страдальческим голосом стонала какая-то женщина, ломая руки.

В то же время из толпы подняли и понесли к дрожкам труп какого-то человека. При этом в толпе говорили, что «незачем везти его в участок», что «он уже холодный»... Я спросил: «Кого убили?». Некоторые из толпы отвечали: «Это — Сидорацкий!».

Я видел этот молодой труп. На правом виске чернелась рана, из нее просачивалась еще свежая кровь; всю щеку тоже залила кровь и уже запеклась на ней корявым темно-багровым слоем. Лицо было спокойно; ни малейших следов мучительной агонии, обезображивающей иногда лица умерших, не было на нем. Печать чего-то строгого, сумрачного почила на этом лице; руки бессильно висели, словно плети...

Люди, окружившие дрожки с трупом, все были люди с сдержанными, серьезными лицами. Сосредоточенно вгляды-

---

[1]) Об убийстве или самоубийстве Сидорацкого см. рапорт петерб. градоначальника А. А. Козлова, напеч. в «Гол. Мин.» в 1917 г. № 7—8, с. 169—170 и в статье С. Глаголя, — «Процесс первой русской террористки» — в том же журнале 1918 г., № 7—9, с. 156—158.

[2]) Дело главн. упр. по делам печати 1877 г., № 120.

вались они в застывшие черты Сидорацкого... То были мужчины. Совсем не тем характером отличались женщины. Некоторые из них как-то нервно охали, ломая руки, другие глухо стонали, стиснув зубы, вперив глаза в окровавленное лицо; иные плакали... Особенно поразил меня детский, надрывающий плач одной барыни. Ужас искривил черты ее лица. Вся она дрожала и ежилась, словно от холода, и жалась к дорогому, может быть, трупу... Больно было смотреть на нее. Видимо растерявшийся полицейский чиновник дрожащим голосом торопил извозчика и вежливо просил публику: «не мешать — отойти от дрожек». Наконец, дрожки двинулись и поехали к Фурштадтской.

На панели, недалеко от дома, стояла большая лужа крови. Толпа сплотилась около этой лужи и горячо рассуждала о происшедшем... В это время какой-то благообразный господин, проходивший мимо, спросил: «Что тут такое?». Около него стоял городовой. «Да ишь, застрелился какой-то», — сказал он. Но тут одна барыня со слезами на глазах, сильно взволнованная, дрожащим голосом вскрикнула: «Да не верьте вы им! Я сама видела»... «Да, да!, — подхватили другие, — кому же придет охота стреляться в толпе, как будто для этого не нашлось бы другого места?» Городовой молча отошел в сторону; любознательный господин тоже поспешил уйти. Толпа не расходилась...

Показался длинный ряд конных жандармов. «Ры-сь-ю!»—раздалась команда. Толпа испуганно озиралась и быстро расходилась.

Нервы у меня страшно расстроились. Голова горела; плакать, рыдать хотелось. В груди что-то сжималось до боли, до муки сжималось. Я побрел на Фурштадтскую.

Часа через два я опять прошел по кровавой панели. Темная лужа крови все еще выделялась среди белых плит. Прохожие ступали по ней и разносили ее на подошвах сапог. Они не сторонились от этого жидкого, темного пятна; они не думали, что это — кровь человека.

А. Эртель.

P. S. Я надеюсь, что другие газеты перепечатают мое письмо, в видах возможного уяснения истории 31 марта.

Москва в марте 1881 года.

I.

Если событие 1 марта 1881 г. доказало, насколько неправы были те народовольцы, которые верили в то, что убийство царя может вызвать народные волнения в стране, то вместе с этим надо признать, что возможность таких волнений допускали не только революционеры, но и представители правительственной власти. Это видно из тех мер охраны порядка и спокойствия, которые сочли нужным принять московские власти, узнав о смерти царя.

Немедленно по получении известий о событии, происшедшем в Петербурге, ими были сделаны следующие распоряжения:

1) К дому генерал-губернатора назначен постоянный наряд жандармов из 10 конных и 20 пеших при одном офицере.

2) В Тверской съезжий дом был назначен постоянный наряд из 12 конных жандармов.

3) По жандармскому дивизиону назначено иметь в полной готовности жандармов 100 человек конных с заряженными револьверами, при оседланных лошадях, и 100 человек пеших вооруженных чинов.

4) По полицейскому резерву назначено иметь в полной готовности 80 нижних чинов с заряженными револьверами.

5) В ночь на 2 марта были призваны все офицеры полиции, которым обер-полицеймейстером были сделаны указания о строгом наблюдении, в особенности в течение первых трех суток, за порядком в городе, о недопущении

наклейки и подбрасывания преступных воззваний, о наблюдении за трактирами и другими общественными заведениями и вообще за общественным настроением, и о всех распоряжениях, которые должны быть принимаемы в случае какого-либо беспорядка; полицеймейстером же было указано, в каких случаях и куда обращаться за военною помощью.

Одновременно, по приказанию генерал-губернатора, командующий войсками московского военного округа собрал к себе высших начальников всех квартирующих в Москве войск и приказал им сделать по своим частям распоряжение:

1) о том, чтобы в ночь на 2 марта и далее, впредь до приказания, нижних чинов из казарм не увольнять и всем войсковым частям быть готовыми на случай призыва на помощь полиции; наряд войск на работы временно прекратить;

2) о том, чтобы все офицеры и чиновники были собраны к своим частям к 7 час. утра 2 марта; «по сборе, сколь можно ранее, утром 2 марта во всех управлениях и частях войск, имея сии последние в строю в полном составе, принести присягу новому царю и отслужить панихиду по старому.

Только 4 марта генерал-губернатор нашел возможным отменить распоряжение о боевой готовности в с е х московских войск. На случай призыва воинской силы на помощь полиции были оставлены в постоянной готовности 9 полных пехотных учебных команды и полуэскадрон гусар; с тем, однако, что по вызове хотя бы одной команды приводятся в готовность все свободные от караулов войска [1]).

II.

Не лишенные интереса данные, свидетельствующие о настроении московского населения под влиянием сообщения об убийстве Александра II, дает следующая сводка агентурных донесений, представленная 2 марта 1881 года московским обер-полицеймейстером генерал-губернатору:

«По получении известия о злодейском покушении на жизнь в бозе почившего государя императора, сего 2 марта, в 11 часов утра, большое количество народа находилось в церквах для принесения верноподданической присяги его императорскому величеству государю императору Александру Александровичу, после чего была совершена панихида о покойном государе; на панихиде и во время вечерни чрезвычайно многие плакали.

У Успенского собора огромная толпа народа, около 20 тыс. человек, стояла во все время церковной службы в безмолвном молчании, по окончании же службы, когда ваше сиятельство уезжали из собора, все сняли шапки.

Весь нынешний день в трактирах, питейных и тому подобных заведениях народу было мало, и пьяных почти нет.

В разговоре по поводу события 1 марта многие осуждают слабость правительства и доброту в бозе почившего государя; повсеместно обвиняют вел. кн. Константина Николаевича, а некоторые и графа Лорис-Меликова.

Когда же узнали, из депеши, что один из убийц покойного государя, Русаков [1])—студент Горного института, то возбудилось сильное озлобление против учащейся молодежи и обвиняли полицию в бездеятельности» [2]).

Однако среди московского населения были элементы, которые совершенно иначе отнеслись к событию 1 марта. Это видно из следующей записки московского обер-полицеймейстера (от 3 марта):

«1-го сего марта ночью в селе Петровско-Разумовском студенты Петровской академии ходили партиями от 5 до 6 человек; некоторые из них, проходя мимо дежурных сторожей, обращались к ним со следующими словами: «говори: слава богу», и, получив утвердительный ответ, говорили: «твоего царя убили», или же

[1]) Дело секретного отделения канцелярии московск. воен. ген.-губ. 1881 г., № 89. О кончине государя императора. Л. л. 19, 21 и 25.

[1]) Так в подлиннике, вм.: «Рысаков».

[2]) То же дело, л. 27.

прямо высказывали: «радуйся, царя убили», и затем, уходя, громко смеялись.

Вчера с утра между студентами заметно было небывалое до сего времени движение, при чем большинство из них стремилось в Москву, и если некоторые оставались, то единственно по недостатку извозчика; впрочем, несмотря на это, их уехало в Москву более 150 человек.

В среде студентов Московского университета многие изъявили радость по поводу события 1 марта, в своих квартирах весь вчерашний день пьянствовали, в особенности в №№ Ляпина, 5 квартала Тверской части, Семенова, 2 квартала Мясницкой части, и Малютина, 4 квартала Сретенской части. В последних номерах особенное внимание обращают на себя студенты Московского университета Владимиров и Делекторский, личности, крайне вредного направления образа мыслей» [1]).

Как известно, вскоре в Московском университете разыгралась нашумевшая в свое время история на почве сбора денег на венок убитому императору от московского студенчества. Не будем касаться этой истории в настоящей заметке, ибо она заслуживает подробного специального рассмотрения.

III.

Событие 1 марта поразило обывателей своей неожиданностью. Если они и знали о неоднократных покушениях со стороны революционеров на жизнь императора, то имели повод думать, что «особа» императора находится под постоянной и усиленной охраной, исключающей возможность гибели царя на улице его столицы посреди белого дня.

Покушение 1 марта и его исход доказали, что принятые властями меры охраны были недостаточны. Естественно, мысль обывателя при таких условиях направлялась прежде всего на решение вопроса, как могло случиться то, что произошло на набережной Екатерининского канала. «Да где же были хранители-защитники высшие сановники престола, что не докладывали об опасности своему возлюбленному государю и не следили за варварами»? — в недоумении писал московскому генерал-губернатору некий «инвалид старый батюшки царя Николая» «кавказец штабс-капитан Иван Иванович Астапов» [1]).

«Солдат из мужичков и самоучка в грамотности» пишет московскому генерал-губернатору «от всей черни Курского уезда» и просит его довести до сведения нового царя о принятии необходимых мер охраны. Прежде всего, по его мнению, надо обратить внимание на поляков, немцев и евреев: «из них самый главный центр силы к злодеяниям России и на посягание на жизнь наших любезных государей». «В виду этого необходимо» устранить и согнать куда-нибудь поляков и немцев с должностей управляющих и конторщиков помещичьих имений, запретить им аренду и покупку помещичьих земель, ибо они «умышленно приводят к совершенному разорению имения и тиранят русских мужичков, просто насильно заставляя кланяться их нечистых ног и неправославной вере».

Мысль обывателя усердно работает над тем, какие меры надо принять, чтобы обезопасить нового царя от покушений со стороны террористов. «Потрудитесь здесь в Москве, — пишет один из них генерал-губернатору,— сделать для государя железную карету и чтобы никто, кроме вас да государя, не знал, что она железная... Кто бы только был замечен о покушении на жизнь государя, не допускайте тех людей ни до каких судов, а прямо казнить или в крепости уморить».

Многие советуют новому царю из крамольного Петербурга переехать на жительство в верноподданную Москву. Так некий Г. В. Ильяшенко писал «светлейшему московскому князю Вла-

[1]) То же дело, л. 28.

[1]) Все цитируемые ниже документы заимствованы из дела секретн. отделения канц. московск. воен. ген.-губерн. 1881 г., № 32 «по безымянным доносам».

димиру Андреевичу»: «Настоящее положение С.-Петербурга находится в том же смутном состоянии, как и до 1 марта. Почему считаю долгом просить вас, князь Владимир Андреевич, примите на себя труд неотступно просить нашего возлюбленного молодого императора не жить в этой порочной столице, а пребывать в первопрестольном граде Москве... По некоторым догадкам возможно предположить, что ныне действующее лицо, достойнейший и уважаемый гр. Игнатьев не свободен от влияния членов тайного общества. Если предположить, что они уже успели окружить его и войти в доверие, то в таком случае они направят его на тот путь, на котором достигнуто цареубийство». Подавая эти советы Долгорукову, автор письма не забывал и самого себя: в другом письме он просит выслать ему 150 руб., «в том предположении, что Москва, оказав мне милостивое внимание, получит возможность одолеть крамольный С.-Петербург и, сохраняя, защищая и укрепляя святые принципы (церковь и помазанник ее царь), успокоит царство московское». О необходимости переезда царя в Москву пишет также один «мужик»: «Мы будем его охранять от евтих злодеев, крамольников, не как Петербург, а на деле». Письмо заканчивается жалобами на полицейских чинов, которые «на злодеев никакого внимания не берут», а «с нас последнюю шкуру дерут, только бы кому из нас пришлось в их руки попасть».

Так негодование на «злодеев», убивших царя, переплетается с возмущением действиями полиции. Одновременно с этим в темной массе вновь появляются старые слухи, — слухи о том, что покушение на царя — дело дворян, недовольных отменою крепостного права. В иных местах слухи эти отличаются настолько упорным характером, что дворяне начинают не на шутку опасаться за свою участь. Об этом свидетельствует, между прочим, письмо какого-то серпуховского земца, полученное московским генерал-губернатором кн. Долгоруковым. Приводим этот своеобразный документ целиком:

«Ваше сиятельство.

Высокоуважаемый князь Владимир Андреевич.

Страшный удар, поразивший всю Россию в лице ее возлюбленного царя, глубоко сразил все сердца.,. Среди общей печали злые люди не упускают случаев пускать в народе, в кабаках и фабриках самые вредные слухи, глубоко задевающие честь и чувства московских дворян. Слухи эти, волнующие массы, легко могут повести к опасным демонстрациям и стоили жизни сотням неповинных людей... Мужики, не читающие или не понимающие газет, питаются дикими выдумками, не понимая того, что враги царя суть и враги дворянства и всего народа, что дворяне в угоду государя отказались от крепостного права и в качестве мировых посредников честно послужили правительству и народу; государь называл их опорою престола и часто благодарил их за преданность; что весь интерес их заключается в порядке, а не в потрясениях.

Кто же разъяснит правду нашему слепому мужику? Кто вразумит его полупьяного, полуварвара? Вы, ваше сиятельство, самый любимый и популярнейший начальник: слово ваше авторитетно; вы всегда шли во главе всех добрых и благих начинаний. Войдите в беззащитное положение серпуховских и других землевладельцев. Вразумите народ, который развращен на наших 40 фабриках и бесчисленных кабаках; народ, который слепо верит всякому вздорному слуху. Уверьте его, что закон жестоко накажет виновных злодеев; что эти изверги суть исчадия, отребы русской земли и не могут иметь ничего общего с дворянами и прочими сословиями. Разошлите по волостным правлениям успокоительные извещения в духе примирения, с угрозами для подстрекателей и нарушителей порядка; прикажите усилить надзор за фабриками, питейными и трактирными домами, где разыгрываются зверские страсти. Да сохранит вас господь. Остаюсь глубоко преданный вам

серпуховской земец».

Если авторы вышеприведенных писем ограничиваются негодованием на «злодеев» и полицию и советами, то другие обыватели идут дальше. Они спешат довести до сведений властей о различных, вызывающих в них подозрение лицах. В ближайшие за событием 1 марта дни московский генерал-губернатор буквально был завален анонимными доносами подобных добровольных осведомителей. Подозрительность авторов этих доносов напряжена до последней степени. Достаточно пустяков для того, чтобы они брались за перо и строчили доносы.

Прочтет, например, обыватель в газетах о сырной лавке Кобозевых на Садовой улице, — невольно ему приходит на ум, что и в Москве поблизости от него есть подозрительная лавка, и он спешит сообщить властям, что в доме Макарова, близ церкви Никиты Мученика, какие-то люди сняли лавку, повесили над дверью вывеску: продажа сухих венских дрожжей, — «но торговли никакой не заметно».

Идет обыватель ночью по Тверской; около одного дома, где помещается типография, слышит какие-то, показавшиеся ему подозрительными, звуки, вспоминает о подкопе на Малой Садовой и спешит сообщить: «Вашему сиятельству осмеливаюсь доложить, что на Тверской улице в д. Хомякова, в подвальной квартире, где типография,— по ночам, в полночь роются как будто в земле, а в типографии ночью работы не бывает».

Вспомнил какой-то «верный сын отечества, любимой нами России» о том, что помещик Серпуховского уезда Мантейфельд был арестован в 1862 г. по какому-то делу, — и он спешит написать об этом Долгорукову: «Не тут ли кроется исполнительный комитет, не тут ли кроется зло, не тут ли самое гнездо этих проклятых злодеев России?».

Другой патриот сообщает, что управляющий имением князя Юсупова в Подольском уезде Адам Семёнов «имеет род жизни польской», вследствие чего, вероятно, причастен к злодеянию 1 марта.

«Искренно и истинно преданный сын России» пишет Долгорукову, что на Остоженке, в Ушаковском переулке живут супруги Шабардины; муж окончил университет, а жена — институтка; 9 и 15 марта, «когда вся Москва плакала и молилась», Шабардины вечером плясали со своими знакомыми. «Вообще, в их мнениях и образе жизни веет чем-то смрадным, так что следовало бы вам обратить на сих Шабардиных внимание кого-либо из лучших сыщиков».

«Доколе вы не обратите вашего внимания на этих подпольных крыс, агилистов», пишет какая-то «преданная России» обывательница, сообщая, что некто Гурьянов за Зачатьевским монастырем населил свой дом «агилистами», завел станок «типографский» — «1 марта вечером у него был съезд каких-то господ, шампанское лилось рекой, и поздравляли друг друга с окончанием дела». По поверке этого сообщения полицией выяснилось, что в д. Гурьянова помещается принадлежащая ему разрешенная властями типография и что вечером 1 марта у его жильцов студентов собрались товарищи и устроили попойку по случаю именин одного из них.

Истинный патриот всегда бдит об интересах отечества, — даже тогда, когда находится в положении, казалось бы, совершенно исключающем для него возможность выполнения своего гражданского долга. Вот что сообщает один из таких патриотов:

«В одно прекрасное время в часу 10-м утра 1 апреля мне приходилось проходить улицей Каланчевской и по расстройству своего органа боли живота мне понадобилось иметь для нужды место, я и зайди на пустопорожний участок земли, принадлежащий Курской дороге, и я в этом месте сел для нужды, и это место как раз выходит напротив дома Фомичева, и нахожусь здесь с полчаса вдруг слышу за стеной деревянного забора (остановились тоже для нужды, помочица) и слышу разговор ломаного языка, в роде малороссийского».—Далее автор письма сообщает, что находившиеся за забором люди говорили, что скоро в Москве будут разбрасывать прокламации.

Как ни курьезны эти доносы, как ни бросается в глаза их вздорность, все они влекли за собой особое расследование со стороны полиции.

Автор одного анонимного письма советует разыскать «трех личностей, которые имели покушение на жизнь государя императора: 1-го татарина звать Савкой; 2-го — Дубовый Ленька, а 3-я — Фортовая Катька». Московская полиция ищет этих «личностей» и успокаивается лишь тогда, когда они оказываются «хорошо известными полиции двумя жуликами и проституткой».

А вот еще одно письмо:

«Ваше сиятельство.

Снаряды, служившие к смерти императора, были выписаны из Берлина через посредство агента В. И. Фальк (Пречистенка, дом Крейман), о чем сообщается и графу Лорис-Меликову вместе с сим.

Социалист».

На этом письме резолюция Долгорукова: «Прошу по этому письму сделать самое тщательное дознание и по приезде моем в Москву мне донести». Расследование показывает, что Фальк—аптекарь и выписывает из-за границы фармацевтические товары.

В № 1 «Листа Народной Воли», вышедшем 22 июля 1881 года, мы находим сообщение о том, что весной в Москве обыскивались все подвальные этажи домов Мясницкой и на площади храма Спасителя. Ознакомление с делами секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора убеждает в том, что тут обыски были результатами многочисленных анонимных доносов, сообщавших о подкопах и закладке мин в разных частях города, и в частности, на площади храма Спасителя.

Приведем одно из таких сообщений, полученное московским обер-полицеймейстером по почте в конверте с надписью: «полицеймейстеру с передачей всем г. г. приставам, квартирным надзирателем, помощникам и домовладельцам от главы социалистов. По случаю траура черным сургучем запечатывается». В конверт этот была вложена записка следующего содержания:

«Весь город оцеплен социалистами; в Троицын день не останется камня на камне от Москвы; в главных всех улицах Москвы устроены подкопы.

Народная воля».

Произведя расследование по этой записке, обер-полицеймейстер успокоил генерал-губернатора: «настоящее анонимное заявление не подтвердилось».

Приведем в заключение еще одно письмо, полученное Долгоруковым.

«Князь, я принимал присягу служить верою и правдою царю и отечеству, но вступил в общество социалистов, желая знать цель его: она ужасна. Хотят украсть наследника, предать его страшным пыткам и воспитать другого в своем духе и потом выдать за царя. Кареты, лихачи наняты, деньги заплачены, выжидают случая, когда можно похитить его. Царю готовят смерть. Бунты начались с жидов [1]), потом начнут бить всех богачей и знать, будут подстрекать мясников напасть на университет и разбить его. В Москве от станции Никол. ж. д. до дворца будут проводиться мины в разных местах, хотят напасть на все банки и казначейства и все разграбить; добиваются сделать революцию, а потом республику и президентом ее Константина Николаевича. В Москве много сходок, скоро прибудет громадная партия социалистов с разных концов. Дайте обо всем знать в Петербург. Берегите царя и наследника.

Истина».

Интереснее всего, что Долгоруков придал серьезное значение этому вздору. Препровождая приведенное письмо министру внутренних дел гр. Игнатьеву, он писал: «все изложенное в том письме принято мною к соображению».

К.

[1]) Имеются в виду еврейские погромы, разыгравшиеся весной 1881 г. на юге России.

Отклик московских промышленников на антиеврейские беспорядки 1881 года.

Погромная волна, поднявшаяся весною 1881 г. и в течение короткого времени захлестнувшая обширную территорию нескольких южных и юго-западных губерний, явилась, как известно, ближайшим основанием для постановки комитетом министров на очередь «еврейского вопроса» в целом и для разрешения его в направлении, характерно определенном одним исследователем, как монополизация центральным государственным аппаратом стихийной энергии погрома, как замена суда буйной улицы легальной полицейской репрессией. На этот путь власть, однако, стала не сразу и, если 21 августа 1881 г. во всеподданейшем докладе министра внутренних дел проводилась мысль, что погромы есть лишь средство самозащиты от экономической эксплоатации и традиционная форма «народного самосуда», то еще 11 мая того же года сам император Александр III успокаивал депутацию еврейской столичной буржуазии тем, что «в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом, что это дело рук анархистов».

К этому же моменту еще не определившегося правительственного курса в еврейском вопросе относится чрезвычайно любопытное обращение крупнейшего московского фабриканта, известного в летописях рабочего движения по стачке 1885 г. директора-распорядителя «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К-о» — Т. С. Морозова к гр. Н. П. Игнатьеву [1]), дипломату и администратору, тесно связанному с московской промышленной буржуазией, одному из вдохновителей империалистической политики на Ближнем Востоке и пропагандисту «славянского единения», занявшему 4 мая 1881 г. пост министра внутренних дел.

Тесные связи обоих корреспондентов освобождали их от соблюдения тех условностей официальной фразеологии, которые так досадно осложняют докладные записки обычного типа. Вот почему «печальный факт» кровавых разгромов еврейских поселений на юге рассматривается Т. С. Морозовым не с точки зрения традиционных правовых норм или отвлеченных гуманистических заветов и откровений, а лишь в плоскости сокращения торговых оборотов московских текстильных фабрикантов, заминки в платежах их украинской клиентуры и «даже» (характерно это «даже») возможной уплаты «неполным рублем». С исключительной трезвостью определяя перспективы сокращения производства и грозные последствия безработицы в центральном промышленном районе из-за беспорядков на юге, Т. С. Морозов предлагал новому министру немедленно сделать необходимые выводы из намеченных в письме посылок и реально «обеспечить» на местах «личную и имущественную безопасность» торгового люда.

Однако серьезных последствий формулированные в приводимом ниже письме требования московских заводчиков и фабрикантов на этот раз не имели. Тенденции помещичье-дворянской реакции и воинствующего национализма, определившие собою все направление политики правительства Александра III, заставили и гр. Игнатьева очень скоро усвоить совсем не ту роль, в какой его ожидали видеть на новом посту представители «отечественной промышленности и торговли».

Новая погромная волна и, как отклик на нее, известное «Положение комитета министров о порядке приведения в действие правил о евреях, высочайше утвержденное 3 мая 1882 г.», явились самым красноречивым свидетельством того, что при обозначавшейся в начале 80-х годов экономической

[1]) Архив 3-го Отд. Юрид. Секции Ленинградского Центр. Истор. Архива. Дело канцелярии министра внутренних дел по личной переписке ген.-адъютанта графа Н. П. Игнатьева, 1881 г., № 108, ч. I, л.л. 24—25.

конъюнктуре интересы промышленного и финансового капитала учитывались министерством внутренних дел в гораздо меньшей степени, чем контрреволюционный эффект антиеврейских выступлений.

Ю. Г. Оксман.

Письмо Т. С. Морозова к гр. Н. П. Игнатьеву.

Ваше сиятельство, милостивый государь граф Николай Павлович!

Простите мне, что я решаюсь беспокоить вас этим письмом; но меня несколько ободряет то снисходительное внимание, с каким ваше сиятельство всегда относились к интересам отечественной промышленности и торговли.

Всем известен печальный факт беспорядков, происшедших на юге нашего отечества. С первого взгляда могло бы показаться, что от этих беспорядков пострадали только евреи; но на деле выходит нечто другое. Дело в том, что торговля юга России, находящаяся в руках евреев, тесно связана с промышленными центрами России и преимущественно с Москвою. Поэтому всякое неблагоприятное обстоятельство для торговли юга России всегда тяжело чувствуется Москвою. И теперь, вследствие происшедших беспорядков, многие покупатели просят рассрочки в предстоящих платежах, а некоторые из них предлагают даже платеж неполным рублем; следовательно, за беспорядки, происшедшие на юге России, приходится платиться главным образом Москве. Москва всегда готова нести жертвы вольные, когда того требуют интересы государства (что она неоднократно и доказала); а теперь приходится ей нести жертвы невольные. Наши покупатели передавали, например, что в Киеве беспорядки продолжались более двух дней и что местные власти ничего не предпринимали против них; а между тем своевременным действием местных властей беспорядки эти могли бы быть прекращены в самом начале.

Имея в виду, что после Ирбитской ярмарки сего года торговые дела несколько оживились, многие фабриканты приняли с пасхи народа больше обыкновенного, вследствие чего стало вырабатываться больше товаров. Теперь же, вследствие происшедших беспорядков, торговля значительно сократилась; в некоторых местах, как, например, в Никольской ярмарке в Полтаве и Вознесенской — в Ромнах, она едва достигла половины против прошлого года; некоторые же ярмарки на юге России, как, напр., Балтская, не могли даже совсем и состояться по неприбытию на них торговцев, вследствие неуверенности их в своей безопасности. А потому в настоящее время товар начинает накопляться в складах, не имея сбыта; и если дело продолжится так еще некоторое время, то непременно придется фабрикантам сокращать производство и, следовательно, увольнять рабочих.

Вот почему особенно важно, чтобы торгующее купечество было уверено, что на предстоящих ярмарках — Ильинской в Полтаве и особенно Нижегородской ничего, подобного киевским беспорядкам, не может повториться. Малейшая же неуверенность в совершенном спокойствии и безопасности может повлечь за собою то, что эти важные в торговом отношении ярмарки пройдут вяло, товары останутся непроданными, вследствие чего некоторым фабрикантам придется, может быть, поневоле закрыть совсем фабрики и распустить рабочих. При одной мысли о возможности подобного положения можно притти в ужас, потому что нельзя предвидеть всех могущих произойти из того последствий. Внутренняя безопасность нашего дорогого отечества находится теперь в руках вашего сиятельства. Зная ваше предупредительно-внимательное отношение к интересам отечественной промышленности и торговли, а также вашу всегдашнюю энергию к пользе и спокойствию дорогого нашего отечества, промышленный и торговый люд, имевший счастливый случай узнать вас близко в двукратное пребывание ваше временным генерал-губернатором в Нижегородской ярмарке, успокаивает себя надеждою, что при вашем управлении министерством внутренних дел лич-

ная и имущественная безопасность будут вполне обеспечены и бездействия властей, подобного киевским, не повторится.

Еще раз почтительнейше прошу ваше сиятельство простить мне за то, что я решился откровенно высказать вам мои мысли и опасения и принять уверение в глубочайшем уважении и душевной преданности, с которыми честь имею быть вашего сиятельства милостивого государя покорнейший слуга *Т. Морозов.*

30 мая 1881. Москва.

Александр III и генерал Буланже.

Печатаемое строго-конфиденциальное письмо генерала Буланже к императору Александру III чрезвычайно характерно для эпохи и для обоих упомянутых лиц: содержание письма характерно для Буланже, пометка сверху, сделанная рукою Александра,— для адресата.

Нужно сказать, что с самого начала буланжистского движения (т.-е. с начала 1886 года, когда Буланже сделался военным министром в кабинете Фрейсинэ, и началась буланжистская пропаганда в деревне и в городе), русские высшие сферы не переставали с большим вниманием следить за развивавшимся движением, а русская пресса, отражавшая взгляды правительства, относилась, в общем, к Буланже с нескрываемым сочувствием. Хватит ли у него сил повторить Наполеона I или, хотя бы, Наполеона III, — в этом не были уверены, но идея государственного переворота, который бы покончил с парламентаризмом, представлялась петербургским сферам вполне приемлемою и симпатичною. «Новое Время» и другие газеты, близкие к высшим бюрократическим сферам в Петербурге, а также Катковские «Московские Ведомости» вполне дружественно относились к агитации, поднятой Буланже, даже в 1888 и 1889 г. г., когда Буланже окончательно занял резко-враждебную позицию против парламентарной республики и когда он был осужден верховным судом за государственную измену. Печатаемое ниже письмо Буланже написал Александру III уже из Лондона, где он проживал временно в качестве изгнанника, бежавшего от суда. Это бегство и целый ряд других политических ошибок сильно подорвали положение Буланже в тех кругах средней и мелкой буржуазии, где он имел больше всего сторонников. Вскоре после этого письма к русскому императору произошли общие выборы в палату депутатов, и буланжизм потерпел на них полную неудачу; на этом собственно политическая карьера генерала и окончилась.

Цель письма совершенно ясна: и буржуазия, и крестьянство, т.-е. два решающие социальные фактора во Франции, стремились в тот момент к союзу с Россией, как к высшей точке возможных политических успехов Франции. Всем было известно, что Александр III еще как бы колеблется, не желая слишком резко ссориться с Германией, и слухи, распространяемые французскими правящими сферами о том, что русский царь недоволен будто бы агитацией Буланже, что он считает Буланже угрозою для европейского мира и что из-за буланжистского движения он перестал верить в прочность республики и именно поэтому не желает заключить союза с Францией, — все эти слухи сильно вредили Буланже как раз в тех социальных слоях, на поддержку которых он рассчитывал. Письмо к Александру III должно было уничтожить недоверие царя к Буланже. С своей стороны Александр III явно сочувствовал политическим убеждениям Буланже гораздо больше, чем господствующему во Франции парламентаризму. Но, с отличавшей его осторожностью, он не очень увлекался оптимистическими надеждами изгнанника. Все эти настроения отразились в коротеньком замечании, сделанном рукою царя на первой странице письма, сверху. Его недоверчивость не обманула его. Союз ему пришлось заклю-

чать все с тою же антипатичною ему антиклерикальною республикою в 1891 году, — в том самом году, когда генерал Буланже покончил с собою в Брюсселе [1]).

Евг. Тарле.

Лондон, 9 августа 1889 г. [2])

Его величеству императору всероссийскому.

Государь,

Честная откровенность вашего характера, прямота и прозорливая твердость вашего ума настолько всем известны и всеми признаны, что я не опасаюсь, что ваше величество примете благосклонно мое обращение к вам, может быть, необычное, но оправдываемое соображениями высшего порядка.

Вы, государь, милостью божиею, возлюбленный, почитаемый повелитель послушного вам великого и благородного народа. Восемь лет царствования вознесли вас на высоты, которых достигли немногие государи.

Я — только солдат-изгнанник. Но я верю, что провидение, ведущее человечество к цели, которую только оно одно знает, призывает меня к руководительству судьбами того французского народа, которому вы желаете добра, так как знаете, что его интересы совпадают с интересами русского народа и что нет в мире двух других наций, способных относиться друг к другу с таким уважением, таким взаимным пониманием и с такой готовностью помогать друг другу в нужде.

По этим-то причинам я и позволяю себе обратиться к вашему императорскому величеству — не для того, чтобы просить у вас помощи и покровительства, но затем, чтобы предостеречь вас от интриг, могущих помешать подъему Франции.

Я положительно, как мне кажется, знаю, что люди, не имеющие ни принципов, ни совести и эксплоатирующие в данный момент мою дорогую страну, стараются пустить в ход как в Петербурге, так и в Берлине все пружины интриг, чтобы помешать французскому народу в решительный момент, из боязни всеобщей войны, доверить мне при предстоящих выборах дело национального спасения и возрождения.

Может быть, народный приговор и не поддался бы враждебным германским демонстрациям по моему личному адресу; но, напротив, если бы ваше величество и ваше правительство, каким бы то ни было образом, проявили подобные же демонстрации, то как бы жадно ни стремился французский народ к порядку и устойчивости,— наперекор своему убеждению, что лишь я один в состоянии дать ему их,—возможно, говорю, при наличности проявления такого неодобрения с вашей стороны, он поколебался бы и не захотел бы итти против мнения того, на кого он смотрит, как на своего единственного и могущественного друга.

Что же будет последствием этого, государь?

Очевидно, — продление гнусного и разлагающего положения вещей, которое свирепствует ныне во Франции, и, следовательно, упрочение преобладания германизма.

Такой мудрый и здравомыслящий ум, как вашего величества, должен это понять и не может этого желать. Он должен понять, что существенные интересы России, так же, как необходимость всеобщего равновесия, — настоятельно требуют возвращения Франции в то положение, которое ей приличествует в европейском концерте.

Ничто, — я признаю это, — не могло еще создать вашему величеству уверенности, что мне по силам такое дело. Те потоки клеветы, которые проливаются на меня, такой уверенности не могут дать. Но и для противоположной мысли, — могу сказать это без излишней самоуверенности, — нет основания. Государь, посмотрите на меня, когда я буду действовать: только тогда вы можете высказаться с полным знанием дела.

В настоящий момент, — и пока мне еще возможно совершать это, не нару-

---

[1]) Подлинник (на франз. языке) — в Арх. Рев. и Внешней Политики.

[2]) Наверху написано рукой Александра III: «Скромно и разумно, но действительно ли он способен на это, увидим!»

щая обязанностей, которые, может быть, будут в скором времени на меня возложены, — я беру на себя смелость высказать вашему величеству в немногих словах, что̀ я думаю сделать и что̀ я, с божьей помощью, сделаю.

Я буду поддерживать республику, ибо это единственная форма правления, возможная в настоящее время во Франции, так как всякая попытка реставрации монархизма может вызвать как внутри страны, так и вне ее пагубные осложнения.

Я восстановлю религиозный мир и уничтожу всякие изгнания, так как я и не думаю вести войны ни с богом, ни с людьми, как пытались делать безумцы, доведшие Францию до ее нынешнего положения.

Я уничтожу с корнем бич парламентаризма и порождаемые им чудовищные злоупотребления.

Я поведу смертельный бой с подкупом и сторонниками подкупа и с развращением, чтобы заполнить зияющую дыру дефицита.

Я приступлю осторожно, но решительно к самым назревшим социальным вопросам, но я воздвигну непреодолимые преграды для губительных доктрин социализма.

Вне страны, государь, я буду стремиться к мирным, согласным и достойным отношениям со всеми державами, искренно же дружественным только с одною — Россией.

Все то, что достоинство и честь Франции мне позволят сделать, чтобы поддерживать мир, я сделаю, ибо я убежден, что Франция хочет мира и что в нем — ее жизненная необходимость.

Военные инстинкты и жажда славы должны быть подавлены, когда этого требует благо страны. Вы это хорошо знаете, государь, — вы, показавший столько самопожертвования и самоотречения в удивительной добруджской кампании.

Франция — мирная, достойная, сильная, защищенная от разлагающих волнений,—такою, несомненно, вы должны желать ее, ваше величество, в интересах самой России. Такую Францию я хочу, государь; такою я вам дам ее.

Взамен этого я не прошу у вас ни помощи, ни покровительства — я жду только беспристрастия; в ожидании дальнейшего.

Я имею основание думать, к несчастью, что те, на ком лежит обязанность осведомлять ваше величество о том, что происходит во Франции, были ловко обойдены и введены в обман как раз в целях заставить вас отрешиться от этого беспристрастия.

Единственная цель настоящего моего обращения к вам — предостеречь вас от происков, посягающих на интересы как России, так и Франции.

Прошу ваше величество принять дерзкую откровенность солдата, привыкшего итти напрямик к цели, и принять выражение моего глубокого уважения.

Генерал Буланже.

К истории манифеста 6 августа 1905 года.

Печатаемые ниже документы являются естественным дополнением к изданным уже Н. С. Таганцевым в его книге «Пережитое» (Пгр. 1919 г.) некоторым материалам, приоткрывающим завесу над последним заключительным моментом Петергофских совещаний об учреждении законосовещательной Государственной Думы.

Как известно, заседания этого совещания закончились 26 июля 1905 года, но манифест, который должен был объявить населению о его результатах, не был к этому времени еще изготовлен. Правда, существовали различные его проекты, о характере и содержании которых мы можем судить по воспоминаниям Н. С. Таганцева, приводящего на ряду с общей их характеристикой и полный текст двух из них: одного собственного, перепечатываемого нами ниже, и другого — составленного начальником походной канцелярии е. в. флиг.-адъютантом гр. Гейденом, положенных в основу официальной редакции манифеста. Но все это происхо-

дило за кулисами официальных, открытых заседаний, где эта тема прямо не затрагивалась. По крайней мере, даже на последнем из них, уже после того, как все спорные вопросы были разрешены, когда гр. Сольский очень осторожно поставил ее перед Николаем II, царь сразу же перевел разговор в другую сторону и обмолвился одной только фразой, «что о манифесте надо будет еще поговорить» *).

Эта задача была возложена на особое совещание под председательством обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, собравшееся 30 июля того же года и имевшее всего одно заседание. Некоторые подробности о нем дает тот же Н. С. Таганцев, который был сам его участником. Эти его сообщения, в соединении с новыми публикуемыми данными, проливают интересный свет на некоторые подробности и закулисной стороны петергофских совещаний.

Выясняется, что с самого их начала в среде, близкой к их участникам, и среди них самих, начали составляться проекты будущего манифеста. Н. С. Таганцев насчитывает их шесть **). Об одном из этих проектов и его неофициальном обсуждении и говорят ниже приводимые документы. Составленный довольно пространно, с подробным изложением истории и сущности предпринимаемых мер, этот проект манифеста был выработан Н. С. Таганцевым еще в разгаре работ петергофских совещаний ***).

Одним из первых его критиков был обер-прокурор синода К. П. Победоносцев, который правильно указал на излишнюю его распространенность и высказался прежде всего за сокращение исторической его части. Также не безынтересными, в особенности по своей только формальной мотивировке отвода, были и его замечания о необходимости сокращения тех мест манифеста, в которых говорится о войне и внутренних смутах, так же как и его пожелание — показать рассмотренный проект проф. В. О. Ключевскому.

Последний познакомился с ним также до окончания петергофских совещаний, но, в противоположность Победоносцеву, слишком мало уделившему ему внимания, отнесся к своему делу более серьезно. В то время как первый, как бы оправдывая характеристику, данную ему по этому поводу Таганцевым, как в этом случае, так и позднее (после 30 июля) не приложил ничего своего к этому «богомерзкому» предприятию, В. О. Ключевский сделал ряд ценных указаний по самому существу содержания представленного проекта.

Так, исходя из понимания будущего манифеста, как акта примирения и успокоения, он высказался за опущение в нем всяких резких и неосторожных выражений, каковые могли бы показаться обидными влиятельным общественным кругам земской интеллигенции и средней и мелкой буржуазии, которые хотя и критикуют действия правительства, но, вполне справедливо, «во внутренней смуте вины за собою не признают». Желая ясно и точно отграничить в глазах правительства эти оппозиционные общественные слои от действительно революционных и тем устранить для него опасность дальнейшей размолвки с ними, он предлагал заменить расплывчатую таганцевскую формулировку «внутренней смуты» более определенными указаниями на «прискорбные глубокие внутренние волнения», в которых, конечно, эти умеренные общественные группы не могли принимать массового непосредственного участия.

Тем же руководился В. О. Ключевский и в других своих замечаниях, когда считал слишком одиозными слова — о «дерзких посягательствах» или

*) Протоколы заседаний совещания под личным его императорского величества председательством для обсуждения предначертаний, указанных в высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 года (19—25 июля 1905 г.). С. Петербург. 1905 г., стр. 190.

**) Н. С. Таганцев. «Пережитое». Учреждение Государственной Думы в 1905—1906 г.г. Пгр. 1919 г., с. 38—39.

***) Следует обратить внимание, что возражения Таганцева на замечания Ключевского сделаны были еще 23 июля.

высказывал пожелания, чтобы в окончательной редакции манифеста были устранены всякие намеки на «внутреннего врага» параллельно с внешним, потому что такой намек могли бы принять на свой счет «очень широкие и благонамеренные, но недовольные ходом дел слои населения».

Но вместе с тем его возражения вызвали и те места, которые показались ему слишком переоценивающими события и каковые могли быть истолкованы, как признаки боязни и слабости правительства. Отсюда его предложение опустить начало четвертого абзаца и, соответственно переработав, начать его со слов: «призвав бога на помощь», отсюда же и его возражение против излишнего усиления «все» в фразе: «собирая все силы земли», которое только дало бы новые основания для «злонамеренной критики».

Наконец, заслуживает внимания и его последнее пожелание, чтобы слова, передающие сущность и значение в государственной жизни нового законосовещательного органа, были редактированы в строгом соответствии с учреждением Государственной Думы.

На все эти замечания В. О. Ключевского, вместе с другими, сделанными дополнительно на полях и в тексте манифеста, к сожалению, остающимися пока неизвестными *), Н. С. Таганцев 23 июля 1905 г. дал свой ответ, в котором пытался доказать, что все возражения его оппонента основаны на явном недоразумении.

Причину этого он видел в том, что Ключевский под «внутренней смутой» разумел «притязания земцев, съезды и резолюции как их, так и других» интеллигентских «кружков, наконец, волнение учащейся молодежи»,—тогда как автор проекта имел в виду социально-революционное движение во всем его объеме и, главным образом, волнения в рабочей среде, крестьянстве и в войсках армии и флота. Отсюда, на его взгляд, оппонент отнесся не с достаточным вниманием к тому объекту, к которому только и был обращен манифест, и, пытаясь примирить непримиримых, предался в сущности «непростительному и пагубному самообольщению».

Н. С. Таганцев делал при этом определенную передержку, так как, несомненно, В. О. Ключевский вовсе не думал отрицать, что главный центр всего революционного движения находился в рабочей и крестьянской среде, волнение которых и представляло действительную опасность; напротив, это-то и заставило его с еще большей твердостью настаивать на том, чтобы не задеты были лишний раз интересы находившейся пока только в оппозиции либеральной части русского общества.

При данном соотношении политических сил Ключевский считал во всяком случае более разумной и выгодной для самодержавия политику сближения и примирения с влиятельными кругами буржуазии и интеллигенции, чем полное их игнорирование, как это намечалось в проекте таганцевского манифеста, обращенного только «к нетронутым тлетворною революционною заразою слоям русского общества» и «к стомиллионному, верному престолу русскому народу».

Так перед нами ясно вырисовывается два совершенно разных подхода к событиям современности, естественно вызывающие неодинаковые представления о значении и задачах предстоящего манифеста.

Но, независимо от личности обеих споривших сторон, более практическими предложениями оказались замечания проф. Ключевского, и в окончательной редакции манифеста 6 августа, выработанной государственной канцелярией, все острые углы, указанные им, были сглажены. По крайней мере, в ней мы не находим не только никаких неосторожных выражений и указаний на внутреннего врага, но даже самые намеки на какие-либо внутренние волнения устранены тщательным образом, и, наоборот, во главу угла поставлены взятые отчасти из гейденовского, отчасти из того же таганцевского проекта — утверждения, «что государство

*) В найденных нами материалах каких-либо следов, указывающих на их содержание, кроме самого факта их существования, не имеется.

Российское созидалось и крепло неразрывным единением царя с народом и народа с царем», согласие и единение которых — «великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков» и являющаяся и ныне «залогом ее единства, независимости и целости». Характерно, что взятые в начальный абзац окончательной редакции манифеста слова гейденовского проекта также были лишены в ней своего заключительного момента, останавливавшегося равным образом на противопоставлении — «силы вражьей и смуты народной» *). В этом, конечно, нельзя не видеть известного влияния замечаний Ключевского. Последние оказали некоторое, хотя и не полное, воздействие и на редактирование той части манифеста, в которой говорилось о компетенции и значении вновь учреждаемого государственного органа; но здесь могли сказаться, конечно, и замечания других критиков первоначального проекта манифеста (Гильденбандта). Как бы то ни было, но в манифесте 6 августа эта его часть изложена хотя и менее полно, но более определенно, чем раньше; так, вместо прежней расплывчатой и очень пространной формулировки, здесь мы имеем краткое, но ясное определение значения Государственной Думы, как особого законосовещательного установления, «коему представляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов».

История манифеста была бы, однако, не полной, если бы мы не указали на некоторые моменты личного в нем участия самого Николая II. Еще из письма м-ра императорского двора бар. В. Б. Фредерикса к обер-прокурору синода К. П. Победоносцеву 27 июля 1905 года, на которое есть ссылка в воспоминаниях Таганцева, мы знали, что указания манифеста 6 августа—на сохранение законодательного почина в дальнейшем усовершенствовании Государственной Думы за верховной властью, упоминание в нем отмены указа 18 февраля 1905 года и внесение в него срока назначения выборов в Государственную Думу, были проявлением редакционной инициативы самого императора *). Теперь же из публикуемого документа (№ 6) мы узнаем, что и самое изменение первоначального намерения обнародовать манифест в первую годовщину рождения наследника престола последовало также по указанию Николая II.

А. Чулошников.

1.

Проект высочайшего манифеста (30 июля 1905 года) [1].

Объявляем всем верным нашим подданным.

В торжественный час вступления нашего на прародительский престол, мы, перед лицом сердцеведца бога, принесли священный обет посвятить всю жизнь служению народу нашему, имея единою целью преуспеяние, могущество и славу России и счастье всех наших верноподданных.

К мирному развитию и постепенному усовершенствованию государственного порядка и строя, в духе преемственных заветов исторической жизни России и в соответствии с современными ее потребностями, были в продолжение десяти лет направлены наши попечения и заботы, когда внезапно разразилась роковая и кровопролитная война на отдаленном Востоке, потребовавшая крайнего напряжения и сосредоточения всех вещественных и нравственных сил государства, а одновременно внутренняя смута, долго таив-

*) См. начальные слова гейденовского проекта: «Государство Российское созидалось, росло и крепло неразрывным единением царя и народа и благословением святителей российских.

В сем единении и в самые трудные дни минувшей жизни своей не склонялась русская держава ни перед силою вражьей, ни перед смутою народною, являя мощь несокрушимую». (Н. С. Таганцев. «Пережитое».)

*) Ср. дело канцелярии министерства имп. двора по описи 194/2682, № 77, л. 16.

шаяся под пеплом, кровавым пожаром вспыхнув в разных концах империи, разобщила и ослабила эти силы и отвлекла их значительную часть от борьбы с сильным и упорным внешним противником.

В виду грозной опасности, надвигающейся на Россию извне и внутри, призвав бога на помощь и собирая все силы земли для отражения дерзких посягательств врагов на ее внутренний уклад и внешнюю безопасность, мы чувствуем живейшую потребность опереться на любезно-верный нам русский народ и, сплотив его вокруг нашего престола, утвердить на незыблемой основе то единение царя с подданными, на котором искони зиждется сила и крепость святой Руси.

В разные эпохи многовекового прошлого России русские самодержавцы не раз призывали землю на совет в лице избранных ее представителей. В XVI и XVII столетиях созывали они земские соборы для совещания по законодательным делам и вопросам. В XVIII столетии императрица Екатерина II воскресила это древнее учреждение Московской Руси, собрав из выборных от всех сословий комиссию для составления нового уложения. В течение всего XIX века сведущие люди, заслужившие доверие населения, нередко приглашались к обсуждению проектов важных законов, предварительно внесения их в государственный совет.

Еще более широкая доля была отведена российскими государями выборному началу в местном управлении. Волею великой Екатерины создан институт губернских и уездных предводителей дворянства и выборным от сословий предоставлено замещение должностей не только в губернском уездном и городском управлении, но и в судебных учреждениях того времени. Блаженной памяти августейший дед наш, император Александр II явил высокое доверие населению, вверив всесословному земству и его избранникам попечение о хозяйственных нуждах и пользах в 34 губерниях и тем положив начало местному самоуправлению. Наконец, в бозе почивающего незабвенного нашего родителя, во все продолжение его кратковременного царствования, озабочивала мысль о согласовании деятельности выборных общественных учреждений с правительственными властями по назначению и об искоренении тех розни и равлада между ними, которые столь пагубно отражаются на правильном течении государственной жизни нашего отечества.

Ныне настало время осуществить благие начинания в этом направлении ряда самодержавных наших предшественников и привлечь выборных людей от всей земли русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных установлений особое законосовещательное учреждение.

В настоящий памятный для России и дорогой для родительского сердца нашего день первой годовщины рождения нашего первородного сына и наследника всероссийского престола, мы признали за благо утвердить рассмотренные в совете министров и в чрезвычайном совещании под собственным нашим председательством учреждение Государственной Думы и правила о выборах в нее и повелели правительствующему сенату привести их немедленно в исполнение на нижеследующих главных основаниях.

Составленная из членов, свободно избираемых населением Российской империи, Государственная Дума участвует в предварительной разработке и обсуждении всех законодательных предположений, восходящих чрез государственный совет к верховной власти.

Выборы в Государственную Думу производятся населением чрез особые избирательные съезды по уездам и собрания по губерниям, областям и городам закрытой подачей голосов, с таким расчетом, чтобы один член Государственной Думы приходился на 250.000 жителей империи.

Государственной Думе дарується право возбуждать предположения об отмене и изменении действующих и издании новых законов, с тем, что предположения эти ни в каком случае не будут

касаться начал государственного устройства, установленного в основных законах империи.

Государственной Думе предоставляется заявлять министрам и главноуправляющим отдельными частями о сообщении сведений и разъяснений по поводу тех действий как их самих, так и подведомственных им лиц и учреждений, коими, по мнению Думы, нарушаются существующие законоположения и повеления, от высочайшей власти последовавшие.

Члены Государственной Думы пользуются полною свободою суждений и мнений в делах, подлежащих ее рассмотрению, и не могут быть подвергаемы лишению или ограничению свободы, как только по распоряжению судебной власти.

Законодательные предположения Государственной Думы вносятся на рассмотрение государственного совета, но получают силу закона не иначе как по принятии их государственным советом и по утверждении высочайшею властью.

Даруя избранникам народа столь важные права и отводя им такую широкую долю участия в законодательной работе, мы уверены, что они, в сознании великой лежащей на них нравственной ответственности перед богом, престолом и родиной, оправдают наше доверие и в полном согласии с прочими государственными установлениями и с исполнительными властями, от нас поставленными, окажут нам полезное и ревностное содействие в трудах наших на благо общей нашей матери России, к утверждению единства, безопасности и величия государства Российского, благоденствия и счастия русского народа.

Державные наши предки собирали русскую землю и в тесном общении с народом, спаяв ее разрозненные части, воздвигли величественное здание державы Российской, обнимающее шестую часть вселенной. В историческом развитии судеб России на нас, волею всевышнего, пал счастливый жребий собрать воедино все помыслы и чувства русских людей, все живые силы богом нам врученного народа и в стройном согласии направить их к одной заветной общей цели: благу отечества.

В великой, тесно сплоченной вокруг нас, русской семье нет и не должно быть средостения между царем-отцом и верными его сынами-подданными.

Отныне голос земли через ее выборных, излюбленных, лучших людей будет свободно и беспрепятственно восходить к царскому престолу. Обнимая отеческою нашею любовью всех наших верноподданных, к какому бы племени, званию и состоянию они ни принадлежали, мы верим и надеемся, что оживленная нашим доверием народная мысль с новою силою воспрянет на служение нам и отечеству и в дело государственного строительства внесет верность исконным основным устоям исторического склада России и с нею бытовую мудрость, почерпнутую в жизненном опыте; решающая же воля самодержавного царя озарится светлою собирательною мыслью русского народа.

В согласии и единении царя и народа — великая нравственная сила, создавшая Россию, в течение веков отстоявшая ее от всяких бед и напастей и являющаяся залогом ее единства, независимости и целости, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем. Призывая благословение господне на труды учреждаемого нами государственного установления, долженствующего утвердить новым ручательством эту вековую спасительную связь, мы с непоколебимою верою в милость божию и в непреложность великих исторических судеб, предопределенных божественным промыслом дорогому нашему отечеству, твердо уповаем, что с помощью всемогущего бога и единодушными усилиями всех своих сынов Россия выйдет с торжеством из постигших ее нынче тяжких испытаний и снова возродится в запечатленных тысячелетнею ее историею могуществе, величии и славе.

Дан в С.-Петербурге, в 30-й день июля, лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое.

2.

Замечания К. П. Победоносцева [2]) на проект манифеста 30 июля 1905 г.

Надобно сократить весьма историческое изложение о призвании выборных людей в прежние царствования.— Стоит показать Ключевскому [3]). Покороче о войне и внутренних смутах, о чем бывало упомянуто в прежних манифестах.—Изложение учреждения Думы должно быть просмотрено Сольским [4]) и министром внутренних дел.

3.

Замечания проф. В. О. Ключевского на проект манифеста 30 июля 1905 года.

1. Так как манифест является актом примирения и успокоения, а во внутренней смуте, о которой говорится в конце первой стр., весьма влиятельные общественные круги вины за собою не признают, хотя и критикуют действия правительства, то и желательно устранить эти слова, не устраняя отнюдь указания на прискорбный факт. Поэтому предлагается место со слов (в конце 1 стр.): *«одновременно внутренняя смута... упорным внешним противником»* — заменить словами: «одновременно сердцу нашему прискорбные глубокие внутренние волнения, вспыхнув в разных концах империи, разобщили и ослабили эти силы».

2. Слова: *«В виду грозной опасности»* могут быть истолкованы, как признак боязни и уступки только перед лицом опасности, что едва ли соответствует действительности, а потому не лучше ли начать абзац прямо словами: «Призвав бога на помощь».

3. *Собирая все силы земли.* Все как будто указывает на *последние* усилия. Желательно избегнуть повода к злонамеренной критике, и потому не лучше ли это слово опустить.

4. *Дерзких посягательств.* Слово *дерзких* — одиозно, и не лучше ли его опустить.

5. *Чувствуем живейшую потребность* — выражение несколько обыденное, и, может быть, более подходит к стилю торжественного акта выражение: «почитая за благо опереться» — или какое-либо другое более удачное выражение.

6. *Посягательств врагов на ее внутренний уклад.* Желательно избегнуть самого намека на «внутреннего врага» параллельно с внешним, потому что такой намек примут на свой счет очень широкие и благонамеренные, но не довольные ходом дел слои населения. Так, весь абзац, начинающийся словами: *«В виду грозной опасности»*, предлагается изложить так: «призвав бога на помощь и собирая силы земли против посягательств на могущество и силу *) России, мы почитаем за благо опереться на любезно-верный нам»... и т. д. согласно тексту.

7. Абзац, начинающийся словами: *«Законодательные предположения... высочайшею властью»* (стр. 4—5). Эти слова необходимо редактировать в строгом соответствии с учреждением Государственной Думы.

Дополнительные заметки — на полях и в тексте.

4.

Возражения на замечания профессора Ключевского. («Ответ составителя». [5])

Все сделанные профессором Ключевским замечания основаны на явном недоразумении.

Под «внутреннею смутою» профессор разумеет притязания земцев, съезды и резолюции как их, так и других «интеллигентных» кружков, наконец, волнение учащейся молодежи. Проект же манифеста называет этим именем социально-революционное движение во всем его объеме, к которому большинство «интеллигенции» причастно только отчасти и до известной степени бессознательно.

По убеждению составителя проекта, основанному на тщательном изучении истории крамолы, смута первого рода чисто поверхностна и вовсе не опасна. Лишь вторая представляет действительную опасность для государства, обагряя его кровью и зажигая со всех

*) Зачеркнуто — «силу» — и заменено карандашом — «целость». *Ред.*

концов, с того времени, как социал-демократические учения начинают проникать в глубину народных масс: в рабочую среду, в крестьянство, в экипажи флота, в сухопутные войска.

Совпадение этой опасности с внешней войной нельзя иначе назвать как грозным. Возможно ли в самом деле отрицать, что враги России, внешние и внутренние, действуют хотя и не по взаимному соглашению или предопределенному плану, но во всяком случае одновременно и, следовательно, поддерживая одни других. Против этого союза, для полного его одоления, безусловно необходимо сосредоточение всех до единой сил русской земли, вещественных и духовных.

Такой опасности надо смотреть прямо в лицо; не робеть пред нею, но и не закрывать на нее глаза, а, поведав правду о ней во всеуслышание, мужественно бороться с ее разрушительными замыслами вне России и внутри ее, опираясь на все здоровые, не тронутые еще тлетворною революционною заразою слои русского общества и на стомиллионный, верный престолу русский народ.

Вот к кому обращен высочайший манифест, кого надо ободрить и воодушевить. Думать же о том, чтобы им примирить непримиримых, — значит предаваться непростительному и пагубному самообольщению.

С.-Петербург. 23 июля 1905 года.

5.

Замечания государственного секретаря бар. Ю. А. Икскуль-фон-Гильденбандт на проект манифеста 30 июля 1905 г.

Проект заслуживает полного внимания, относясь к категории манифестов пространных, с изложением истории и сущности предпринимаемых мер *). Эту последнюю часть надо строго согласовать с законом. Конец со слов — «Даруя избранникам»... следовало бы сжать. Избегать иностранных слов. Отметки на полях.

Ю. Икскуль [4]).

27/VII 1905 г. Есть еще некоторые и частные дополнения (см. рассылаемые проекты [7]).

6.

Письмо министра императорского двора бар. В. Б. Фредерикса К. П. Победоносцеву.

М. Г.

Константин Петрович.

В дополнение к письму моему от 27 сего июля за № 5733 имею честь, по высочайшему его императорского величества повелению, препроводить при сем для сведения образованного для рассмотрения проектов высочайшего манифеста об учреждении Государственной Думы под председательством вашего высокопревосходительства особого совещания [8]) — проект такового высочайшего манифеста.

При этом считаю долгом поставить вас, м. г., в известность, что его императорскому величеству благоугодно было указать, что нет необходимости приурочивать обнародование имеющего быть выработанным состоящим под председательством вашего высокопревосходительства особым совещанием высочайшего манифеста [9]) к предстоящему дню первой годовщины рождения наследника всероссийского престола.

Примите... [10]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Все печатаемые материалы взяты из дела канцелярии министерства императорского двора, хранящегося в 1 Отделении Экономической Секции Ленингр. Центр. Исторического Архива, по оп. 194/2682, д. № 77, и представляют собою частью подлинники, частью копии документов, написанные или от руки, или напечатанные на машинке. К подлинникам следует отнести — замечания К. П. Победоносцева и бар. Ю. А. Икскуль-фон-Гильденбандта, написанные ими собственноручно, к копиям же — таганцевский проект манифеста и его ответ В. О. Ключевскому.

*) Освобождение крестьян, воинская повинность. (Прим. в подлинном. *Ред.*)

Замечания же последнего, так же, как и письмо бар. В. Б. Фредерикса к К. П. Победоносцеву, написаны от руки неизвестными лицами.

2) Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907 г.) — член государственного совета, обер-прокурор синода.

3) Ключевский, Василий Осипович (1841—1911 г.) — профессор Московского университета.

4) Сольский, Дмитрий Мартынович (1833—1910 г.), граф, председатель госуд. совета.

5) Автор возражений и составитель манифеста — Таганцев, Николай Степанович (р. 1843 г.), — сенатор, член государственного совета и известный в свое время профессор Петербургского университета по кафедре уголовного права.

6) Бар. Икскуль-фон-Гильденбандт, Юлий Александрович, — государственный секретарь.

7) Из частных дополнений бар. Икскуля, сделанных им карандашом на полях таганцевского проекта манифеста (л.л. 29—31), следует обратить внимание на следующее: против абзаца: «В торжественный час...» помечено: «Не следует ли в точности придержаться манифеста 20/X 1894 г?», против абзаца: «Составленная из членов...» после слова: «восходящих» добавлено: «по силе основных законов», а после слов: «к верховной» — прибавлено: «самодержавной»; против абзаца: «Законодательные предположения»... слова: «но получает силу закона»... до конца абзаца зачеркнуты и заменены новыми: «и затем представляются вместе с заключением Думы на высочайшее благовоззрение в порядке, установленном учреждением государственного совета»; в абзаце: «Даруя избранникам»... слова: «мы уверены»... подчеркнуты, а на полях сделано замечание: «но пускай покажет будущее», против абзаца: 1) «Державные наши предки»... и против слов 2) «Обнимая отеческою нашею любовью всех наших верноподанных» на полях замечание: «счастливая мысль».

8) Совещание по выработке манифеста 6 августа 1905 г., организованное под председательством обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, состояло из следующих 10 членов: 1) членов государст. совета — графа Сольского, Голубева и Таганцева, 2) министров — Коковцева, Булыгина и Манухина, 3) государственного секретаря бар. Икскуль-фон-Гильденбандта, 4) секретаря имп. Марии Федоровны гр. Голенищева-Кутузова, 5) проф. В. О. Ключевского и 6) начальника походной канцелярии Николая II, гр. Гейдена.

Совещание имело только одно заседание 30 июля 1905 г., в Мариинском дворце, в залах госуд. совета.

9) Манифест 6 авг. 1905 г. был составлен по поручению совещания государственной канцелярией, которая использовала для этой цели главным образом два проекта — таганцевский и гр. Гейдена.

10) В деле имеется только черновик письма, без заключительных слов и подписей.

Хиромант Перен и русский министр.

8 апреля 1917 года б. министр внутренних дел Протопопов был допрошен в Чрезвычайной следственной комиссии о знакомстве и сношениях с некиим Карлом Переном. Интересовал комиссию главным образом вопрос о встрече Протопопова с Переном за границей, в Стокгольме, так как установление этого обстоятельства бросало новый свет на историю свидания Протопопова с Варбургом при «парламентской» поездке его за границу в 1916 году.

Документы, которыми располагала комиссия, устанавливали: 1) возможную причастность Карла Перена к военному шпионажу Германии; 2) сношения русского министра внутренних дел с Карлом Переном, поддерживаемые Протопоповым до самых дней революции (конец февраля 1917 г., когда на улицах Петрограда шли бои) и в то время, когда Протопопову известны были данные о Перене.

Протопопов вначале «забыл» даже самое имя Перена, затем вспомнил о своей встрече с ним в Петрограде и о переписке с ним, но на вопрос о встрече с Переном за границей ответил категорически отрицательно.

Этому вопросу посвящено было несколько допросов Протопопова в комиссии. Протопопов особенно нервно реагировал на это, написал затем несколько заявлений со своими объяснениями по этому поводу, правильно в общем передавал «историю» Перена, но правды не сказал.

Протопопова особенно должно было мучить то обстоятельство, что переновская история связывается с Варбургом, с заграничной поездкой, Варбурга же он не мог забыть.

В последние дни пребывания Протопопова у власти имя его особенно связывалось с этой «проклятой» для него поездкой за границу. Против него велась большая кампания. Видимо, особенно сильные удары нанесены были выступлением дворян, в том числе Симбирской губернии, где он «предводительствовал» до назначения министром,—его «родной губернией», губернский предводитель которой 4 февраля 1917 г. известил Протопопова о том, что чрезвычайное губернское дворянское собрание постановило затребовать в порядке и с последствиями, указанными в 166 ст. зак. о сост., от дворянина А. Д. Протопопова объяснения, в месячный срок, по поводу «оглашенных в собрании его действий», указанных в заявлениях на имя симбирского предводителя дворянства.

Дело было не шуточное. Недаром от департамента полиции приказано было задерживать какие бы то ни было сообщения по этому вопросу, а нач. симбирского губ. жандармского управления (он же военный цензор) задержал тогда же телеграмму симбирского корреспондента газеты «Русская Воля» Гладкова (газета, созданная Протопоповым) с сообщением о «суде» над Протопоповым в заседании дворянского собрания. Телеграмма так и говорила: «В четырехчасовом закрытом заседании дворянское собрание чинило суд над Протопоповым за беседу с Варбургом; защитная речь депутата Мотовилова прерывалась криками: «довольно!» Закрытой баллотировкой, с аплодисментами, 67 против 25 голосов, [постановлено] затребовать объяснение с последствиями по 166 ст. зак. о сост.».

Такую же, если не бóльшую, «неприятность» причинило Протопопову «постановление» «Общества 14 года» по борьбе с немецким засильем о записи его имени на черную доску, как германофила, и о сообщении об этом симбирскому дворянству и президиуму Государственной Думы.

Раз имя Перена связывалось с Варбургом, с поездкой за границу, то, конечно, лучше забыть это имя.

У Протопопова — прекрасная память. Он правильно, почти всегда, передаст, если хочет, содержание того или иного документа. Но он соображает, насколько выгодно это признание или сознание сейчас, не лучше ли вначале «забыть», с тем, чтобы потом вспомнить, но уже с готовым, придуманным освещением.

Из характера допроса Протопопов мог убедиться, что в распоряжении комиссии есть какие-то документы о его связи с Переном. И он шел осторожно.

В дальнейшем Протопопов дал «исчерпывающие» объяснения по этому вопросу и устно, и письменно; правильно передавал содержание двух писем Перена и ответных телеграмм ему, но молчал о таких обстоятельствах, о которых его не спрашивали в комиссии.

Протопопову в комиссии не предъявили ни подлинных писем Перена, ни их переводов.

Необычайная разбросанность производства ЧСК (были десятки следственных частей) не давала возможности сосредоточить дело в одном месте, получить полное освещение. Близко соприкасающиеся дела находились в разных производствах. Допрашивали следователи, допрашивал президиум ЧСК, который обладал правами бывшего 1-го департамента государственного совета, но работа их не была увязана.

В своих последних допросах Протопопов сам останавливался на эпизоде с Переном, подавал собственноручно письменные объяснения по этому вопросу (в том числе впервые публикуемые здесь нами), договорился, или, вернее, дописался, до признания (или подозрения) Перена шпионом, но ЧСК «разобралась» в этом деле и прекратила его за отсутствием состава преступления.

В делах производства ЧСК имеется «Справка» дословно следующего содержания:

«М. Ю. Чрезвычайная следств. комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. 20 сентября 1917 г. Сл. ч. № 27. Петроград.

Находившиеся в производстве в 27 следственной части Чрезвычайной следственной комиссии расследования о деятельности А. Д. Протопопова, возникшие по признакам ст. 108 угол. улож. (сношения его с Варбургом, Переном, переписка о сношениях Манасевича-Мануйлова с Каро), направляются командированным в Чрезвычайную следственную комиссию Г. П. Гирчичем в названную комиссию, применительно к 277 ст. У. у. с., для прекращения за отсутствием указаний на признаки какого-либо преступления.

Командированный в комиссию Гирчич».

Итак, в деле не было признаков преступного деяния.

Так ли это?

А если—да, то освещено ли оно настолько, чтобы получить ответ на те вопросы, которые родятся у всякого, кто внимательно просмотрит печатаемый нами материал?

На этих вопросах следует остановиться будущему исследователю.

Нами же затронуто здесь только то, что «прямо бросается в глаза».

Но прежде чем перейти к этому два слова о работе ЧСК.

Ни один из деятелей старого режима, привлеченный к ответственности бывшей Чрезвычайной следственной комиссией, не был откровенен на допросах.

Была ли здесь надежда на лучшие времена, когда мужественное поведение найдет должную оценку; боязнь ли ответственности за всю правду,—трудно сказать сейчас.

Быть может, влияло на привлеченных бывших министров и «персон» первой величины и то обстоятельство, что комиссия совершенно не была подготовлена к этим допросам, которые, в сущности, не дали ни новых данных, ни фактов, ни освещения.

Несомненно также, что многое из того, что особенно документально могло компрометировать старый режим,—не дошло до нас.

Известно, что министры (Протопопов, Беляев и др.) и вообще высшие должностные лица — сожгли в дни революции все, что могло попасть в руки «черни».

Один из следователей ЧСК, полковник С. А. Коренев, бежавший за границу, на страницах Гессеновского архива [1]) в статье «Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах», рассказывает о некоторых фактах, которые могут навести на мысль пропажи и хищения ряда документов из комиссии в Октябрьские дни.

Вот что говорит он, между прочим: «В одной из зал собираемся на пленарное заседание и большинством голосов постановляем: в виду невозможности забрать с собою домой находящиеся на руках у каждого документы и следственную переписку, — сложить и опечатать весь материал комиссии в одном из отдельных помещений дворца, а самим отправиться по домам и там выжидать, чем вся эта завируха кончится.

Если все будет благополучно, то вернуться и продолжать работу попрежнему; если же нет, то предоставить каждому на свой личный риск и страх предпринять меры к спасению тех материалов, которые будут оставлены во дворце».

---

[1]) Архив Русской Революции. Т. VII. Берлин. 1922.

«Заваруха» кончилась неблагополучно для них, и вот что повествует Коренев дальше:

«В первых числах ноября нескольким нашим членам, в том числе и мне, удалось проникнуть в ту половину дворца, где мы когда-то работали. Во дворец нас контрабандою пропустили наши же бывшие курьеры»... «К архиву комиссии большевики не успели еще добраться, и мы надеялись, что удастся сохранить хоть часть того материала, который связан с нашей работой и который, как мы в то время думали, еще нам пригодится через какую-нибудь пару недель, когда большевики уйдут»...

В печатаемом нами материале о Перене собрано все, что нами обнаружено в архивных делах бывшей ЧСК и что не опубликовано до сего времени.

Сюда входят: переписка Протопопова с Переном (два письма Перена на английском языке, имеющиеся в подлинниках, подлинные телеграммы Протопопова и Перена и пр.); показания Протопопова, написанные им собственноручно в конце апреля 1917 года; показания: его родственника, Носовича, директора канцелярии министра внутренних дел Писаренкова; тов. министра Куколь-Яснопольского, и сведения о Перене контр-разведки главн. упр. генерального штаба.

Наиболее любопытный материал, конечно, письма Перена. Прекрасная (не заграничная, а рижская) бумага, твердый красиво-устойчивый почерк...

В деле имеются два подлинных письма Перена на английском и их переводы на русский, но нет третьего.

Писем было, по крайней мере, три.

Производящий расследование вопроса о наличности в действиях Протопопова «указаний на изменническое деяние» Г. П. Гирчич осматривал 20 июня 1917 г. дело департамента полиции № 368, 1916 г. «об американском гражданине докторе философии Карле Перене» и в деле этом обнаружил только два письма Перена, о чем и составил протокол.

Так как Гирчич, видимо, не придавал особого значения этим письмам, то он в протоколе своем «вольно» (очень вольно) изложил содержание их, вместо того, чтобы снять копии писем.

Вот содержание писем Перена, в изложении следователя Гирчича:

«1) Подлинное письмо на английском языке от 6 октября 1916 г. подписанное «Dr. Carl L. Peren» из Стокгольма. Письмо это, начинающееся словами: «Прошу извинения, что осмеливаюсь обратиться к вам с письмом, но это в высшей степени необходимо», содержит, между прочим, выражение готовности Перена приехать в случае желания Протопопова в Россию; в письме указывается, что сказаннсе Протопопову Переном еще в 1913 году сбылось, что автор письма, преданный изучению «науки об уме», «алхимии» и «магнетической концентрации», имел случай применять свои силы и знания с благоприятными результатами, как и в отношении Протопопова, что он верит в Протопопова и в его будущее, что Протопопова ожидают большие успехи: положение, титул, отличия, что под его управлением возникнет сильная, новая, счастливая Россия, но что Протопопову угрожает болезнь; для предупреждения возможной опасности от болезни необходим личный уход его, Перена, за Протопоповым, и он охотно проехал бы в Петроград, чтобы повидать Протопопова; никакой платы ему, Перену, не надо, так как есть награды большие, чем деньги и богатства, и они приходят свыше».

«2) Письмо (подлинное) того же Перена из Ставанжера от 15 декабря 1916 года. В письме, имеющемся в деле и в русском переводе, Перен, между прочим, указывает, что принимает все меры, чтобы прибыть в Петроград не позднее 1 февраля, что его американский паспорт еще не получен, что Протопопову надлежит распорядиться властям в Торнео пропустить его, Перена, в Россию только с визированным русским консулом удостоверением американского консула о том, что он, Перен, американский гражданин; указывал далее, что в последний свой приезд в Россию он подвергался

в контр-разведке тщательному обыску и допросам. Перен указывает, что он «телом и душой стоит за святое дело России, что для него главная забота—здоровье Протопопова, что он будет всегда верным ему,—Перен просит телеграфировать ему о получении письма и позаботиться о его, Перене, приличном помещении в Петрограде и встрече его на вокзале».

Мы привели дословно изложение писем. Письма самого невинного свойства.

Но предлагаем читателю восстановить то, что опущено следователем Гирчичем.

В первом письме Перена есть, например, такое место: «Само собой разумеется, что приеду ли я к вашему превосходительству или нет, все это останется между нами, как и все, находящееся в связи с моим делом, в том случае, если я буду там».

Нам думается, что в первую очередь следователь должен был бы обратить внимание и выяснить, что кроется в словах «останется между нами» и «моим делом».

Хотя свидетель Писаренков и говорит о том, что он «не видел какого-либо скрытого смысла, замаскированного условными словами» в письмах Перена, но нам, все-таки, непонятно, каким образом какой-то «хиромант-предсказатель» имеет с русским министром, который к тому же видел его одна жды в свою жизнь, какие-то тайны, которые должны остаться между ними. Но может быть здесь только наша излишняя подозрительность? Нам кажется, однако, что весь тон второго письма говорит за то, что между ними—Протопоповым и Переном—существовали такие отношения, которые допускали тайны между ними.

Прежде всего, это—дружеско-покровительственное в просьбе позаботиться о помещении для него: «У вас много подчиненных, которые могли бы по вашему приказанию позаботиться о том, чтобы я был прилично помещен»...

И дальше—еще больше: прислать для встречи на вокзал деверя министра.

Но это, быть может, просто нахал, человек, не учитывающий разницы в положении русского министра и хироманта?

Но вот такое место в письме опять заставляет насторожиться:

«Мне нечего говорить вам снова о моей верности. Я буду верным всегда»... «Я сознаю свою ответственность и принимаю ее со спокойствием и уверенностью, зная, что я буду иметь успех».

Это место не приведено следователем Гирчичем в изложении письма Перена, но, вероятно, всем, кто прочтет это письмо, будет непонятно, о какой «верности» идет речь, в чем «ответственность» Перена и перед кем, за что, где он будет иметь успех, в чем, и т. д.

Об этом Протопопов не говорил. И не спрашивали его. И не знали, вероятно, те, кто допрашивал его об этом в ЧСК.

Третье письмо пропало. Нет подлинника, нет перевода.

О письме так беспокоился Перен, что просил подтвердить получение его самолично. На это письмо послана была ему последняя телеграмма Протопопова.

Нет третьего письма, потому что оно говорило слишком много. В нем говорилось, между прочим, о Распутине.

Оно пропало потому, что в нем Перен «выражал Протопопову соболезнование по поводу смерти его друга (Распутина) и говорил, что он напрягал все свои силы, чтобы помешать этой смерти»...

Это говорит в своем показании Писаренков.

Протопопов и Куколь также излагали содержание третьего письма. Протопопов—очень распространенно о том, что Перен, несмотря на его предупреждения, сделал неудачную попытку приехать в Петроград, о «телепатических пассах», что действуют на расстоянии, об опасных днях, но вот о Распутине «не помнит».

Если положиться на память Писаренкова, то Протопопов имел встречу с Переном за границей.

А Протопопов это отрицает и отрицает решительно. Но вот встречу за границей Перена и его родственника Носовича Протопопов не отрицает. Почему бы ЧСК не поинтересоваться этим обстоятельством, благо сам Носович об этом не говорит ни слова, а ведь он, по его словам, познакомил Протопопова с Переном, который так его любит, что просил Протопопова именно его прислать для встречи на вокзал.

Ведь переговоры можно вести не только лично. И через посредников можно сообщать и получать необходимые сведения.

ЧСК уже «разобралась» в этом деле и не нашла признаков какого-либо преступления.

Если не шпионаж,— что же другое могло связать т е с н о министра внутренних дел и Перена?

Где такая почва?

Не лежит ли она в «хиромантии»?

Не думал ли Протопопов «сильную, новую, счастливую» Россию создать при помощи «навьих чар» Перена?

Такая версия может быть допущена.

Невежда, временщик типа Хлестакова (легкость мыслей), Протопопов, особенно после смерти Распутина, мог притти к выводу о возможности управлять Россией через Перена.

Он в е р и л Перену.

Перен в руках Протопопова был (мог быть) тем секретным сотрудником, которым так дорожат и «держатся» деятели охранки.

Протопопов знал царский дворец. Он знал, что там должен быть н о в ы й Р а с п у т и н. Да и положение у него было безвыходное. Он был окружен врагами.

Маленький человек без всякого образования, на редкость даже для Николаевских министров, — он, вероятно, при иной обстановке кончил бы свои дни тихо и незаметно, как незаметно протекали дни его до пятидесяти лет. Государственная Дума не выдвинула его. Трудно было даже во время тогдашнего безрыбья выдвинуться человеку, не имеющему никакой подготовки. Связей у Протопопова не было. Можно сказать, что он был чужой всем слоям тогдашнего общества. Он не прошел обычной бюрократической лестницы, получал свои скромные чины и ордена как причисленный к учреждениям императрицы Марии, был безродным дворянином, и если дворяне выбирали его несколько раз уездным предводителем, то это только говорит не в пользу первого сословия. Протопопов претендовал на звание общественного деятеля, но таковым он вовсе не был. Вся его общественная деятельность заключалась в пребывании в Государственной Думе.

Предреволюционное время родило уже новый тип русского промышленника. Это были «крепкие» люди; они кончали уже Московский университет и ездили за границу, приобретали европейский лоск, но, прекрасно сознавая свои классовые нужды, боролись вместе с царем против рабочего и в то же время «напирали» на первое сословие в государстве. Протопопов был чужим и здесь. Он был столько же промышленником, как и землевладельцем.

У него, правда, была суконная фабрика, дававшая ему хорошие барыши во время войны; он выбирался промышленниками и купцами на их съездах на почетные должности; состоял членом и председателем в нескольких промышленно-финансовых учреждениях. Но это не был тип дворянина-дельца. Ничто не говорит, что Протопопов в области финансов, торговли или промышленности был знатоком.

Товарищем председателя Государственной Думы поехал Протопопов за границу. Среди «парламентской» делегации это давало ему некоторые преимущества. Но в самой Думе младший товарищ председателя не играл ровно никакой роли, еще меньше в тогдашних сферах, да и избран Протопопов был случайно, за отсутствием более подходящего кандидата из среды октябристов. Прекрасную характеристику таких выборов дал в свое время Пуришкевич. Он писал:

«Варили, варили, варили овсянку.— Гадали, гадали — избрали Родзянку...

Мораль этой басни моей такова:

На полном безрыбьи и— рак голова»...

Протопопов был чужой среде придворной камарильи.

И хотя у него бывали еще победы, но это должно было напоминать ему Пирра.

Он чувствовал настоятельную необходимость «укрешиться».

Делал все опыты с Царским, вплоть до «сестры» Воскобойниковой.

Отсюда понятна та реклама, которую он создавал и Перену.

Все свидетели недоумевают, для какой цели переводились письма Перена на русский язык, раз Протопопов знал английский.

— Переводы могли быть нужны, как реклама.

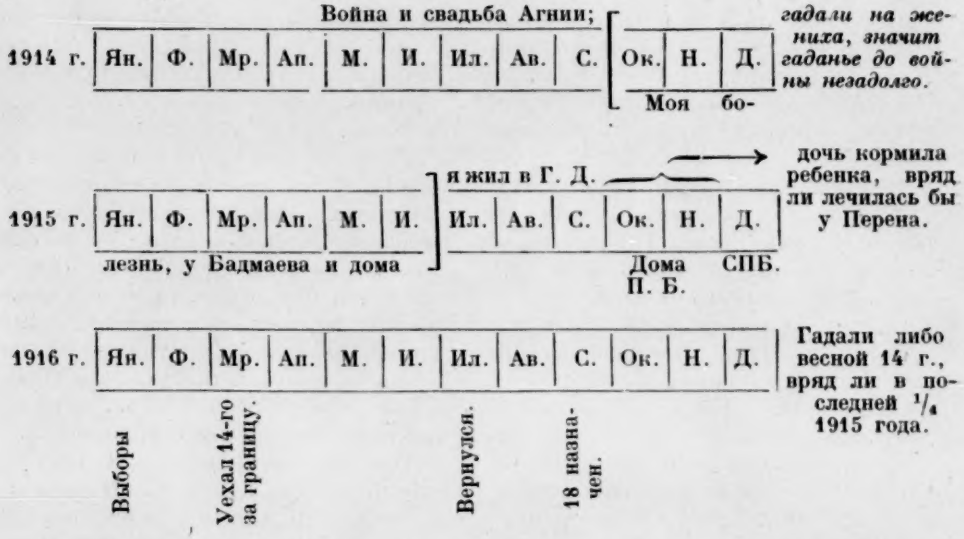
По словам Протопопова, он показывал письма многим, а товарищ министра Куколь даже списал себе ту часть третьего письма, в которой сообщалось о днях несчастья и опасности для предупреждения.

Ив. Тоболин.

ПРОТОПОПОВ О ПЕРЕНЕ [1]).

24 апреля 1917 г. Протопопов подал председателю ЧСК собственноручно написанное им заявление, которое мы помещаем ниже. Перед текстом заявления помещен исполненный Протопоповым чертеж.

ГАДАНИЕ.



«Весною 1914 года, прочитав в газете («Новом Времени») объявление о том, что доктор Перен принимает в Гранд-Отеле желающих узнать будущее и читает мысли, я условился с ним по телефону, и все, кто были у меня, поехали к нему в этот вечер: жена моя, дочь Агния—мы жили вместе до замужества моей второй дочери (поэтому я и вспомнил, что гадание имело место весной 1914 года) и приехавшие ко мне обедать дочь моя Наталия с мужем, Юрием Чельцовым, и брат моей жены Дмитрий Павлович Н о с о в и ч. Гаданье происходило каждому по одиночке—минут по 10—15. Он предсказывал будущее, определял характер, отгадывал имена родных, написанные на бумаж-

[1]) «Дело «о злоупотреблениях по должности бывшего министра внутренних дел А. Д. Протопопова». Т. VIII. Стр. 44—47 Архив Рев. и Внешн., Политики.

ках (которые держали мы в зажатой руке). Мне он предсказал большую будущность, полезную работу и болезнь. Верно определил мой характер. По его предложению моя младшая дочь Агния лечилась у него от нервного насморка короткое время; лечение прекратилось потому, что мать нашла неудобным эти поездки к незнакомому доктору. Я его видел во время гаданья и на следующий день, — заехал, кажется, завезя дочь; — пробыл тоже около ¼ часа или ½ часа. Дочь ходила потом либо одна, либо с матерью. После я Перена не видел никогда и нигде и не узнал бы его теперь. Помню, что он большого роста, без бороды. Есть ли усы, не помню. Говорил по-английски, назвался американцем. Никакой переписки с ним не имел до его письма после моего назначения. Д. П. Н о с о в и ч в с т р е ч а л е г о г д е-т о и передавал мне от него подтверждение его предсказания. Мы все в семье запомнили это гаданье, я часто вспоминал его меткое слово: «You are a self made man» (вы сами себя создали), и совет: «следовать своему первому импульсу, который обыкновенно верен».

2) В октябре (или начале ноября, не припомню) мне передали письмо Перена. Он меня поздравлял, вспоминал свои предсказания, говорил, что сразу оценил меня; что я сделаю добро своей родине; что он готов сделать все, что знает, чтобы поддержать мое здоровье; верно описал мои недомогания (нервные: я лечился постоянно у Бехтерева и раз у меня был Карпинский) и предложил меня лечить. Его лечение могло бы, по его словам, удвоить мою трудоспособность и основано на особых научных данных, — это не шарлатанство. Писал он из Норвегии, помнится, из города Ставенжер. Выехать предполагал через месяц, если я соглашусь,—занят лечением какого-то больного. Я подумал, что он вновь хочет заработать в России, и я для него полезный клиент, хотя он пишет, что денег не возьмет. Тон письма был очень теплый, лестный; предсказаниями его я очень интересовался. Я ответил ему телеграммою о согласии (через секретарей или канцелярию, — не помню). Перевод письма сделан был в канцелярии; лежал на столе, где потом положил еще два перевода его писем.

3) Дней через 15—20 (думаю, в конце ноября) получил его второе письмо из Норвегии, в котором он просит помочь ему устроиться в Петрограде, так как гостиницы переполнены, и в исполнении форм для въезда в Россию. Обещает телеграфировать из Стокгольма. Не помню, ответил ли я на это письмо; ответа не припомню; но если ответил, то депешею, обещая содействие. Письмо тоже переведено было в канцелярии на русский язык.

4) В конце декабря или начале января получил английскую депешу Перена из Стокгольма, с просьбою помочь ему в исполнении форм для въезда в Россию. Ответ просит адресовать ему на русскую миссию. Тогда произошел мой разговор с директором департамента полиции, из которого выяснилось, что во время войны против его приезда возражают в генеральном штабе. После этого разговора я сказал послать Перену телеграмму о невозможности приехать; написал ее Писаренков (б. нач. канц.): «Votre arrivée impossible».

Я нашел ее резкой и изменил, приписав по-русски: «по военным обстоятельствам» и «после войны сообщу». Этот листок остался у Писаренкова. Перевод на французский язык сделан был в канцелярии; там слова «сообщу» перевели «donnerai nouvelles» после войны «ultérieurement». Вся депеша вышла, помнится, так: «Votre arrivée rencontre (impossible) difficultés les circonstances militaires (de guerre) donnerai nouvelles ultérieurement». Двоякая возможность понимания этой редакции мне в голову не пришла.

5) В я н в а р е 1917 мне дали р у с с к и й п е р е в о д письма от Перена из Стокгольма. А н г л и й с к о г о п и с ь м а н е в и д е л. Помню перевод отрывками; он начинался: «кажется, я правильно понял вашу депешу», далее было сказано, что несмотря на мое предупреждение, о н в с е ж е с д е л а л п о п ы т к у п р и е х а т ь, н о э т о е м у н е у д а л о с ь; очень сожалеет, так

как вблизи его лечение было бы много сильнее и энергичнее. Все же он будет стараться и на расстоянии принести пользу моему здоровью, так как телепатические пассы действуют и на расстоянии. Каждый раз, когда мне грозит неприятность или опасность, он чувствует нервность; при его пассах я буду чувствовать сонливость. Делая мой гороскоп, он несколько раз находил почти столкновение планеты Сатурна и Юпитера, но в последнюю минуту столкновение не происходило. В январе 18 мне грозила опасность. В февральские дни, в кои я должен быть особо осторожен 5, 8, 14, 15, 16, 18, 24, лучше не выходить и принимать людей только близких. Будет писать мне и далее; о получении писем просит телеграфировать. Это письмо я показывал многим (помню—Куколю, Васильеву); оно лежало у меня на столе, и Куколь сделал себе в ы п и с к у опасных дней, чтобы мне о них напоминать.

Через несколько дней я получил от Перена депешу: «Получили ли вы мое письмо». Я ответил: «Письмо получил, благодарю»; прибавил ли я, что ожидаю, дальнейших писем—точно, не помню, но мог прибавить, так как интересовался его предсказаниями

Из слов Васильева я не усвоил себе, что против Перена есть данные; я понял, что его не желают в Петрограде из осторожности во время войны. В письмах же его и моих ответах я не видел вреда; знал, что корреспонденция под надзором, но не думал об этом, так как скрывать ничего не хотел».

Затем тогда же Протопоповым написано и подано в комиссию дополнительно показание. Он пишет:

«1) Приблизительно в начале января у меня со стола пропали два письма Перена. Первое, где он предлагает свои услуги, как врач, и второе с просьбой помочь ему устроиться по приезде. Я их поискал, спросил секретаря (кажется, Григорьева), не брал ли он их; он ответил, что—нет. Не придавая значения самому делу, я не придал значения и пропаже писем. Содержание их я изложил в предыдущем показании.

2) Незадолго до своего ухода приезжал ко мне генерал Шуваев; он сказал резко: «А. Д., уходите, вот что».—Я ответил, обиженный его тоном: «Что такое? Уйду, когда царь мне это скажет; почему уйти?—«Вы погибнете!» «Все мы погибнем! Д. С., это божья воля». Он заплакал. Я тоже был взволнован. Дал ему воды. Просил сказать, в чем дело. Сказал, что мне самому очень тяжело. После я рассказал это Куколю. Тогда я не понимал в чем дело; совсем не думал о Перене. Теперь понимаю, что он хотел меня предупредить—избавить от беды, к о т о р у ю т в о р ю н е в е д а я. К с о ж а л е н и ю, я никакого значения делу Перена не придавал и не думал о нем. Он же ничего не пояснил мне. Письма Перена были на столе, я бы их ему отдал, и дело бы выяснилось. Я не усвоил из разговора с Васильевым, что Перен подозрителен; если это так, то следовало бы его впустить в Россию и арестовать, а не возбранять приезд на время войны, как сделал штаб; сведений о Перене в департаменте полиции не было. Это я спрашивал; сообщив ему, что приехать нельзя, я полагал, что сделал все по желанию штаба; в двух первых его письмах, полученных ранее, и одном письме, полученном после, — вреда не видел. Также посылал ему телеграмму в ответ на его запрос: «получено ли мое письмо»—не видел в этом вреда.—Все это дело считал своим ч а с т н ы м маленьким делом, и вспоминал о нем только изредка (интересуясь предсказаниями, числами)».

Н о с о в и ч о П е р е н е [1]).

Действительный статс. сов. Дмитрий Павлович Носович, родной брат жены А. Д. Протопопова, знал и встречался с Переном. Вот что он говорит о нем.

«Я знал и Карла Перена и познакомил с ним А. Д. Протопопова. С Переном я первый раз встретился в Палас-

[1]) **Из показаний Носовича, данных 22 мая 1917 г. в ЧСК. «Дело о злоупотр. по должности»... Т. XVI. Стр. 40.**

театре зимой 1913—1914 года, где его ученики давали сеанс телепатии. Этот человек, несомненно, обладает способностью ясновидения и чтения мыслей, в чем я лично убедился на целом ряде случаев. Перен отличается крайним корыстолюбием. Никаких указаний на его деятельность как шпиона у меня не имеется, и мне никогда не приходилось слышать от кого бы то ни было, что во время своих сеансов он выпытывал от клиентов какие-либо сведения относительно политического и военного положения России. Когда я о своей встрече с Переном в Палас-театре рассказывал А. Д. Протопопову, который, как человек религиозный, всегда интересовался миром психических явлений, он немедленно пожелал с ним видеться, и мы всей семьей поехали в Гранд-Отель, где жил Перен. Последний предсказал Протопопову блестящую карьеру. Предсказание это произвело на моего зятя сильное впечатление, тем более, что оно вскоре начало сбываться. Совершенно для него неожиданно зять был избран товарищем председателя Государственной Думы. За сеанс А. Д. Протопопов заплатил Перену несколько сот рублей. Перен, видя производимое им впечатление, несколько раз пытался возобновить сеансы, но, сколько мне известно, они больше не виделись. Зимой 1916—1917 года А. Д. Протопопов как-то сказал мне, что он получил письмо от Перена из Швеции с просьбой разрешить ему приехать в Петроград, но что о таком разрешении не может быть и речи в виду неблагоприятных сведений военного ведомства о Перене; вообще интерес к последнему у А. Д. Протопопова к этому времени совершенно был утрачен. Возможно, что предсказание Перена дало большой толчок развитию честолюбивых замыслов А. Д. Протопопова и нашло благоприятную почву в его характере. При врожденной мягкости и деликатности он чрезвычайно настойчиво преследовал поставленные себе задачи, не останавливаясь ни перед безумными расходами, ни даже тем, что ему приходилось поступаться требованиями этики»...

Писаренков о Карле Перене [1]).

Директор канцелярии министра внутренних дел Борис Васильевич Писаренков допрошен был следователем ЧСК Спичаковым-Заболотным дважды в качестве свидетеля. Он показал о Перене на допросе 19 апреля 1917 г. следующее:

«Протопопов, действительно, передавал мне письма некоего Перена. Всего я получил от него три таких письма: одно в конце октября или в начале ноября 1916 года, другое, кажется, в декабре того же года, и третье, кажется, в январе текущего года. Письма передавались мне Протопоповым для перевода их с английского языка, на котором они были написаны, на русский язык. Я не знаю, зачем нужны были Протопопову переводы, так как он владеет английским языком. Подлинники не копировались. С переводов были сняты копии. Подлинные письма Перена вместе с переводами были возвращены мною Протопопову. Где они в настоящее время могут находиться, я не знаю. Копии с писем мною будут присланы в следственную комиссию, как только я их разыщу. Насколько я припоминаю, все письма Перена к Протопопову содержали в себе разные предсказания. Так, в одном из них он предсказывал дальнейшее возвышение Протопопова и болезнь, при чем прибавлял, что во время болезни он, Перен, должен находиться возле Протопопова. В письмах содержалась и характеристика Протопопова. В общем содержание их носило характер только предсказаний, и в них я не видел какого-либо скрытого смысла, замаскированного условными словами. Кажется, во втором письме Перен писал, что хочет приехать в Петроград, не помню, для чего именно, при чем добавлял, что так как в предшествующий приезд свой в Россию он имел какие-то неприятности, то он просил Протопопова сделать распоряжение о беспрепятственном проезде его в Россию и что до получения от Протопопова

[1]) «Дело о злоупотреблениях по должности бывшего министра внутренних дел А. Д. Протопопова». Т. VIII. Стр. 48.

ответа он не выедет в Россию. На это письмо Протопопов ответил Перену телеграммою, содержание каковой было то, что он, Протопопов, рад приезду Перена. Эту телеграмму Протопопов послал через меня.

После того я как-то спрашивал директора департамента полиции, что за личность Перен, и директор Васильев мне сказал, что это личность подозрительная, которую нельзя допускать в Россию. Я не спрашивал Васильева и не могу сказать, в каком отношении он находил Перена подозрительным. Васильев же мне говорил, что Перен в предшествующий приезд свой в Россию подвергся здесь обыску. Никаких других подробностей я не могу вам сообщить о Перене. При получении первого письма от него Протопопов говорил мне, что Перен замечательный человек, что при их встрече где-то за границей Перен взял его за руку и стал читать его мысли. Помню, что в одном из писем Перен выражал Протопопову соболезнование по поводу смерти его друга (Распутина) и говорил, что он напрягал все свои силы, чтобы помешать этой смерти, но не смог этого сделать. В том же письме Перен предостерегал Протопопова от некоторых чисел февраля месяца. Помню, что среди тех чисел было 14-е, других чисел не помню.

Мне казалось, что Перен какой-то шарлатан, который хотел извлечь из Протопопова какую-то пользу, и что Перену очень нужен приезд в Россию. Перен писал Протопопову, что денег от него он получать не хочет и заранее от них отказывается»...

Куколь-Яснопольский о Перене [1]).

Тов. министра вн. дел Куколь-Яснопольский, допрошенный в комиссии (след. Спичаков-Заболотный) в качестве свидетеля, между прочим, показал:

«По поводу Перена могу сказать, что фамилию эту я припоминаю. Протопопов о нем мне говорил, как об особенно хорошем прозорливце, который предсказал ему возвышение; сверх того, в письмах Перена, которые мне показывал Протопопов, содержались мистические цифры — числа дней, особенно счастливых или, наоборот, несчастных. Но репутацию Перена я считаю преувеличенной, п. ч. ни крепости, ни того, что впоследствии постигло Протопопова, он не предсказывал. Английским языком Протопопов владел свободно, и я не знаю, зачем он передал в свою канцелярию письма Перена для перевода»...

Контр-разведка о Карле Перене [1]).

25 мая 1917 года командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий Г. П. Гирчич производил осмотр полученного им лично из центрального военно-регистрационного бюро главного управления генерального штаба дела бюро за № 928 по описи 1916 года, озаглавленного: «Американский гражданин Карл Перен», для извлечения из дела сведений, имеющих отношение к личности Карла Перена и его сношениям с бывшим министром внутренних дел Протопоповым.

Из дела видно, — пишет в протоколе Гирчич,—что 14 января 1915 года заведующий жандармским надзором на финляндской границе сообщил начальнику контр-разведывательного отделения главного управления генерального штаба о приезде 12 января 1915 года из-за границы американского подданного Карла Перена (полулист 1). 19 февраля 1915 года упомянутое контр-разведывательное отделение составило справку на основании донесения агента о том, что проживающий в гостинице «Астория» Перен занимается хиромантией, его посещает много лиц из разных слоев общества; за сеанс Перен берет от 10 до 200 рублей; Перен показывал знакомым полученное из Берлина письмо, в котором говорилось о расче-

[1]) «Дело о злоупотреблениях по должности бывшего министра внутренних дел А. Д. Протопопова». Т. II. Стр. 2 об.

[1]) «Дело о злоупотреблениях по должности бывшего министра внутренних дел А. Д. Протопопова». Т. VIII. Стр. 50.

тах немцев в скором времени взять Варшаву и Петроград; один из представителей американского посольства выразил сомнение в том, что Перен — американец, и высказал предположение, что он — немецкий шпион. Установленное за Переном наблюдение не дало результатов. 2 марта 1915 года за № 6299 начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде сообщил начальнику контр-разведывательного отделения, что Перен (называемый в деле также Периным и Перриным) в марте 1914 года проживал в Петрограде в гостинице «Гранд-Отель», с платой по 12 рублей в сутки за номер, выдавал себя за хироманта, публиковал об этом в столичных газетах и рассылал по адресам, взятым из справочной книги «Весь Петроград», рекламные извещения о якобы сделанных им поразительных предсказаниях коронованным особам — королю английскому и бельгийской королеве. После помещения в газетах объявления Перена стало посещать для гадания много лиц. 3 апреля из Петрограда Перен выехал в Ялту и Москву, 14 июня возвратился и 26 июня выехал в Ригу. Разговаривая всегда на немецком языке, Перен, как отмечено в сообщении, старался распространить ложные слухи в пользу Германии и своим поведением внушал сомнение, что он американский гражданин, а не германский подданный, занимающийся шпионством; корреспонденцию Перен получал из Дании и Гельсингфорса, сам показывал одно письмо из Германии от бывшего капельмейстера оркестра гостиницы «Астория» венгерского подданного Фероса, содержавшее в себе угрозы по адресу России. В августе 1915 года Перрен выехал за границу. 15 июня 1916 года Перен проследовал из-за границы в Петроград через ст. Белоостров. Здесь он был подвергнут самому тщательному досмотру и под наблюдением агентов охранного отделения отправлен в Петроград (сообщение заведующего жандармским надзором на финляндской границе от 17 июня 1916 года за № 14582 начальнику бюро). Приезду Перена предшествовало получение жандармским офицером ст. Торнео письма от бывшего секретаря русского консульства в Бергене, ныне владельца экспортной конторы в Норвегии, Балабанова о том, что Перен — бывший германский подданный или иудейского вероисповедания, или иудейского происхождения, перешедший в американское подданство; он занимается хиромантией, предлагает свои услуги по излечению больных какими-то тайными средствами; в 1915 году в Бергене Перен «обдирал доверчивую публику, зарабатывая колоссальные деньги». В январе 1916 г. Перен переехал в город Ставанжер, вращался там в кругу подозрительных лиц, преимущественно немцев, затем в апреле уехал в Стокгольм, откуда намеревался пробраться в Россию. В Ставанжере утверждали, что Перен — германский шпион. 4 июля 1916 г. Перен выехал из России в Стокгольм. 1 июля 1916 года за № 2306 начальник штаба петроградского военного округа сообщил директору департамента полиции приведенные выше сведения о личности Перена и в заключение указал: «таким образом является предположение, что Перен занимается военным шпионажем, хотя достаточных данных, уличающих его в этом, в распоряжении штаба округа не имеется, а потому и нет основания для возбуждения о нем переписки, но в виду того, что личность Перена внушает подозрение, было бы желательно воспретить ему въезд в пределы России, а потому прошу распоряжения в случае возвращения Перена из-за границы не допускать его к проезду в пределы империи». 6 июля 1916 г. за № 30692 департамент полиции уведомил, что сделано распоряжение в пограничные пункты о воспрещении Перену въезда в Россию. Вместе с тем Перен (Перрин) был помещен в 7-й контрольный список подозрительных лиц, въезд коих в Россию представляется нежелательным. 11 января 1917 года за № 4474 начальник контр-разведывательного отделения при генеральном штабе сообщил помощнику начальника

финляндского жандармского управления по Торнеоскому району о получении сведений, источник их не указан, о возможной попытке Перена проникнуть в Россию с подложным паспортом и предложил принять меры к «невпуску» его в пределы России. Далее, в деле имеется копия телеграммы посланника в Стокгольме от 4/17 января 1917 года следующего содержания: «Лично. Прошу телеграфного ответа. В миссию явился американец доктор Карл Перен, заявивший, что получил личное приглашение министра внутренних дел Протопопова спешно прибыть в Россию. Срок американского паспорта Перена истек в октябре. Новый документ им еще не получен. Перен просит, чтобы министр внутренних дел, если желает видеть его, разрешил ему въехать в Россию и выехать из нее в исключительном порядке, без американского паспорта. Не откажите передать изложенное Протопопову. Миссия не имеет никаких сведений о личности Перена. Вообще он производит впечатление скорее странное. Н е к л ю д о в». Имеется, далее, справка, никем не подписанная, что на этой телеграмме, представленной министру внутренних дел А. Д. Протопопову, была последним положена резолюция: «ходатайствовать перед посланником о выдаче паспорта Перену на въезд в Россию». Из той же справки усматривается, что 15 января министром внутренних дел была послана Перену следующая телеграмма в Стокгольм: «По обстоятельствам военного времени лишен возможности оказать содействие прибытию вашему империю, но надеюсь в скором времени иметь удовольствие вас видеть».

По имеющимся в деле данным английской контр-разведки от 17 марта 1917 г., Карл Перен — американский гражданин австрийского происхождения, называет себя хиромантом, «опасный проныра», был указан английской контр-разведке, как подозрительный, из Петрограда; невеста или любовница Перена, Геттебюр, проживает в Петрограде; об этой женщине бельгийской подданной, Алиде Геттебюр, проживающей ныне в Петрограде, английская контр-разведка 22 марта 1917 г. за № 29805 сообщила дополнительно: «недавно исчезла из Стокгольма, где она жила с австрийцем, натурализованным американцем, ведущим деятельную кампанию в пользу сепаратного мира». В представленной русским военным агентом в Швеции 22 марта 1917 года за № 713 справке французской контр-разведки указывается, что Перен еврей из Австрии, натурализованный в Америке, «с о с т о и т в С т о к г о л ь м е к о р р е с п о н д е н т о м р у с с к о г о м и н и с т р а П р о т о п о п о в а и е г о п о с р е д н и к о м в п е р е г о в о р а х о т н о с и т е л ь н о с е п а р а т н о г о м и р а. Он (Перен) не скрывает, что состоит на жаловании у германцев. Между Протопоповым и Переном происходила до последнего времени переписка при посредстве официальной вализы российской миссии в Стокгольме; в настоящее время русский посланник отказывается принимать корреспонденцию Перена, и она, будто бы, направляется через Христианию; по просьбе Протопопова в конце минувшего января Перен хотел ехать в Россию; Протопопов прислал Перену нешифрованную телеграмму о предоставлении ему отдельного вагона от Торнео, но вследствие противодействия русского генерального штаба в выдаче паспорта Перен отказался от поездки в Россию. В конце января Перен с каким-то германцем, которого считают «якобы германским дипломатом» и «представителем принца Генриха Прусского», Бьернсон Шах, ездил в Хапаранду будто бы на свидание с каким-то приехавшим из России русским. Из лиц «действующих, повидимому, под его (Перена) руководством», (так сказано в сообщении французской контр-разведки), «можно считать», между прочим, г е р м а н с к о г о банкира В а р б у р г а и з Г а м б у р г а, в обществе которого его (Перена) видят о ч е н ь ч а с т о, Говорят, что Перен недавно потерял крупную сумму (50.000 долларов) на спекуляциях в Америке и что для поправления своих дел он прибавил к своим политическим занятиям экспорт спичек в Германию».

Переписка А. Протопопова с К. Пере́ном.

Перевод с английского [1]).

Стокгольм, 6 октября 1916 года.

Ваше высокопревосходительство.

Прошу извинения, что осмеливаюсь обратиться к вам с письмом, но это в высшей степени необходимо.

В прошлом июне я собирался ехать в Петроград на неделю, когда встретился с вашим зятем (brother in law), как раз за день до моего отъезда, и он сказал мне, что все сказанное мною вашему превосходительству при свидании в 1913 г. сбылось. Я вовсе не удивился этому и сказал, что это еще не все, но совершится еще большее, и, когда несколько дней назад прочитал о вашем назначении министром иностранных дел, меня это не поразило, потому что я был удовлетворен, как врач, сделавший удачную операцию, и утрудил вас только кратким приветствием. Но я повторяю опять: совершится большее, и значительно большее.

Я имел удовольствие встретиться с вами только один раз [2]), но в это получасовое свидание, сказав вам, что вы находитесь под влиянием Юпитера, я сделал после вашего ухода некоторые отметки в своих книгах, так как было чем заинтересоваться, и нахожу, что результаты хотя и не вполне теперь закончены, но вполне удовлетворительны. Я человек науки, ваше высокопревосходительство, и мои труды основаны на оккультных знаниях; главным образом я предан изучению «науки об уме», «алхимии» и «магнетической концентрации», которые нельзя смешивать с гипнотизмом, как делают невежды.

Я имел случай в жизни применять свои знания к труднейшим и серьезнейшим предметам и с благоприятными результатами, как это было и в отношении вас. В краткое время нашего свидания, я проник в вашу душу и нашел, что элементами вашими являются честность, сила и стремление к движению вперед, что вы человек большого упорства и большой силы убеждения. Я нашел в вас человека с редкими для дипломата качествами, так как вы, имея чистую совесть, обладаете способностью судить о наших делах и действиях, нашел в вас человека упорного и честно настойчивого в намерениях, человека с железною волею.

Я буду откровенен с вашим высокопревосходительством. С этого времени я, заинтересовавшись вами, делал разные опыты, чтобы узнать будущее. Но, во избежание недоразумений, я спешу заявить, что не ищу никаких ни благодарности, ни денежной награды, тем более, что такой труд не может быть оплачен деньгами, и, взяв их, я лишился бы своей силы. Есть разница в том, чтобы прочесть руку и взять плату для того, чтобы существовать; но было бы проституированием также брать деньги за мою силу концентрации.

Я люблю свое дело с такой силой, как человек, преданный запою опиумом, я живу в этом деле и для этого дела и готов умереть за него, но нет никаких денег в мире, которые могли бы оплатить то, что не может быть приобретено за деньги.

Я избрал вас, потому что знаю, что вы этого достойны, потому что поверил в вас и в ваше будущее я делал опыты с большим успехом, еще бóльшие успехи ожидают вас: положение, титул и отличия — и они получатся скоро, скоро. Под вашим управлением возникнет сильная, новая счастливая Россия; правда, путь ваш не всегда будет усыпан розами, работа ваша будет трудна и обременительна, но вы преодолеете все препятствия

[1]) Дело департамента полиции № 368—1916 г. «Об американском гражданине, докторе философии Карле Перене». Печатаем это письмо и остальной материал с перевода, находящегося в деле департамента полиции.

[2]) Указание на встречу «один раз» не может быть отнесено, судя по тексту письма, к встрече Протопопова в Петрограде — в 1916 г.: Протопопов вернулся из-за границы, по его указанию, в июле 1916 г., это письмо Перена — от 6 октября. Скорее, Перен говорит — о встрече за границей. О встрече Протопопова за границей показывал дир. канцелярии МВД Писаренков.

и все затруднения, предстоящие государственному деятелю.

Теперь перехожу к серьезнейшей части моего письма и прошу извинения у вашего высокопревосходительства, если буду откровенен. «Кто предупрежден, тот уже заранее вооружен». Я утверждаю, что вы осуществите все свои честолюбивые мечты и вас ожидает даже большее, чем вы думаете. Но нет розы без шипов, и я боюсь за вас, что вы подвергнетесь болезни между ноябрем текущего года и сентябрем 1917 года. Тем не менее, нет никаких оснований ожидать смертного исхода. После сентября 1917 г., приблизительно после 3 октября, вы будете свободны от угрозы болезни со стороны Юпитера, но что мы должны сделать, — это необходимо предупредить опасность осложнений. Возможно, что вы не чувствуете себя достаточно сильным, бывают явления усталости, расстройство желудка, бессонницы, сонливость, головные боли и т. п. Это только немногие симптомы, но и в этом случае несчастье может быть предупреждено и ослаблено. Вы также, может быть, знаете, что ваша кровь не переливается свободно в артериях и венах, — я уверен, что не ошибаюсь, и прошу обратить внимание на то, что скажу. Если бы я был свободен, то сел бы на ближайший поезд и поехал бы в Петроград, с целью повидать вас, но я обещал уже на будущей неделе (15 октября) прибыть в Ставанджер для продолжения лечения мистера Беллонда, лучшего из жителей Норуэя. Я излечил у этого джентльмена болезни рака и почек, которым не могли помочь известные врачи Европы. Теперь мне надо заняться излечением его нервов и докончить свое дело. Теперь вот что я хочу сообщить. Прежде всего, без вашего разрешения я буду в продолжение ближайших 2 или (?) месяцев стараться при помощи сильной астральной магнетической концентрации предупредить возможность опасности от болезни, чтобы опасность прошла и чтобы у вас не возникла мысль о моем желании приобрести выгоду, я заявляю сим, что ни в каком случае не приму никакой платы, как бы мала она ни была, за свой труд. Если бы вы предложили мне таковую, то я буду считать себя обиженным и тотчас же покину вас.

Вы спросите, естественно, почему? Ответом будет то, что есть награды бóльшие, чем деньги и богатства, и награды эти приходят свыше.

Я, действительно, имею силу, но необходимо, чтобы вы ощущали во мне нужду, и только при этом условии я прибуду; но так как во мне многие нуждаются, то просил бы дать мне знать об этом в продолжение месяца.

Само собою разумеется, что приеду ли я к вашему высокопревосходительству или нет, все это останется между нами, как и все, находящееся в связи с моим делом, в том случае, если я буду там [1]).

Я вручу это письмо для передачи вам или посланнику, или консулу в Стокгольме. Конечно, я не буду ожидать личного ответа от вас, но напишу внизу адрес, и ваше высокопревосходительство можете известить меня тем путем, какой найдете нужным. Как только я получу слово «приезжайте», я приеду так скоро, как буду в состоянии.

Позвольте к настоящему письму присовокупить выражение моего искреннего уважения, с которым имею честь быть преданный вашему высокопревосходительству

Доктор *Карл Перен.*

Ставанджер Норуэй,
«Виктория-Отель».
Телеграмма Q 573/15
Бланк № 88
Пров. № 36
Прин. 3/VII 1916 в 10 ч. 35 м.
Принял (подпись неразборчива).

36-е телеграфное отделение
Петроград
Пантелеймоновская ул., 9.

Excellency Minister Alexander Protopopoff PTG.

Stavanger Q 573 (15 12 W 15) 12 13. 50.

Will come writing by legation Stockholm. *Perin.*

---

[1]) Разрядка наша. *И. Т.*

Перевод с английского.

Приеду. Пишу через посольство в Стокгольме.

Перен [1]).

Перевод с английского.

Ставанджер Норуэй Виктория-Отель.

Декабря 15 1916.

Ваше высокопревосходительство.

Я только что получил ваше уведомление, за которое благодарю вас. Я принимаю все меры к тому, чтобы иметь возможность прибыть в Петроград не позднее 1 февраля; желал бы быть там и ранее, но я должен остаться здесь до 15 января,—3 дня нужны на дорогу в Стокгольм, где мне придется остановиться из-за некоторых небольших дел.

Я, конечно, очень рад, что вы признали необходимость моего приезда, и уверяю ваше высокопревосходительство, что это решение мудрое и представляет для вас большие выгоды. Я только что сообщил вам, что я прибуду и что я посылаю это письмо вам через посольство в Стокгольме. Мотив этого письма — уведомить вас кое о чем, и как бы это ни было незначительным, но требует все-таки вашей помощи.

Две недели тому назад мне пришлось просить новый паспорт чрез посредство здешнего американского консула, а прежний был послан для обмена в Вашингтон. Может быть, произойдет некоторая задержка в его доставлении, хотя я и сомневаюсь в этом, в виду того, что американский консул телеграфировал в Вашингтон «высылайте скорей паспорт Перена». Если новый паспорт не прибудет к тому времени, когда мне нужно было бы уехать, консул снабдит меня обычным удостоверением для регистрации, которое устанавливает, что мой паспорт изготовляется и т. д. и что я американский гражданин. Я сомневаюсь, чтобы консул русский в Стокгольме такое удостоверение визировал без приказания вашего высокопревосходительства, и необходимо было бы, чтобы власти в Торнео были поставлены вами в известность о пропуске меня через границу. Но я надеюсь, что получу паспорт, в противном случае я уведомлю вас, и ваше приказание будет достаточным для консула, а мой паспорт прибудет вслед за мной в Петроград.

Когда я был в прошлом июне в Петрограде, то был несколько раз приглашаем военными властями «на Знаменской», которые, казалось, заподозревали меня, и в конце расследования мне было объявлено, что я свободен покинуть Россию и вновь приехать, так как против меня ничего не имеется. Со мной обошлись очень сурово, я был обыскан, а мой багаж был пересмотрен, как картофель. Они желали конфисковать даже мой кредитив, контракты и немногие деловые бумаги, и очень странно, что когда я вновь переезжал через Торнео, чтобы вернуться в Стокгольм, то почти ни на что не было обращено внимания, и они были сама вежливость. Я, конечно, учитываю обстоятельства переживаемого времени и понимаю, что они не могли поступить иначе, но когда кто-нибудь сознает, что он телом и душой стоит за святое дело России, как я, обращение, подобно указанному, очень тяжело.

А теперь, ваше высокопревосходительство, я почтительно прошу, чтобы, когда я приеду в Петроград, для меня были приготовлены комнаты в каком-нибудь отеле, напр., «Гранд-Отеле». В последний мой приезд я послал телеграмму насчет комнат за 10 дней, а телеграмма была получена уже после моего приезда. Мне очень неприятно беспокоить вас в этом отношении, но это для меня очень важно, так как квартир в Петрограде мало, а у вас много подчиненных, которые могли бы по вашему приказанию позаботиться о том, чтобы я был прилично помещен. Я телеграфирую вам точно день моего прибытия и был бы очень рад быть встреченным кем-нибудь на станции, напр., вашим деверем (зятем) (brother in law), которого я так люблю. Итак, я изложил вам мои маленькие просьбы и надеюсь, что вы меня извините за это.

---

[1]) Перевод принадлежит редакции.

Я приложил вырезку из газеты, издающейся в Христиании, о том, что вы собираетесь драться на дуэли, и, прочитав ее, я остался совершенно покоен, хотя бы в ней говорилось о 10 или более дуэлях. Но позволю себе дать вашему высокопревосходительству совет относиться хладнокровно и философски к нападкам ваших врагов. Помните, что вы в нынешние дни являетесь человеком не только с национальной, но и международной репутацией, человеком на виду у всего света, и если находятся «дурные глаза», то мы будем знать, как с ними бороться. Я в этом отношении, однако, не о всем осведомлен; моя главная забота — ваше здоровье, и для этого главным образом я приезжаю. Позвольте мне заверить вас еще раз, что я приезжаю в Петроград к вам, чтобы быть полезным вам и ни для чего более.

Мне нечего говорить вам снова о моей верности. Я буду верным всегда и готов служить вам по мере своих способностей. Я сознаю свою ответственность и принимаю ее со спокойствием и уверенностью, зная, что я буду иметь успех.

В заключение прошу ваше высокопревосходительство телеграфировать мне о получении настоящего письма, дабы знать, что вы его получили и что все будет хорошо.

Принося вам еще раз мою благодарность, имею честь быть с искренним уважением и почтением

ваш искренний слуга доктор

Карл Перен.

Мой адрес: Стокгольм, «Странд-Отель».

Секретная телеграмма посланника в Стокгольме.

4/17 января 1917 года. № 4.

Лично.

Прошу телеграфного ответа.

В миссию явился американец доктор Карл Перен, заявивший, что получил личное приглашение министра внутренних дел Протопопова спешно прибыть в Россию. Срок американского паспорта Перена истек в октябре. Новый документ им еще не получен. Перен просит, чтобы министр внутренних дел, если желает видеть его, разрешил ему въехать в Россию и выехать из нее в исключительном порядке, без американского паспорта. Не откажите передать изложенное Протопопову. Миссия не имеет никаких сведений о личности Перена. Вообще он производит впечатление скорее странное.

Неклюдов.

На подлиннике наложены резолюции: 1) «Д. полиции. Просить м-во иностр. дел о выдаче паспорта Перену. Лично доложить. 2) Нет ли справок в Д.? Он был здесь д. долго, кажется, в 1915 г.». 3) «9 Дел. [1])

Срочно дайте мне всю переписку.

---

6 января».

Особый отдел.

16 янв. 1917 г.

Вход. № 947.

Перевод с английского:

Из Стокгольма

министру Александру Протопопову,

Петроград.

Имею теперь паспорт, но без надписи для России, так как мое правительство делает надпись на таких паспортах только для агентов, представляющих американские фирмы. Готов выехать, но вы должны дать инструкции вашим представителям здесь визировать паспорт. Ваша миссия телеграфировала министру иностранных дел в понедельник, но ответа нет; пожалуйста, уведомьте меня. С почтением *Перен.*

На подлиннике резолюция: «Д. П. Желательно помочь. См. вчерашнюю телеграмму М. И. Д.».

Перевод с французского:

Стокгольм.

Императорская российская миссия для передачи американскому гражданину доктору Карлу Перену.

[1]) Разумеется: 9 делопроизводство департамента полиции.

Ныне в виду особых обстоятельств военного времени я лишен, к сожалению, возможности оказать вам содействие к прибытию в Петроград. О дальнейшем не замедлю поставить вас в известность и надеюсь что в скором времени осуществлю свое желание лично повидаться с вами.

Особый отдел
секретный журнал
24 февраля 1917 г.
№ 433.

Перевод с английского:

Его превосходительству министру Протопопову в Петроград.

Из Стокгольма.

Прошу телеграфировать лично, доставлено ли вам письмо посланное 31 января через миссию.

С почтением *Перен.*

Собственноручно написанный его высокопревосходительством ответ.

«Письмо получил. Сердечно благодарю; очень опечален, что война и военные обстоятельства препятствуют нашей встрече. Лучшие пожелания.

Протопопов»

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Боксерское восстание. С предисловием *А. Попова*	1— 49
2. Бакунин в сороковые годы. Статья *Ю. Стеклова*	50— 83
3. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения. С предисловием *А. Шилова*	84—127
4. Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова. *М. Мартынов*	128—147
5. Неудавшаяся провокация (новое о Нечаеве). Статья *Б. Козьмина*	148—158
6. Автобиографическое заявление А. А. Квятковского. С предисловием *С. Валк.*	159—175
7. Письмо Баранникова. С предисловием *Э. Корольчук*	176—181
8. Аграрное движение в 1917 г. С предисловием *М. Мартынова*	182—226
9. К истории последних дней царского режима. С предисловием *П. Садикова*	227—249

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

1. Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого. С предисловием *С. Любимова*	250—252
2. Москва в марте 1881 г. *К.*	252—257
3. Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г. С предисловием *Ю. Оксмана*	258—260
4. Письмо ген. Буланже Александру III. С предисловием *Е. Тарле*	260—262
5. К истории манифеста 6 августа 1905 г. С предисловием *Н. Чулошникова.*	262—270
6. Хиромант Перен и русский министр. С предисловием *П. Тоболина*	270—287

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив». Исторический журнал. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и В. М. Фриче. Тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13.

2. «Архивное Дело». Журнал, посвященный вопросам теории и практики архивного дела. Под редакцией М. С. Вишневского, В. В. Максакова и А. А. Сергеева. Выпуски I, II, III—IV, V—VI.

3. Русско - Германские отношения. Сборник секретных документов. С предисловием М. Н. Покровского.

4. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.

5. Русско-Польские отношения в период мировой войны. С предисловием М. Г. Валецкого.

6. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.

7. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

8. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

9. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.

10. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

11. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

12. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

13. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского.

14. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года».

15. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. В мемуарах и переписке членов царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского.

16. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.

17. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. И. Невского.

18. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. Владимировой.

19. Рабочее движение в годы войны. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием М. Г. Флеера.

20. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием Б. А. Романова.

21. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

22. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

23. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова.

24. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

25. Пугачевщина. Т. I. Под ред. и с предисловием М. Н. Покровского.

26. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.

27. Переписка Николая и Александры Романовых. Тт. III и IV. С предисловием М. Н. Покровского.

28. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.

29. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.

30. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием В. Максакова.

31. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.

32. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под редакцией В. П. Полонского.

33. Дневник В. Н. Ламздорфа. Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна.

34. Ф. М. Достоевский. «Исповедь Ставрогина». (Неизданные главы из романа «Бесы») и «Житие великого грешника» (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.

35. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.

36. Дневник А. Г. Достоевской.

37. Письма Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева. С предисловием Н. Ф. Бельчикова.

38. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.

39. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)

40. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.

41. Сборник материалов и статей по архивному делу.

42. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.

43. Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 3-е издание.

44. Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах.

45. Стенографический отчет о работах I съезда архивных деятелей.

Материалы и исследования по истории восстания декабристов.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

1. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I — следственные дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, М.А. Бестужева. (Вышел в свет.)

2. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II — следственные дела А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. (Вышел в свет.)

3. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. III — следственные дела А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фон-Визина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. (Печатается.)

4. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. IV — следственные дела

П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. (Печатается.)

5. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V — следственные дела П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. (Печатается.)

6. Восстание декабристов. Т. VI. Восстание Черниговского пехотного полка. (Печатается.)

7. Восстание декабристов. Т. VII. Русская Правда П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

8. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Вышел в свет.)

9. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. (Вышел в свет.)

10. М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей. (Печатается.)

11. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». (Вышло в свет.)

12. С. С. Мильман. П. И. Пестель.

13. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. (Печатается.)

14. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов. (Печатается.)

15. Опись архивных дел.

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией А. Лозовского.

1. Рабочее движение 70-х гг.

2. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского. (Вышло в свет.)

3. Рабочее движение 1881—1895 гг. (Печатается.)

4. Стачечное движение 90-х гг.

5. Рабочее движение начала 900-х г.

6. Революционное движение 1898—1905 гг. (Печатается.)

7. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. С предисловием Б. А. Романова. (Вышло в свет.)

8. Ленские события. С предисловием В. Владимировой. (Вышло в свет.)

9. Рабочее движение в годы войны. С предисловием М. Г. Флеера. (Вышло в свет.)

---

1. Революция 1848 г. во Франции. Донесения Киселева.

2. Пугачевщина. Тт. I, II, III. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Т. I — вышел в свет, т. II — печатается, т. III — подготовляется.

3. Политические процессы 60-х годов. В. II.

4. Политические процессы 70-х и 80-х гг. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.

5. Крестьянские движения до 60-х гг. XIX стол. (Печатается.)

6. Дело 1 марта 1887 г. (Дело П. Шевырева, Александра Ульянова и др.). (Печатается.)

7. Процесс Каракозова. 2 тома.

8. Материалы по истории «Народной Воли».

9. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче. (Печатается.)

10. Студенческое движение 1905 г.

11. Революционное движение в армии и флоте.

12. Последние дни Колчаковщины. (Печатается.)

13. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. (Печатается.)

14. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к Николаю II и Сергею Александровичу. Т. II. (Печатается.)

15. Дневник Е. А. Перетца. (Печатается.)

16. Русский империализм на Дальнем Востоке.

17. Наказы депутатам в I Государственную Думу.

18. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под редакцией Е. А. Преображенского. (Печатается.)

19. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.

20. Материалы к роману «Преступление и Наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.

21. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.

22. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.

23. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

Государственное Издательство РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ:

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВЫХОДИТ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ:

Н. И. Бухарина, М. Н. Покровского, Н. Л. Мещерякова, Ю. Ларина, В. П. Милютина, Е. А. Преображенского, И. Степанова-Скворцова, В. В. Куйбышева, Г. М. Бройдо, Л. Н. Крицмана, Г. М. Кржижановского, Н. Осинского, К. Радека, О. Шмидта.

Главный редактор *О. Ю. Шмидт.*

30 **ТОМОВ**

На хорошей бумаге, в прочных коленкоровых переплетах с золотым тиснением

12.500

страниц убористого четкого шрифта

600 **одноцветных и многокрасочных иллюстраций на отдельных листах**

5.000

иллюстраций и портретов в тексте

250

географических карт, в красках, на отдельных листах.

Б.С.Э. **предпринята к изданию по инициативе Президиума ЦИК СССР специально учрежденным для этой цели акционерным обществом „СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“.**

Революция создала нового читателя с новыми запросами, с желанием ориентироваться в всем многообразии современности, систематизировать свои знания и закрепить революционно-материалистическое мировоззрение, познакомиться с последними данными науки.

Б.С.Э. **редактируется в расчете на потребности, запросы и уровень знаний представителей основных кадров строителей советской государственности, новой общественности и практики.**

СОВЕТСКИЕ АДМИНИСТРАТОРЫ,
ТЕХНИКИ-СПЕЦИАЛИСТЫ,
ПРОИЗВОДСТВЕННИКИ,
ХОЗЯЙСТВЕННИКИ,
ОБЩЕСТВЕННИКИ,
ПАРТРАБОТНИКИ,
ПРОФРАБОТНИКИ,
ЖУРНАЛИСТЫ,
УЧАЩИЕ,
УЧАЩИЕСЯ и др.

найдут в Б. С. Э. материал, углубляющий и обогащающий их знания и дающий им нужные справки в их практической работе.

„БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“

дело громадной важности и исключительной трудности. Издание преследует не коммерческие цели (оно будет издаваться без прибыли) и служит большой культурно-политической задаче.

Быть памятником нашей великой эпохе и опорой для дальнейшего массового строительства, основанного на новейших научных данных,—вот чем должна стать энциклопедия.

Государственное Издательство РСФСР

Б.С.Э.

ЧТО ПИШУТ О БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

...Мы с нескрываемой радостью отмечаем это наше культурное завоевание, начатое по постановлению ЦИК Союза и осуществляемое при полном содействии широчайших кругов, культурных, научных и общественных сил нашей страны.

Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что даже „Новый" „Брокгауз" и даже „Гигант" чрезвычайно устарели. Современный строитель советского государства—передовой слой рабочих, хозяйственник, учитель, журналист, кооператор, партиец, профессионалист, исполкомщик, учащийся, пролетарская интеллигенция и т. д.—требуют отчетливо современную, пронизанную единым, строго материалистическим мировоззрением энциклопедию.

Этим условием Б. С. Э. отвечает полностью. Наша энциклопедия совершенно новая по существу, отвечающая целиком запросам современности, с ее небывалым гигантски-быстрым ростом естественных и точных наук.

Появление электрической лампочки в далекой крестьянской избе и Большой Советской Энциклопедии в советском Союзе — явления одного и того же порядка. Вот почему нас радует этот факт, вот почему мы гордимся этим успехом.

БОР. ВОЛИН.

(„Изв. ЦИК СССР" 11 марта 1926 г.)

...Нет никакого сомнения после первого внимательного просмотра тома, что перед нами вполне серьезное, вполне ответственное и вполне наше научно-образовательное предприятие. Это конечно энциклопедия, а не подделка, не замена ее.

Одно—бесспорно. Самый факт выхода Советской Энциклопедии является блестящим контрольным признаком устойчивости и долговечности нашего строя. Энциклопедии выпускаются лишь в странах, где налицо все предпосылки беспрепятственного на многие годы развития и спокойного роста. Разве не характерно, что германские ученые круги только недавно отвергли проект об издании новой германской энциклопедии ссылаясь на „неопределенность ближайшего будущего" Германии.

Великими энциклопедистами нашей эпохи, в дверях ее были Маркс, Ленин, Плеханов. Их произведения ввели и провели нас через нашу революцию. А большой советский словарь выполнит гораздо более скромную, но очень почетную роль — быть обширным, всеобщим, фактическим комментарием к основной марксистской литературе.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

(„Правда" № 53, 1926 г.)

Тома выходят в следующем порядке: **первые тома будут выходить по одному в каждые три месяца, начиная с марта 1926 года.** Впоследствии этот срок сократится с таким расчетом, чтобы все издание закончилось в 5—6 лет. **(Продолжительность издания прежних больших энциклопедий превышала 10—12 лет)**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на „БОЛЬШ. СОВЕТСК. ЭНЦИКЛОПЕДИЮ" в 30 томах в переплетах по 6 р. 50 к. за том, всего за 30 т. т. **195 рублей.**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: при подписке вносится задаток **5 рублей** При получении каждого тома уплачивается по **6 р. 50 к.** Задаточная сумма погашается при высылке последнего тома.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКОВ.

УПАКОВКА (в картонных футлярах) ЗА СЧЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

1-й том вышел из печати и рассылается подписчикам.

Подписка принимается в Периодсекторе Госиздата

Москва, Воздвиженка, 10/2

во всех его конторах и у уполномоченных Периодсектора, а также во всех книжных магазинах Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ПЕРИОДСЕКТОР

Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 г. НА ЖУРНАЛЫ:

ИЗВЕСТИЯ ЦК ВКП (б)

Еженедельный орган ЦК ВКП (б)

52 номера в год.

Подписная цена:

на год — **4** р., на 6 мес. — **2** р., на 3 мес.—**1** р.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Орган Агитпропа ЦК ВКП (б).

Отв. ред. В. Г. Кнорин.

Выходит два раза в месяц.

Подписная цена:

на год—**7** р. **20** к., на 6 мес—**4** р., на 3 мес. — **2** р.

КОММУНИСТКА

Ежемесячный орган Отдела ЦК ВКП(б) по работе среди работниц и крестьянок.

Отв. ред. Н. К. Крупская.

Отв. секр. М. Разумова.

Подписная цена:

на год—**3** р., на 6 мес.—**1** р. **60** к., на 3 мес.—**80** к.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный орган Истпарта

Отд. ЦК ВКП (б) по изучению Октябрьской революции и ВКП (б).

Отв. ред. С. Канатчиков.

Подписная цена:

на год — **12** р., на 6 мес. — **6** р., на 3 мес. — **3** р.

НАУКА и ИСКУССТВО

Ответств. ред. проф. Ф. Н. Петров.

Выходит 4 книги в год.

Подписная цена: на год—12 р.

Рассрочка платежа: при подписке—5 р., по получении 1-й книги—3 р., 2-й книги—4 р.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Центральный руководящий орган Главполитпросвета, посвященный вопросам теории и практики политпросветительной работы.

Под ред. Н. А. Рузер-Нировой.

Выходит раз в два месяца.

Подписная цена:

на год—**7** р., на 6 мес.—**3** р. **75** к.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Ежемесячный орган Наркомпроса РСФСР

Отв. ред. М. Эпштейн.

Подписная цена:

на год—**11** р., на 6 мес.—**5** р. **50** к., на 3 мес.—**3** р.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК НАРКОМПРОСА

Отв. ред. Заколодкин.

Подписная цена:

на год — **10** р., на 6 мес. — **5** р., на 3 мес.—**3** р.

Подписная цена на журнал **Народное Просвещение** вместе с **Еженедельником НКП** на год—**20** р., на 6 мес.—**10** р., на 3 мес.—**5** р. **50** к.

ПОМОЩЬ САМООБРАЗОВАНИЮ

Ежемесячный журнал.

Орган Отдела Помощи Самообразованию Главполитпросвета, Агитпропа ЦК ВКП, Политпросвета ЦК РЛКСМ

Отв. ред. Н. Крупская, Н. Заровнядный, А. Станчинский, В. Фрейман, В. Юдовский, С. Минина, С. Шульга и С. Шульман.

Подписная цена:

на год—**4** р. **80** к., на 6 мес.—**2** р. **40** к., на 3 мес.—**1** р. **25** к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ПЕРИОДСЕКТОР

Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 г. НА ЖУРНАЛЫ:

КРАСНЫЙ АРХИВ

Историко-революционный журнал.
Орган Центрархива.
Отв. ред. В. Максаков, М. Покровский и В. Фриче.
Выходит раз в 2 месяца.
Подписная цена:
на год—**15** р., на 6 мес.—**8** р.

КРАСНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ

Ежемесячный журнал библиотечной теории и практики.
Орган Библиотечного Отдела ГПП.
Отв. ред. М. А. Смушкова.
Подписная цена:
на год—**7** р., **50** к., на 6 мес.—**3** р., **75** к., на 3 мес.—**1** р. **90** к.

КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ

Журнал, посвященный вопросам печати и печатной агитации.
Орган Отдела Печати ЦК ВКП (б).
Отв. ред. С. И. Гусев.
Выходит 2 раза в месяц.
Подписная цена:
на год—**12** р., на 6 м.—**6** р., на 3 м.—**3** р.

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Журнал литературы, искусства, критики и библиографии.
Под ред. Вяч. Полонского. При уч.: А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, И. И. Степанова-Скворцова и М. Н. Покровского.
Выходит 8 раз в год.
Подписная цена:
на год—**12** р., на 6 мес.—**6** р. **50** к.

КНИГОНОША

Еженедельный журнал критики, библиографии и книжного дела.
Отв. ред. Л. Тарский.
Подписная цена:
на год—**12** р., на 6 м.—**6** р., на 3 м.—**3** р.

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Орган Художественного Отдела Главполитпросвета.
Подписная цена:
на год—**10** р., на полгода—**5** р. **50** к.

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Ежемесячный орган Центрального Московского Бюро Пролетстуденчества.
Отв. ред. Н. Крупская.
Выходит 9 номеров в год.
Подписная цена:
на год—**3** р., на 6 мес.—**1** р. **75** к.

ОКТЯБРЬ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-бытовой журнал Всесоюзной Ассоциации Пролетарских Писателей (ВАПП)
Под редакцией: С. Вазайтиса, Ю. Либединского, Г. Санникова, А. Авербаха, М. Лузгина, Н. Полосухина.
Подписная цена:
на год—**7** р., на 6 мес.—**3** р. **50** к.

КРАСНАЯ НОВЬ

Ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал.
Под ред. А. Воронского, В. Сорина и Ем. Ярославского.
Подписная цена:
на год—**18** р., на 6 мес.—**9** р., на 3 мес.—**4** р. **50** к.

СОВЕТСКОЕ ПРАВО

Журнал Института Советского Права.
Под ред. В. И. Яхонтова.
Выходит раз в 2 месяца.
Подписная цена:
на год—**7** р. **50** к., на 6 мес.—**3** р. **75** к.

ИСКРА

Ежемесячный общедоступный научный журнал.
Отв. ред. Н. Н. Андреев.
Подписная цена:
на год—**4** р. **80** к., на 6 мес.—**2** р. **40** к., на 3 мес.—**1** р. **20** к.

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

Редколлегия: А. А. Веснин, М. Я. Гинзбург, И. А. Голосов.
Выходит 6 раз в год.
Подписная цена: на год—**7** р.
Рассрочка платежа: при подписке—**3** р., при получ. 2-й книги—**2** р., при получ. 4-й книги—**2** р.